

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

Арҗамак¹²⁺

ТАТАРСТАН

№1 (35) МАРТ 2022

«Сергей Есенин мог родиться только здесь...»

стр. 29

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

Арзамас

ТАТАРСТАН

Основан в августе 2009 года

Главный редактор
Алешков Николай Петрович

№ 1(35) • МАРТ • 2022

Любовь — это открытие Бога в себе
Станислав Романовский (стр. 174)

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

Василенко Светлана Владимировна — первый секретарь

Правления Союза российских писателей;

Салимгараев Айдар Сaitгараевич — руководитель республиканского
агентства по печати и массовым коммуникациям «Татмедиа»;

Крупин Владимир Николаевич — русский писатель, академик,
член Президиума Академии Российской словесности;

Руденко Гульзада Ракиповна — генеральный директор
Елабужского Государственного музея-заповедника;

Суворов Виктор Семёнович — директор Набережночелнинского технологического
техникума, профессор, доктор педагогических наук.

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Бабаев А. Н. — председатель попечительского Совета Русской православной церкви
в Набережных Челнах, член Союза российских писателей (Набережные Челны);

Булатова Г. И. — член Союза российских писателей (Тольятти);

Гайнетдинов Р. Б. — заведующий отделом мониторинга и прогнозирования общественного
развития управления по взаимодействию с институтами гражданского общества
Департамента Президента Республики Татарстан по вопросам внутренней политики
(Казань);

Грачёв С. А. — член Союза писателей России (Подольск);

Данильева Г. А. — старший научный сотрудник Дома-музея Марины Цветаевой, член Союза
писателей Москвы (г. Москва);

Ермаков В. А. — заслуженный работник культуры РФ, член Союза писателей России (Орёл);

Иванов А. Н. — директор Библиотеки Серебряного века в Елабуге, лауреат Всероссийского
конкурса «Культурная мозаика малых городов и сёл»;

Кан Д. Е. — член Союза писателей России (Оренбург);

Милованов В. Н. — кандидат физико-математических наук, доцент (Набережные Челны)

Морозов Г. С. — член Союза писателей России (Касимов, Рязанская обл.);

Переяслов Н. В. — секретарь правления Союза писателей России (Москва);

Петров А. Н. — заслуженный строитель РФ, председатель общественной организации
«Челнинское землячество» (Набережные Челны);

Рачков Н. Б. — секретарь правления Союза писателей России (Тосно, Ленинградская обл.);

Сахибадинов А. Ф. — член Союзов писателей России и Татарстана;

Чванов М. А. — президент Международного Аксаковского фонда,
член Союза писателей России (Уфа).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

ПИ № ФС77-58009 от 08 мая 2014 г.

выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Заместитель главного редактора — Александр Воронин

Технический редактор — Сергей Алешков

Дизайнер-верстальщик — Виталий Павлов

Художник — Ольга Белова-Недовизий

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН

ПИСЬМО К ЖЕНЩИНЕ

Вы помните,
Вы всё, конечно, помните,
Как я стоял,
Приблизившись к стене,
Взволнованно ходили вы по комнате
И что-то резкое
В лицо бросали мне.
Вы говорили:
Нам пора расстаться,
Что вас измучила
Моя шальная жизнь,
Что вам пора за дело приниматься,
А мой удел —
Катиться дальше, вниз.
Любимая!
Меня вы не любили.
Не знали вы, что в сонмище людском
Я был как лошадь, загнанная в мыле,
Пришпоренная смелым ездоком.
Не знали вы,
Что я в сплошном дыму,
В разворочённом буре́й бы́те

С того и мучаюсь, что не пойму —
Куда несёт нас рок событий.

Лицом к лицу
Лица не увидеть.
Большое видится на расстоянии.
Когда кипит морская гладь —
Корабль в плачевном состоянии.

Земля — корабль!
Но кто-то вдруг
За новой жизнью, новой славой
В прямую гущу бурь и вьюг
Её направил величаво.

Ну кто ж из нас на палубе большой
Не падал, не блевал и не ругался?
Их мало, с опытной душой,
Кто крепким в качке оставался.

Тогда и я,
Под дикий шум,

Но зрело знающий работу,
Спустился в корабельный трюм,
Чтоб не смотреть людскую рвоту.

Тот трюм был —
Русским кабаком.
И я склонился над стаканом,
Чтоб, не страдая ни о ком,
Себя сгубить
В угаре пьяном.

Любимая!
Я мучил вас,
У вас была тоска
В глазах усталых:
Что я пред вами напоказ
Себя растрчивал в скандалах.
Но вы не знали,
Что в сплошном дыму,
В разворочённом бурей быте
С того и мучаюсь,
Что не пойму,
Куда несёт нас рок событий...

Теперь года прошли.
Я в возрасте ином.
И чувствую и мыслю по-иному.
И говорю за праздничным вином:
Хвала и слава рулевому!
Сегодня я
В ударе нежных чувств.
Я вспомнил вашу грустную усталость.

И вот теперь
Я сообщить вам мчусь,
Каков я был,
И что со мною случилось!

Любимая!
Сказать приятно мне:
Я избежал паденья с кручи.
Теперь в Советской стороне
Я самый яростный попутчик.
Я стал не тем,
Кем был тогда.
Не мучил бы я вас,
Как это было раньше.
За знамя вольности
И светлого труда
Готов идти хоть до Ла-Манша.
Простите мне...
Я знаю: вы не та —
Живёте вы
С серьёзным, умным мужем;
Что не нужна вам наша маета,
И сам я вам
Ни капельки не нужен.
Живите так,
Как вас ведет звезда,
Под кущей обновлённой сени.
С приветствием,
Вас помнящий всегда
Знакомый ваш
Сергей Есенин.

СВЕТЛАНА ВАСИЛЕНКО,
*первый секретарь Правления Союза
русских писателей*

ТРИДЦАТЬ ЛЕТ ВМЕСТЕ

Уважаемые коллеги! Уважаемые члены Союза русских писателей!

Дорогие друзья!

17 декабря минувшего года Союзу русских писателей исполнилось 30 лет! Правление Союза русских писателей поздравляет вас с юбилеем нашей общей организации.

Союз русских писателей — общероссийская общественная организация, объединяющая ряд русских и зарубежных литераторов (прозаиков, поэтов, эссеистов и т.д.).

17 декабря 1991 года на базе единого Союза писателей СССР образовался Союз русских писателей («демократической» направленности).

Союз русских писателей насчитывает более 3,5 тысяч человек, его членами были Дмитрий Лихачёв, Владимир Маканин, Сергей Залыгин, Виктор Астафьев, Юрий Нагибин, Анатолий Жигулин, Владимир Соколов, Роман Солнцев, Фазиль Искандер, Евгений Евтушенко...

Союз русских писателей входит в Оргкомитет по празднованию юбилеев М. А. Шолохова, Н. В. Гоголя, А. Т. Твардовского и других выдающихся писателей, в жюри Международной литературной премии им. Юрия Долгорукого, проводит Волошинский фестиваль в Коктебеле, «Провинциальные литературные вечера» в Москве, был инициатором возведения в г. Воронеже в 2008 году памятника О. Э. Мандельштаму, участвует в международных и русских книжных ярмарках, совместно с Союзом журналистов России проводит конференции женщин-писательниц, литературные конкурсы, творческие вечера, литературные чтения в библиотеках, школах и университетах, круглые столы по проблемам перевода, региональные семинары прозы, поэзии и критики.

В Союз русских писателей входит 65 региональных организаций: региональные отделения и представительства.

Наиболее представительные из них — в Москве, Санкт-Петербурге, Архангельске, Астрахани, Благовещенске (Амурское отделение), Брянске, Владивостоке (Приморское отделение), Вологде, Воронеже, Владимире, Волгограде, Екатеринбурге, Иваново, Иркутске, Костроме, Калининграде, Калуге, Краснодаре, Красноярске, Кирове, в Железногорске Курской области, Липецке, Магнитогорске, Мурманске, Новосибирске, Норильске, Нижнем Новгороде, Омске, Оренбурге, Орле, Пензе, Перми, Ростове-на-Дону, Рязани, Рыбинске, Саратове, Ставрополе, Смоленске, Тамбове, Твери, Тольятти Самарской области, Томске, Туле, Тюмени, Челябинске, Чите,

Ярославле, Майкопе (Адыгейское республиканское отделение), Петрозаводске (Карельское республиканское представительство), Ялте (Крымское республиканское отделение), в Набережных Челнах и Казани (Татарстанское республиканское отделение), в Элисте (Калмыцкое республиканское отделение), в Улан-Удэ (Бурятское республиканское представительство), в Уфе (Башкортостанское республиканское представительство), в Барнауле (Алтайское республиканское отделение), во Владикавказе (Северо-Осетинское республиканское представительство).

В юбилейном году два представительства были преобразованы в отделения — Дагестанское республиканское отделение СРП (Махачкала) и Белгородское региональное отделение СРП и созданы три представительства — Хабаровское, Кемеровское и Чувашское. Организации растут, принимая новых членов.

При Союзе российских писателей работает издательство «Союз российских писателей»; были изданы книги Анатолия Жигулина, Евгения Блажеевского, Николая Голуба, Владимира Коробова, «Антология стихов о Крыме», антология «Лёд и пламень». Ежегодно издаются художественно-литературные и поэтические альманахи: «Лёд и пламень», «Линия фронта», «Бронепоезд Победы» и «Паровозъ» (12 выпусков: из них тематические — уральский номер, московский, сибирский, петербургский, северокавказский, балтийский, детский, военный — спецвыпуск «Бронепоезд Победы»), книги писателей, членов СРП в серии «Дорожная библиотека альманаха „Паровозъ“», коллективные сборники «Я научила женщин говорить», «Дочки-матери» и другие. СРП участвовал в издательском проекте с китайскими писателями «Проза из Китая — Проза из России». Произведения китайских прозаиков были изданы в издательстве СРП на русском языке (две книги «Проза из Китая»), а произведения русских писателей были опубликованы на китайском языке в китайском журнале «Писатели».

Министерство культуры РФ выделяет СРП ежегодно 245 стипендий (для мастеров и молодых писателей). Они распределяются по всем региональным организациям СРП. И каждый год на гранты Минкульта при содействии СРП издаются 245 книг.

Региональные отделения, представительства и организации Союза российских писателей издают журналы, газеты и альманахи: «Аргамак» (Набережные Челны), «Город» (Тольятти), «Балтика» и «Мур-р-р» (Калининград), «Янтарный берег» (Калининград), «Утро» и «Меценат и Мир» (Рязань), «Глагол Кавказа» (Майкоп), «Мурманский берег» (Мурманск), «Башня» (Оренбург), «Под часами» (Смоленск), «Гиперборей» (Тюмень), «День и ночь» (Красноярск), «Зелёная лампа» и «Иркутское время» (Иркутск), «Складчина» и «Омская муза» (Омск), «Каменный мост» (Томск), «Голоса Сибири» (Кемерово), «Ликбез» (Барнаул), «Писательская газета» и «Тула» (Тула), «Местное время» (Владимир), «Изда-читальня» (Владивосток), «Лазоревый цвет» (Волгоград), «Литературное Ставрополье» (Ставрополь), «Тарские ворота» (Омск), «Мурманский берег» (Мурманск) и многие другие.

Союз российских писателей в рамках Волошинской премии учредил специальную премию Союза российских писателей «За сохранение традиций русской поэзии» в номинации «Лучшая поэтическая книга 2014 года». Также СРП проводит литературные конкурсы совместно с литературными музеями. За последние годы были проведены: Международный Тютчевский конкурс в селе Овстуг Брянской области, Международный Лермонтовский конкурс в Пензе и Тарханах Пензенской области, Международный Чеховский конкурс в Ялте, Всероссийский конкурс им. С. Н. Сергеева-Ценского в Тамбове, Международный Тургеневский конкурс в Спасском-Лутовинове Орловской области, Всероссийский Пушкинский конкурс в с. Берново Тверской области, Международный конкурс имени Салиха Гуртуева в Махачкале, Международный

Ахматовский конкурс женской прозы и поэзии, а также конкурс женской прозы «Новые амазонки» в Москве, Международный конкурс видеопэзии «Ви-деостихия» в Магнитогорске Челябинской области, Международный конкурс детской литературы «Детское время» (Калуга, Набережные Челны, Оренбург), «Русский Гофман» (Калининград), Всероссийский конкурс «Линия фронта», посвящённый Великой Победе (Москва), Всероссийский конкурс им. В. П. Чкалова (Москва) и другие.

СРП уделяет большое внимание работе с творческой и пишущей молодёжью. В Коктебеле в рамках Волошинского фестиваля проводятся мастер-классы по прозе, поэзии, драматургии и т.д. В Оренбурге каждый год проходит межрегиональный и всероссийский литературный семинар «Мы выросли в России»

(Оренбург, Махачкала (Дагестан), Омск, Екатеринбург, Петрозаводск (Карелия). СРП совместно с центром «Глубинка» провели семинары поэзии и прозы в Овстуге Брянской обл., Карабихе Ярославской обл., Спасском-Лутовинове Орловской обл., Вологде и в с.Тургенево Тульской обл.

Также СРП проводит в регионах литературные фестивали: Волошинский фестиваль в Коктебеле, поэтический фестиваль «Паровозъ» в Калининграде, «Петербургские мосты» в Санкт-Петербурге, «КУБ (Книга. Ум. Будущее)» в Красноярске, Байкальский фестиваль в Иркутске, фестиваль Максима Горького в Нижнем Новгороде, «Ялос» в Ялте. СРП участвует в Международных Цветаевских чтениях в Елабуге. В октябре 2019 года в Казани, Елабуге и Набережных Челнах прошёл фестиваль «Осенины», связанный с 20-летием Татарстанского отделения Союза российских писателей и 10-летием литературного журнала «Аргмак. Татарстан».

Члены СРП участвуют в книжных ярмарках: «Красная площадь», «Книжная ярмарка на ВДНХ», «Нон-фикшн», «Тверской переплёт» в Твери, «Салон русской книги» в Париже, книжные ярмарки в Лондоне, во Франкфурте-на-Майне, Лейпциге и др.

СРП придерживается демократических принципов. Союз российских писателей входит в такие всероссийские и международные писательские организации как

Светлана Василенко и Николай Алешков. Нечаянная встреча на крыльце родительского дома С. А. Есенина (октябрь 2021 г.)

Ассоциация союзов писателей и издателей (АСПИ), Международное сообщество писательских союзов (МСПС), Международный Литфонд (МЛФ), Литфонд России, Координационный Совет творческих союзов России, Союз переводчиков стран СНГ и Балтии (г. Ереван), Литературная палата России.

Во всех мероприятиях Союза российских писателей, фестивалях, мастер-классах, вечерах, встречах, чтениях, лекциях, конкурсах, премиях, альманахах, журналах, книгах есть доля труда и душевного тепла каждого из вас, членов СРП.

Правление Союза российских писателей поздравляет вас с юбилеем — 30-летием нашей общей организации — Союза российских писателей — и желает вам счастья, крепкого здоровья, благополучия, новых творческих свершений, долгой и плодотворной работы на ниве отечественной культуры и литературы.

Сопредседатели: Олег Глушкин, Юрий Кублановский, Михаил Кураев, Арсен Титов, Николай Шамсутдинов

Правление: Геннадий Калашников, Валентина Кизило, Левон Осепян, Владислав Отрошенко, Борис Скотневский, Галина Умывакина

Первый секретарь Правления Союза российских писателей: Светлана Василенко

АЛЕКСАНДР ВОРОНИН

МИНУВШЕЙ ОСЕНЬЮ С ЗИМНИМИ ПОСЛЕСЛОВИЯМИ

Постскриптымы (post scriptum — лат. «после написанного») в литературе и журналистике последнее время стали популярны. Но не ради моды мы решили прибегнуть к латинской выдумке. В этот раз обзор наиболее значимых новостей из жизни нашего писательского сообщества просто не может обойтись без добавлений к написанному. Каждое отдельно взятое событие имело продолжение, отложенное во времени и перемещённое по месту.

ВРУЧЕНИЕ ПРЕМИЙ «АРГАМАКА»

состоялось в Казанском литературном кафе «Калитка»

Учредитель премии, член редколлегии и постоянный автор «Аргамака» Пётр Муратов из Новосибирска не смог приехать на презентацию осеннего номера нашего журнала за минувший год, поэтому премии 26 сентября вручал главный редактор Николай Алешков. Лауреатами 2021 года стали Владимир Гусев (Саратов) за цикл исторических повестей под рубрикой «Легенды земли Казанской» (в этом номере публикуется уже третья его повесть) и Галина Булатова (Тольятти) — за переводы стихов народного поэта Татарстана Лены Шагирзян (1945–2017).

На презентации выступил и поблагодарил редакцию народный артист России, лауреат Государственной премии РТ имени Г. Тукая Геннадий Прытков, ибо в том же номере напечатаны его заметки «Ангелы мои, хранители» о коллегах — актёрах и режиссёрах Казанского академического Большого драматического театра имени В. И. Качалова. Это оказалась его первая журнальная публикация, хотя Геннадий Николаевич пишет свои миниатюры достаточно давно. Своё короткое выступление на презентации (пусть в зале не тысяча зрителей, а всего-то три десятка) он построил по сценическим законам — и тут ему не было равных! Для театральной Казани Геннадий Николаевич Прытков, безусловно, живая легенда. Более полувека посвятил он качаловской сцене, сыграл более пятидесяти ролей, среди которых и Базаров в тургеневских «Отцах и детях», и Воланд в булгаковских «Мастере и Маргарите», и Городничий в гоголевском «Ревизоре», и Гаев в чеховском «Вишнёвом саде». Он многогранен и разнообразен в ролях, такими же разноплановыми получились литературные портреты дорогих ему людей — Юноны Каревой и Сергея Говорухина, Лидии Огарёвой и Николая Беяева. Тот самый случай, когда из коротких сюжетиков складывается мозаика жизни — в одном театре, но в разные эпохи...

Таким же «человеком эпохи» предстал в своих сонетах известный казанский композитор, философ и поэт-авангардист Лоренс Иванович Блинов (1936–2020). Публикация сонетных циклов — «Фортепианная музыка» и «Сад в Эссенуках» — посвящается 85-летию со дня его рождения. А статья Камиля Хайруллина «Прекрасна жизнь! — пока она в запасе...» рассказала об особенностях творческого почерка «самого казанского поэта» Николая Николаевича Беляева (1937–2016), 85-летие которого мы будем отмечать в сентябре 2022 года.

Если продолжить список юбиляров презентуемого номера, то хотелось бы упомянуть и известного русского поэта Николая Рачкова из города Тосно Ленинградской области, который не первый раз становится «званным гостем» нашего журнала, а также народного поэта Татарстана, лауреата Государственной премии России Рената Хариса, чье творчество представлено в номере поэмой «Турецкий вал» в переводе Николая Переяслова. Их мы поздравили с 80-летием со дня рождения.

P.S.

С такой же круглой датой мы поздравляли члена Президиума Академии Российской словесности, лауреата Патриаршей премии, почётного члена издательского совета журнала «Аргамак. Татарстан» Владимира Николаевича Крупина, чьи рассказы украсили номер. Правда, сделать это удалось только в октябре. И уже не в «Калитке», а в Культурном центре имени А. С. Пушкина — на творческой встрече с секретариатом Союза писателей России. Владимир Николаевич Крупин, оказавшийся среди участников московской делегации, был рад встрече с Николаем Алешковым, представив его председателю СПР Николаю Иванову, как редактора одного из лучших региональных журналов России.

Сама встреча с руководством Союза писателей России, на наш взгляд, особым событием не стала, поэтому упомянем о ней лишь то, что человек посторонний, не

знакомый с литературной жизнью, мог бы из длинного и хлёсткого вступительного слова Николая Фёдоровича Иванова сделать ошибочное заключение, будто кроме СПР в стране нет других писательских организаций. Про Ассоциацию союзов писателей и издателей России (СПР входит в состав её учредителей!) Иванов вообще не упомянул. И сознательно ввёл слушателей в заблуждение, уверяя, будто только СПР является правопреемником Союза писателей СССР (хотя, конечно, оратор знает, что первоначально создавался Союз писателей РСФСР, который входил в «большой союз» наравне с Союзами писателей других союзных и автономных республик).

Союз писателей Татарстана устами своего недавно избранного на съезде председателя Ркаиля Зайдуллы ещё до приезда в Казань московской делегации заявил, что не намерен входить в СПР, но согласен на равноправное сотрудничество в рамках недавно созданной Ассоциации во главе с писателем, депутатом Госдумы Сергеем Шаргуновым. Правда, «русскоязычная секция» Союза писателей РТ присутствовала на этой встрече (согласно списку, отправленному заранее в минкульт). Ради заполняемости большого зала Пушкинского центра «подогнали» также курсантов и кадетов. Зрелище вышло бы вполне унылым, если бы в финале его не было объявлено о создании в Казани «ячейки» Союза писателей России во главе с поэтессой Татьяной Сушенцовой, после чего Н. Ф. Иванов вручил шесть новых писательских удостоверений только что принятым в этот союз казанским литераторам. Впрочем, общеизвестно, что в Татарстане живут около двадцати членов Союза писателей России, которые якобы не объединены в отделение этого писательского сообщества, хотя в Набережных Челнах такая попытка осуществлялась писателем Михаилом Гоголевым более десяти лет назад.

ШЕСТОЙ «КУТУЙ-ФЕСТ»

прошёл в Казани на четырёх площадках

11 ноября исполнилось бы 85 лет поэту и прозаику, переводчику и эссеисту, лауреату Державинской премии Рустему Кутую (1936–2010), автору около пятидесяти книг стихов и прозы, выходивших с начала шестидесятых годов в Казани и Москве, сыну классика татарской литературы Аделя Кутуя. В память о Рустеме Адельшевиче фестиваль под названием «Кутуй-фест» придумала его первый биограф, кандидат филологических наук Маргарита Небольсина. И уже с первых фестивалей, которые шли то в музее Василия Аксёнова (Рустем Кутуй родился в соседнем дворе, дружил с Василием Павловичем, учился в той же школе № 19), то в музее Боратынских, то в Горьковском музее (там в январе 2010-го прошла гражданская панихида...), «Кутуй-фест» поругивали за разноформатность: дескать, и художественные выставки, и научно-практические конференции, и музыкально-поэтические вечера — перебор. И вот уже второй год фестивали проходят без Небольсиной... А разноформатность и разбросанность во времени-пространстве, похоже, становится отличительной чертой фестиваля.

Впрочем, межрегиональная выставка, которую председатель Казанского отделения профессионального союза художников СНГ Лада Аюдаг провела в рамках VI «Кутуй-феста», в формате онлайн, называлась «Татарстан многоязычный» и посвящалась Году родных языков и национального единства в Татарстане, а вечер памяти поэта Тимура Алдошина (1961–2021) прошёл в литературно-мемориальном музее А. М. Горького и Ф. И. Шалапина, а научно-практическая конференция по творчеству поэта Равиля Бухараева в честь его 70-летия состоялась в Казанском университете... Тем не менее, с Рустемом Кутуем их объединяет то, что стихи они писали на русском

языке. Оттого конференция, организованная доктором филологических наук, профессором Института филологии и межкультурной коммуникации КФУ Альфией Фоатовной Галимуллиной (председателем оргкомитета «Кутуй-феста»), традиционно называлась «Актуальные проблемы и перспективы развития русскоязычной литературы в контексте национальных литератур».

Пожалуй, лишь на закрытии фестиваля в Культурном центре имени А. С. Пушкина вдруг вспомнили о жизни и творчестве самого Рустема Адельшевича Кутуя. Казанский поэтический театр «Диалог» под руководством Ольги Левадной помимо уже представленной в мае 2021 года литературной композиции «Я был на той войне...» (о ней мы писали в прошлом номере «Аргамак» № 2 (34) 2021) подготовил по стихам и прозе Рустема Кутуя музыкально-поэтическую композицию «Как долго возвращаюсь я оттуда...» (режиссёр Ирина Соколова).

Премьера оказалась удачной. На вечере впервые прозвучали романсы Гульнары Тимербулатовой на стихи Рустема Адельшевича и его внука — Тимура Кутуева. Сложные вокальные произведения автор исполнила под аккомпанемент гитарного дуэта «Проникновение» (Евгения Королькова и Анна Валиуллина) и вызвала овации. Впечатления от услышанного в тот вечер не испортила даже весьма затянувшееся вручение дипломов, благодарностей и сертификатов. Тем более, что и мы воспользовались случаем поздравить всех участников с 30-летием нашего Союза российских писателей и вручить Почётные грамоты (за подписью первого секретаря правления СРП Светланы Василенко) создателю театра «Диалог», поэту и культуртрегеру Ольге Левадной, а также руководителю Казанского литературного кафе «Калитка», поэту и культуртрегеру Эдуарду Учарову (фото сверху).

P.S.

Светлана Владимировна Василенко поучаствовала в нашем фестивале не только личной подписью с печатью... Дело в том, что Ассоциация союзов писателей и издателей России совместно с Союзом российских писателей 25 декабря провели в Москве, в актовом зале Дома Ростовых (знаменитом историческом особняке писательских союзов на Поварской улице) вечер памяти поэта и мыслителя Равиля Бухараева, посвящённый его 70-летию. И там выступала координатор казанского «Кутуй-феста», член Союза писателей РТ Альфия Галимуллина, которая представила монографию «Вселенная Равиля Бухараева».

Равиль Раисович родился в Казани, в семье математиков. Его отец — Раис Гатич Бухараев, доктор технических наук, был пионером отечественной кибернетики, мать — Наира Абдрахмановна Халилова, доцент, заслуженный работник науки. Младший брат, Наиль Раисович Бухараев — ныне доцент КФУ, кандидат физико-математических наук. Равиль Бухараев тоже пошёл по стопам отца, окончив мехмат КГУ (1974) и аспирантуру вычислительной математики и кибернетики Московского государственного университета. Но в 1977 году он вступил в Союз писателей СССР и полностью ушёл

в литературу. С переводами классиков татарской литературы стал лауреатом Республиканской премии имени М. Джалиля. В 1990 году вступил в религиозную общину «Ахмадие», переехал в Лондон, с 1992 по 2007-й работал в русской службе «Би-би-си». Издал более сорока книг на русском, татарском, английском и венгерском языках, был удостоен Государственной премии РТ имени Г. Тукая (2006). Ровно десять лет назад его земной путь закончился... Организовала и вела эту встречу вдова Равиля Раисовича — поэтесса Лидия Григорьева. Воспоминаниями о Равиле Бухараеве поделились Светлана Василенко, Ефим Бершин, Елена Черникова, Татьяна Набатникова, Лола Звонарёва, Надежда Ажгихина и другие литераторы. Завершился вечер отрывками из моноспектакля актрисы и режиссёра Ольги Калашиниковой «Тень Тамерлана» по одноимённой поэме Равиля Бухараева.

ПЯТОЕ «РУКОПОЖАТИЕ РЕСПУБЛИК»

первые растянули на три праздничных дня

В рамках Года родных языков и народного единства в Республике Татарстан 2–4 ноября проходил V Межрегиональный музыкально-поэтический фестиваль «Рукопожатие Республик». Не такой уж и юбилей, но всё же повод вспомнить, что самый первый фестиваль прошёл в Доме дружбы народов РТ как «Рукопожатие трёх республик», где вместе с казанскими поэтами выступили перед публикой их собратья по перу из Йошкар-Олы и Чебоксар. В следующем году к ним присоединились коллеги из Удмуртии. А в 2019-м фестиваль уже назывался «Рукопожатием пяти республик», потому что к нам присоединились крымчане.

В 2020 году фестиваль, который трижды проводился во Всемирный день поэзии, из-за ограничений санэпиднадзора перенесли с весны на осень. Но число республик увеличили до шести. Само собой, такой «ежегодный прирост» подразумевал, что на этот раз регионов должно быть больше, чем в Поволжье республик. Так и вышло, к Татарстану и Башкортостану, к Чувашии и Мордовии, к Удмуртии и Марий Эл в 2021 году добавились участники из Самарской губернии. Они приняли участие в круглом столе «Сергей Тимофеевич Аксаков в содружестве муз», посвящённом 230-летию со дня рождения великого русского писателя, имя которого вписано в историю культуры Казанского края и пяти поволжских губерний.

Модераторами круглого стола выступили заместитель председателя комиссии по культуре Общественной палаты РТ, заместитель председателя Совета Ассамблеи народов Татарстана, председатель правления региональной общественной организации «Русское национально-культурное объединение Республики Татарстан», директор гимназии № 93 г. Казани, заслуженный учитель РТ Ирина Александровская и заведующий кафедрой русской литературы и методики её преподавания Института филологии Казанского федерального университета, доктор филологических наук, профессор Алексей Пашкуров.

Наверное, главной заслугой организаторов фестиваля можно считать приглашение в Казань одного из зачинателей аксаковского движения — вице-президента Международного фонда славянской письменности и культуры, президента Аксаковского фонда, основателя и директора мемориального музея С. Т. Аксакова в Уфе, академика Петровской академии наук и искусств, секретаря правления Союза писателей России и члена общественного совета журнала «Наш современник», обладателя «Золотого Витязя» и лауреата многих литературных премий Михаила Чванова.

Впрочем, для читателей «Аргамак» Михаил Андреевич — старый добрый знакомый. Он не раз печатался в нашем журнале и давно входит в его редколлегия. Вот и в номере, который читатели держат в руках, опубликован его очерк «Войцеховский» о незаурядной личности в русской истории, легендарном генерале белого движения. Мы по приглашению Чванова не раз бывали в Уфе — на ежегодном международном Аксаковском празднике, который в Башкортостане обрёл невиданный размах. О 30-летию Аксаковского движения на круглом столе подробно рассказала кандидат филологических наук, член Союза журналистов РФ Элеонора Файзуллина. О создании Аксаковского комитета и открытии памятника писателю в Самаре рассказала доцент кафедры филологии и философии Самарского института культуры Татьяна Бакнина.

На открытии фестиваля «Рукопожатие республик» в Пушкинском концертном зале заместитель министра культуры РТ Ленар Хакимзянов отметил: «Мы рады, что именно Татарстан выступает площадкой для культурного диалога, обмена опытом между поэтами и деятелями культуры нашей страны».

Под аккомпанемент симфонического оркестра ТГАТ имени Г. Камала (дирижёр Данияр Соколов) на сцене выступали руководители поэтических десантов — заместитель председателя правления Союза писателей Республики Башкортостан Нурлан Ганиев, председатель правления Марийского регионального отделения Русского литературного клуба, лауреат Республиканской молодёжной премии им. Олыка Ипая Андрей Шурыгин, заслуженный поэт Мордовии, лауреат Государственной премии РТ Раиса Орлова, председатель Татарстанского регионального отделения Союза российских писателей, заслуженный деятель искусств РТ Николай Алешков, председатель Удмуртского регионального отделения Союза российских писателей, лауреат Национальной литературной премии «Золотое перо Руси» Светлана Бурашникова, лауреат Чувашской национальной литературной премии имени А. Талвира Сергей Тихонов и другие. А на экранах по бокам сцены показывали видеопрезентации всех шести республик.

Вечером для гостей была организована автобусная экскурсия «Ночная Казань». А утром тем же автобусом мы отправились в Чистополь, где фестиваль продолжили на базе Чистопольского историко-архитектурного и литературного музея-заповедника. Художественный руководитель поэтического театра «Диалог», лауреат Державинской премии Ольга Левадная представила премьеру видео-спектакля «Чистопольская

Участники фестиваля «Рукопожатие республик» возле памятника Г. Р. Державину

тетрадь» по произведениям писателей, которые жили в Чистополе в годы Великой Отечественной войны. Заведующая мемориальным музеем Бориса Пастернака Любовь Демченко провела для гостей увлекательную экскурсию по музею. После обеда прошли презентации литературных журналов Поволжья, таких как «Аргаташ», «Мокша» (Саранск), ежемесячного литературно-художественного журнала для детей дошкольного и младшего школьного возраста «Акбузат» на башкирском языке. В Казань вернулись затемно, и всю дорогу пели песни, читали стихи, передавая микрофон по рядам. Одним словом, спелись, сдружились, обменялись контактами.

В День народного единства, 4 ноября, по программе гостей фестиваля (к тому времени завершившегося) должны были повезти в Международный выставочный центр «Казань экспо», где в Концертном зале имени Ильгара Шакирова должен был состояться большой концерт мастеров искусств республики... К сожалению, в связи с теми же ковидными ограничениями этого не случилось. Ограничились возложением цветов к памятнику Гавриилу Державину в Лядском саду и особо понравившейся экскурсией по музею Боратынских, которую замечательно провела Елена Скворцова. К тому времени большая башкирская делегация уже была в пути — их пригласила заехать к себе директор музея Лаишевского края Фарида Муртазина. Ведь о поэтической дружбе Г. Р. Державина с С. Т. Аксаковым хорошо известно литераторам!

P.S.

К торжественной церемонии завершения Года родных языков и народного единства в Республике Татарстан 17 декабря приурочили знаменательное событие — открытие бюста Сергею Тимофеевичу Аксакову во дворе Казанского университета. С инициативой установить бюст великому русскому писателю и общественному деятелю XIX века, первому студенту Казанского Императорского университета, выступило Русское национально-культурное объединение Татарстана на традиционной встрече с Президентом республики Рустамом Миннихановым, в День русского языка. Председатель Русского национально-культурного объединения РТ Ирина Александровская высказала признательность тем, кто помог реализовать инициативу по установке памятника. При этом особую благодарность за всестороннюю поддержку она высказала учёному совету Казанского университета.

На церемонии открытия бюста выступили также заместитель руководителя аппарата Президента РТ — руководитель Департамента Президента РТ по вопросам внутренней политики Александр Терентьев, заместитель министра культуры РТ Дамир Натфуллин, председатель Союза писателей Татарстана, депутат Госсовета РТ Ркаил Зайдулла, заместитель руководителя исполкома Казани Гузель Сагитова, профессор института филологии и межкультурной коммуникации КФУ Алексей Паикуров и другие.

Сергей Тимофеевич Аксаков (1791–1859) родился в Уфе, раннее детство его прошло в Оренбургской губернии, в имении деда Ново-Аксаково, впервые в Казань Серёжу привезли зимой 1799 года, однако учиться в гимназии мальчик не смог, он заболел, и вернулся в Казанскую гимназию лишь год спустя. В феврале 1805 года открыли Казанский университет, и гимназистов старших классов зачислили в него без экзаменов. А фамилия Аксакова оказалась первой в том списке — так Сергей Тимофеевич стал «первым студентом Казанского университета». Проведённые в Казани годы Аксаков считал лучшими в своей жизни, здесь увлёкся поэзией и театром. «Все, что сохранилось во мне доброго, — писал он в „Воспоминаниях“, — считаю себя обязанным гимназии, университету, общественному учению и тому живому началу, которое вынес я оттуда». Казанский период жизни нашёл отражение в таких произведениях, как «Семейная

хроника» (1856), «Детские годы Багрова-внука» (1857), «Собирание бабочек» (1858), «Воспоминания» (1859).

Бюст Сергея Аксакова установили в живописном уголке, рядом с университетской обсерваторией, неподалёку от бюста Льва Толстого, который был установлен в 2018 году. Будем надеяться, что это место станет популярным не только у жителей Казани, но и у гостей города. Что касается участников «Рукопожатия республик» (открытие бюста Аксакова значилось в программе фестиваля, но было отменено из-за пандемии), то они отреагировали правильно, дескать, появился лишний повод ещё раз приехать в столицу Татарстана в следующем году...

КОГДА-ТО МЫ БЫЛИ САМОЙ ЧИТАЮЩЕЙ НАЦИЕЙ. ПОМНИТЕ?

А сегодня Татарстан — на последнем месте в Приволжском федеральном округе

Под Новый год в Академии наук РТ подводили итоги работы Татарстанской региональной организации Петровской академии наук и искусств и проводили круглый стол «Роль родных языков в формировании культурной личности». В нём участвовали представители Союза российских писателей, Союза журналистов республики и Союза писателей Татарстана. Одним из наиболее резонансных выступлений стал доклад главного редактора газеты «Казанские ведомости», члена Союза российских писателей, президента Ассоциации издателей и распространителей печатной продукции РТ Венеры Якуповой.

Ни для кого не секрет, что последние десять лет наша республика держит курс на развитие цифровых, электронных и телекоммуникационных технологий (вот и нынешний год в Татарстане объявлен Годом цифровизации), при этом сокращаются тиражи газет и журналов, печатных изданий, книг. Только за последние пять лет число газетно-журнальных киосков в Казани сократилось вдвое. А по республике работает (точнее, дышит на ладан) всего 150 книжных магазинов. Много это или мало? В этом смысле Татарстан занимает по стране «почётное» семидесятое место.

Книжная торговля у нас не относится к сфере культуры и образования, поэтому книготорговцы облагаются теми же налогами и арендой, что и торговцы алкоголем. Невольно приходится задумываться — то ли это «недоработка» властей, депутатов, то

ли... осознанная политика. Что уж после этого сетовать, что молодёжь у нас не читает классику и в слове из трёх букв делает по четыре ошибки!

Год назад по инициативе Союза журналистов РТ была создана Ассоциация издателей и распространителей печатной продукции. Её возглавила Венера Якупова — и в газете «Казанские ведомости» уже провела три «круглых стола», собрав наиболее крупных игроков в сфере издания и распространения книжной и журнальной продукции. Идеи Ассоциации поддержал председатель Госсовета РТ Фарид Мухаметшин, а правительство Татарстана разработало «дорожную карту» по поддержке и развитию в республике системы распространения печатной продукции с использованием нестационарных торговых объектов на 2021–2025 годы.

То, что мы пока плетёмся в хвосте, возможно, имеет и свои плюсы. Татарстан может равняться на передовой опыт — и перенимать наиболее успешные шаги других. Скажем, в странах Африки с торговли печатной продукции НДС составляет 0%, в Европе — от пяти до семи процентов. То есть в три-четыре раза ниже, чем в России. Но мы же не Европа... Что ж, давайте будем равняться на Африку?! А в США и Великобритании действуют до 25 форм государственной поддержки чтения. Может, и нам перенять с десяток инициатив? Например, льготный тариф на пересылку книг почтой. Или дополнительные субсидии для библиотек, которых в Татарстане около полутора тысяч... но у них с каждым годом всё меньше и меньше средств для закупки книг и журналов, действительно востребованных читателями. Национальная библиотека РТ уже несколько лет не распространяет журналы по библиотекам республики. Так называемый библиотечный коллектор давно не работает, на него не хватает бюджетных средств. Это ведь не город Иннополис построить! Но для того, чтобы сделать книгу дешевле, доступнее и привлекательнее, не нужно миллиардных вложений. Чем не проект — начать в обществе кампанию «Читать — круто»? Сделать Казань книжной столицей России, очевидно, проще, чем «спортивной».

P.S.

Редакция литературного журнала «Аргаташ. Татарстан» поддерживает инициативы нашего коллеги Венеры Абдулловны Якуповой и готова присоединиться к деятельности Ассоциации издателей и распространителей печатной продукции РТ. Мы тоже издаём книги наших авторов. И тоже сталкиваемся с проблемой их распространения.

Ассоциация писателей и издателей РФ, одним из учредителей которых является Союз российских писателей, намерена совместно с возрождающимся обществом «Знания» возобновить традицию встреч писателей с читателями в библиотеках и книжных магазинах. Думаем, что это далеко не единственное, что можно и нужно было бы возродить.

ЛЮБОВЬ ФЕДУНОВА

«Я РОДИЛСЯ В РОССИИ В СОРОК ПЯТОМ ГОДУ»

(Встреча с поэтом из Набережных Челнов Николаем Алешковым
в Доме писателей Санкт-Петербурга)

Чувство непостижимости жизни, тонкое понимание русского бытия и сам строй поэтической речи — вот что отличает поэзию Николая Алешкова, члена Союза российских писателей, главного редактора литературного журнала «Аргамак. Татарстан», встреча с которым, по приглашению Рубцовского центра Санкт-Петербурга состоялась в августе 2021 года в Доме писателей.

Читатели, ранее открывавшие поэтические сборники Николая Алешкова, с большим воодушевлением ждали встречи с ним, с его встревоженной человеческой душой, которая, остро чувствует противостояние добра и зла в современном мире, правды и лжи, ведёт за собой в мир житейских и философских истин тихим, сердечным, насыщенным словом, открывая для себя и для всех самый главный образ — образ Родины:

*Будь негромким, слово о России.
О любви не принято кричать.
Вот опять рассветы оросили
землю, что добра ко мне, как мать.
Здесь травинка каждая и ветка
прозвенеть готова, как струна:
родина одна у человека,
словно сердце, родина одна.*

Николай Алешков называет себя «ровесником Победы», он родился 26 июня 1945 года, через два дня после великого парада победителей на Красной площади. Может быть, поэтому, свою поэтическую встречу в Доме писателей он начал с чтения поэмы «Отец», сказав перед этим: «Мы то поколение, которое знает правду о войне из первых рук». Правдиво и сурово звучали строки из этой поэмы:

*Меня могло на свете и не быть —
Хотели до рождения убить.
Летела пуля в голову отца.
Случайный взмах! И капелька свинца*

*Попала в руку, в локтевой сустав,
Навеки быть смертельной перестав.
Был госпиталь. Блокадный Ленинград...
Я не хочу об этом невпаад!
Я ничего не знаю о войне!
Но дух отца тревожит память мне...*

Семья Алешковых была большой и крестьянской: мать, простая колхозница, отец, потомственный сельский кузнец, и пятеро детей, среди которых Николай был предпоследним. Судьба Николая Алешкова во многом похожа на судьбы многих поэтов, рождённых после Великой Отечественной войны. Деревенское детство поэта прошло в родной Орловке — в одном из сёл Нижнего Закамья, там он родился, там познавал окружающую природу и крестьянский мир, закончил среднюю школу в небольшом и зелёном тогда городке Набережные Чедны, мечтавшая стать журналистом. Потом были армия, работа корреспондентом различных газет в Казани, на Южном Урале, в Москве.

В 1972 году Николай Алешков вернулся из странствий на родину, а через несколько лет началась его учёба на заочном отделении Литературного института им. А. М. Горького, где он занимался в семинаре Николая Николаевича Сидоренко, у которого ранее учились поэтическому мастерству Николай Рубцов, Игорь Шкляревский, Ольга Фокина.

Николай Алешков принадлежит к тому поколению, которое возводило новый город Набережные Челны. За минувшие полвека население здесь выросло от 30-ти тысяч до 530-ти тысяч человек. Николай восемь лет работал диспетчером на стройке. Здесь началась и его литературная жизнь. Много лет он руководил городским литературным объединением «Орфей», продолжает оставаться председателем Татарстанского отделения Союза российских писателей, которое им и было создано в тех же Набережных Челнах в 1999 году. В настоящее время Николай Алешков — автор 13 поэтических сборников, главный редактор литературного журнала «Аргатак. Татарстан», лауреат республиканской премии имени Гавриила Державина, Всероссийской литературной премии имени Александра Прокофьева «Ладога», премии имени Марины Цветаевой и других...

Открыл поэтическую встречу своим приветствием председатель правления Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России Борис Орлов. Кроме самого Николая Алешкова гостями из Набережных Челнов оказались его жена Екатерина Владимировна, сын Сергей, внучка Настя, а также музыкальный педагог, автор-исполнитель Елена Емалтынова, талантливый музыкант, председатель клуба авторской песни имени Высоцкого и составитель аудиокниги по стихам Николая Алешкова «Дальние луга» Александр Василенко и автор-исполнитель Наталья Коренева, ныне живущая в Петербурге.

Борис Орлов с большой теплотой отозвался о творчестве главного гостя, отмечая, что он — продолжатель классической традиции в русской поэзии, что у него свой особый поэтический стиль, что его поэзия высоко художественна. Она открывает горизонты народной жизни, именно этим отличаясь от вошедшего в моду графоманского самоутверждения. Каждое слово в его стихах дышит народной правдой, потому что в его душе отражены думы о России, о человеке, о дружбе между русскими и татарами и между разными народами. Борис Орлов подчеркнул, как важна деятельность Алешкова в качестве главного редактора литературного журнала «Аргатак. Татарстан», на страницах которого печатаются стихи в переводе на русский язык многих татарских

поэтов, а рядом с ними русские стихи и стихи поэтов из соседних с Татарстаном республик Чувашии, Башкирии, Удмуртии, Мордовии, Марий Эл.

Руководитель Рубцовского центра Санкт-Петербурга Любовь Федунова поблагодарила Николая Алешкова и Елену Емалтынову от имени всех, кто любит поэзию Николая Рубцова, за участие в видеопрезентации, посвящённой 85-летию Николая Рубцова, которая проходила в январе 2021 года в онлайн-режиме на сайте Рубцовского центра. Она вручила им Почётные грамоты, памятные книги и Рубцовский календарь на 2022 год, переданный им дочерью поэта Еленой Николаевной Рубцовой. Сказала и о том, что поэзия позволяет пронзать невидимые стены и преодолевать рубежи, раскрывая сердечные движения самого поэта и народа, к которому он принадлежит. Поэтому журнал «Аргамак. Татарстан» выполняет важную для нашего времени миссию по созданию многонациональной творческой аудитории среди поэтов, прозаиков, журналистов, художников, скульпторов и, самое главное, — читателей.

Поэт Николай Алешков в своём мировосприятии близок к поэзии Николая Тряпкина, Анатолия Жигулина, Владимира Соколова, Анатолия Передреева, Юрия Кузнецова, Николая Рубцова, к прозе Василия Шукшина, Василия Белова, Валентина Распутина, Юрия Казакова, Виктора Лихоносова. Стихи Алешкова интересны разнообразием тематики, сюжетностью, богатством настроений лирического героя. В его поэзии много и суровой правды жизни, и светлой печали, и грусти любящей души, и ощущения бесконечной широты духовного простора. Они близки своим универсализмом стихам Александра Сергеевича Пушкина. Эти стихи очень искренни и открыты для мира:

*Вымучиваю полночь стихи.
Застопорилось дело, рвутся строчки.
Уже видны в окошко лопухи.
Орут по всей деревне петухи.
И мне пора сворачивать листочки.*

*Поэту тоже надо отдохнуть
Полынью пахнут бабушкины сенцы.
Но мне и тут, пожалуй, не уснуть.
Пока в стихах не завершится путь
От сердца к сердцу...*

*Но всё же я с деревней заодно.
Строка, как борозда. Сутулю плечи.
А майский день врывается в окно,
Чтоб и моё заветное зерно
Проклюнулось на ниве русской речи.*

Для Николая Алешкова важно, чтобы его стихи находили путь к каждому сердцу. Поэтому на поэтической встрече в Доме писателей он читал стихи, в которых отражён его жизненный и творческий путь, начиная с деревенского детства: это тепло материнских рук, природа родного края, память о солдатских вдовах, которые нередко поили его, мальчишку, тёплым парным молоком:

*Детство. Матери тёплые руки
И колючие щёки отца.*

*После долгой и горькой разлуки
Постою у родного крыльца.
Братья, сёстры! Ругаться не станем.
Неделим это старенький дом!
Мы родителей наших помянем.
Их любимые песни споём.*

Прозвучало немало стихов Николая Алешкова: «На Масленицу», «Пасхальный разговор», стихи, посвящённые его родному городу, российским поэтам, жене Екатерине Владимировне и многие другие, где автор озирает родную сторону, родных и близких людей, соединяя в строке земное и небесное, откликаясь на всё, что есть в мире, щедро открывая глубокие и чистые истоки своей души:

*Кате
Когда моя душа простится с телом,
Не сразу мне закрой глаза, скорбя.
Я, может быть, ребёнком оробелым
В последний миг почувствую себя.
Я, может быть, увижу, как вдали
Душа летит к таинственному лону
И медленные птицы журавли
За нею вслед летят по небосклону...*

Продолжая лирические мотивы поэзии, на вечере выступила и Елена Емалтынова, учитель музыкальной школы № 1 из Набережных Челнов. Она исполнила две своих песни на стихи земляка: «Крещенский день» и «Море» (последняя особенно понравилась присутствующим). Песни были исполнены под аккомпанемент гитары. Елена Андреевна и ранее приезжала в Санкт-Петербург по приглашению Рубцовского центра и выступала с исполнением песен на стихи Николая Рубцова и Любви Федунновой в Сестрорецке, в библиотеке им. М. Зощенко.

Николай Алешков и Елена Емалтынова постоянно сотрудничают с Рубцовским центром Санкт-Петербурга. В январе 2021 года в числе других они приняли участие в видеопрезентации нашего центра, посвящённой 85-летию Николая Рубцова. Николай Алешков прочитал тогда, как и здесь, стихотворение «Гости», где описана история, когда Николай Рубцов снял со стены в общежитии несколько портретов русских писателей, заперся с ними в своей комнате и провёл там бессонную ночь:

*Он говорил с великими на равных,
Рассаживая их вокруг стола,
Он поднимал за музу тост заздравный,
И речь его торжественной была...*

*Но гости выходили из портретов
И, отряхнув величия печать,
Всё пристальней смотрели на поэта
И не могли ему не отвечать.*

Елена Емалтынова исполнила песню на стихи Николая Рубцова «Первый снег».

Поэтический вечер приближался к концу. Трудно передать насыщенность его содержания полностью. У всех присутствующих поэзия Николая Алешкова вызвала большой интерес: у есениноведа и большого друга Рубцовского центра Владимира Беспёрстова, у Людмилы Костиной и Надежды Ведерниковой, членов литературного салона «Родник» из Всеволожска, которым руководит Людмила Беганская.

С большой теплотой отнёсся к выступлению Николая Алешкова член Союза писателей России, член ЛИТО «Тосненская сторона» Николай Пидласко, передавший нашему гостю привет от Николая Рачкова, с которым Николая Алешкова связывает давняя творческая дружба. На страницах литературного журнала «Аргамак. Татарстан» Николай Алешков неоднократно печатал стихи Николая Рачкова, считая его одним из лучших поэтов современности.

Людмиле Барановой, руководителю ЛИТО «Балтийский парус» и Ярославского землячества, тоже пришлось по душе поэзия Николая Алешкова, в которой она увидела продолжение традиций рубцовской поэзии, почувствовала глубину, лаконизм и простоту поэтического слова. Свои мысли об этом она развивала в беседе с автором данной статьи уже после проведённой встречи.

Член попечительского Совета при музее Николая Рубцова в селе Никольском Тотемского района Вологодской области, петербуржец Алексей Тищенко кратко рассказал о переключке тем, мотивов в художественном мире поэта Николая Рубцова и казанского художника Константина Васильева, погибшего земляка нашего гостя из Татарстана. Известно, что Константин Васильев в 1957 году перевёлся из Московской средней художественной школы в Казанское художественное училище, закончил его с отличием в 1961 году. Он обращался к народному искусству, создавал произведения на мифологические сюжеты и, как выяснилось, состоял в переписке с Николаем Рубцовым. Поэт в своём последнем письме предлагал художнику сотрудничество по оформлению одной из своих книг. Сейчас никто не знает, может быть, это была «Звезда полей». А вскоре после этой переписки случились две трагедии: казанская и вологодская...

Алексей Тищенко пригласил Николая Алешкова в Николу ознакомиться с музеем Николая Рубцова и увидеть рубцовские места на Вологодчине.

В стихотворении «Романс», посвящённом памяти Николая Рубцова, Николай Алешков пишет:

*В моей больной, поруганной стране
Опять дела разбойные творятся.
И нету сил юлить и притворяться.
Что «всё путём», что всё по нраву мне.
Гони, ямищик! Я не жалею слёз,
Я перестану плакаться над прошлым.
И санный след серебряной порошей
Укрыт надёжно. И возврата нет.
Горите, звёзды! Я услышать смог
Всей кровью зов таинственный и древний.
И я скачу — вдруг вспыхнет огонёк
В какой-нибудь покинутой деревне.*

Свою статью о встрече с поэтом Николаем Алешковым хочется закончить строками из его письма, которое он прислал из Набережных Челнов по электронной почте: «...Ну вот мы и дома. Добрался благополучно. А в душе отзывается Петербург. В дороге возникли такие строчки:

*Европейская спесь не взяла на испуг
непонятого ей повеления...
Мне Париж ни к чему, если есть Петербург —
воплощение русского гения.*

Было жаль расставаться с Петербургом. Думалось — вдруг в последний раз.

А вам огромное спасибо за искренние стихи, внимание, теплоту и дружеское гостеприимство. Меня услышали — это главное...»

Действительно, мы услышали поэта, почувствовали его тревогу, беспокойство за судьбу России, за всю земную цивилизацию. Его исповедальная поэзия дышит запахом земли и открыта высокому небу:

*Земная тяга и мерцанье звёзд —
Поэзии единственная тема.*

НИКОЛАЙ АЛЕШКОВ

ПОЯС БОГОРОДИЦЫ

Пояс пресвятой Богородицы — христианская реликвия, принадлежавшая, по преданию, Деве Марии, матери Иисусу Христу...

Из Википедии

Минувшая осень подарила мне незабываемое путешествие. На двухэтажном поезде (впервые!) я проехал по татарстанской, чувашской, нижегородской, владимирской, подмосковной и рязанской земле. И вновь подумал: Рязань — Казань рифмуются не зря. История и география связали наши «палестины» побережьями Волги, Камы, Оки и Вятки. О народах, много веков живущих в бассейнах этих рек, гениально сказано одной есенинской строкой: «Затерялась Русь в мордве и чуди...». Эта догадка подтверждена давними и новыми изысканиями, согласно которым славянские, угро-финские и тюркские племена (чудь, весь, мордва, булгары, черемисы, вотяки, мешеряки, мурома) в течение веков способствовали формированию единого государства-отечества, о котором вдохновенно запел уроженец села Константиново: «О, Русь, малиновое поле, и синь упавшая в реку...»

Поначалу я приехал в древний город Касимов, чтобы поздравить с юбилеем своего однокурсника по учёбе в Литературном институте, поэта Геннадия Морозова — ему исполнилось 80! Не мог не приехать, ибо нашей дружбе более сорока лет. Всё это время мы, как ныне говорят, постоянно «на связи». Появится у меня десяток новых виршей — посылаю ему: что скажет? Он, соответственно, делится новинками со мной. Радует удачам друг друга, указываем на ошибки, советуемся, прежде чем отдать что-то в печать. Этот своеобразный семинар-диалог возник ещё в студенческие годы, когда мы как-то сразу начали доверять вкусу и познаниям друг друга. Спасибо Литинституту, что он научил нас этому!

На сам праздник я опоздал. Администрация и общественность города успели раньше провести юбилейный вечер известного земляка. Ему было обещано содействие в издании второго тома избранных произведений. Дай-то Бог! Несмотря на возраст, мастер творчески активен. Город обязан ему и тем, что он продолжает воспитывать молодую литературную смену на занятиях своей студии в Центре культурного развития, уникальном тем, что здесь преподаются все виды искусств. Не помешала бы Геннадию Сергеевичу и более активная социальная помощь — он живёт в доме покойных родителей, а дом требует ремонта и внутри, и снаружи. Да и здоровье при всей бодрости духа, свойственной касимовскому отшельнику, оставляет

желать лучшего. Единственный сын поэта, конечно, помогает отцу, но живёт далеко — в Санкт-Петербурге...

У меня остаётся надежда, что бытовые условия Почётного гражданина города Касимова Геннадия Сергеевича Морозова (это звание им получено ещё в 2016 году) всё же поправятся. В Союз писателей СССР он был принят ещё в 1977 году, ныне состоит в Союзе писателей России, является профессором международной академии науки, литературы и искусства Санкт-Петербурга, победителем Всероссийского поэтического конкурса имени Сергея Есенина, лауреатом литературных премий журналов «Огонёк», «Молодая гвардия», «Наш современник» (дважды), имени Бориса Корнилова, а также местных премий «Народное признание» и имени А. М. Ишимбаева. Приходится сожалеть, что эти звания и награды, как бы громко они ни звучали, в нынешних рыночных условиях, в отличие от былых советских времён, обесценились, оставшись без должного не только денежного, но и социального наполнения. Ясным и недвусмысленным остаётся только одно: поэт пишет не ради званий и наград. Морозов верен призванию, он не может не писать про свой «соловьиный касимовский край», потому что «То, что было, то не сплыло, а таясь живёт во мне...» И это живущее «во мне» не должно забыться, потеряться, ибо без красоты, без есенинского «чувства родины» русская жизнь невозможна. Вот о чём говорили мы на творческой встрече, организованной работниками Центральной городской библиотеки имени Л. А. Малюгина. Отраднo, что кроме участников литобъединений и библиотекарей здесь была молодёжь — студенты старейшего в России индустриального техникума (ныне нефтегазового), в котором в свои молодые годы учился и Геннадий Сергеевич. Конечно, мы оба читали стихи и были рады тому, что нас слушают, слышат и, значит, понимают. И я прилюдно поздравил Геннадия Сергеевича с юбилеем, водрузив на всё ещё золотистую голову друга казанскую расшитую тубетейку...

Быстро пролетели три дня в старинном городе. Он покори́л меня своими архитектурными памятниками и исторической близостью к казанской истории. Касимов — древнейшее русское поселение «Городец Мещерский» (дата основания — 1152 год), а ещё столица касимовского ханства (это уже XV век). Здесь завершился

земной путь казанской царицы Сююмбике. Московским царём Иоанном IV Грозным после взятия им Казани она была разлучена со своим сыном и против своей воли отправлена к касимовскому хану Шигалею. В марте 2021 года в журнале «Аргамак. Татарстан» была опубликована историческая повесть Владимира Гусева об этих событиях. Я привёз несколько номеров журнала с собой и подарил их вместе со своей книгой избранных стихотворений и поэм «Дальние луга» библиотеке, а также активно действующей в Касимове татарской диаспоре.

Город Касимов расположен в 270 километрах от Москвы и в 165 километрах от Рязани. Сам по себе он невелик, в нём живёт не более 30 000 человек. Геннадий с удовольствием знакомил меня со своим родными местами. Шагая по главной улице (в прошлом — Соборной, ныне пока — Советской), мы заглядывали в уникальные музеи самоваров, колоколов и колокольчиков. В магазинах и лавках, как я заметил, продаётся много татарских сувениров и всяческих казанских кулинарных вкусовностей. Дошли мы и до Соборной площади, перейдя через которую, вместе помолились за здоровье и упокой родных и близких в Вознесенском кафедральном соборе, одном из самых удивительных храмов на рязанской земле. Потом спустились на любимую горожанами набережную, которая тянется вдоль Оки на два километра и знаменита тем, что на ней стоят Водяные Ворота — они же обелиски Петровской заставы: две колонны в стиле ампир с двуглавыми орлами. Император Пётр I, как известно, был в Касимове дважды. А ещё вдоль Оки любили селиться богатые купеческие династии (некоторые поместья сохранились, а некоторые ждут реставрации).

Богатую историю города Касимова лучше всего узнать в старейшем музее Рязанской области — краеведческом. Его называют хранилищем древностей. Музей открылся в 1919 году. В нём сохранены для нас и наших потомков 40 000 ценнейших экспонатов, в том числе, сокровища из имений господ Голицыных и Олениных, а также обширнейшая коллекция предметов русской и татарской этнографии. Ныне музей располагается в двух зданиях: в бывшем доме купцов Алянчиковых и в сохранившейся мечети с башней-минаретом, непривычно увенчанным полукруглым куполом.

Проходили мы и мимо «Торговых рядов», спроектированных, как и многие сооружения на Соборной площади, Иваном Сергеевичем Гагиным. О, это была известнейшая личность в Касимове! Иван Сергеевич прожил 76 лет на стыке восемнадцатого и девятнадцатого веков. Выходец из купечества, он занимался не только архитектурой, но и историей родного края, археологией, был также механиком, изобретателем и топографом. Меня заставили улыбнуться два отзыва туристов, которые часто повторяют касимовские экскурсоводы. Первый отзыв: Касимов архитектурно похож на маленькие итальянские города. Ага, думаю, вон с берегов какой древней империи ветер дует! Второй: Касимов — потрясающий русский город, притворяющийся татариним. Что ж, не зря говорят: почеси любого русского... Таковы наши исторические переплетения!

* * *

В последний день сентября мы с Геннадием Морозовым через Туму и Спас-Клепики добрались на автобусе из Касимова до Рязани, чтобы участвовать в очередной, 126-й годовщине со дня рождения Сергея Есенина, куда были приглашены администрацией Государственного музея-заповедника. Возле гостиницы «Ловеч» (название отеля напоминает о бывших в советском прошлом связях с «братушками»-болгарами) нас ожидал невысокий, крепко сложенный человек с хемингуэвской бородкой и с тростью в руке. Когда он представился, я понял, какая высокая честь нам оказана.

Не таких уж важных, но всё же званых гостей встретил сам Константин Петрович Воронцов, «главный хранитель есенинского наследия» — так его называет не только непосредственный начальник, директор Государственного музея-заповедника Борис Иогансон, но и, пожалуй, все любящие и знающие творчество великого русского поэта в Рязани, в России, в мире. Мало того — встретил, но и был с нами, сопровождал нас всюду в последующие два дня.

Оказалось, что мы с Воронцовым одногодки, ровесники великой Победы, родившиеся в 1945 году. В декабре 2021-го ему исполнилось 76. Я старше его всего лишь на полгода. Личность Воронцова заслуживает отдельного разговора. Полвека своей жизни он посвятил обустройству музейного комплекса в Константинове. В его трудовой книжке лишь одна запись: 11 августа 1971 года. Именно тогда Константин, приехав в Константиново из родного Орехово-Зуева после окончания пединститута, был принят на работу в есенинский музей и никуда уже не уходил. Долгие годы — заместитель директора по научной работе. Ныне — ведущий специалист. Продолжает заниматься научными исследованиями («это неправда, что в судьбе Есенина не осталось белых пятен») и собирательством. В музее 30 000 экспонатов, приобретённых не без его участия. Экспозиции выстроены хронологически точно, с учётом пожеланий современников Сергея Александровича, его сестёр Александры и Екатерины, племянницы Светланы. С каждым из них были встречи, воплощавшиеся в дела реальные. Внимателен и строг Константин Петрович к сбережению всего наследия поэта, в том числе, и музыкального. По его инициативе, при его поддержке любую публику радует своими выступлениями песенно-инструментальный ансамбль «Радунца» под управлением заслуженного деятеля искусств Александра Ермакова. А уж какой Воронцов убедительный докладчик, лектор, педагог (точнее сказать — рассказчик) на своих встречах в самых разных аудиториях при любой публике — ни пером описать...

Всё это и много чего ещё я узнал из очередного, 19-го номера многостраничного, полноцветного «Есенинского вестника», подаренного мне Воронцовым с дарственной надписью. Этот ежегодник также издаётся его трудами...

Первого октября мы стали участниками поэтического митинга возле памятника Есенину работы Кибальникова в Рязанском Кремле, рядом с храмом Спас-на-Яру и на набережной реки Трубеж. Стихи Есенина декламировали школьники, студенты — победители городских и областных фестивалей и конкурсов. Читали свои стихи и рязанские поэты, среди них оказался и мой коллега, председатель Рязанского отделения Союза российских писателей Владимир Орлов. И нам с Геннадием Морозовым удалось выступить со своими посвящениями Сергею Александровичу.

Следующие два дня были посвящены селу Константинову. От Рязани к нему путь невелик — чуть более сорока километров. Константиново входит в Рыбновский район. Едешь и радуешься: асфальтовый туристический маршрут — на зависть, осень за окном — золотая, округа — благоустроенная, люди — русские, родные, улыбающиеся. А уж в самом Константинове... Тут не обойтись без есенинских строк «Будь же ты вовек благословенно, что пришло процветать и умереть!» Процветать, умереть и возродиться вновь! Отныне, присно и вовеки веков! Без бинокля, глаза в глаза видно: земляки благодарны поэту, их быт сегодня обустроен благодаря уникально созданному музейному комплексу, и память о поэте нетленна.

Мемориальный музей начинался в 1965 году небольшой экспозицией в доме родителей поэта, где ранее находилась библиотека. А в церкви был склад горюче-смазочных материалов, возле «Дома Кашиной» — колхозные фермы. Ныне же

Константиново — уникальный природно-ландшафтный комплекс, созданный в результате щедрого государственного финансирования и неустанного труда коллектива Государственного музея-заповедника, его первого директора Владимира Исаевича Астахова (он, слава Богу, жив, ему ныне 85 лет), его бескорыстных помощников и нынешних музейщиков, верных памяти С. А. Есенина, которые ныне успешно продолжают уникальный проект под руководством уже упоминавшегося Бориса Игоревича Иогансона. В комплекс входят усадьба родителей поэта с памятником ему работы скульптора А. А. Бичукова (установлен 4 октября 2007 года), возрождённый, белокаменный храм Казанской иконы Божьей Матери (мы с Геной опять-таки в него ходили и ставили свечи), часовня в честь Святого духа и земская школа рядом с домом, отреставрированная усадьба помещицы Кашиной с музеем поэмы «Анна Снегина», а ещё Спас-Клепиковская учительская школа, до которой мы с Морозовым не добрались, оставив это до следующего приезда.

3 октября возле памятника вновь пришлось волноваться, читая стихи вместе со многими другими людьми. Неповторимая поэзия Сергея Есенина, песни на его стихи в исполнении ансамбля «Радуница» и, будем надеяться, наши искренние вирши преображали людей, люди становились красивыми. И было очень много народу, но не было толпы, ибо русского простора хватало на всех. И было много нечаянных встреч, в том числе, со Светланой Василенко, моей доброй начальницей из Союза российских писателей, а также с «братьями по смуте в крови» из других городов. И состоялось новое знакомство с абсолютно русским по духу татаринком и настоящим поэтом Нурисламом Ибрагимовым, с которым говорили о возможном сотрудничестве. А Константин Петрович провёл нас, оголодавших, в трапезную, где мы отведали уху из трёх видов рыб на курином бульоне, сваренную по его «воронцовскому» рецепту. Возникали компании и здесь, и днём раньше в Рязани, пришлось читать стихи рязанским мастерам литературного ремесла, и я радовался, что и на этот раз понят и принят ими.

Не могу не сказать о самых сильных впечатлениях от увиденного, услышанного и позднее прочитанного. Эти чувства и мысли всякий раз возникали на высоком правом берегу Оки. Вновь волновала сердце его похожесть то на правый елабужский берег Камы, то на левый набережночелнинский. Но надо отдать должное Оке. Она в есенинских местах особенная. Не зря односельчане поэта говорят, что он мог родиться только здесь. Только здесь могли возникнуть строки об отроче, проскакавшем на «розовом коне».

— Посмотрите на причудливый изгиб реки. Православные называют его «Пояс Богородицы», — сказал нам с Геннадием Константин Петрович.

Помолчав немного, Воронцов продолжил:

— Довелось мне однажды сопровождать здесь американских туристов. Они сказали об этой излучине — похоже на доллар...

Мы с Морозовым после паузы чуть не захохотали, но быстро смолкли. Господи! Как явно обнажилась разница между двумя мировоззрениями! Поймём ли мы когда-нибудь друг друга? И кто кого должен понимать?

Позднее, уже дома, в интернет-издании Александра Гаврилова «Ока — пояс Богородицы» (proza.ru/2020/03/31/673) мне довелось прочесть: «За свою охранительную роль Ока в старинных книгах образно именуется „Поясом Богородицы“...» И далее: «В 1285 году из Муром в Рязань была перенесена епископическая кафедра. Святитель Василий после молебна пред чудотворным поясом Муромской Божьей Матери, взял эту икону и, подойдя к берегу Оки, снял с себя мантию, разостлал её по воде и поплыл на ней, словно на лёгком корабле, вверх по течению, в старую Рязань. Так Ока вошла не только в земную, но и в небесную историю...»

А по мнению исследователя XIX века В. Рогозина, высказанного в 1881 году в книге «Волга» — не Ока является притоком Волги, а наоборот Ока принимает Волгу у Нижнего Новгорода и затем сама впадает в Каму у Казани...

На этом закончу. С надеждой, что Россия будет жить вечно под покровительством Пресвятой Богородицы!

ПРИ ПОПЫТКЕ К ДЕТСТВУ

Посвящения

КЛАССИКИ

Горловое пение теней,
шелестенье мела по асфальту...
Всё ленивей, всё смешней
голубь с крыши выполняет сальто.

Стёклышки, звучащие значки...
Летоизречение сложных чисел
узнавать и складывать начини
не вникая, в общем-то, в их смысл.

Небо заслонившие банты,
улетевший в это небо шарик, —
ведь об этом не напишешь ты,
волшебство словами не нашаришь?

Напишу. И станет хорошо,
как тогда, когда за детским садом
время оглянулось и пошло
прыгать на одной ноге в квадраты.

* * *

Г.Б.

Накинь же дождь себе на плечи —
он так тебе идёт.
Вовсю идёт, и буквы шепчет —
счастливый идиот.

Дымится в лужах на асфальте
и листья нервно рвёт,
скрипя на водосточном альте —
ревёт, ревёт, ревёт.

Он оступается на крыше
и падает во тьму:

и вскрик его — тебе лишь слышен,
твой возглас — лишь ему.

Накинь его опять на плечи —
он в сумерках дрожит,
и всю тебя слезами лечит,
и только этим жив.

* * *

М. Н.

Пусть это будет хорошо,
и пусть нехорошо —
живи свободой небольшой,
дыши судьбой большой.

В любви порочной костеней,
а в светлой отмокай,
пусть пишут заново о ней
твой пушкин, твой тукай.

Пусть будет небо и земля,
и боль, и страх, и смерть.
Пусть будет только строчка для
того, чтобы успеть.

Себя научишься прощать,
поймёшь откуда грусть:
мы курим тексты натошак
и пьём их наизусть.

* * *

Б.К.

В этом самосожженье нелепом
прогореть, как тугая дуга,

затянуться обугленным небом,
выпуская потом облака.

Зашипеть уголёчком повинным,
раз уж в пытке-попытке святой —
легче лёгкого лёгкие вынуть
и терпеть не дыша под водой.

Но стараешься бросить навечно,
на двенадцать-тринадцать минут —
сразу тонкую душу овечью
бесконечные клещи сомнут.

Задыхаясь от чистого сердца,
от сомнений, терзающих лоб,
не на лестничной клетке усесться,
а улечься в берёзовый гроб,

уплывая за трубкой фабричной
на звенящих колечках, в пути
пару пачек за стих непривычный
отдавая нещадной груди.

* * *

П.А.

Сон бумажный смят и брошен
в неразбитое окно,
он давно уже раскрошен
на кино и не кино.

Отмотай немного плёнку:
скоро кофе закипит.
По столу ползёт клеёнка,
зайчик солнечный летит.

Перья в бок, строка на лыко,
я ещё не этим шит.
Мышью буквы не накликал,
горе в горле не першит.

Вот и здравствуй, постоянство.
Не вино, так всё равно.
И унылое пространство
рубят шашки домино.

* * *

Ф.П.

Это надо бы вспомнить, что я человек
и конца на пути не миную,

а пока — для чего проживаю свой век,
что кладу я в копилку земную?

Голоса из глубинных предчувствий беря,
для чего отшлифовывал разум?
Для чего по сусекам всего словаря
выскребал я заветную фразу?

Эта ночь, как последняя в мире, тиха,
в ней рождается голое слово...
За хорошую строчку живого стиха
умираю я снова и снова...

* * *

В.У.

Папа, папа, — что ж ты снишься?
Я тебя почти не знал,
помню лишь, как ты синицей
в мёрзлом марте умирал.

Мама, мама, — что ты плачешь?
Ты ведь тоже умерла.
Не ходила больше замуж,
всё сыночка берегла.

Вырос я большой, здоровый,
но не смог тебе помочь —
ты опять врачом на «Скорой»
за звездой уходишь в ночь.

Этим звёздам очень тесно
каждой ночью надо мной.
Мамы с папой дар небесный —
не вмещает сын земной.

* * *

Д.Р.

В новое переселяясь тело —
чувствовать озноб, неправоту.
Позабыть бы. Забываешь смело
то, что будет так неумогу.

Радуюсь солнцу, но не знаешь,
что это такое, какова
близится расплата за уменьье
языком нашупывать слова.

Смотришь-смотришь ясными глазами
на рождённый в первом крике мир.
Вот и всё. Мне всё про всё сказали.
Обними и на руки возьми.

* * *

Р.У.

В кашемировом небе на вырост
облака на резинке ношу
и весны неслучайную сырость
по щекам иногда развожу.

Чтобы в детстве, костром обожжённом,
вдруг запахнув ночною росой,
проглянуло бы под капюшоном
удивленье озона грозой.

И на Млечном Пути без ошибки
мама с папой увидеть смогли
голубые, как вечность, прожилки
зарифмованной сыном Земли.

* * *

М.Д.

Звонкая синица,
словно напоследок,
бесконечно снится
в канонаде веток.

Гарь грачей и копоть —
на дубовой коже,
а сосулькам хлопать
по плечам прохожих.

Где снимает скальпы
с зимних крыш погода,
солнцу зубы скалю —
мне четыре года.

От того апреля
никуда не деться —
я весной расстрелян
при попытке к детству.

НАТАЛЬЯ ПЕРВОВА

КОЛОКОЛ

* * *

Поведать о любви приспело мне.
Все ль высказать?

Себе ль оставить малость?

В прокорм душе, чтобы на самом дне
От тайны тайн заветное плескалось...

И новые взрастило бы слова.
Те, верные, из Ветхого Завета.
И чтобы закружилась голова
От силы, целомудрия и света.

* * *

Солнце моё — сынок.
Дочка моя — луна.
Света на мой порог
Как с туюска без дна
Падает день и ночь.
В нём и зла не боюсь,
В нём умереть невмочь,
Просто посторонюсь...

ЗДРАВСТВУЙ, ДЕТСТВО

Слыша, как жасмины пахнут,
Аромат с утра разлив,
По мячу дощечкой жажнуть,
Как игра лапта велит:

Пробежать по свежей луже,
Брызг фонтан опередив.
Пригубив кваску — не хуже,
Чем любой аперитив.

В кухне вокруг стола — базаром...
К стенке старой — всей спиной!

Чугунок исходит паром
От картохи отварной.

Огурец зелёный с грядки,
Капли дождика на нём —
Запашистый, хрусткий, сладкий,
С огорода под окном.

Да ещё укроп, петрушка,
Масла постного дуга...
Здравствуй, детство — поскакушка,
Убежавшее в луга.

ИМЯ

А на небе-то звёзд как травушки
На заливном лугу.
Подарю одной имя матушки —
То, что в памяти берегу.

Пусть звездинка, что без прозвания,
Будет с нами. В моём дворе
Ночь с луной припася заранее,
Покажу её детворе.

Покажу сыночку и дочери:
Видишь звёздный тот хоровод-
Золотых сарафанов очередь?
Ваша бабушка там живёт.

Будут дети у вас счастливыми,
Покажите звёздочку им-
Нашу — с самым прекрасным именем,
От которой и мы горим.

ПЕТУХИ

Гармонист ли развёл у баяна мехи,
Петушиное ль сердце задело...
И поют петухи, и поют петухи,
На деревне поют ошалело.

Ах ты жизнь! И стегая, и балауя,
Нас отправишь летать в облаках.
А внизу с гребешками алыми
Петухи качнут в лопухах.

И, оправив роскошные кители, —
На поленицу, ввысь пора!
Чтоб артиста слышали и видели
Изо всех уголков двора.

Но замолкли побудки и кличи —
Петухов часовой расклад;
Их, красавцев, бывшее величие
Вспомнит разве заросший сад.

В моде рэп, рок оружий в силе
Пепси-кола затмила квас...
Петухи, возвращайтесь в Россию —
Стало кушно, ребята, без вас.

УТРО

На туманы, что над озёрами,
Платом розовым пал рассвет.
Деревеньки ржаными зёрнами
Пробиваются в белый свет.

Закурились дымки над крышами
И колодезный журавель
Заскрипел, чтобы все услышали
Разнопевного утра трель.

Дед Алфей в опорках изношенных,
Задубевших от бездны лет,
Притулившись в саду заброшенном,
Достаёт с махорю кисет.

Запалит «козью ножку» горькую —
Из тетради в каракулях лист,
Весь исцирканный внуком Борькою.
Тоже в город «слинял»... Гармонист...

Да кому там с гармошкой нужен-то!
Кирпичи на стройке кладёт.
На балконе отводит душеньку —
Про маньчжурские сопки поёт.

А глаза у него как омуты,
Почерневшие на свету:
Под окном деревенского дома-то
Куст сиреневый... Весь в цвету...

Борька к майским ладится праздникам,
Поспешая к деду как в рай.
Эх, гармошка, гармонь-проказница,
Уж порадуй деда, сыграй...

МАРИНА

О тебе, не сдержусь, поплачу.
Я за слёзы сполна плачу,
Медяками считая сдачу,
Чтобы кинуть горсть палачу.

Русской бабе да быть Поэтом...
Сколь могла, ты её несла —
Эту ношу, коль Божьим светом
Два мерцали твоих крыла.

Вспоминала «курчавого мага»,
Рассказать хотела ему
На крутой спине Аю-Дага
Что любила, и почему.

И вчера в предрассветной рани,
Как утих листопадный шквал,

У твоей ограды в тумане
Долго-долго Пушкин стоял...

* * *

Трудно, Господи, быть поэтом!
Этот крест непосилен мне.
Так зачем Ты незримым светом
Освещаешь путь по стерне?

На мои посмотрел бы ноги:
То исколоты, то в крови.
Знаю, нет и не будет подмоги.
Если можешь — останови!

Но не слышим Твой голос вещий,
Только пиками та стерня...
Снова чувство и слово хлещут —
Ох, наотмашь хлещут меня.

БАБЬЕ ЛЕТО

Бабье лето — придираясь к слову —
Значит, бабам отдано оно?
Взять отгулы, да надеть обнову
И к подружкам в гости — пить вино.

Захмелеть, секреты рассекретить,
Про роман курортный рассказать...
Телефоны отключить, чтоб дети
Не могли б хоть тут тебя «достать».

И в трамвае, для приличья хмурясь,
Чей-то взгляд тебя тревожит чуть...
В будни ты бы просто отвернулась,
А сегодня можно подмигнуть.

И пообещать свиданье даже,
А потом, конечно, не прийти.
Бабьим летом кто тебе укажет
На шальную кривизну пути...

Я, конечно, не о той «а more»,
Что весь век свой не сдадим в утиль...
В бабье лето вод стоящих море
Хоть чуть-чуть давайте «замутим».

КОЛОКОЛ

Век назад мужики, пустив шапку по кругу,
Порешили: не гоже на сотни голов

Жить без церкви, в стране,
где любую округу
По утрам пробуждает звон колоколов.

Небольшая да ладная, церковка встала
Посерёдке села на зелёном юру,
Но червонцев на колокол
всё ж не хватало,
Да и время пошло — при чуме на пиру...

Но Россия очнулась от смут и лишений.
Снова шапка по кругу, как дедов наказ!
Но красавца из меди везли не пошевни,
А уже современный мощнейший КАМАЗ.

К утру подняли колокол. Сев, обсуждают:
— Быть кому звонарём?
— Вот у Сеньки талант...
— На свирели его ребятишки играют.
— Странноватый слегка...
— Ну дак, то — музыкант.

Он гармонь развернёт —
запоёт вся гулянка,
Балалайку щипнёт, не гляди; три струны
Старый дед выбьет дробь,
жахнув озимь ушанку,
— А частушки у баб до чего ж солоны!..

Сенька как-то учуял:
сперва не с размаху —
Колокольный язык чуть огладил бока.
Ветер дунул в проёмы
звонарю под рубаху
И обрадовать всех поспешил в облака.

Церковь вздрогнула...
Церковь как будто проснулась.
Замерла ожидая, не веря себе.
Век надежды уходит, и вот — полоснуло
По её белым стенам, молчаливой судьбе.

Вздрогнул дед, что присел
покурить на веранде —
Вроде колокол?... Нет,
дед был в храме вчера...
Свои розовы головы, как по команде,
Повернули на церковь в лугах клевера.

Жаворонок, из ранних поющая птаха,
Выдал первый, пока вопрошающий щёлк.
Тихий звон услышал,
и как будто от страха,
Он на ниточке ноты стыдливо умолк.

Тут и солнце поспело. Лучи, оживая,
Заструились у церкви: Семён, мол, заря!
Тот стоял у проёма
перед царством без края,
Зная — колокол ждёт своего звонаря.

Разумеется, колокол все услышали:
Он себя не жалел,
он набатом взлетал в небеса,
Опускался на землю в тоске,
в человеческой печали,
И шептал о любви,
и у жизни не меркла краса.

Бабке Марье припомнились давние были.

Ей с молитвой креститься б —
от радости руки трясёт:
— Мужиков всё ругаем,
но Бога они не забыли...
Вон как складно наш храм
спозаранок сегодня поёт.

Ну, а церковь...
Да вокруг неё воздух светился!
В самих ранних лучах уносилась
как будто в полёт.
А звонарь с колокольни Семёном спустился;
Восходил просто Сенькой, как на эшафот.

Мужики с уваженьем, поглядка иная:
— Колокольные звоны — планида твоя...
И рукою крестьянской
кепчонку отцову сминая,
Он смущённо отвечивал:
колокол, братцы...

Не я...

ФИЛИПП ПИРАЕВ

ЛЮБОВЬ И ЖИЗНЬ ВСЕГДА ПО ВЕРТИКАЛИ

* * *

Всё меньше говорю, чем дольше наблюдаю.
Вот женщина идёт, вся кротость и покой.
Когда-то сумки ей носил сынишка-даун,
ходячий колобок, улыбочивый такой.

В трагедиях людских соображая мало,
несчастный паренёк светился оттого,
что сердцем понимал: измученная мама
советам вопреки не бросила его.

Теперь она одна, оставленная сыном —
(такие никогда подолгу не живут).
Но там, на небесах,

он стройным стал и сильным,
женился и на «пять» окончил институт.

И чем тут утешать, чего желать иного,
ужель превозносить не ждущую похвал?
И, вроде, мог сказать
за столько лет хоть слово,
да всякий раз бревном
при встрече застывал.

Гляжу в её глаза, а в мыслях: мать честная! —
с такими не сравнить и райскую зарю.
Я знаю, знаешь ты, что я всё понимаю
и полной немотой за всё благодарю.

ПАНДЕМИЯ

Город вымер, my friend, мир калека.
Но какие, mein Freud, перспективы! —
хошь, найди и раздень человека,
хошь, на байке красуйся Годивой.

И не то чтоб задвинуты ставни,
и не сплошь ещё шоры на душах —
просто жизнь от живущих устала,
просто воздух веков безвоздушен.

Ибо вместо колоний на Марсе —
лишь плотнее колонны на марше,
а двойная жокейская масса
не по жилам одной Боливарше.

Оттого дар прозрения горек,
а святыни, mon cher, хоть на вынос.
И рябит на экранах подкорок
козьим смайликом дарвинский вирус.

ГЕНИЙ МОМЕНТА

В Тбилиси шла гражданская война —
от пуль крошились окна то и дело.
А в перекрестье бабушка одна
со спящим внуком на скамье сидела.
В очках алмаз бесстрашия сверкал,
взлетала бровь презрительно и гордо,
и карандаш с проворностью штыка
атаковал газетные кроссворды.

Спасти ребёнка! — первый наш порыв:
видать, отшибло разум у старушки.
Но вдруг, величие мига ощутив,
и мы застыли у судьбы на мушке.
И, гордые ярчайшей из ролей,
оглохшие от ангельских оваций,
всё яростней, хмельнее и смелей —
назло стрелявшим — стали целоваться.

Что славного в безумии таком —
отдаться звероящеру на милость?
Зачем на камни не легли ничком,
за ширмами кустов не затаились?
Доверились ли миру, как дитя,
в себе ли подтверждение искали
тому, что в крестослове бытия
любовь и жизнь всегда по вертикали?

Воображали, нервы щекоча,
что две души, прильнувшие друг к другу,
сияют в райских высях, как свеча
над бездной мракобесия и муки?
А может, просто средь свинцовых струй
ответственность несли за всё на свете...
Как будто этот глупый поцелуй
и впрямь кого-то мог сберечь от смерти.

* * *

Ночной аэропорт, транзитный Вавилон,
кассир сторожих снов,
диспетчер грёз и судеб,
пространственный форпост
у краешка времён,
по виду парадиз, чистилище по сути.
Что делаешь ты здесь, усталая душа,
искательница правд, ровесница Адама?
Не жалко ль на побег последнего гроша,
каких ещё скорбей тебе не выпадало?

Ночной аэропорт, небесный антрацит,
пятнашки светлячков
на выстуженном поле.
Скажи дождю в окне: и это пролетит,
но лучше непокой, чем пряная неволя.
Пусть эта жизнь мираж и кровь уже не та —
у крыльев и надежд нет задней передачи.
Ещё не раз блеснёт надеждой высота —
как бонус, что сполна потерями оплачен.

* * *

Укатит грейдер-скарабей
комки обугленного марта —
и вздрогнет порт, зубря, как мантру,
часы отправки кораблей.

Пойдёт могучая вода,
разгонят кровь лесные корни.
И грёзы гулкой колокольни
помчатся чайками туда,

где кто-то с пристани сойдёт
в своё стрекочущее детство,
чтоб, словно в зеркало, взглядеться
в цедящий душу небосвод;

чтоб в уши ветру прокричать,
слепящий мир вдохнув до боли:
«за что мне это вот раздолье,
откуда эта благодать?»

И гнать моторку на авось, —
пока несёт строка живая —
по дрожи рифмы узнавая,
что это — сердце разлилось.

ТРИНАДЦАТЬ +

Галине Булатовой

Говорят, триединый Всевышний
не бухгалтер в душе, а поэт.
Ну и как третий может быть лишним,
если Ритмика-Рифма-Сюжет?!

Даже если кругом пепелище,
где от ужаса мёрзнут слова —
чем из клетки грудной удалишь мне
теплокровное счастье родства?

Нам, терцинам прекрасной поэмы,
не придётся краснеть от стыда,
так как были мы именно теми,
кто Навзрыд-Напросвет-Навсегда.

Лишь о том не забыть бы, что в мире,
и к слезам, и к молениям глухом,
исцеляются чёрные дыры
всепрощающим белым стихом.

И тогда мы так ясно услышим
в перекличке бегущих столбов:
нет, не лишний, не лишний, не лишний,
ибо Вера-Надежда-Любовь.

СКАМЕЙКА

Вот, решили с друзьями
 стихов наваять «о скамье»,
 всё равно о какой — запасных,
 подсудимых, садовой...
 И сижу я в обветренном сквере,
 и кажется мне,
 что, хоть глупо сие, ну да что там —
 раз-два и готово.

И сижу я, насилуя строки,
 как полный кретин,
 средь журчащей агонии снега
 и детского визга,
 очирикан капеллой кружащихся
 спяну куртин
 и предчувствием счастья
 из солнечной лейки обрызган.

Надо мной о незримом
 раздольно гудит синева,
 и реликтовый запах
 ещё не родившихся почек
 возвещает о том, что душа
 и жива, и права,
 раз годам вопреки
 на любовном наречье лопочет.

И несёт мой бумажный кораблик
 поток бытия.
 И — поверил бы кто, что случается
 небыль такая! —
 в небеса деревянным Пегасом
 взмывает скамья,
 на лазури копытами эти слова высекая.

У небес же при этом ход мысли
 примерно таков:
 развелось рифмачей —
 всех упомянуть попробуй, сумеи-ка,
 но, пожалуй, ещё не бывало
 таких чудаков,
 что носились бы тут
 на какой-то дурацкой скамейке.

ШАХМАТЁР

Работа не конь, лишний раз не шахнёт,
 к тому же, с пол-пешки зарплата —
 и вот, гений в рюмочной: день напролёт
 здесь мыслям и духу крылато.

Тут каждый судьбой чёрно-белой помят
 и можно, заделавшись гуру,
 басыть сквозь отёчность пространства и мат,
 что мы просто чьи-то фигуры.

Пусть личное счастье развеяно в пыль
 и сам в капабланки не вышел;
 он мастер ловить на эпический стиль,
 всея забегаловки фишер.

Расскажет, смакуя вино и коньяк,
 что нет подневольней заботы,
 чем мерить поэзию вещей атак
 бездушным, как скальпель, расчётом.

Добавив, добавит, мол, тот лишь готов
 к проверке короной, кто даже
 в наш век рокировки чертей и богов
 не путает жертву с продажей.

А, впрочем, куда тяжелее венца
 наука гармонии с миром:
 блаженство и пытка — довольствоваться
 своим положением турнирным.

И, выпавший в ночь, долго будет вздыхать,
 слоном зигзагируя к дому:
 «Сруби я в том матче ладью на „эф-пять“, —
 вся жизнь бы пошла по-другому...»

ТРУБА

Из пункта А до пункта В
 я шёл, играя на трубе.
 Но шедший позади меня,
 срезая лесом, догонял
 и — только выскочил вперёд —
 с презреньем крикнул» тихоход!

От пункта В до пункта С
я шёл с печалью на лице.
И все, бегущие толпой,
глумились над моей трубой —
мол, безыкусна и стара,
а нам на подвиги пора!

А где-то между D и E
чуть не случилось бедствие:
летающий вслед кабриолет
нахально снёс меня в кювет
и вдаль умчался, хохоча
над жалкой долей трубача.

Но, выйдя из травмпункта Ё,
я понял: всё это враньё!
Знать, оттого они грубы,
что просто нет у них трубы.
Она юна и хороша,
и с нею светится душа.

Да и куда сей люд спешит?
Ведь не бескрайний алфавит.
Поймут, что кончен их маршрут,
и все обратно побегут.
Скорей веди меня, труба,
вперёд, вперёд — до пункта А!

* * *

вышедшему в небо Тимуру Алдошину

Это так, не всерьёз, просто сполохи-сны:
флот бумажный, жара полевая,
зимний сквер, где

в цветной поцелуй вплетены
чёрно-белые звоны трамвая.

Понарошку всё это: пиры, суета
поездов, разгоняющих вёрсты,
шум трибун, приглушённый
круженьем листа,
вороньё на промокнутом погосте —

что не жаль, брат, покинуть,
с плеча раздарив
откровения, рифмы, улыбки,
ибо только на них тут высокий тариф,
остальное сезонно и зыбко.

Ибо это всего-то сиротка-волчок,
вкривь летящий во фрейдовских безднах;
то, что ценно лишь горечью трав
между строк,
обещанием светов небесных;

что, мятечно пульсируя в ритме разлук,
дышит чудом так жадно и робко.
Это клип, что включился и кончится вдруг
незаметным нажатием кнопки.

ОЛЬГА ЛЕВАДНАЯ

СВЕТ ЛУННОГО ОКНА

СЛОВО

Смотрю на разобщённое жильё,
где есть божественное и земное,
где праведник и грешник наравне,
предстанут, после смерти, перед Богом.

Я знаю, этот Мир произошёл
от одного-единственного Слова.
И Слово было с Богом — Божий Сын
и это Слово всех объединило.

Я ТОЛЬКО СОБИРАЮСЬ СОТВОРИТЬСЯ

Необходимость следовать туда
где ничего и всё соединилось.
И чтобы не случилось впереди,
я буду знать, что всё преодолимо!

Что ничего нет проще, просто жить
в утробе нашей Матери-Вселенной.
Как будто я ещё не родилась,
а только собираюсь сотвориться.

* * *

Я восхищаюсь чудом Мироздания,
но что-то там, внутри меня, болит.
Предчувствую и всё же понимаю,
что ничего не в силах изменить.

Вновь наказание кажется наградой.
Тяжёлой ношей видится успех.
Мне ничего сверх этого не надо,
лишь мимо проходящий в людях Свет.

* * *

Я не знаю,
в какой братской могиле
ты лежишь
и растёт ли рядом с тобой
черёмуха.

Но я хочу стать
цветом её.
Цвести
во все времена года.
И если бы я
не помнила тебя,

и если бы я
не любила тебя,
и если бы я
не цвела
во все времена года,
я бы, наверное, умерла.

ПОДНИМАЯСЬ ПО ЛЕСТНИЦЕ РАЗДУМИЙ

На фундаменте тишины
строю памятник тебе
из обрывков воспоминаний
уже покойной бабушки.

Разрезаю яблоко по живому
на две половинки времени,
в котором ещё сохранилось
твоё семя жизни.

Облетает с моего сердца
последняя листва счастья.

Вот уже и я, стареющая женщина,
поднимаюсь по лестнице раздумий.

Поднимаюсь не спеша
в твоё убежище,
где бывшие некогда далеко
станут близкими.

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ

Во мне всегда и жизнь, и смерть,
две стороны одной медали.
Порой, я их не различаю
и не пытаюсь угадать.

Мне всё равно где буду я
до бесконечности влюблённой.
Одна всё время будет — до,
ну а вторая будет — после.

ОБНОВЛЕНИЕ

Обрастает камень травой.
Звучный лес обновляет краски,
и трепещет весна листвою,
теплоту разделив по-братски.
И под тяжестью птичьих стай
опускаются синие дали...

Вот он, рядом, любимый край! —
мои радости и печали.

* * *

Костёр подбирает сухую листву,
а я в ожидании снега живу.

Ну вот, и последние сроки прошли,
но он не коснулся уставшей земли.

Быть может, его задержали в раю?
Быть может, не там я под небом стою?

Навязчивый дым торопился за мной,
а мне так хотелось остаться одной!

ПОДЛИННОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ

Нас опять возвратили на Землю,
чтобы заново всё пережить.
Ты не помнишь, а я вспоминаю...
Мне дано — это знать и любить!

Я к тебе привыкаю. Как прежде
обнимаю твой голос и смех.
Ты не веришь? Не веришь! Не веришь...
Хочешь, я тебе всё расскажу?

* * *

Над кроной яблони
появилась радуга
после дождя.
И дряблая кора дерева
стянула свои морщинки.
Ветки заструились
навстречу полуденному
солнцу,
а звонкое ожерелье птиц
вздрагивало
при каждом дуновении ветра.
Их многоголосие
было слышно
далеко за горизонтом
моих желаний.
Из соседнего сада
потянуло
дымком.

Адам и Ева
затопили баню...

МАРИЯ МАГДАЛИНА

На той стене, где солнечные блики
рождают музыкальный танец дня,
взирают на меня чужие лики —
в иную жизнь, столетия спустя.

О, милая Мария Магдалина,
молись за нас, молись, не уставай!
Жизнь — спелая, но терпкая рябина,
и мы грешны, и грешен этот рай.

Не удивляйся: всё так изменилось,
и даже то, что мы зовём — любовью...
Но миг безумства послан, словно милость.
Благослови, чтоб он явился вновь.

РАДОСТЬ

Ты косточка —
я вишенка.

Ты веточка —
я дерево.

Ты капелька
я облако.

Ты радость,
а я — мама.

НЕОБХОДИМОСТЬ

Ни русла, ни протоки для любви!
Ты сам мне говорил, и это правда.
Но только каждый думает найти
хотя бы брод для будущего счастья.

Как ошибался ты, как я превозносила...
Вслепую шла одна, как поводырь.
И ничего почти не изменила...
Я для любви прокладывала путь!

ИЗ КРИКА ПТИЦ РАСТУТ ВОСПОМИНАНИЯ

Я люблю белоликую Казань,
ноги которой
омываются живительными водами,
зацелованный снегом Кремль,
ещё благоухающий осенней листвой,
и разъятая площадей,
подобные страстному прощанию,
и веснушчатые дома
под гривой серебряных тополей,
и набожное свечение
городских фонарей,
и людей,
величественно несущих своё прошлое,
и крик птиц,
из которого растут
наши воспоминания.

НА БЕРЕГУ АБСОЛЮТНОГО БЕЗМОЛВИЯ

Из золотого вымени
небесной коровы
полдень сцеживает
солнечный свет на землю.
Гладит ветер её
дождевые бока.
Плоскогрудые домики

спускаются по крутому
склону горы.
Зной выбросил на берег
ленивую горстку отдыхающих.

Мир полнится счастьем.

БЕСКОНЕЧНАЯ ОКРАИНА СЛУЧАЙНОСТЕЙ

Беседую с городом
в темнеющей неизвестности.
Спадающая жара
пропахла запахом
грудного молока
уставшей женщины.
Сочится сладким светом
сквозь переулки цветов.
Без проводника иду
неслышно, боясь разбудить
окраину случайностей,
в сияющем платье
ускользающего лета.

ГОЛОС

Внутри себя услышать Бога.
Не сомневаться, не роптать.
Жить на изломе и с восторгом,
как одуванчик на ветру.

Пусть всё исполнится как должно
и станет будущим моим.
Ведь я всего лишь только Голос,
в гортани звёздной тишины.

ЯСНОСТЬ

Так было, когда меня не было,
так будет, когда меня не станет.

Все куда-то спешат
и откуда-то возвращаются.
А я смотрю на небо.

Нет ничего проще, чем думать о том,
что ещё не случилось,
верить в случайную встречу и знать,
что ничего случайного не бывает.
И всё-таки пытаюсь
задержать дыхание,
чтобы замедлить время.

* * *

Пусть говорят, что мир меняет краски
и будущее где-то за горой;
пусть говорят, что всё дано от Бога,
а я просить не стану ни о чём.

Уже не так мечтаю я, как прежде;
уже не снятся птицы по ночам;
уже ищу свой дом на пепелище;
уже стихи читаю о былом.

* * *

Душа не терпит многословья дней.
По ту и эту сторону мы — люди.
То ненавидим, то безумно любим,
а уходя, становимся сильнее.

Не вейте гнёзда в тоненьких ветвях,
не жгите чувства на кострах печали.
И если я о чём-то умолчала,
то, видит Бог, что только не в стихах.

* * *

А я почему-то не верю
холодным расчётам Судьбы.
Дороги, идущие к Храму,
не ты выбираешь, а Бог.

И если когда-то придётся
мне заново всё пережить,
не думайте, что виновата,
не верьте, что я не вернусь!

РАДИК АХУНЗЯНОВ

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ ЗВЁЗД

ЛУНА

*Где она —
Грань между прозой, поэзией.
Эти споры о верлибре.*
Л. Мартынов

Луна! Как тебя любят поэты,
И каждый поэт твой образ
Воспринимает по своему...

Луна!
Неужели ты в форме тарелки?
Неужели ты жёлтый зрачок?
Неужели ты каплей красной
видна на небе.
Или однажды
Тебя слопали собаки?
Или на самом деле ты лежишь
Ломтем узбекской дыни?
И уже маловероятно,
Что ты рогами вонзилась в облака?!
Луна! Осознай своё
Счастливое предназначение:
Лучше быть
Луной у поэтов,
Чем луной у астрологов.

ЛАДОНИ

Слова любви, восхищения
Льются в твои ладони.
Ты обливаешься, улыбаешься,
Но, возвратившись к мужу,
Вдруг умываешь руки.

* * *

Главное не забыть снять шляпу
При входе в цех поэзии.
Неуважение бумерангом вернётся,
Да так, что не захочется писать ещё долго.
Писать за столом
и в стол, — недоразумение.
Браться за перо, не поклонившись мэтрам, —
недоразумение.
Главное не забыть снять шляпу,
Почтение ремеслу, почтение времени
Современников и классиков.
Заблудиться трудно,
А если всё же заблудишься,
Иди по направлению к любви,
всегда прямо,
Никуда не сворачивая...

* * *

В детстве запустил в небо бумажного змея,
В порывах ветра нечаянно выпустил из рук,
Он улетел далеко, далеко в поднебесье.
Спустя месяц поднялся на высокую гору,
Но бумажного змея не увидел.
Через год поднялся на самолёте до самых туч,
А бумажного змея так и не обнаружил.
Прошло много лет,
Теперь я запускаю квадрокоптер.
Но чувствую, что где-то рядом в небе
Бумажный змей,
И запускает его из детства счастливый
мальчик,
Который зовёт меня к себе.

* * *

Находясь на кладбище,
Чувствуешь умиротворённую тишину,
Даже если в зоне видимости находится
трасса.
Ощутимее слышатся
Голоса кладбищенских птиц, шум ветра,
шорох листьев.
Пришедшие разговаривают задумчиво
и спокойно.
Проходя мимо могильных оград,
случайно узнаёшь,
Что знакомого человека уже нет в живых,
И от этой неожиданности становится
неловко и совестно.
После долгого непосещения
Замечаешь, как увеличилось кладбище,
И понимаешь почему...

Только люди хоронят людей,
Хотя бы в этом человек последователен.

* * *

Арабы пишут справа налево,
Я слева направо пишу.
Всё о том же,
О чём пишут на ближнем и дальнем
востоке.

С каких бы сторон
Не прокладывали направления в своих
сочинениях,
Мы всё равно пересечёмся
В точке
любви к ближнему.

* * *

Жить постоянно в размере двух
четвертей,
Незаметно окрашиваясь в серые
полутона,
Скучно.
Ах, если бы семь восьмых,
Или пять четвёртых,
Да с мелизмами лёгких волн в океане,
Да соло из-за такта водосточных труб
в демисезонный дождь,
Да с синкопами гроз над холмами!

Две четверти — это диагноз?
Это печаль по Фаренгейту?
Это размер бестактных синиц?
Это прохладные чувства по Цельсию?

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ ЗВЁЗД

Какая скучная работа —
Заниматься инвентаризацией,
Сверять по журналам
Наличие вещей и предметов!

А во вселенной
Кто проводит эту работу?

Если я начну рассматривать звёзды,
У меня закружится голова.
Если я начну записывать их,
Устанет рука,
И не хватит чернил и бумаги.

Звёзды, кто же ведаёт вами?
Да и зачем заносить
Звёзды в журналы,
Делать неисчислимое — вычисленным,
Необъятное — объатым?

* * *

Топнул ногой о землю —
Мой сейсмический привет внукам.

Крикнул в горах, «Люблю», —
Моё акустическое признание правнукам.

Запустил в небо самолётик, —
Моё гравитационное послание
праправнукам.

В годовщину не вспомнил предков,
Боль пришла из прошлого.

ПАМЯТЬ

В лесу доносятся голоса заблудившихся,
Но увидеть никого не удаётся.
Возможно потерявшиеся
Давно добрались до дома, и за столом
чай пьют,
А их голоса
До сих пор отзываются в верхушках деревьев.

ДУША ДИКТУЕТ МАСТЕРСТВУ

Без художника Раисы Алексеевны Лысениной сегодняшнюю культурную жизнь Рязани трудно представить. Организатор симпозиумов по камню в начале 1990-х годов; автор мемориальных досок и памятников; патриот Затинной улицы, где живёт с рождения по сей день и где вырубил большой Поклонный крест, установленный в ограде Казанского женского монастыря; наконец, создатель фонда «Творческое достояние» с его благородно-утопической целью сберечь всё, что остаётся после смерти людей искусства, — она уже часть городского мифа, на примере её жизни можно говорить о месте яркой творческой личности в провинции. Часто выступая в роли возмутителя спокойствия, Р. А. Лысенина руководствуется верой в воспитательную, улучшающую человека миссию красоты, и этот просветительский пафос роднит общественную деятельность скульптора с трудом многих поколений русской интеллигенции вне столиц.

Конечно, голос Р. А. Лысениной мало бы кто услышал, не будь у неё авторитета признанного художника. Собственно же творческие задачи решаются вдали от публики, тихо, за дверями мастерской. Выставка в Рязанском историко-архитектурном музее-заповеднике составлена как раз из «заветных», не связанных с заказами, и выражающих прежде всего авторское «я» произведений — станковой скульптуры и мелкой пластики. В октябре минувшего года такая же выставка была востребована и успешно прошла в Елабуге (Татарстан), в музее современного этнического искусства.

Основная доля экспонатов относится к последним двадцати годам, но есть и более ранние. По ним пунктирно прослеживается развитие мастера. Школа Р. А. Лысениной включает Абрамцевское художественно-промышленное училище, которое когда-то возникло на основе народного ремесла. Оттуда вместе с любовью к мягким породам камня

скульптор вынесла и особую эстетику рукотворности, тактильной радости от общения с материалом. Ленинградское высшее художественно-промышленное училище им. В. И. Мухомовой дало чувство пространства, масштаба, взаимозависимости скульптурного объёма и природной либо архитектурной среды. Р. А. Лысенина вспоминает, как в достаточно традиционное, классическое образование середины 1980-х годов врывались новые веяния, как «разрешили Мура». Маленькая, институтских времён фигура «Отдыхающий» (1983) хранит, кажется, попытку освоить ту выразительность отверстий внутри единой формы, которая прославила творения Г. Мура с их знаменитыми «дырами».

Не меньшее значение, чем учёба, имели для становления Р. А. Лысениной поездки на творческую дачу им. Кардовского в Переславль-Залесский. Руководителем одной из групп был незаурядный московский скульптор и педагог М. А. Неймарк. Благодаря его урокам Р. А. Лысенина не только начала работать с деревом, но и уяснила важную истину о своём деле — первостепенность цельной простоты. Другим ориентиром для неё навсегда остался Л. Т. Гадаев, автор мужественный и глубокий. Вообще, встречи с коллегами способны вырасти для художника в отдельный университет. Р. А. Лысенина давний участник симпозиумного движения; напряжённое, ограниченное сроками творчество в обстановке одновременно профессиональной и дружеской, позволяет быть в курсе того, что происходит в российской скульптуре, ощущать себя её полноправным мастером. Недаром свой первый симпозиум 1991 года в Уфе Р. А. Лысенина считала одним из поворотных моментов биографии.

Художественная индивидуальность скульптора окончательно сформировалась к концу XX века. На выставке можно увидеть знаковые произведения той поры: «Актёр», «Актриса» (обе — 1996) и «Поцелуй Иуды» (2000). Совсем не похожие, они, однако, равно характерны для Р. А. Лысениной, представляя два направления её поисков.

В «Актёре» и «Актрисе» слышатся отзвуки распространённой в отечественном искусстве 1970–1980-х годов темы театра, часто подаваемой в фольклорном балаганном духе. Праздничному мировосприятию Р. А. Лысениной это близко, она легко стирает границу между категориями условности и жизнеподобия, как то происходит в народной игрушке или театральной кукле. С другой стороны, её приёмы весьма изощрённы: где плотная, где прозрачная роспись добавляет поверхностям новые грани, позолота — новые выпуклости, контррельеф оттеняет рельеф. Перепады формы, реальные и изображённые, смена пространственных измерений, когда большое вдруг оказывается маленьким и наоборот, напоминают повороты сюжета в сказке. Свойственная Р. А. Лысениной тяга к повествованию — вызов для её таланта, ведь чтобы быть воплощённой в немногословной скульптуре, любая история должна пройти пластическое преображение.

Рядом с «барочными» фигурами «Актёра» и «Актрисы» решение «Поцелуя Иуды» выглядит аскетичным. Подобный уровень обобщения отличает монументально-декоративные, парковые вещи художника, в станковом же творчестве Р. А. Лысениной «Поцелуй Иуды» остаётся единственным в своём роде. Автор, однако, узнаётся по большому эмоциональному заряду, в данном случае не выплеснутому в цвете и блеске, а сконцентрированному в контрастах двух объёмов, двух фактур (головы Христа и Иуды; белый камень и тёмный металл). Произведение не раз отбиралось на крупные выставки, да и сама Р. А. Лысенина относит его к числу своих достижений. Оно знаменует наступление совершенной зрелости мастера.

В главном её творчество не изменилось. И сейчас, в XXI веке, его основа по-прежнему — непосредственная, взволнованная реакция на явления и события мира вокруг, будь то приход весны или трудности людских взаимоотношений.

Лунные тени I. Дерево, стекло, металл. 66,5x43x18,5 2011

Заяц. Из серии «Охота». 2020. Ангидрит, талькохлорит. 15х30х6

Девочка и Луна 2004г. дерево, роспись, паталь

НА ГРАНЯХ РАДОСТИ И СВЕТА

Сон в Гефсиманском саду

Архангел Михаил 2009г.

Поклонный крест на некрополе Казанского женского монастыря города Рязани. 2010г. камень, ковка. Высота 300

Вербное воскресенье. 2006. Дерево тонированное, поталь. 92х110х24

Святой Серафим Саровский. Медаль. 2007. Бронза. Диаметр 20

Св. Кира 2011г., талькохлорид, плакетка, 6х5,5

НА ГРАНЯХ РАДОСТИ И СВЕТА

Актриса. 1996. Дерево, роспись, поталь. 150х50х36

Актёр. 1996. Дерево, роспись, поталь. 184х62х37

Проникновение 1996, дерево, поталь

*Танец утренних мотыльков. 2012г.
ангидрит, талькохлорид 20х12х13*

РАИСА ЛЫСЕНИНА. ВЕРНИСАЖ

Белый ангел. 1997, дерево, поталь

Св. Георгий 2007 бронза 11х6,5х2

Последнее яблоко 1987г. керамика

Поцелуй Иуды. 2000. Известняк, металл, дерево. 166х58х52

НА ГРАНЯХ РАДОСТИ И СВЕТА

*На кромке весеннего сна. 2010 г.
Талькохлорит, ангидрит, дерево. 13,5х12х5,8*

*Утро в деревне. 2010г.
Известняк, дерево, стекло, металл, цветные смолы. 63х43х10*

Юная прима 1990 г., камень. 43х11х12

Нарцисс 1988 г., шамот

Гармония контрастов лед, 2002г. Пермь

Определившиеся ранее линии «Актёров» и «Поцелуя Иуды» сходятся в центральной проблеме лысенинского стиля — передаче конкретно-чувственного содержания в условной форме. Р. А. Лысенина стремится совместить их через материал, интуитивно нащупывая в неожиданных порой сочетаниях дерева и стекла, металла и камня, эмалей и позолоты точную ассоциацию с реальностью. Более того, по мнению И. Н. Денисовой, автора многих текстов о художнике, «фактурная игра» произведений Р. А. Лысениной способна задержать живое мгновение, ненадолго примирить его с вневременной абстракцией чистых скульптурных объёмов.

Нередко мастер идёт по пути убедительного прямого сходства: изумрудное стекло «Утра в деревне» (2010) — это речная вода, а голубоватая роспись и серебристый металл «Лунных теней II» (2011) — ночной свет. Бесплотная св. Фёкла истончается, словно пламя, которое вытягивается и дрожит в струе воздуха («Вознесение святой первомученицы Фёклы», 2008), а Сергей Радонежский, самый русский святой, очертаниями монашеской мантии напоминает лесные ели — они вырезаны тут же, на камне-подножии («Сказание о Сергии», 2014).

Образная структура композиции «Вербное воскресенье» (2006) сложнее. Тёплая, проникновенная по интонации работа была отмечена знатоками, что справедливо: Р. А. Лысениной удалось, найдя верный масштаб, пропорции, воссоздать своего рода уют православной службы, атмосферу совместной молитвы. Материализованные в дереве потоки косого света обозначают пределы небольшого храма и намекают — вместе с изображением иконы — на его убранство. Такие же золотые лучи мы видим вокруг фигурки голубя над царскими вратами в настоящей церкви.

Последние примеры указывают на частое в 2000–2010-х годах обращение Р. А. Лысениной к религиозной теме. Собственный интерес художника пересекается тут с запросами времени, социальным заказом. «Четыре игумены Казанского монастыря» (2015) появились в результате долгой дружбы с обителью, для которой Р. А. Лысенина выполнила монументальный Поклонный крест (2010). Рельефы со сценами чудес святого Николая Мирликийского существуют одновременно как детали его памятника в Солотче (2006) и станковые произведения (2007).

Сразу несколько скульптур, уже законченных, находящихся в процессе исполнения и только задуманных, вдохновлено легендой о святых Петре и Февронии. Белокаменная группа 2015 года стоит на открытом воздухе у реки в Хотькове, демонстрируемый на выставке вариант 2013 года с «Чудом о процветших деревьях» рассчитан на музейный зал. Тонкая шлифовка дерева, сквозистость бело-розового ангидрита, нюансы ритмов — этим надо любоваться вблизи. Скульптура тяготеет к плоскости, в её силуэте есть графичность, как если бы автор сочиняла новую прорись для клейма житийной иконы благоверных князей. Образы Петра и Февронии не оставляют Р. А. Лысенину, мастеру досадно засилье их стандартизированных статуй в российских городах. Противопоставить рутине хочется вещь, где за счёт творческого истолкования канона (или полемики с ним) звучала бы мысль о глубокой тайне супружества — превращении двух разных людей в «едину плоть».

Наряду со сложными, серьёзными произведениями у Р. А. Лысениной немало и сделанных будто играючи. С молодости ей удавалась художественная трактовка явлений и созданий природы, оттого самые обаятельные героини лысенинской пластики — рыбы, сахарно-белый зайчик, проталина, готовое прорасти зерно. Именно они поддерживают жизнеутверждающую суть искусства скульптора в целом.

Содержание таких вещей очень доступно, но одной декоративной привлекательностью не исчерпывается. В работе «На деревенском огороде» (2017), например, любопытен выход к пейзажу — проблематичному для скульптуры жанру. Компактный, без

пустот, объём волнистых листьев вроде бы замкнут в себе, но в его наклоне и, главное, живописной фактуре дымно-зелёного камня угадано движение наплывающих сумерек, наступление вечера.

Столь же поэтичны произведения, посвящённые первым росткам из-под снега: «На кромке весеннего сна» (2010), «Весеннее пробуждение» (2008), «На пути к солнцу» (2018). В них затронута тема женственности, естественно, близкая автору. Получив драматичное решение в «Корриде II» (1996), где зрителю явлена «метафора раненой женской души», в весенних композициях эта тема интерпретируется лирически, с акцентом на чистоту и юность. Стройные стебли (или девичьи фигуры) распрямляются навстречу теплу, словно навстречу счастью.

Впечатление от природы лежит и в основе последней этапной работы Р. А. Лысениной «Сон в Гефсиманском саду» (2020). Художника поразила фотография древнейших олив на том месте, где Христос молился перед взятием под стражу. В толстых морщинистых стволах проглянули черты Петра, Иакова и Иоанна, которые, сопровождая Учителя, не сумели бодрствовать, «ибо глаза у них отяжелели» (Мк. 14:40). По ходу воплощения идеи группа из трёх скорбных деревянных «ликов» с вырезанными из камня ветвями-крыльями развернулась в пространстве. Внизу появилась горизонтальная форма панорамы Иерусалима, между нею и громадами олив сразу возникло небо. Двумя масштабами задано два времени: обычное и иное — для всё длящегося вопроса Спасителя: «Что вы спите?» (Лк. 22:45).

Скульптура продолжает начатое в «Поцелуе Иуды» осмысление христианских образов не в конфессиональном, а более широком общечеловеческом духе. По степени выразительности «Сон в Гефсиманском саду» относится к самым сильным произведениям автора.

* * *

В свои шестьдесят пять лет заслуженный художник России, почётный член Российской академии художеств, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств Р. А. Лысенина всё так же деятельна и альтруистична. Водоворот планов, заказы, ученики, поездки, устройство выставок (своих и фонда) давно стали частью её творческой личности, необходимым условием работы вопреки советам «не разбрасываться» и «сосредоточиться на себе». Конечно, по-человечески Р. А. Лысенина уязвима для разочарований и обид, но как творцу ей дарована почти детская открытость миру. Не потому ли самым верным автопортретом этого взрослого опытного мастера оказывается героиня скульптуры «Я на солнышке сию» (2011) — счастливая девчонка?

г. Рязань

ЗИЛЯ НИГАМАЕВА

НА ГРАНЯХ РАДОСТИ И СВЕТА

С октября по ноябрь минувшего года в Музее современного этноискусства Елабужского государственного музея-заповедника действовала персональная выставка заслуженного художника Российской Федерации, почётного члена Российской академии художеств, члена-корреспондента Петровской академии науки и искусств Раисы Алексеевны Лысениной.

На выставке рязанского художника представлены скульптурные композиции, соединяющие в себе самые разные материалы: дерево, бронзу, горячую эмаль, стекло, смолы, известняк, гранит и другие минералы. В одной из витрин — инструменты скульптора. Излюбленными темами художника являются православие, философские раздумья, красота природы и впечатления от путешествий. Графические листы, выполненные в технике пастели, являются эмоциональным откликом от поездок по городам России и зарубежья.

В рамках выставки состоялась встреча Раисы Лысениной с членами Клуба любителей искусства «Тулпар». Автор поведала историю появления на свет некоторых произведений, подчеркнув, как важно для художника быть внимательным к природе, уметь видеть в обычном материале образ: в лежащем на дороге булыжнике — едва оперившегося птенца, в стеклянных отходах — переливы лунных теней.

В ночь искусств, которая прошла 4 ноября 2021 г. в онлайн формате, Музей современного этноискусства представил видеоэкскурсию по выставке «На гранях радости и света».

г. Елабуга

ПОВЕСТЬ О ПЕРВОЙ ЛЮБВИ

ЕВГЕНИЙ ПАВЛОВ

НАТАША

*Боже, как давно это было,
помнит только мутной реки вода.
Время, когда радость меня любила,
больше не вернуть ни за что, никогда...*

К. Никольский

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: «РАННЯЯ ВЕСНА»

Ромке снится сон. Кама вскрылась, и по улице Гидростроителей, перевалив через серые бетонные стены шлюзов, мчится весёлая голубая волна. Солнце сверкает, отражаясь в окнах. Разбивается сплясшими бликами в поющих струях. Ромка раскрывает створки окна и взбирается на подоконник. Свежий ветер треплет его тёмные волосы. Ошалев от весенней круговерти, Ромка бросается с головой в несущийся поток. Тут же выныривает и, оказывается, что он может мчаться над волной, как птица. А мощный поток уже бежит мимо приземистого здания кинотеатра, мимо школы, мимо домов и магазинов. Люди выглядывают в окна и, улыбаясь, желают Ромке счастливого путешествия. Он улыбается в ответ и машет им рукой. А поток тем временем переваливает через широкий проспект Мусы Джалиля, сваливаясь в низину, где стоит квадратный Дворец культуры, охватывает его волнами, бежит мимо стадиона и, сливаясь с узкой Мелекеской, с мощным рёвом раскидывается по полям за рекой. Ромка летит над бурлящей водой, и грудь его наполняет могущественное чувство свободы и радости. Вдалеке видны дома, стоящие вдоль Сармановского тракта. Волшебным образом один из этих домов — серо-голубая девятиэтажка — приближается. Ромка отчётливо видит окна, разноцветные занавески, людей в своих квартирах, обстановку внутри. Вдруг картинка размывается. Лишь одно окно остаётся перед взором Ромки. Оно открыто. Полощутся на ветру белые занавески. И стоит перед окном, глядя вдаль, девушка удивительной красоты. У неё яркие зелёные глаза. Волнистые длинные волосы цвета летних полей. Гордый нос с горбинкой. Губы, тронутые невидимой улыбкой. Мечтательно смотрит она куда-то далеко, далеко. А потом её глаза встречаются с ромкиными. «Рома, ты спишь... Ты спишь...» — говорит эта красавица, с нежностью глядя на Ромку. И волна накрывает его с головой...

— Ром, ты спишь? — слышит он знакомый голос, — Рома! Вставай, уже полдевятого!

Ромка разлепляет глаза. Ему совсем не хочется просыпаться.

За окном бушует март — с ярким солнцем, дробным перестуком капли, оплывающими сугробами и весёлым холодящим ветром.

— Доброе утро, мам! — потягивается в постели Ромка, — щас иду...

* * *

Ромка сидит на кухне и уплетает свою любимую гречневую кашу. Мама сидит рядом и с печальной нежностью смотрит на него.

— Какой же ты у меня большой уже. Наверное, девчонки влюбляются?

— Не знаю я никаких девчонок! — преувеличенно грубо отвечает Ромка, пряча глаза, — дуры они все, сами не знают, чего хотят.

— Ну-ну... Все, да не все. Вот, встретишь единственную — и влюбишься по уши.

— Делать мне больше нечего! — ромкины щёки становятся ярче красных полосок на клеёнчатой скатерти.

— Ладно, не бурчи! Дело молодое — семнадцать лет всего. Ещё успеешь навлюбляться, — сдаётся мама. — Кстати, ты не забыл, что мы сегодня к тёте Ире идём?

Ромка вспоминает, что у хорошей маминой подруги сегодня день рождения.

— Помню, ма. Слушай, а что мне там среди взрослых тусоваться? Неинтересно же. Может, я не пойду? Передашь от меня тёте Ире поздравления.

— Ром, если идти, то идти вместе. Друзья тёти Иры тоже с детьми придут — примерно твоего возраста. И мальчики будут, и (мама выдержала эффектную паузу)... девочки.

— Ладно, — нехотя соглашается он, — сходим. Хоть торта поем.

* * *

Наташа, скрестив руки на груди, стояла перед окном и задумчиво смотрела вдаль. Под окнами мокро блестела дорога. За дорогой поле, ещё покрытое снегом, но грязный снежный покров уже оседает под лучами солнца. В небольшой низине, за полем — стиснутая льдом и придавленная мокрым снегом Мелекеска. На небольшом обрыве, как стадо на водопое, рассыпались старые домики. Деревня посреди города. За рекой массивной полукруглой громадой возвышалась многоэтажка. Она как бы нависала над деревенькой, грозя упасть на неё всей многотонной тяжестью, раздавить, снести с лица земли. Наташа вспомнила, что это десятый комплекс посёлка ГЭС. А мама живёт в посёлке ЗЯБ, в восемнадцатом комплексе. Есть ещё далёкая Сидоровка. И есть огромный Новый город с десятками комплексов, широкими проспектами, коробками домов, образующих правильные квадраты. Город — урок геометрии. Наташа усваивала этот урок трудно, с тоской вспоминая родной Малмыж, его жёлто-зелёные просторы, синеватую даль за бескрайними холмами, поля, радующие глаз. Окончив девятилетку, Наташа поступила на курсы экономистов-бухгалтеров. Бегала за два километра в техникум учиться. И теперь, когда закончила, встал вопрос: что дальше? В Малмыже — маленьком и бедном — перспектив никаких. И вот она у мамы в Набережных Челнах...

«Может, зря я сюда приехала, — думает Наташа. — Город давит на меня со всех сторон, как страшный сон, который теперь не кончится. Но мама права: здесь больше возможностей устроиться на работу. А работа мне, ой, как нужна! Бабушка со своей пенсией уже не может меня содержать, полпенсии на лекарства уходит. Маме тоже трудно: на двух работах работает, а получает мизер. Мне надо послать денежку, за квартиру платить, о себе тоже нельзя забывать. Так что, не зря она перетаскала меня в Челны. Найду работу, не буду никому обузой. Но как же страшно! Одна в городе. Сестрёнка не в счёт — маленькая ещё, третьеклашка. Ни поговорить, ни посекретничать. Ни друзей, ни подруг... И Ваське ещё год служить...

— Натуль, — крикнула из кухни мама, — не поможешь мне с салатами? А я пока курицей займусь...

— Иду, мам!

На кухне жарко. Фортичка широко распахнута, но из раскрытой духовки полыхает раскалённый воздух. Мама, раскрасневшаяся, со смешными завитушками на висках, ловко достаёт куриную тушку. Наташа, надев передник, режет яйца, колбасу, овощи.

Мама смотрит на Наташу изучающе.

— Ты какая-то смурная. Всё хорошо?

— Нормально. Привыкаю к городу.

— Привыкнешь. Город хороший. Большой, и молодёжи много. Друзей-подруг заведёшь, оглянуться не успеешь. И работу найдёшь. У одной моей знакомой вроде есть вакансии по твоей специальности. На следующей неделе обещала точно сказать. Всё будет хорошо, Натуль...

— Конечно, мам, — Наташа улыбнулась, с нежностью глядя на маму. — Спасибо, что помогаешь. Я привыкну...

— Не сомневайся. А что с Васей?

— Всё нормально. Присылает раз в месяц по письму. Уже двенадцать писем накопилось.

— Сама-то пишешь ему?

— Пишу.

— О том, что в город перебралась, тоже написала?

— Нет ещё, мам. Боюсь, если честно, как отреагирует...

— Не переживай, дочь. Если у вас любовь, то всё устроится, а нет, так и переживать не о чем.

— Мам, — Наташа ссыпала всё покрошенное в большую эмалированную миску, — может, мне пойти погулять? У тебя же гости все взрослые, что я буду среди вас малолеткой крутиться...

— Нет, нет, — воскликнула мама, всплеснув руками, — никуда не надо уходить. В городе шпаны достаточно, а фонари один через десять горят. А во-вторых, (мама загадочно сощурила глаза) я предупредила друзей, чтобы с детьми приходили. Дети у нас одного возраста.

Мама грациозно потянулась, встав на носочки, затем стремительно обняла Наташу и закружила её в танце.

— Завидую твоей молодости! Восемнадцать лет! Красавица! (Наташа фыркнула). Вся жизнь впереди. Ну, так что, гуляем сегодня? — красивые зелёные глаза тридцативосьмилетней женщины радостно сверкали — так же как наливное яблоко весеннего солнца за окном.

Наташа заразилась её настроением. В тон ответила:

— Гуляем! А чего не погулять!? Хоть торта поем...

Мама захохотала, а потом осеклась, вспомнив:

— Батюшки! А торт-то не купила — растяпа! Доделывай салат. Я — в магазин!

* * *

Ромка с мамой едут в трамвае. На маме изящное серое пальто с капюшоном, из-под которого выбиваются скрученные в крупные кольца локоны. Ромка в светлой куртке и тёмных брюках. Под курткой новый свитер, который мама недавно купила на рынке.

Железный клёкот трамвая, его плавные покачивания — убаюкивают. Небо за окнами начинает сереть. На город опускается покрывало сумерек. Ромке нравится это время. Ему уже подмигивает с высоты далёкая звезда. Ромка переводит взгляд на

мелькающий за окном город. Дома, магазины, остановки, люди, машины — всё немного трясётся в такт трамваю. Ромка отмечает взглядом остановки. Уже «Центральная». За ней будет мост, и слева будет видно, как пробегающая под мостом Мелекеска огибаёт Элеваторную гору и впадает в Каму. Трамвай натужно взывает электрическим нутром и взбирается по наклонной дуге моста. Река спрятана подо льдом и снегом. Но у берегов уже видны довольно широкие промоины. Ещё чуть-чуть и тёплая сила взорвёт изнутри лёд. Ромка думает о смене времён года. Ему кажется странным то, что каждый год всё повторяется, но повторяется всегда по-новому. Эти метаморфозы — дело рук природы? Или мы сами меняемся и воспринимаем всё по-другому каждый раз? Странно: всё вечно и всё конечно одновременно.

Ромка смотрит на маму. Та мечтательно склонила голову и тоже смотрит в окно на пролетающий в вечерних сумерках город. Глаза у мамы, подёрнутые лёгкой дымкой, задумчивые. «Красивая у меня мама, — думает Ромка, — зря они с отцом развелись. Чего не жилось?» Сперва было хорошо. Он не помнит всего, но в голове складывается как из пазлов, общая картинка их семейной жизни картинка ярко-жёлтая, с оттенками зелёного и синего. Как лето. А если сравнивать с музыкой, то похоже... на гимн Советского Союза, что звучал в шесть утра каждого нового дня из радио. Важный, бодрый, надёжный. Лишь иногда в общую мелодию семейного гимна вкрадывались нотки непонятных и некрасивых мелодий. Это бывало, когда отец напивался и ругался с мамой. Ромке тогда хотелось убежать, скрыться куда-нибудь далеко. Когда такое стало повторяться чаще и чаще, мама, забрав Ромку и его маленькую сестрёнку, переехала на ГЭС, к своей маме. Станные игры странных взрослых...

— Ну, вот и приехали, — мама кивает в сторону выхода.

Ромка узнаёт остановку. «Дом обуви». Они выходят. В вечернем воздухе пахнет талым снегом и ещё чем-то ещё несбывшимся.

— Возьми меня под руку, скользко, — говорит мама.

Они шагают, обходя подмёрзшие к вечеру лужицы.

— Ты ведь ещё не был у тёти Иры? — спрашивает мама. — Нам надо пройти по Сармановскому тракту. Тётя Ира у нас была, тебя знает, а вот ты её дочку ещё не видел.

Словосочетание «Сармановский тракт» из уст мамы точит Ромкину душу смутным предчувствием. Они идут по этому самому тракту мимо сырых от влажности длинных пятиэтажек, мимо располагавшихся на первых этажах магазинов, дарящих полоски света проходящим мимо путникам. Кто-то идёт навстречу, кому-то идут навстречу они. Ряд серых пятиэтажек кончается, возникает перекрёсток, и за ним Ромка видит высотку: цвет её светло-коричневый, тёплый, а пролёты общих балконов закрыты белыми панелями, но они не сплошные, а с узорчатыми прорезями в виде ромбиков. Интересный вид, красиво. Мама, уловив Ромкин взгляд, комментирует: «Казанцы строили. В целом ведь разные бригады, из разных городов приезжали. Всесоюзная стройка была. Столько народу! — мама вздыхает, вспоминая. — В Новом городе, где мы жили, там москвичи строили, недаром и адрес у дома такой».

Ромка вспоминает: «Точно! Четырнадцатизэтажка. Бульвар Главмосстроевцев, шесть. По комплексу восемнадцать-дробь-одиннадцать». Но пока он так думал, из-за казанской высотки показалась длинная серо-голубая девятиэтажка. За ней — ещё одна высотка. Брат-близнец первой. А за ней опять девятиэтажка, как две капли воды похожая на ту, мимо которой они сейчас идут. Типовая застройка. И тут волна узнавания обдаёт сердце Ромки! Ведь именно эти дома он видел во сне! Точно! Свечи высоток. А между ними — девятиэтажки, словно корабли, стоящие в шлюзах. И этот самый дом. Вот же он!

— Кажется, этот, — шурит глаза мама на вывеску с адресом, — да, точно. Восемнадцать/тридцать один. Пошли, — и она сворачивает во двор.

Ромка поднимает глаза вверх и видит одно окно в середине дома, вспыхнувшее ярким светом. Светом волшебства из недавнего сна.

Потом — подъезд, лифт, выход налево, квартира 62, звонок, дверь открывается, Ромку ослепляет свет и оглушает звук. Их встречают, взрослые убегают на кухню, а Ромка, неловко поправляя свитер и одёргивая брюки, открывает застеклённую дверь залы. В комнате полутемно. Верхний свет выключен. Горит экран телевизора, горят свечи в красивых подсвечниках на столе. Этот свет омывает силуэт девушки на фоне окна. Она стоит спиной. Ромка охрипшим от волнения голосом говорит «здрасте». Девушка поворачивается. У Ромки перехватывает дыхание. Окаменев на месте, он понимает, что к нему только что повернулся лицом его сон.

* * *

Наташа нервничала. Сама не понимала из-за чего. Вроде, мамин день рождения — радоваться надо, а она... Совсем доконал её этот переезд.

В прихожей затренькал звонок. Наташа не стала выходить из зала, но тут скрипнула дверь, кто-то вошёл в комнату, послышалось негромкое «здрасте». Наташа обернулась.

В проёме стоял парень. В белом свитере, тёмных брюках. Тёмные, коротко стриженные волосы с непослушным вихром, широко раскрытые глаза, глядящие прямо на неё. И мерцание свечей в этих самых глазах. Самое подходящее определение, которое пришло в голову Наташе — интеллигентный. Потом мысли словно сорвались с привязи и помчались галопом. Высокий! Симпатичный! Как смотрит! Неожиданно охрипшим голосом она сказала:

— Включи свет. Темно.

Парень повертел головой, отыскивая взглядом выключатель. Комната озарилась светом. Они стояли и смотрели друг на друга. Оба — смущённые. Наконец, Наташа, будто очнувшись от сна, провела рукой по волосам, закидывая их за ухо.

— Садись, чего стоять?..

Парень выбрал место в углу комнаты, сел в кресло, положив ладони на подлокотники. «Красивые руки», — подумала Наташа, но тут же себя одёрнула. Села на тахту возле телевизора, наискосок от парня. Он смущённо разлядывал убранство комнаты, мельком задерживая взгляд на Наташе.

— Ну... Это... Ты с кем пришёл? — неуверенно начала она.

— С мамой. Они подруги с твоей мамой, — и поняв, что сказал что-то не совсем умное, вконец смутился и опустил голову. Наташа улыбнулась.

— А как твою маму зовут?

— Люда.

— Ну, а тебя-то самого как?

— Роман... — ответил он. Потом подумал, что это звучит как-то высокопарно, и добавил, — можно Рома, или вообще Ромка...

— А я Наташа. Что ж, будем знакомы... (она сделала паузу, как бы выбирая из нескольких вариантов) Рома.

— Да. Будем... Наташа...

* * *

Ромка сидит в кресле и нервно тискает подлокотники. Необходимость что-то говорить, как-то поддерживать разговор сводит его с ума, потому что Наташа всё время

смотрит на него, прожигая своими зелёными рентгенами. Ромка мучительно и безуспешно думает, что бы такого сказать, как прервать затянувшуюся паузу. Его спасает именинница, которая с шумной толпой гостей врывается в залу со словами:

— А чего это вы скучаете здесь? Познакомились уже? Вот и прекрасно! Прощу — за стол!

Ирина суетится, рассаживает всех по местам, начинается обычная неразбериха застолья. Наконец, всё разложено, всё разлито, все сидят как надо, все застывают в ожидании первого тоста. Один из мужчин встаёт и, подняв бокал, начинает: «Дорогая Ириночка! Мы тебя знаем давно, и даже дольше... и позволь нам выразить...» Ромка ничего этого не слышит. Он смотрит на Наташу, которая сидит рядом с мамой и слушает тост, чуть склонив голову. Наташа необычайно красива. Светлые волосы изящно обрамляют её скулы, щёки, немного заострённый подбородок, рассыпаются тяжёлым золотом по плечам. Из-за того, что она наклонила голову, её лицо немного в тени, но блики от фужеров и хрусталия пробиваются в эту тень и кажется, что как бы подсвечено неземным, нереальным светом. Вдруг она поднимает взгляд на Ромку. Тот смущённо отводит глаза, но потом, как бы притягиваемый невидимым магнитом, снова поднимает их, и снова встречает жгучий как лазер зелёный взгляд. Ему становится жарко. Да и лицо Наташи — то ли от жары в комнате, то ли от чего-то ещё — тоже наливается румянцем. Она что-то говорит маме на ухо. Мама утвердительно кивает головой. Наташа встаёт, подходит к Ромке, наклоняется и говорит ему на ухо: «Пойдём в мою комнату. Чего тут со взрослыми сидеть».

Они выходят из залы, Ромка идёт за ней по коридору, и в голове его царит полнейший сумбур. И странный сон, и неистовый март, и звёзды в окне, и прекрасная девушка, словно вынырнувшая в реальность из грёзы, и дурманящий запах, идущий от её волос, лёгкая походка, гибкое тело, угадываемое под свитером и длинной юбкой — всё это крутится в каком-то разноцветном волшебном калейдоскопе, складываясь в удивительный узор.

— Надеюсь, ты собак не боишься? — вдруг спрашивает Наташа, остановившись перед дверью второй комнаты.

— Ну, не то, чтобы очень, — невольно отвечает Ромка, — меня в детстве как-то болонка покусала. Так что если у тебя там маленькая злобная болонка, то я в ужасе.

Он изображает на лице гримасу, которая должна была означать крайнюю степень испуга. Наташа весело смеётся.

— Нет, не болонка. У нас живёт огромный пёс без определённой породы. Заходи.

Она открывает перед Ромкой дверь. Перед ним вырастает Грей, который тут же принимается обнюхивать его со всех сторон. Ромка стоит, не шевелясь. Наташа, улыбаясь, смотрит на эту немую сцену.

— Погладь его за ухом. Не бойся.

— Я и не боюсь, — Ромка осторожно опускает руку на голову собаки, чешет за ухом. Грей тычется носом в его ладонь, Ромка чувствует на коже шершавость собачьего языка. Наташа произносит строгим голосом:

— Грей, свои! Иди на место! Сидеть!

Грей лижет ей руку, трётся о ногу и отправляется в угол, где, покрутившись несколько раз вокруг себя, наконец, укладывается, внимательно наблюдая за Ромкой. Ромка с любопытством озирается вокруг. Ну, конечно, понятно: типичная девчоночья комната. Одежда на обеих кроватях светло-розовых тонов, с рюшами. Занавески — в цветочек. Над столом — зеркало. Вокруг него — приколотые английскими булавками к обоям открытки с цветами, вырезки из журналов с певцами и певицами. На столе горит лампа-абжур, верхний свет выключен. Полумрак. И в этом полумраке, как

наваждение, стоит видение с сияющими глазами. Ромка опускает глаза, тщательно рассматривая ковёр под ногами. Потом перемещается к книжной полке, где помимо книг стоят стопками кассеты.

— Что слушаешь? Какая музыка нравится? — спрашивает Ромка.

— Да всякая. По настроению. Хотя, — Наташа задумчиво поднимает глаза вверх, — Никольский очень нравится. Слышал? Группа «Воскресенье».

— Может, слышал, — не припоминает Ромка, морща лоб.

— Ну, это: «мой друг, художник и поэт...» Не помнишь? Или это: «о чём поёт ночная птица... тара-ра-ра-ра-рарарам».

— А.. Ну да, что-то слышал. Мне больше «Кино» нравится. «ДДТ» ещё. И «Наутилус».

— Мне тоже некоторые песни нравятся, — Наташа вдруг встряхивается, — а давай я тебе поставлю Никольского. Хочешь?

— Давай, — соглашается Ромка.

— Садись, — Наташа показывает на кровать, Ромка садится, а она принимается доставать с полки кассеты, искать нужную. Потом из стола извлекается переносная «Романтика», Наташа колдует над кнопками, и наконец...

Забывшую песню несёт ветерок,

Задумчиво в травах звеня,

Напомнив, что есть на земле уголок,

Где радость любила меня...

Наташа садится рядом с Ромкой. Она совсем близко. Её волосы почти касаются ромкиной руки. Ромка поворачивает голову, видит наташин профиль. Она неслышно подпевает словам песни. Ромка наблюдает за движением её губ. Наташа поворачивается, смотрит на Ромку и улыбается.

— Нравится? — спрашивает она.

Он не сразу понимает, о чём вопрос, но согласно кивает.

Наташа встаёт, убавляет звук.

— Я ещё танцевать очень люблю, — вдруг признаётся она.

— Что-то конкретное? Бальные? Или...?

— Да нет. Своё. Просто слушаешь музыку, и тело само начинает двигаться.

— А я ходил как-то на бальные, — тоже признаётся Ромка.

— Серьёзно!? — Наташа оценивающе смотрит на него.

— Ну, как ходил... Было дело...

И Ромка залпом выдаёт ей свою историю. Как одноклассник уговорил его пойти поглазеть на девчонок из студии танца, которая располагалась в их школе. Как он согласился. Как они пришли, а одноклассник (жучара!) оказывается, привёл его не для того, чтобы на девчонок любоваться, а просто-напросто сдал его руководительнице, как ещё одного ученика. Как Ромку тут же взяли в оборот, поставили в пару с долговязой татарочкой, а она оказалась девчонкой из его группы в детском саду, которая была в этом детском саду в него влюблена. Как дальше начался кошмар тренировок: «Лодочкой по квадрату, раз-два-три, раз-два-три!» Как он старался и, вроде даже, делал какие-никакие успехи. Как однажды объявили, что они будут танцевать на школьном осеннем балу. И как он сбежал после этого объявления, чтобы уже никогда не возвращаться к бальным танцам.

— А чего сбежал-то? — хохоча, спрашивает Наташа.

— Что я, дурак что ли!? Чтобы пацаны меня потом засмеяли!

— А чего сразу-то не ушёл? В самый первый раз?

— Из-за чувства ответственности.

Наташа долго смеётся. Её глаза блестят.. Ромка тоже улыбается. Ему приятно, что он её развеселил. Они сидят. Слушают песни Никольского. Разговаривают. Наташа рассказывает о своей жизни в Малмыже, о переезде в Челны, о своей маме. Ромка слушает. Потом рассказывает о себе. Как они живут у бабушки с мамой и сестрой («ой, и у меня сестра!»), как в четырнадцать лет попал в молодёжную группировку (Наташа слушает с широко раскрытыми от ужаса глазами), как развелись родители (Наташа тоже грустнеет, становится задумчивой). «Ну, вот, — думает Ромка, — сперва развеселил девушку, а теперь опечалил. Рассказчик, блин!»

— А у тебя есть девушка? — неожиданно спрашивает Наташа. Ромка теряется до того, что не сразу отвечает.

— Э.. Нет. Девушки нет, — потом, как бы оправдываясь, говорит — была, но давно. Как-то не получилось. А у тебя есть кто-то? — он задаёт самый сокровенный вопрос. Ведь не может у такой красавицы не быть никого. У такой девушки, наверняка, куча поклонников, и уж точно есть парень. Наташа как-то сразу вдруг сникает, долго смотрит в сторону, потом снова глядит на Ромку.

— Тоже был. Давно.

Тут дверь приоткрывается, и в комнату просовываются две головы. Это их мамы. На шее тёти Иры висит разноцветный серпантин. Обе смеются.

— Не помешали? — хохот. — Ну, как проводите время?

— Хорошо, — одновременно отвечают Ромка с Наташей, смущённо переглядываясь.

— А уже все расходятся потихоньку, — констатирует тётя Ира.

— Да, сынок, тоже надо уже собираться, — добавляет Ромкина мама.

Ромка с сожалением смотрит на Наташу. Той тоже явно не хочется, чтобы он так быстро уходил.

— Ну, надо, так надо, — бурчит под нос Ромка и встаёт.

Наташа выходит вслед за ним в прихожую. Её мама уже проводила последнюю пару гостей и что-то кричит им вслед, наполовину высунувшись в дверь. Затем закрывает дверь, смотрит на одевающихся Ромку и свою подругу, на грустную Наташу, и вдруг заявляет:

— А мы вас пойдём провожать!!! Наташ, собирайся!

Они выходят вчетвером в подмороженный мартовский вечер. Навстречу им бежит наташина сестрёнка Яна, отпущенная к подруге на время застолья. Тётя Ира отчитывает её, дескать, долго засиделась, потом говорит, что оставленный для неё кусок торта в холодильнике, и сестрёнка, смешно трясая косичками, забегает в подъезд. Тётя Ира с ромкиной мамой идут, взяв друг друга под руки, Ромка с Наташей идут чуть позади. На асфальте, успевшем обнажиться от солнечного тепла, сейчас сверкают ледяные крошки изморози. Ромка поднимает взгляд. На чёрном бархате неба тоже изморозь. Звёздная. Ветер щекочет щёки, забирается под воротник. Ромка идёт молча. Как и Наташа. Иногда он посматривает на неё. Она вся как будто во власти какой-то неизвестной никому думы. Проезжают редкие машины, шурша шинами по стылому асфальту, стирая в пыль ледяную крошку. Где-то грохочет по замёрзшим рельсам трамвай, и металлический звук далеко разносится в вечернем воздухе. Ромке хочется бесконечно идти рядом с Наташей. Но ничто не длится вечно. Наконец, приходят на остановку. Мамы стоят, приплясывая, подняв воротники. После тепла застолья им холодно. Ромка смотрит то вдаль, то на Наташу. И она глядит прямо ему в глаза с каким-то страдальческим выражением.

— Ну, вот и трамвай, — говорит мама Ромки. — Ирочка, всего тебе самого-самого! Ещё раз с днём рождения!

— Ты придёшь ещё? — вдруг спрашивает Наташа.

Ромка смотрит на Наташу, на лице которой чувства меняются, как слайды: и сомнение, и желание, и боль, и радость... И надежда. Наташина мама, отрываясь от обнимающей её подруги, странно смотрит на дочь, потом на Ромку.

— Конечно, приду, — отвечает он и улыбается Наташе. — Пока!

Они с мамой заходят в заднюю дверь трамвая. Мама сразу же садится на свободное место, а Ромка подходит к стеклу. Двери закрываются и, дёрнувшись, трамвай начинает движение. Ромка смотрит в окно. На тускло освещённом пятачке остановки стоит его воплощённый сон. И уже непонятно: то ли сияющие глаза Наташи светятся в темноте, то и две звезды сияют на небе.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ: «ЖАРКОЕ ЛЕТО»

Ромка выполнил своё обещание и пришёл к Наташе на следующий день. Он долго думал, во сколько лучше прийти: до обеда, после обеда или вечером. А хотелось — с утра. Но до обеда, пожалуй, было рановато и не очень культурно. «Не стоит докучать людям ранними визитами».

Ромка боялся себе признаться, но он отнёс мысль об утреннем визите ещё по одной причине. Он очень боялся оставаться наедине с Наташей. Его волновала её близость. Её запах. Её взгляд. Звук её голоса.

«Наверное, лучше всего будет прийти в то же самое время, в какое мы пришли вчера с мамой — часиков в семь вечера. Все будут дома, ну, или, по крайней мере, её мама». С другой стороны, Ромка переживал — что скажет мама Наташи по поводу его появления. Он заметил вчера её взгляд, которым она поглядела на дочь, когда та пригласила Ромку прийти. Взгляд... Не строгий, вроде, но какой-то удивлённый, вопрошающий. Но Ромку тянуло туда. Он вспоминал вчерашний вечер, в мыслях окунаясь в атмосферу полумрака, музыки, наташиного голоса и своих ощущений. Ему хотелось испытать это ещё раз. И ещё. И ещё...

Он еле дотерпел до шести вечера. Ходил мимо часов, нетерпеливо поглядывая на циферблат, словно взглядом хотел заставить стрелки бежать быстрее. В шесть он торопливо начал собираться. У его мамы была первая смена (она работала воспитательницей в детском саду), мама была дома и, заметив ромкину нервозность, а затем и сборы, спросила:

— Куда это ты собрался?

— К Наташе в гости. Она меня вчера пригласила, — скороговоркой ответил Ромка, шнуруя кеды.

Мама, прислонясь к дверному косяку, внимательно смотрела на Ромку. Вздохнула. Потом, словно решив в уме какое-то сложное уравнение, сказала:

— Пожалуйста, долго не ходи. Я волнуюсь за тебя. И... — она помедлила, словно подыскивала подходящее выражение, — будь аккуратнее с девушкой.

— В смысле? — удивлённо поднял глаза Ромка.

— В таком вот смысле! Подрастёшь — поймёшь. А пока просто слушай старших, — мама как-то устало улыбнулась.

— Не переживай, ма! Я же джентльмен, — широко улыбнулся Ромка.

— Иди, давай, жентльмен! — передразнила мама, с непонятной грустью смотря на взрослеющего сына.

Ромка летел как на крыльях. Сам не заметил, как оказался у подземного перехода, через который надо было перейти, чтобы попасть на остановку. По пути, шурясь на яркое закатное солнце, он весело улыбался прохожим, и те, косясь на подростка,

в конце концов, не выдерживали, и улыбались в ответ. Ромкин сон сбывался на глазах. Он спешил к девушке, которую ещё вчера не знал, но которую, кажется, ждал давным-давно, которую чувствовал сердцем. Спустившись в прохладную тень перехода, уже через полминуты он вновь вынырнул на улицу. Тут же загрохотал трамвай, и Ромка, взлетев по его ступенькам, уселся справа, чтобы, когда трамвай заедет на мост, ещё издали увидеть серо-синий уголок дома, ставшего теперь для него центром мироздания. В мельтешении яркой одежды прохожих, разноцветных машин, сине-зелёного вечернего неба, белых ветреных облаков и зажигающихся звёзд он преодолел длинный отрезок Сармановского тракта, кажущийся сейчас таким коротким. И, наконец, вот он, долгожданный дом восемнадцать-тридцать один, третий подъезд, скрипучий лифт (что ж ты так долго едешь-то!?), седьмой этаж, шестьдесят вторая квартира, звонок... Лёгкие шаги... Сердце Ромки готово было выпрыгнуть из груди, так сильно оно колотилось о рёбра. Он глубоко вздохнул. Дверь открылась. В светлом прямоугольнике двери стояла она. Наташа. Немного склонив голову набок, она смущённо смотрела на Ромку. А тот, как вкопанный, застыл на пороге. Его душа готова была вылететь вон из тела и, пробив многотонную грудку бетона и металла, вырваться в небо вместе с той, что открыла ему дверь.

— Привет! — просто сказала Наташа, — входи.

Дни замелькали, как быстрая карусель. Солнце играло в синем небе и щедро дарило свой жар оживающей земле. Мутные потоки ручьёв неслись вдоль тротуаров и пенились водоворотами над забытыми ливнёвками. Весна раздевалась сама и раздевала одуревших от прелого тепла челнинцев. Все давно снимали шапки, хотя был только апрель, но ходили в расстёгнутых куртках, пальто, шубах, на ходу отдуваясь и сверкая на солнце распаренными лицами.

* * *

Так начались практически ежедневные визиты Ромки к Наташе. Он не знал, как это назвать: свидания? прогулки? общение? Они то гуляли по апрельскому городу, наслаждаясь ярким солнцем и свежим ветром, то сидели дома, когда погода была «нелётная» — пили чай, разговаривали, слушали музыку. Одно было несомненно: Ромка испытывал ни с чем несравнимую радость. И радость для него была не просто эмоцией, переполнявшим душу чувством. Радость имела имя. У Радости были зелёные искрящиеся глаза и смех, напоминавший журчание ручья или переливы колокольчиков. И теперь, когда он слышал ту самую песню, которую она включила на дне рождения мамы, для него это были не просто слова песни, он знал, что эта песня о нём, о его радости.

Любовь... Раньше он не особо-то задумывался о том, как она приходит и как проявляет себя в жизни. Он, конечно, читал разные книжки, в которых описывалась первая любовь, но в них всё было по-другому, не так, как у него. Местами было похоже, но в целом ему приходилось самому постигать таинственную карту волшебной страны под названием «любовь к девушке». В книжках герои совершали подвиги ради любви, отправлялись в немыслимо-далёкие путешествия, добывали то, чему нет названия, ради любимых. Одним словом, что-то делали. Ромка не мог сказать про себя и про Наташу, что они что-то делали. Они просто проводили время вместе. Они скучали друг по другу, когда не было возможности быть вместе. Они узнавали друг друга в долгих разговорах и в молчании. Любовь для Ромки стала не поступком, а непонятной волнующей смесью из запахов, световых пятен, звуков, картинок и ассоциаций. Она стала тем, что он строил внутри своей памяти великолепный замок с развевающимися на ветру знамёнами. Замок памяти о Любви. Замок самой Любви.

Замок Радости. Он приходил к Наташе, и когда она открывала дверь, он видел её силуэт; бьющее из окна солнце превращало копну её длинных волнистых волос в святиющийся нимб. Солнце просвечивало сквозь халат, и Ромка смущённо отмечал под ним изгибы её стройного тела. Солнечный отсвет ложился на обои в прихожей, они загорались золотом, и в этих золотых лучах танцевали золотые пылинки. Выбегал Грей, и солнце лизало его густую рыжеватую шерсть, сверкало бликами в его коричневых глазах. Всё это сохраняла память Ромки. Сохраняла она и вкус чая, что готовила им наташина мама, вкус самодельных печений, что пекла Наташа, ощущение от тёплого фарфорового края чашки, к которому он прикасался губами. Звуки квартиры: Янка играет с Греем, тот довольно порывается, мама гремит посудой, лёгкий шелест наташиных тапочек, когда она вскакивает и убегает, чтобы что-то взять в соседней комнате и принести на кухню. Даже волосы у Наташи звучали, как казалось Ромке, стремительным вальсом, когда она так же стремительно двигалась, спокойным ноктюрном, когда она опускала голову, задумавшись о чём-то, шелестом листьев при ветре, когда она звонко смеялась.

Мама Наташи поначалу беспокоилась за дочь, но, видя, как та расцвела и раскрылась, понемногу перестала тревожиться. Иногда думала она о неизбежном финале, о том, каков он будет, но не решалась расстраивать дочь разговорами об этом. В конце концов, она решила, что пусть всё идёт, как идёт, и вмешиваться в отношения двух влюблённых ей не стоит, а если что и случится, то они сами разберутся. А влюблённые летали на крыльях своей любви. Отяжелённые священным безумием ресницы смыкались поздно, они не в силах были расставаться, но когда всё же приходилось отрываться друг от друга, то каждый в темноте своей комнаты ещё долго шептал имя другого, мечтая о его приходе во снах. Так прошёл апрель, и минула первая половина мая. Ромка с Наташей и не заметили, как налились почки на деревьях, как зелёным пухом обросли кроны городских деревьев, как стоял блёкло-серый снег, унесся в виде сточной воды в ливнёвки, как очистились ото льда могучая Кама и её младшая сестра Мелекеска. Для Ромки время стало течь в категориях «ожидание встречи с Наташей» и «встреча с Наташей». Если первое длилось мучительно долго, стрелки словно вязли в чёрточках минут и часов, то второе пролетало как миг, Ромка не успевал и оглянуться, как уже надо было отправляться домой. Такая несправедливость до того угнетала его, что он готов был ночевать на скамейке у подъезда Наташи, чтобы увидеть её с утра пораньше и быть с ней как можно дольше. В общем, говоря словами любимого ромкиного классика, «любовь выскочила перед ними... и поразила их обоих»¹.

* * *

— И когда ты уезжаешь? — Ромкин голос был полон грусти.

— Завтра, Ром, — Наташа, волнуясь, взяла его руки в свои.

Позвонила бабушка, передала слова директора техникума о необходимости приехать, забрать документы, которые по какой-то причине не выдали сразу по окончании. И теперь Наташа должна ехать в Малмыж уладить это дело, да и с бабушкой надо побыть, может быть помочь чем-то. Наташа путано объясняла это Ромке, её сердце тоже разрывалось от близости разлуки. Она смотрела в его карие глаза цвета крепкого чая в прозрачной кружке — и таяла от того тепла, которое они излучали. Сейчас они были как спущенные по случаю траура флаги.

¹ Михаил Булгаков. Мастер и Маргарита

— Ромочка, милый, мне и самой так неохота уезжать. Просто нужно это сделать. Я ведь на недельку всего, не больше.

— Понимаю, Наталья (ему очень нравилось её так называть). Я подожду. Буду скучать.

Наташа чуть не плакала. Стремительно чмокнув его в щёчку — чтобы самой не расчувствоваться — она поднялась со скамейки около подъезда, где они сидели, и скрылась в его тёмном зеве. Ромка ещё немного посидел, глядя ей вслед, словно пытался проследить её путь через толщу бетонных блоков, потом уныло встал и поплёлся домой по вечернему Сармановскому тракту. Уже не так ярко сияли окна домов, не так весело гудели машины, даже далёкий трамвай грохотал по рельсам не звонко, как всегда, а приглушённо, словно чувствовал разлитую в воздухе печаль.

Наташа зашла домой. Навстречу ей из кухни вышла мама в переднике. Из комнаты выбежал, виляя хвостом, Грей, но тут же, почувствовав настроение хозяйки, прижал свой хвост и сел у стены.

— Случилось что? — мама вытирала руки о передник.

— Да, ничего, мам, просто Ромке сказала, что завтра на неделю уезжаю.

Мама внимательно посмотрела на дочь.

— Ну, ничего страшного, правда, ведь. Неделя — не год. Опомниться не успеете, как снова увидите.

Потом, словно разглядев в дочке что-то тревожащее, гложущее её, но по взаимному согласию не озвучиваемое вслух, она подошла к ней, обняла, спрятав её лицо у себя на груди.

— Ох, дети, дети...

Наташа высвободила лицо. Заплаканные её глаза вопрошающе глядели во встревоженные мамыны.

— Что мне делать, мам, а? Я его люблю...

* * *

Двести километров. Через четыре часа — Наташа в Малмыже. Автобус остановился на перекрёстке, возле заправки. Она, поблагодарив водителя, вышла. Вдалеке, на взгорье, стелился своими низкими домишками родной городок. Наташа глубоко вдохнула и, закинув на плечо сумку, пошла в город. Майский тёплый ветерок трепал её волосы, закидывая их назад, нежно обдувая шею. Над Малмыжем раскинулась бездонная синева неба с редкими белыми барашками облаков. Слева и справа зеленели бескрайние поля, над которыми, как волны, вздымались бурые груды холмов. «Как хорошо! — подумала Наташа, — и пусть это звучит пафосно, но здесь — моя Родина! Это не Челны с бешеным ритмом, шумом и стрессами. Как здесь тихо, хорошо, спокойно». Но она тут же вспомнила о Ромке и её радость от встречи с родными местами стала гаснуть, уступив место тревожным мыслям. Наташа впервые в жизни полюбила так ярко, так безоглядно. «А что дальше? Рано или поздно придётся раскрывать карты...».

Размышляя о грядущем и неизбежном, она сама не заметила, как подошла к бабушкиному дому. Отворив калитку, Наташа прошла по выложенной плиткой дорожке к деревянному крыльцу, поднялась по нему и постучала в старую, со следами облесшей краски, дверь. В глубине дома раздались шаркающие шаги:

— Ой, батюшки! Наташа! Красавица моя! Не узнать! — запричитала-заохала она, принимая у Наташи сумку. — Проходи, проходи. Есть будешь? У меня сегодня пирожки с капустой.

— Буду, ба, буду, — отозвалась Наташа, обнимая бабушку.

Потом сидели в уютной кухонке, где на окнах красовались белые узорчатые занавесочки, в тёплом воздухе пахло деревом и пыльным ковром, от печки исходило ещё невыветрившееся с утренней топки тепло (хоть и май, а всё ещё холодно бывает), лениво мурчала рыжая кошка.

— Ну, рассказывай, рассказывай! — требовала бабушка городских новостей. И Наташа рассказывала. О маме. О сестрёнке и её успехах в школе. О поисках работы. О том, что пока она у мамы на шее сидит. О самом городе — большущем и немного пугающем своими размерами. О Ромке она не стала ничего говорить. Бабушка сидела, сложив узловатые руки на передник, смотрела в рот Наташе, охала, ухала, смеялась, хмурила брови. И любовалась Наташей — такой юной, такой цветущей. Такой, какой и она когда-то была, и какую её безумно любили двое парней, и как тяжело ей было сделать выбор между ними. Она запечалилась в нахлынувших воспоминаниях, потом, словно очнувшись от сна, спросила:

— Васька-то пишет? Ждётся его?

Наташа осеклась. Яркий румянец — то ли от натопленной избы, то ли от внутреннего волнения — проступил на её лице. Несколько секунд поколебавшись, она ответила:

— Ну, так... Переписываемся...

— К родителям-то его сходи, навести.

— Может, схожу, ба... Слушай, что-то я устала с дороги. Я отдохну немного, ладно. Мне ещё надо вечером с девчонками из группы встретиться.

— Молодёжь, молодёжь, — покачала головой бабушка, — не сидится вам дома. Конечно, отдыхай, потом иди. Звонила одна уже, спрашивала во сколь автобус приезжает. Ждут, не дождутся твои подружки.

— Я тебя люблю, ба! — рассмеялась Наташа и с нежностью прижалась лицом к её морщинистой щеке.

Вечером, в плавно опускающемся на Малмыж розовом закате, Наташа гуляла с Алёнкой и Танькой, с которыми она училась в Савалах. Подружки хлопали своими густо покрашенными ресницами, поджигали розовые губки, слушая рассказы Наташи о Челнах. Они ни разу не были в таком большом городе («целых пятьсот тыщ!»), и дальше Вятских Полян никуда не выезжали. Поэтому засыпали Наташу вопросами: «А девчонки там в чём ходят? А парни там красивые? А не страшно, что трамвай задавит? А чо, я слышала! А с работой как? Устроилась уже куда-нибудь?» И, наконец, дошло до главного: «Нашла там себе, поди, кого-нить?» Наташа не знала, что сказать. С одной стороны, ей так хотелось поделиться с подругами своей тайной, своими чувствами, переживаниями. Хотелось рассказать о том, как летает душа, когда Ромка смотрит на неё. Как стонет тело, как сладкая дрожь пробирается от пальцев ног всё выше и выше, когда он касается её руки. Как красивы вечера в Челнах, ничуть не хуже, чем здесь, если в сгущающихся лиловых сумерках тебя провожает домой любимый человек. Но она знала, что об этом говорить нельзя. Иначе, то светлое и большое, что она чувствовала внутри себя, растопчут, унижат банальной насмешкой, дешёвой завистью. И самое главное, ЭТО станет известно всем. В том числе, и Васе. А она ещё не была готова сказать — ни ему, ни Ромке. Совсем не готова.

На следующий день, собравшись идти в Савали за документами, она вышла к трассе. На остановке стояли родители Васи. Оба в рабочих одеждах, у отца в руках завернутая в холстину лопата, у матери сумка-тележка. Наташа поздно их увидела, иначе спряталась бы за заправкой и переждала, пока те сядут на автобус и уедут, а теперь, когда она показала им на глаза, разговора не избежать.

— Ба, Наташка! — воскликнул отец. — Ты чего здесь?

— Да, вот, дядя Коль, приехала за документами в техникум.

— Понятно, понятно, дело важное. Без документов нонче никуда, — откликнулся дядя Коля. — В город-то, что, насовсем решила перебраться?

— Ну... Не знаю пока. — Наташа начала тяготиться этим выпрашиванием, ей уже хотелось, чтобы побыстрее приехал автобус и увёз их, но он всё не ехал и не ехал, и приходилось что-то отвечать. — работу вот пока ищу, если найду и понравится, может останусь... А может вернусь... Посмотрим...

— Ну, смотри, смотри, конечно. Дело молодое. Рыба, как говорится, ищет, где глубже, а человек, где лучше.

Наташа устала на пыльную землю, не смея поднять глаз, а и почему-то чувствуя себя во всём и перед всеми виноватой: и перед Васей, что полюбила другого, и перед Ромой, что никак не могла расставить все точки над «и» и рассказать ему обо всём, перед мамой, сестрой, бабушкой и подругами, что жила как-бы двойной жизнью... Перед родителями Васи...

— Вася-то пишет тебе? — вдруг услышала она низкий, грудной, женский голос.

— Пишет, тётъ Зой, только в последнее время как-то пореже, — ответила она, поднимая на неё глаза. Перед ней стояла пожилая деревенская женщина, и в глазах у неё Наташа увидела боль от долгой разлуки с сыном и пожелание тому счастья.

— Сама-то пишешь, Наташ? — вновь спросила она.

— Ну... пишу, конечно. Тоже редко получается. Отвечаю. Работу целыми днями приходится искать, дел много. — Наташа чувствовала себя последней тварью.

— Конечно, конечно, дело понятное. Работу сейчас везде трудно найти. Ты уж пиши Васеньке, — заглянула в глаза Наташе тётя Зоя, — он последнее письмо нам написал, так печалится, что редко пишешь, мол, совсем забыла о нём...

— Да что вы, тётъ Зой! Не забыла, конечно! Напишу. Обязательно.

— Ну, и хорошо, Наташенька! А вот и автобус наш, — заглянув за спину Наташи, тётя Зоя приподнялась на цыпочки, — ну, давай, успехов тебе. Всего хорошего!

— До свиданья! — махнула рукой Наташа поднимающимся по ступенькам дяде Коле и тёте Зое. И уныло, стирая со щёк бегущие слёзы, побрела вдоль трассы по направлению к Савалам.

Дела сделались как-то быстро, документы были готовы, и Наташа уехала уже на четвёртый день. Сидя в тряске автобуса, мрачно глядя на проносящийся пёстрыми пятнами пейзаж за окном, она думала о возвращении в Челны, о встрече с Ромой, о том, как наконец-то всё ему расскажет, и — будь что будет. Тут же набегали ещё более мрачные мысли: о том, как всё сказать Васе. «Поймёт ли? Да, конечно не поймёт! Дура ты, Наташа! Втрескалась в одного парня, а обещала ждать другого. Вот, блин, ситуация!» В раздраз от таких внутренних терзаний, она забылась беспокойным до рожным сном — с постоянными вздрагиваниями, просыпаниями, и провалами снова в липкую засасывающую паутину. Когда она окончательно проснулась, они были уже в Вятских Полянах. Остановка. Мужики вышли покурить, кто-то вышел кое-чего прикупить у местных торговков, гурьбой обступивших автобус. Наташа осталась сидеть в салоне. Было жарко. Форточки были открыты, но в воздухе не наблюдалось ни малейшего дуновения. Жирный запах пирожков тянулся устойчивой струёй. «Как же я устала», — вдруг отстранённо подумала Наташа и прислонилась лбом к стеклу.

Потом был Мамадыш с его, заполненной машинами, стоянкой перед дорожной развязкой. Проехав по кругу, автобус вывернул к стоянке, вновь отдохнули (покурили, прикупили что надо) и отправились в путь. Большие и малые сёла и деревеньки. Некоторые прямо у трассы — видно, что на подоконниках стоит, а некоторые в отдалении — сверкают на солнце разноцветными крышами. Потом была Елабуга, мимо которой проехали, не заезжая, но открылся вид на старый город с торчащими над частным сектором колокольнями церквей и соборов. Затяжной поворот, прямая, как стрела, дорога, поднимающаяся чуть в гору, лес по обе стороны, а вот и огромный бетонный указатель «Набережные Челны». И лес как-то сразу расступился, возник справа пост ГАИ, слева — насыпь железной дороги, а впереди изогнутой спиной исполинского бронтозавра протянулся над Камой мост Нижнекамской ГЭС. По мере того, как автобус выбирался из низины, пыхтя, поднимался по позвоночнику ящера, в левом окне вырастали понемногу белые, удаляющиеся по излучине реки, челнинские многоэтажки. «Ну, вот я и дома!» — то ли с радостью, то ли с грустью подумала про себя Наташа.

* * *

Встреча была жаркой, как и конец мая. Едва оказавшись дома и наскоро пересказав новости, Наташа побежала к соседке — звонить Ромке.

— Алло! Я приехала! — чуть ли не крикнула она в трубку.

— Наталь!!! Здорово!!! Так быстро. — Ромкин голос дрожал от волнения. — тебя можно увидеть? Или ты устала с дороги, хочешь отдохнуть?

— Конечно, можно! Приезжай скорее, Ром! Я так соскучилась! — Наташа раскраснелась, а соседка, проходящая мимо с заговорщицким видом, подмигнула ей («кавалер, да!?!»).

Дома Наташа по-быстрому сбегала в душ, вымыла голову, и стояла в прихожей перед трельяжем, суша волосы феном. Мама вышла из зала, остановила на дочери долгий взгляд. Наташа жужжала феном, то перекидывая волосы справа налево, то опуская голову вниз, и тогда они почти касались пола. Грей не любил производящих громкие звуки приборов и потому благоразумно укрывшись в спальне, за кроватью.

— Что, мам? — спросила Наташа, заметив во время манипуляций с волосами, мамин взгляд.

— Да, ничего, дочь, — как-то устало отозвалась та, прислонившись плечом к дверному косяку и скрестив руки на груди. — Куда собралась хоть?

— Ромка сейчас придёт. Потом, наверно, гулять пойдём. Погода такая классная!

— Хм, — отреагировала мама, скептически скривив рот, но потом, словно опомнившись, сделала выражение лица поспокойнее, — Натуль, ну, что тебе сказать... Я не хочу лезть в твои отношения с молодыми людьми (она как-то выделила именно множественное число интонацией), но мне кажется, это не совсем хорошо может кончиться.

Наташа вздохнула. Фен продолжал противно жужжать. Она его выключила.

— Ма, я всё понимаю. Но... Мне нужно время, чтобы решиться, понимаешь...

— Я-то понимаю, дочь. Лишь бы он понял. И лишь бы поздно не было, — ответила мама и ушла в комнату.

Тут в повисшей тишине раздался громкий, задорный звонок...

* * *

Они шли по жёлто-зелёному полю, пестреющему разноцветьем. Над головой голубой чашей раскинулось июньское небо. Стрекотали равнодушные к жаре кузнечики, мимо пролетали спешащие по своим делам изумрудно-фиолетовые стрекозы. Наташа была в светлом платье в мелкий цветочек, она загорела, но оттенок её кожи был не тёмно-бронзовым, как у Ромки, а скорее красноватым. Ромка шутил, что в её роду наследовали индейцы, Наташа в ответ смешливо парировала о татарском следе в ромкиной родословной. Ромка поднимал голову и щурился на солнце. Он впитывал — волосами, кожей, всем нутром — солнечный жар и жар, исходивший от этой необыкновенной девушки. Конечно, на почти двадцатипятиградусной жаре невозможно было различить отдельную температуру человека, но ромкины чувства были обострены, и словно весь мир разворачивался и сворачивался в его представлении, как книжный свиток, а затем концентрировался, со всеми своими запахами, красками и ощущениями, в одной конкретной точке. На кончике наташиного носа, покрытого милыми точками веснушек. На чуть влажных от жары локонах, ритмично вздрагивающих в такт походке. На очертаниях так же вздрагивающих под тонкой тканью платья девичьих грудках. На подоле платья и блестящей коже икр, тонких лодыжках, и на блестящих застёжках лёгких туфелек. Весь мир — и синее небо, и далёкие, ещё не зажжённые звёзды, и тёплый ветер, и город вокруг поля — наклонялись к ним. Всматриваясь. Интересуясь. Мир чего-то ждал. А для Ромки Наташа и была целым миром.

В начале июня Наташа, наконец, нашла работу. На самом краю города, в микрорайоне Сидоровка, за бурыми, кирпичными общежитскими высотками стояло приземистое двухэтажное здание техникума, где Наташа и работала теперь помощником главного бухгалтера. Зарплата была не ахти какая, но ей было важно зарабатывать стаж, поэтому она была согласна на любую вакансию. Чтобы попасть на работу, Наташе надо было полчаса ехать на трамвае до конечной, а потом ещё идти дворами до техникума. Ромку же от Сидоровки отделяло всего две остановки, и он каждый день ходил пешком, чтобы встретить её после работы. В четыре вечера Наташа, сияя, быстрым шагом выходила из дверей техникума и направлялась к Ромке, ждущему за оградой. Он смотрел, как она приближается, и испытывал ни с чем не сравнимое чувство какого-то дикого восторга. Её походка, её одежда, её выражение лица, то, как она улыбалась, искринки в её зелёных глазах, изящный изгиб её шеи, и вся её молодая, налитая ароматом яблок, свежесть — всё это ввергало Ромку в какой-то

почти молитвенный ступор. Он мог глядеть на неё часами, бесконечно слушать звуки её голоса, благоговейно ощущать слабый аромат её духов. Боготворить. И это чудо, подходя, просто говорило: «Привет! Ну, что, сегодня, как и всегда — огородами?» И они отправлялись домой уже не на трамвае, а полями Замелекесья, которые Наташа шутливо обзывала теми самыми огородами. По окраинам они обходили Сидоровку, переходили через первую автодорогу, шли по берегу Мелекески, наблюдая в разросшемся кустарнике какие-то незаконченные строения, чернеющие провалами окон, и, наконец, вырывались на широкий жёлтый простор, где в панораме виднелись малюсенькие дома, один из которых так ясно привиделся Ромке во сне. И сейчас Ромка шёл по воплощённому сну, не уставая поражаться чуду сбывшихся тайных надежд и желаний. Среди поля вилась узкая тропинка, проложенная словно для них одних, ибо они никогда не встречали на ней никого. В эти минуты они были одни на земле, и большой город затихал в отдалении, свято блюдя покой влюблённых. Поле играло им свой гимн, состоящий из всевозможных стрекотаний, шелеста ветра, пения птиц, укрывшихся в травах, дыхания земли и запаха цветов. Они разговаривали. Обо всё на свете. О своём детстве, о том, что любят и что не любят, о курьёзных случаях, происходивших в жизни каждого, делились мечтами и планами. Однажды Наташа спросила Ромку, почему он живёт не с отцом, а с матерью и бабушкой. И он рассказал ей свою историю.

Ромка родился в Челнах, родителям дали однокомнатную квартиру в восемнадцатом комплексе Нового города. Мама работала в детском садике, который располагался прямо за домом, где они жили. Туда Ромка и пошёл. Потом дело дошло до школы. Она тоже была в двух шагах. Так ромкина жизнь очертилась невидимым периметром: дом, детсад, школа, двор, дворовые (они же школьные) друзья. На выходные Ромка с мамой ехали на ГЭС, к бабушке. Это был как бы выход из одного мира в другой. Долго ли, коротко ли, шло время и Ромке исполнилось тринадцать. К тому времени Ромка уже понимал, что жизнь подростка в Челнах не так проста и радужна: помимо непонятных и пугающих изменений в организме есть ещё и жестокая внешняя реальность, которая может проявиться в самый неподходящий момент. Такой момент однажды наступил и в ромкиной жизни. К нему пришли ребята из комплекса и предложили вступить в группировку, а если Ромка откажется, сказали ребята, то он окажется «чёртом» и «чушпаном», то есть тем, кого все остальные будут «чморить». Ромка, конечно же, согласился. Во-первых, ему не хотелось быть зачморенным чушпаном, а во-вторых, он же знал всех этих ребят — его друзей. Правда, теперь у Ромки появились обязанности. Нужно было каждую неделю сдавать деньги в общак. Для чего это делалось, как и кем эти деньги распределялись, Ромка не знал, но это был закон, и нарушение каралось очень жёстко. Постепенно Ромка узнавал о группировочном мире Челнов всё больше. Была чёткая градация по возрастному принципу: были младшаки, середняки и старшаки. Ромка по возрасту, естественно, попадал в первую группу — самую бесправную из всех. Комплекс был закрытой территорией, внутри которой ты мог чувствовать себя безопасно. Если ты гулял на территории другого комплекса, то тебя могли избить, отобрать деньги, изувечить. Между некоторыми комплексами была война, а некоторые находились друг с другом в состоянии перемирия. Очень важным было знать местных авторитетов (из старшаков) и авторитетов других комплексов. Тогда можно было при наезде со стороны чужаков «блеснуть своими знакомствами» и тебя отпускали. Но могли и наказать, если ты не по делу и без доказательств «сорил кликухами». Весь этот параллельный челнинский мир объединяли понятия — «рамсы». Не по понятиям, например, было заявиться на драку с чужим комплексом при ножах, если до этого обговаривалось, что оружие — только палки и кастеты. Не по

понятиям было клеить чужую девчонку, с которой пацан «лазил», а если пацан уходил в армию, и девчонка объявляла, что будет его ждать, то клеить её было двойным преступлением.

Наташа слушала, кивала серьёзно, иногда испуганно округляла глаза. Когда Ромка рассказывал о понятиях, она, как будто стыдясь чего-то, опустила глаза и так и шла до дома всю дорогу.

* * *

На следующий день погода резко испортилась. Видимо, за ночь метеорологические волшебники где-то там наверху что-то напутали, и теперь Челны накрыла густая морось прохладного мелкого дождя. Блестели тротуары, ширились лужи, волна прохожих ошетилилась зонтиками, тучи низко висли над городом, выдавая всё новые порции влаги. Наташа проснулась в двойственном настроении. С одной стороны, то, что ей снилось, было очень волнующим и приятным, тем, чего она, если честно, так долго ждала от Ромки. С другой стороны, ей не давали покоя вчерашние ромкины слова. И вставал тут же перед мысленным взором Вася, и их малмыжская любовь, и встречи, и близость — и Наташа ненавидела себя за это раздвоение. Поэтому, нехотя встав (спешить некуда, сегодня — выходной), она вяло почистила зубы, умылась, села завтракать. Мама с утра куда-то ушла. Сестра смотрела по телевизору детскую передачу, в кухню долетали звуки смеха и искажённых голосов взрослых, подражающих детям. Грей тихо подошёл и положил свою тяжёлую морду Наташе на колени. Она потрепала его за ушами и сказала со вздохом в его умные глаза: «Ну, что, принц, люблю я тебя! И что мне делать? Наверное, надо идти в любви до конца...» Грей заморгал, дёрнул головой, словно кивнул, и задышал, высунув красный язык. Наташа засмеялась. «Одобрешь, да?»

Ромка пришёл в десять утра. Они договорились вчера, что сходят на Каму, но теперь, когда случился погодный переворот, это вряд ли осуществимо. Открыв дверь, Наташа увидела, что Ромка почти полностью сырой.

— Под дождём дорога от остановки до твоего дома в два раза длиннее, — Ромка ещё старался шутить.

— Так! Ну-ка быстро снимай всё с себя! — скомандовала Наташа. — Надо обязательно обсушиться! Ромка замялся.

— Да ладно, чего ты, Наташ, на мне высохнет.

— Никаких на мне! — Наташа действовала решительно. Она загнала Ромку на кухню, встала перед ним, протянув к нему руку, повернутую вверх ладонью. — Давай, давай — футболку!

Ромка смиренно снял футболку. Протянул ей. Она ушла с ней в ванную, вернулась оттуда через пару секунд с полотенцем.

— Теперь — брюки!

Ромка, поняв, что возражать не стоит, начал расстёгивать ремень.

— Вот полотенце. Оботрись и завернись. Я сейчас, — и она вышла из кухни.

Ромка снял мокрые брюки, носки, наскоро вытерся огромным махровым полотенцем. Едва он успел завернуться в него, наподобие римского патриция, как вошла Наташа.

— Ну, что? Ты всё?

— Вроде всё.

Она взяла брюки с носками, унесла их куда-то, вернулась, кинула ему под ноги тапочки, сказала:

— Сушить-то негде. Батареи отключены. Я на сушилке разложила. Не насквозь вещи вымокли, но придётся какое-то время подождать, пока высохнут. Если что, потом феном ещё посушим, ага?

— Ага, — послушно кивнул Ромка, — спасибо, Наташ!

Они пили чай и смотрели телевизор, когда повернулся ключ в замке — пришла мама. Увидев Ромку в таком виде, она изумлённо округлила глаза, брови поползли вверх.

— Привет, дети! Ром, ты из бани что ли!?

— Mam, да он под дождь попал, когда ко мне шёл, — ответила за Ромку Наташа. — Вещи сохнут, а мы чай вот пьём. Ты будешь?

— Буду, — мама сбросила босоножки, отодвинула бедром ластящегося Грея («уйди, собака, не до тебя»), прошла с пакетами на кухню. Наташа вышла вслед за ней. Через минуту раздался звук закипающего чайника. Затем Ромка услышал неясный звук двух голосов. Мама что-то говорила Наташе, Наташа отвечала. Это не было похоже на ссору, но Ромка почувствовал некое напряжение. Зашла Наташа, поглядела на него немного печальными глазами и сказала:

— Пошли пить чай.

— Всё нормально? — спросил Ромка.

— Нормально, — ответила Наташа, — сейчас вещи проверю — высохли, поди, уже, и будем чай пить.

Чай пили молча. Грей лежал возле своей миски, положив морду на скрещённые лапы, и имитировал чуткий сон. Иногда он приоткрывал один глаз и внимательно осматривал троицу, сидящую за столом.

— Ну, и погода! Лето вроде, а смотри ты, как резко похолодало! И дождь почти осенний полил, — начала мама Наташи, пытаясь разрядить обстановку.

— Да, — не поднимая глаз от чашки, отозвалась Наташа.

— Ну, да... — смотря на окно, за которым плыли по небу серо-белые мокрые облака, высказался и Ромка.

И тут, словно в ответ на их общий пессимистический настрой, выглянуло солнце, и мир тотчас преобразился. Лужи засверкали радостно. Ветер мгновенно угнал куда-то за Каму грязные облака. Небо высветилось летней синевой. Окна соседнего дома блестели в лучах солнца, посылая вокруг солнечные зайчики.

— Вот те на! — воскликнула наташина мама.

— Ромка, пойдём гулять!? — не дожидаясь ответа, Наташа сорвалась с места, скрылась в ванной и уже оттуда докричала, — я сейчас.

Через пять минут преобразившаяся, накрашенная и расчёсанная, она выплыла из ванной. Ромка уже ждал её в прихожей. Обулись, Наташа крикнула «всем пока!», и они побежали вниз по лестнице в их новой игре «кто первым добежит до первого этажа». На этот раз победила Наташа (Ромка чуть-чуть поддался), и они, смеясь, выбежали на улицу. Соседки на лавочке, решившие видимо, что в любую погоду необходимо дышать свежим воздухом, и радовавшиеся перемене погоды, нахмурили брови, проводив парочку неодобрительным взглядом. Но что было до каких-то там взглядов (одобрительных, или неодобрительных) влюблённым друг в друга Ромке и Наташе. Они гуляли под ярким солнцем, наблюдая, как оно высушивает блестящие лужи, как торопятся пошлёпать напоследок по этим лужам маленькие бутузы, как проступает под влажной сыростью бурая асфальтовая поверхность, как прохожие помахивают уже не нужными зонтиками, как шелестят высыхающими кронами дерева, как струится вокруг прекрасная и загадочная жизнь.

— Пойдём через мост, на берег Мелекески? — предложила Наташа.

— Давай, — сказал Ромка, и они пошли по ещё влажной земле по направлению к мосту. Навстречу им, деловито лязгая по рельсам, летел красно-белый трамвай. В порыве ветреного, солнечного настроения Наташа подняла руку и помахала пассажирам в трамвае. Кто-то недоумённо нахмурился на её жест, кто-то с равнодушием отвернулся (мол, не до шуток), кто-то просто улыбнулся, словно вспоминая о чём-то хорошем, а одна маленькая девчушка в платье в горошек, привстав на сиденье, смешно помахала Наташе в ответ. Наташа засмеялась.

— Как хорошо вот так гулять! Просто радоваться! Просто жить! — Она закружилась перед Ромкой, разведя руки в стороны.

Солнце перевалило зенит и клонилось к закату, но до сумерек всё равно оставалось ещё много времени. Шли по Сармановскому к наташиному дому. Уже подходя, Наташа вдруг дёрнула Ромку за руку.

— Давай зайдём в этот дом!

Они как раз находились перед высоткой, построенной казанскими строителями. Общие балконы ярко белели на солнце, радуя глаз вязью орнамента.

— Зачем? — непонимающе откликнулся Ромка.

— Пойдём, — заговорщицки потянула его Наташа.

Они перешли перекрёсток, вошли в подъезд, на лифте поднялись на самый последний этаж. Наташа была какой-то возбуждённой, она улыбалась, глаза её сияли, когда она смотрела на Ромку. Тот смущённо улыбался в ответ. Они вышли на общий балкон. Перед ними открылся город на берегу реки. Видна была узкая лента Мелекески, забегаящая под мост, чтобы обогнув излучину Элеваторной горы, слиться с широкой Камой. Виден был вдоль Мелекески красноватый изгиб длинной девятиэтажки десять-семьдесят. За ней скрывалась дорога, по которой уносились в неизвестность десятки машин. Виден был мост, а за ним вздымался в небо зелёный шпиль мечети. Наташа приблизила лицо к окошку-ромбику, её нос скрылся в нём.

— Знаешь, я люблю высоту. Люблю смотреть на всё с высоты. В Малмыже, хотя мы и жили в низком доме, но сам город стоял на высоком холме, и сверху открывался просто классный вид на всё вокруг. А потом я переехала сюда... — она повернулась к Ромке, опершись спиной на ограждение балкона, и посмотрела Ромке прямо в глаза, — ...и ты показал мне другую высоту... и она мне очень нравится. Я люблю тебя, Ром!

Ромка смотрел на Наташу. Её глаза словно сияли внутренним огнём, и этот пламень обжигал Ромку — его душу, его тело, его мысли.

— Можно тебя поцеловать? — хрипло произнёс он. И, хотя Наташа не ответила, Ромка по её взгляду узнал ответ. Он шагнул к ней. Она запрокинула голову, жёлтые волосы рассыпались по белым ромбам, и ветер играл ими в свою тайную игру. Ромка обнял Наташу за талию, бережно сжимая своими ладонями хрупкое горячее тело, и склонился над ней. Она обвила руками его шею и потянулась губами к его губам. Это был миг перед зарождением Вселенной, когда предвечная тишина покрывает всю пустоту, в которой расцветает огоньком маленькая точка, хранящая в себе неимоверную энергию. И затем следует взрыв! Мириады частиц сталкиваются, вонзаются, слепляются друг с другом. Галактики губ разбегаются, чтобы снова сойтись в бешеном танце под грохот рождения сверхновых. Тёмные дыры глаз тонут в бездонностях своих эманаций. Жаркие волны эфира укутывают в блестящий флёр точки созвездий. Созвездие Плеч. Созвездие Тонких Пальцев. Туманность Горячего Лона. Млечный путь Желания.

* * *

Наташа пришла домой, как пьяная. Мама была на кухне и, зайдя туда, Наташа встретила её насторожённый взгляд. Наташа устало опустилась на табурет, привалившись спиной к стене и вытянув ноги.

— Глаза-то чего такие дикие? — мама, похоже, уже всё поняла.

— Мам, — Наташа потянулась, как кошка, — я сегодня с Ромкой в первый раз поцеловалась, представляешь!

Мама удивлённо уставилась на дочь.

— Ох, Наташка! Обождёшься ты любовью! Вспомнишь мои слова... — мама, шаркая тапочками, вышла из кухни.

— Мам, ну разве любовь это плохо!? — крикнула ей вдогонку Наташа.

Из ванной выскочила сестрёнка. Подбежала к Наташе, посмотрела хитро и лукаво спросила:

— Наташа, а что такое любовь?

— Будешь много знать, скоро состаришься! — рассмеялась Наташа, вставая.

Но тут в проёме двери вновь появилась мама. В руках у неё белел прямоугольный конверт. Предчувствие неизбежного обожгло душу Наташи.

— Сядь, — приказным тоном сказала мать. Наташа села. — Вот. Сегодня принесли. Читай. Она кинула запечатанный конверт на стол, резко развернулась и вышла. Наташа дрожащими руками вскрыла конверт, на котором знакомым почерком были аккуратно выведены название и номер части, её адрес и имя с фамилией. Достала письмо, начала читать, буквы запрыгали перед глазами, расплываясь в каком-то тумане. «Милая... дорогая Наташенька... люблю... постоянно думаю... почему не пишешь... скоро дембель... приеду к тебе... сентябре...» Она зарыдала. «Почему!? Ну, почему всё так в жизни!? Господи, да что за мука-то такая!? За что!?» В кухню забежала мать, потом сестрёнка.

— Что с тобой, Наташ!? Ты чего!? Ну, что ты, что ты... Не плачь, всё наладится, вот увидишь! — бормотали обе, обнимая её с двух сторон. Но Наташа знала, что уже ничего не наладится. Потому что всё в жизни двигалось к какому-то очень злому финалу, к какой-то точке невозврата, после попадания в которую уже ничего не будет прежним. «Даёшь счастье, и тут же забираешь», — обратилась она шёпотом сквозь рыдания к кому-то неизвестному.

— Что милая? — не расслышав, переспросила мама. — Будет счастье, обязательно будет. И вздохнула.

* * *

В ту ночь Наташе снились кошмары. Её преследовало чудовищное змееподобное существо с двумя головами, причём одна голова была уродливой, а вторая прекрасной. Существо догнало её в сыром мрачном тупике, обвилось скользкими кольцами, две головы оказались на уровне глаз. Наташа задыхалась от липкого ужаса. И тут головы начали спорить друг с другом, кому из них достанется право укусить первой. Наташа переводила взгляд с одной головы на другую, но всё мгновенно менялось, и уродливая голова вдруг превращалась в мгновение ока в прекрасную, и наоборот, прекрасная становилась уродливой. Потом она, как это бывает во снах, оказалась в другом месте. Оглядевшись вокруг, она поняла, что стоит на мосту, что перекинут через Мелекеску, и с двух сторон к ней идут Вася и Ромка. Они приближались, и если сперва Наташа видела лишь силуэты, то потом могла разглядеть в каждой фигуре всё до последней мелкой детали. Лишь лиц она не видела — они были скрыты облачками наподобие тумана. При этом она точно знала, кто из них Вася, а кто Ромка. Приблизившись к ней,

фигуры остановились каждая в паре метров от Наташи. Воцарилось жуткое молчание. Наташа резко крикнула: «Что мне делать, скажите!?» То ли от крика, то ли от ветра, что поднялся сразу после её возгласа, туманные облачка, укрывавшие лица Васи и Ромки, стали таять. Наташа вглядывалась в их черты, но вновь с ужасающей быстротой лица стали меняться из уродливого в прекрасное, и наоборот. Рухнув на колени, Наташа дико закричала. И проснулась. С соседней кровати на неё испугано тарашилась разбуженная сестрёнка.

— Спи, Ян, извини, просто кошмар приснился, — дрожащим от пережитого голосом пробормотала Наташа.

— А ты так скажи перед сном, — наставительно сказала Янка, —

Наступает ночь,

Ты устала, дочка.

Ножки бегали с утра,

Глазкам спать давно пора.

Ждёт тебя кровать.

Спи, дочурка, сладко!

И будешь всю ночь видеть только хорошие сны...

— Спасибо, Яночка, я обязательно буду так делать, — со слезами на глазах Наташа залезла под одеяло и отвернулась к стенке.

На следующий день перед работой она забежала к соседке, позвонила Ромке, чтобы он не приходил, так как она после работы поедет с мамой по магазинам, и у них просто не будет времени, чтобы встретиться. Наташа не сильно преувеличила, так как у мамы сегодня был день зарплаты, и она пригласила дочь пробежаться с ней по магазинам. Так совпало, что и у Наташи ожидалась первая зарплата, и конечно она планировала тоже прикупить кое-то и для себя. Кроме того, ей просто необходим был перерыв, чтобы разобраться в своих мятущихся мыслях и принять решение. Ромка, конечно, сразу погрузился, но делать было нечего, и они договорились, что Наташа позвонит ему ещё и скажет, когда можно будет вновь увидеться. Ещё несколько дней Наташа ссылалась на свои женские дела, и тут уж ничего не попишешь — природа была на её стороне. Вечера она проводила дома, гуляла во дворе с Греем, помогала сестре с чтением книг, заданных на лето по школьной программе. Мама поглядывала на неё с подозрительным интересом, но ни во что не вмешивалась и ни о чём не спрашивала.

Близились выходные. Надо было определяться. Наташа в пятницу снова зашла к соседке, набрала заветный шестизначный номер, трубку сняли, и ромкин тревожный голос произнёс «алло!»

— Привет, это я, — сказала Наташа. Она почувствовала кожей щеки и уха, как на том конце провода ромкин рот расплылся в улыбке, — приходи завтра. Я очень соскучилась!

* * *

Ромка ворвался в квартиру Наташи как ураган. Едва войдя в дверь, он сразу сунул ей коробку конфет. Грея он потрепал за уши, при этом оба довольно порывивали. Наташе самой передалось его возбуждение, она подбежала к Ромке и повисла у него на шее, покрывая его лицо мелкими поцелуями.

— Блин, Ромка!!! Я как будто тыщу лет тебя не видела! Соскучилась — жуть!

— А я, думаешь, не соскучился!? Чуть с ума не сошёл за эту неделю. — он жадно смотрел на неё. — у тебя всё нормально.

— Нормально. Посиди в зале. Я чай сделаю. Будем кино смотреть.

— А мама с Янкой где?

— Янка гуляет, как всегда. Маму тоже где-то носит. Ушла, когда я спала ещё. Ты телевизор включай пока. — Наташа упорхнула на кухню.

Ромка зашёл в залу, нажал на кнопку включения телевизора, экран помутнел, посветлел, пошёл полосами, и появилось нормальное изображение. Потыкав каналы, Ромка остановился на одном, и сел в кресло. Наташа гремела чашками-ложками на кухне. Грей устроился у его ног. Солнце светило в окно, ярко протекая прозрачным светом сквозь узорчатую тюль. «Как же здорово и классно жить!» — подумал Ромка и потянулся в кресле. Наташа вошла с подносом в руках.

— Помоги мне, Ром, — она кивнула головой на журнальный столик.

Ромка вскинулся, передвинул столик так, чтобы он стоял между креслом и тахтой. Наташа поставила поднос. В прозрачных чашках тотчас заиграло солнце, смешивая свой свет с цветом чая. Печенья на блюде с золотой каёмкой выглядели аппетитно. Ещё аппетитней выглядела Наташа, которая полулегла на тахту, привалившись к её спинке. На ней был короткий сиреневый халатик, перетянутый пояском. Когда она села, край халата соскользнул с бедра, и у Ромки перехватило дыхание. Он застыл с недонесённой до рта чашкой чая. Наташа проследила его взгляд и, зардевшись, одёрнула халат. Они продолжили пить чай молча, иногда поглядывая друг на друга. По телевизору шёл какой-то концерт, но звуки его стали как бы глуше и дальше. Сердца обоих гулко и быстро стучали, и, казалось, они слышат стук друг друга. И понимают всё без слов. В висках пульсировало. Ромка вдруг поставил свою чашку на столик, поднялся и подошёл к Наташе. Она посмотрела на него снизу вверх (сама не поняла, то ли с испугом, то ли с желанием, одно поняла точно: сейчас ЭТО случится!) и подумала: «Боже, какой он высокий! И красивый...» Что происходило дальше, она уже слабо помнила. Вот, он опускается перед ней на колени... Она вынуждена развести ноги... Он притягивает её к себе, она двигается, халат съезжает, обнажая бёдра... Он целует её шею (о, Боже, как же это приятно!!!)... Он спускается ниже... Халат лезет вниз с плеча, открывая обнажённую грудь... Он касается... Взрыв!!!

Каким-то чудом она услышала звук ключа, поворачивающегося в двери. Она толкнула Ромку от себя, одновременно запахивая халат. Ромка отлетел на кресло. Щёки Наташи пылали. Она схватила чашку с чаем и печенье. Вошла мама.

— Привет! Чай пьём? — мама поставила пакет на пол прихожей, подняла глаза на Наташу, затем её брови сдвинулись. Сделав шаг, она распахнула неоткрытую створку заальной двери, как раз там, в углу, сидел в кресле Ромка. Она гневно посмотрела на него. Он пробормотал «здрассте» и сделал вид, что сосредоточенно смакует чай.

— Здравствуйте, здравствуйте! — строго ответила мама, обернулась на Наташу, — так, пошли-ка со мной на кухню.

Наташа молча поставила чашку на стол, поднялась и с виноватым видом удалилась за мамой, сделав напоследок Ромке страшную «рожу» (мол, всё, попались!) Дверь кухни хлопнула, до Ромки донеслись обрывки разговора, вернее, маминого монолога, на весьма повышенных тонах. Через пару минут послышался звук открываемой двери и голос наташиной мамы:

— Так, дочь, сходи-ка ты в магазин!

— Но.. Ма! Ты же купила вроде всё, — услышал Ромка Наташины слабые возражения.

— А ты ещё что-нибудь купи... К чаю! — мамин тон не терпел возражений.

Наташа промелькнула в двери и скрылась в своей комнате. Ромка слышал, как она одевается. Потом она вышла, быстро обулась и, послав Ромке умоляющий взгляд, хлопнула входной дверью. Её мама вошла комнату, села на тахту, напротив Ромки, и строго посмотрела на него. Он всё ещё держал в руках чашку с остывшим уже чаем.

— Ром, мне кажется, нам надо серьёзно поговорить, — начала мама.

— Давайте, Ирина Петровна, — тоже перешёл на официальный тон Ромка.

— Не знаю, как далеко у вас всё зашло в отношениях с Наташей, — продолжала та, — но мне кажется, что... (тут она замешкалась, словно подбирала нужное выражение)... тебе она не очень подходит.

Ромка удивлённо округлил глаза.

— В смысле?

— Ну... В таком вот смысле, — женщина явно хотела что-то сказать, но ей будто не удавалось адекватно сформулировать свои мысли, — понимаешь... ты, Ром, парень хороший... из хорошей семьи... интеллигентной... начитанный. А моя Наташка... она... ветреная девушка.

Ромка во время всего этого монолога всё больше каменел лицом и всё сильнее недоумевал. С чего вдруг тётя Ира так ополчилась на их отношения? Всё же вроде хорошо было! И чай вместе пили. И картошку им помогал сажать в огороде. И не было ведь никаких претензий. А сейчас что на неё нашло?

— Ром, — наташина мама прямо посмотрела ему в глаза, — Наташа всегда была девочкой увлекающейся и влюбчивой. Я просто переживаю. Переживаю за тебя. Пойми ты, а вдруг у неё всё временно? Чувства переменятся, она влюбится в кого-нибудь ещё, а тебе — страдать. Я её люблю, она — моя дочь, но и тебе, Рома, как сыну своей подруги, я желаю лишь добра. Лучше оставь её. — Сказав всё это, она как-то сразу обмякла, плечи опустились, лоб прорезала глубокая морщина.

Ромка сидел, как громом поражённый. Затем медленно, отдельно, словно взвешивая каждое слово, он проговорил:

— Теть Ир, мы с Наташей любим друг друга... И я хочу на ней жениться...

— Ох, дети, куда ж вы! — она всплеснула руками и убежала на кухню. Ромка остался сидеть, как вкопанный.

Стукнула входная дверь. Наташа, стремительно сбросив туфли, заглянула в залу, увидела, в каком состоянии Ромка, и помчалась на кухню.

— Что ты ему сказала!? — она ненавидяще вонзила глаза в мать. Кулаки её сжались так, что побелели костяшки пальцев.

— Ничего я ему не сказала, — устало прошептала та, — но пойми ты, Наташ, что за всё платить придётся. И за ложь тоже. Я не хочу вам зла, пойми! — она подняла на дочь мокрые глаза, — но если ты не скажешь ему сегодня правду, я сама всё расскажу.

Он ведь, дурочка, на тебе жениться надумал, а ты что творишь!? — мать заплакала. Наташа ошеломлённо молчала.

— В общем, я сейчас уйду, а вы разбирайтесь тут между собой. Поняла? — вытирая глаза, мать вопросительно посмотрела на Наташу.

— Поняла, — отстранённо, глядя куда-то в пустоту, ответила она.

Наташа вошла в комнату, словно марионетка, управляемая чужой волей. Ромка поднялся навстречу ей.

— Наталь! Что случилось? Что вообще тут происходит? Я что-то ничего не понимаю, — он с тревогой заглядывал в тусклые глаза Наташи.

— Ром, сядь, пожалуйста, я должна тебе кое-что рассказать. — голос Наташи был исполнен раздирающей её муки. Ромка послушно вернулся в кресло.

— Понимаешь, Ром, мне хотелось бы, чтобы ты меня понял. Это для меня самое главное. Когда я переехала в Челны, мне здесь было очень одиноко. Ни друзей, ни подруг, мама с сестрой не в счёт. Мне не с кем было даже просто поговорить, поделиться мыслями. Понимаешь? (Ромка кивнул). И тут появился ты. И моя жизнь словно осветилась. Ты стал всем для меня. Смыслом жизни. Я тебя полюбила. (Голос Наташи дрожал. В глазах стояли слёзы). И я очень боюсь, Ром, очень, понимаешь, что ты меня возненавидишь...

— За что!? — перебил её Ромка.

— ... подожди! Ром, мне мама сказала, что ты ей сказал, что хочешь на мне жениться. Это правда?

— Правда, Наташ. Я, конечно, хотел бы, чтобы всё это произошло немного при других обстоятельствах, но... Я тебя люблю, Наташ. Это правда.

Наташа заплакала. «Почему всё вот так!? Почему!?» — повторяла она, трясаясь от рыданий. Ромка подошёл к ней, обнял за плечи, начал гладить, шепча успокаивающие слова.

— ...нет, Ром, подожди, дослушай, — отстранилась от него Наташа. Она глубоко вдохнула и, испуганно глядя в ромкины глаза, сказала:

— В Малмыже у меня был парень. Вася. Ну, как был... И сейчас есть. Но он сейчас не в Малмыже, а в армии. И я обещала его ждать. Мы встречались друг с другом, как муж и жена. После армии планировали пожениться...

Выпавив всё это одним духом, Наташа замолкла, опустив глаза, боясь взглянуть на Ромку. Тот сидел молча, не шевелясь. Солнце всё так же светило сквозь шторы, но теперь его свет стал каким-то равнодушным, тусклым, безрадостным. Где-то внизу, на улице, шумели дети в своих детских играх, ворчали машины, дул ветер. Наташа осмелилась, наконец, поднять глаза на Ромку. Тот сидел в кресле неестественно прямо, сплетя пальцы рук в тугий белый комок. В глазах его застыло страдание. Наташа кинулась к нему, обняла его колени, пытаясь спрятать голову под его руками. — Прошу, милый, пойми меня. Я сама не знаю, как всё так получилось. Я не хотела тебя любить, но потом полюбила. Честно...

— Ты писала ему, что у тебя теперь есть я? — спросил Ромка.

Наташа мучительно сжимала и разжимала пальцы.

— Нет, — наконец, с усилием произнесла она. — Но... Я хотела. Честно хотела. Я напишу...

— Понятно, — охрипшим голосом сказал Ромка.

— Это всё, что ты можешь сказать, — плача, спросила его Наташа.

— А что тут говорить, — отозвался он, криво усмехнувшись, — ты ему даже не сообщила, да, и если обещала ждать, надо ждать, а не...

— Что не..!? — крикнула с болью Наташа.

Ромка не ответил, мягко, но решительно отстранил её от себя, вышел в прихожую и стал надевать кроссовки. Наташа выбежала за ним.

— Не уходи, Ром! Давай поговорим! — она моляще смотрела на него.

— Наталь, прошу, не надо... — скривившись, словно от зубной боли, он открыл дверь и шагнул за порог.

* * *

Прошло два месяца. Жаркий июль сменился более прохладным августом. Лето сдавало позиции своей старшей печальной сестре — Осени. В воздухе витала вековая грусть увядания, расставания с радостью, предчувствия злых ветров и зябких дней. В конце августа, чтобы хоть как-то забыть о Наташе, Ромка ушёл в сплав по реке Ик. Плыли вшестером: руководитель местного турклуба, его гражданская жена, их девятилетняя дочь, друг Ромки Витёк со своей подругой Танькой, ну, и сам Ромка. На автобусе, с загруженными под завязку рюкзаками, доехали до Муслимова, вышли на мосту, спустились к реке, нарубили тонких берёзок для каркаса, надули и связали катамаран, сели и поплыли. Неторопливое течение реки, серое небо над головой, мерные всплески вёсел в воде, расстилающиеся вокруг поля, переходящие вдалеке в невысокие холмы, морсящий иногда нудный колкий дождик — всё это вполне соответствовало ромкиному настроению. Да, он и не желал другого. Прошло жаркое, наполненное весельем, лето. Наступила пора пожухлой травы, стелящейся под суровыми ветрами. Бывали минуты, когда Ромка почти понимал Наташу, а значит, почти прощал. Но... Это «почти» постоянно выкидывало свои злые шуточки в виде каверзных вопросов, тягостных сомнений, ощущения недосказанности, различных домыслов. Вспоминая их с Наташей встречи, Ромка не мог не верить, что любовь Наташи была чистой и искренней, что всё, что она ему говорила, было правдой. И тут же коварный голос жарко шептал внутри головы: всё, что говорила, — да; но ведь она не всё тебе говорила, и как быть с той, второй, правдой? И Ромка замыкался в себе. Мучился. Страдал. Двухмесячные терзания настолько измотали его, что он воспринял предложение пойти в сплав, как спасение свыше. Но и здесь мрачные мысли одолевали его, голосок всё звучал, всё шептал. Ромка рассказал всё другу. Друг понял, посочувствовал, но, конечно же, ничем не мог помочь. Сперва стало немного легче, но затем мрак одиночества и безвыходности вновь затопил Ромку. Он исправно махал веслом, обходя коварные «какао»-водовороты, рубил дрова на привалах, ставил палатку на ночь, кашеварил в назначенную ему очередь. Короче, жил полной походной жизнью. Кожа его стала обветренной, ладони покрылись мозолями, руки огрубели и налились силой, волосы отросли и спутались нечёсанными патлами. Но всё это было для него не главным. Главным было — сосущее, до боли желание понять! Почему так случилось!? В чём он виноват!? Кто свёл их пути на земле!? И, главное, зачем!? Зачем все эти страдания? Кому они нужны?

В последнюю ночь сплава они остановились на ночёвку на краю огромного поля. Именно такое представляется, когда слышишь известный русский романс. Далеко на противоположном его краю, темнел узкой чёрной полоской лес, а вверх раскинулся бездонный шатёр ночных небес, сияющий бессчётным количеством ярких точек. Такого количества Ромка не видел никогда. Казалось, на каждом квадратном сантиметре неба расположено не меньше десяти сверкающих с разной мощностью огоньков. Звёзды складывались в кресты, чаши, короны, Млечный Путь разливал своё молоко по просторам галактики. Все уже ушли спать, лишь Ромка один остался сидеть у догорающего костра. И тут в голову ему пришла простая и ясная истина: всё в этом мире течёт параллельно друг другу, иногда соприкасаясь, чтобы какое-то время течь единым потоком, потом потоки разделяются — какие-то по причине разных целей, какие-то из-за гордости и глупости, какие-то — из-за смерти одного из

потоков. Если поток человека хочет течь с твоим потоком, значит, надо принять это как благосклонность судьбы и радоваться тем минутам, часам и годам, в которые вы течёте вместе. И ещё одно понял Ромка: когда он вернётся, он обязательно расскажет Наташе о своём открытии, и, конечно же, предложит ей течь вместе. С этой мыслью он заснул, и впервые со дня расставания с Наташей, видел светлые сны.

* * *

В первый день после приезда Ромка отмывался, брился, вычищал грязь из-под ногтей, ходил стричься. Приведя себя в нормальный цивилизованный вид, он готов был к встрече с Наташей. Правда, мама сказала ему, что за время его отсутствия, то есть почти за неделю, Наташа ни разу не позвонила. Он встревожился. Хотя, с другой стороны, чего он хотел? Он сам оборвал все контакты с ней, да и прошло уже два месяца. Поначалу она ещё пыталась выйти с Ромкой на разговор, почти каждый день звонила. Мама, беря трубку, вопросительно смотрела на Ромку, который тоже подбегал к телефону, и неслышно, одними губами шептала «Наташа», но он после секундного промедления всегда упрямо мотал головой и, сгорбившись, уходил в свою комнату. Мама, с болью глядя в спину сына, отвечала в трубку, что «его нет», или «только что вышел, позвони попозже», или потом уже правду: «он не хочет разговаривать». Мама была в курсе произошедшего (всё-таки они с тётей Ирой подруги). Конечно, они уже успели всё обсудить и даже поплакали на плече друг у дружки. Но помочь Ромке мама ничем не могла. Только лишь надеяться на лучшее и молиться, чтобы сын не совершил какой-нибудь глупости. И вот, сейчас Ромка надеялся, что молчание Наташи имеет естественные причины. Может быть, она просто решила его не доставать, дать ему время на раздумья и решение, а сама ждёт и надеется. «Пусть будет так!» — молил небеса Ромка. На следующий день, в выходной, Ромка решил, что будь что будет, но сегодня он должен увидеть Наташу. Он встал рано — ему не спалось — и всё утро находился в каком-то нервном возбуждении. В голове пролетали сюжеты его встречи с Наташей, их разговора, её реакции. И ещё он решил, что сегодня это должно случиться — он сделает Наташе предложение. Еле дождавшись одиннадцати (Ромка решил, что надо дать Наташе выспаться, она любила поваляться в выходные в постели подольше), он стремительно оделся и чуть ли не бегом кинулся на остановку.

Август в Челнах отпел свои чародейские песни, наступил сентябрь, но в воздухе ещё чувствовалось тепло уходящего лета, ещё зеленели деревья, хотя и тронутые осенними поцелуями, ещё не совсем умерла надежда. Природа готовилась к бабьему лету. Ромка широко шагал по Сармановскому тракту, отмечая в памяти места и события, что были ему так дороги: вот здесь, в этой арке, они прятались от майской грозы, и Ромка нежно обнимал мокрое под платьем наташино тело, вот здесь у Наташи сломался каблук во время прогулки, она сняла обувь и пошла по асфальту босиком, и Ромка восхищался лёгкостью и изяществом её поступи, а вот и знакомый дом с белыми ромбами общих балконов! — здесь они впервые поцеловались — и разве такое забывается!?

Завернув за угол очередной высотки, Ромка увидел наташин дом. Бегала детвора, громко и весело смеясь. И хотя Ромка волновался перед встречей, на душе его тоже было весело и легко. Сейчас он её увидит. Сейчас он ей всё скажет. И останутся далеко позади все недоразумения, размолвки, недоговорённость, обиды и страх. Сейчас... Ромку кто-то дёрнул за рукав. Он обернулся и увидел наташину младшую сестрёнку, Янку.

— Привет, Ян! Как дела?

— Здравствуй, Ром, — ответила та, шуря на солнце свои голубенькие глазки, — ты к Наташе, да?

— Да. Она дома?

— Дома.

— Ну, давай, я пошёл. — Ромка дёрнулся было, но Янка не отпускала его, всё держала за рукав. — Ты чего, Ян? — спросил удивлённо Ромка.

— Она не одна дома, — заговорщицки прошептала та.

— Не одна? С мамой? Ну, и что такого? Даже лучше. — Ромка вновь дёрнулся, чтобы пойти, но въедливая девчушка не отпускала его.

— Нет, мамы нет. Она с Васей дома.

— Что? С каким... — Ромка начал было вопрос, но понял, что уже знает ответ на него. В глазах у него потемнело, почему-то в мире закончился воздух — стало трудно дышать. Небо стало из ярко-синего серым и тусклым.

— С Васей. Из армии. Они жених и невеста! — с гордостью сообщила Янка. — И спят они вместе в нашей комнате, а я с мамой в зале.

Ромка медленно развернулся и как деревянный пошёл назад. Глаза удивлённо фиксировали течение жизни вокруг, но он не понимал, почему не слышит никаких звуков. Ни рычания машин, ни детского визга, ни порывов ветра в листьях. И тут — вот он, переменчивый сентябрь — с неба хлынул ливень.

* * *

Вечером Ромка сидел с Витькой в подъезде и пил водку. Пили без закуски, просто запивая водой из литровой банки. Ромке хотелось нажраться так, чтобы в голове его исчезло само понятие «мысль», чтобы не думать о Наташе, чтобы не думать вообще ни о чём. Но не получалось. Опыневший Витька, неестественно растягивая слова, спрашивал Ромку:

— Ты её лю-у-бил?

— Любил, — обречённо кивал головой Ромка.

— Ты с ней бы-ыл сча-а-стлив?

Снова обречённый кивок.

— И ты реши-ил, кароч, не мешать их сча... а- Витька икнул, — ...стю?

— Да. Решил. Если его выбрала, то я просто отойду. Да и с самого начала, понимаешь, братишка, не по-правильному всё было. Нельзя отбивать у пацана девчонку...

— Но-о... Ты же не знал, — возмущённо парировал Витька.

— Неа.

— И она сама тебя это... того... ха-а-тела ведь... — Витька пристально, как смотрят пьяные, уставился на Ромку.

— Ну... Вроде хотела.

— И чего ты, кароч, хочешь теперь?

— Сам не знаю, братишка, — так же обречённо пробормотал Ромка, — сам не знаю.

— Ну, и дурак! — констатировал пьяный братишка.

— Значит, дурак! — согласился пьяный Ромка.

* * *

Через полгода через общих знакомых Ромка узнал, что Вася увёз Наташу в Малмыж, и они поженились. В тот день он тоже напился.

ЭПИЛОГ

В 2003 году, осенью (кажется, это был сентябрь), я приехал в Челны. Незадолго до этого меня по работе перевели в Чебоксары, но в Челнах мне надо было доделать кое-какие дела, да и родных неплохо было бы лишний раз повидать. Поэтому, оставив жену обустраивать квартиру и знакомиться с городом, я уехал. Я не был в Челнах лет шесть, и волновался, как молодой паренёк на первом свидании. Чем встретит меня родной город? Изменился ли он? Чем живут люди, спешащие по его улицам? Какие драмы разыгрываются за стенами его домов? Есть ли в переплетении его улиц новые Ромео с Джульеттой?

Я зашёл к маме. Она была уже не той цветущей женщиной, что я знал шесть лет назад. Да, время идёт. Сестра тоже выросла и вошла в тот непростой возраст, когда начинают грубить родителям, влюбляться, страдать, ненавидеть. Да. Время бежит. Я уладил все дела, что у меня были в первый же день. Потом я гулял по осеннему городу, пинал листву в аллеях, наблюдал, как медовый закатный солнечный свет гладит стволы деревьев, как увядает лето. И тут на память мне пришла полузабытая мелодия и полузабытые слова:

*Забывшую песню несёт ветерок,
Задумчиво в травах звеня,
Напомнив, что есть на земле уголок,
Где радость любила меня.*

*Боже, как давно это было,
Помнит только мутной реки вода,
Время, когда радость меня любила,
Больше не вернуть ни за что, никогда...*

Я шёл по набережной Мелекески, напевая про себя вновь и вновь эти слова, любясь видом заречных далей, и вспоминал, вспоминал, вспоминал... Вдруг в кармане завибрировал и разразился специфической трелью сотовый. Я достал свою раскладушку, раскрыл её, номер был мне незнаком. Я нажал «ответить». Сказал «алло!» И тут до боли знакомый голос произнёс:

— Привет!

Я остоленел от неожиданности, встав, как вкопанный, память мгновенно калейдоскопом развернула передо мной радужные соцветия прошлого.

— Привет. — наверно, мой голос был чересчур хриплым. — как.. как ты узнала мой номер?

— От общих знакомых, — ответила она, — прости, я не хотела бы тебе навязываться, но... она помедлила, словно решаясь на что-то, и продолжила — мы могли бы встретиться?

— А... Ты, что в Челнах тоже?

— Да. Мы живём теперь снова в Челнах. Так ты не против?

— Ну... Да. Хорошо. Давай встретимся. Где? Когда?

— Давай завтра, после работы. Часа в четыре. Тебя устроит?

— Да, — сказал я, — устроит.

— Хорошо, — сказала она, — я пошлю тебе адрес эсэмэской. — До завтра.

— До завтра.

В трубке воцарилось молчание. Я, всё ещё в шоке от неожиданности, медленно двинулся в сторону дома. Весь вечер я был замкнут, невесел, задумчив. Ночь длилась для меня мучительно долго, я почти не спал, ворочался, лунный свет лил в окно,

вызывая желание завывать. Утро и дневные часы я провёл практически в иступлении от нетерпения. Мой мозг терзали две мысли: она здесь, рядом, я её увижу! и — зачем она хочет встречи, если она замужем, и, как я слышал, у неё уже есть ребёнок? В чём всё-таки дело? Я не знал. Но, время идёт, пришло оно и к четырём часам. Я приехал по указанному в смс адресу. Это оказалось здание некой фирмы, стоящее вблизи Сармановского тракта. Когда я подходил к нему, набрал ей смс, что я здесь. Прошёл в калитку. Перед зданием была небольшая рукотворная клумба, вокруг которой располагались несколько скамеек. Я присел на одну из них и, волнуясь от стесняющего грудь чувства, стал ждать. Долго ждать, впрочем, не пришлось. Она вышла на крыльцо. Как и шесть лет назад, она была прекрасна. Тот же оттенок волос, та же зелень глаз, та же походка, тот же наклон головы... Только вот в глазах спряталась суровой хозяйкой грусть. Она села рядом со мной.

— Ну, привет, — смущённо, глядя прямо мне в глаза, начала она.

— Ну, привет, — ответил я, смущаясь, как мальчишка, от её взгляда.

Немного помолчав, словно набирая силы для продолжения, она спросила:

— Как твоя жизнь? Я слышала, ты женат? Есть детки?

— Жизнь — потихоньку, — по порядку начал отвечать я на её вопросы, — да, я женат, детей, правда, пока ещё нет.

— А у меня, вот, есть. Сыночек. — Она вспыхнула: и от радости, и от стеснения.

— Хорошо. Здорово. — Я не знал, что ещё сказать. Она тоже замолчала, и мы молчали так довольно долго, потом она снова заговорила немного нервно:

— Слушай, то, что было... Ты ничего не хочешь мне сказать, спросить? Так ведь всё и закончилось твоим молчанием тогда... А я ждала от тебя хоть какой-то реакции...

Я опёрся локтями о колени, склонил голову. Мне было тяжело вспоминать. Ещё тяжелее было её присутствие здесь и сейчас. И то, что она ворошит заметённые глубоким снегом угли. Что я мог ей сказать? Что я должен был ей объяснить? Что мне, челнинскому пацану, было запаadlo отбить её у парня, который ушёл в армию? Что есть какие-то понятия — даже не просто конторские, а вообще просто общечеловеческие? Что, возможно, я упустил своё счастье, не стал за него бороться из-за каких-то глупых (а может, и неглупых) принципов? Что даст то, что я сейчас всё это ей расскажу? Порой слова бессильны. Ты или чувствуешь всем нутром, что есть истина, или — не чувствуешь.

И я сказал ей, что очень её любил. Что, возможно, был слишком глуп, слишком обижен, слишком горд, слишком растерян... Что сам боялся огня того чувства, которое бушевало у меня в груди. И теперь... теперь у меня есть семья, у неё тоже, да ещё есть ребёнок, которого надо любить, о котором надо заботиться.

Серое небо начало сеять как сквозь сито мелкую морось. Мы сидели на мокрой скамейке. Весь мир постепенно намокал, приобретая слёзный вид. Она заплакала. Не громко, не ломая рук, просто и даже естественно слёзы потекли из её покрасневших глаз.

— Прости меня, — вот и всё что она сказала. Потом помолчала немного. Я тоже молчал.

— У меня не всё так хорошо, как ты думаешь, — сказала она тусклым голосом, — сперва нормально было, потом переехали сюда, я забеременела, муж стал изменять, сперва тайно, потом в открытую, хотела развестись, но подумала о ребёнке... И... И я не знаю просто, что делать... Как жить?

Я смотрел на её слёзы, и моё сердце разрывалось от тоски. Я мог бы, наверное, обнять её утешить, поцеловать, возродить в неё старые чувства, дать надежду. Но... Как там сказано? «В одну реку нельзя войти дважды». Она была она, но в то же время

уже не она. И я стал другим. Всё стало другим. Даже город вокруг стал иным. Нет уже тех Челнов, по которым мы гуляли, держась за руки, болтая о всякой ерунде, целуясь и просто наслаждаясь жизнью. Теперь — иная реальность окружала нас, и нам надо было смириться с тем, что в этой реальности у нас нет друг друга. Есть право на память. Есть право на светлую грусть. На остальное — права нет.

— Прости меня, — сказал я, — прости меня тоже. Нам остаётся лишь пожелать друг другу счастья.

Она посмотрела на меня. Всё поняв, она молча встала, глаза её были полны слёз. Я тоже встал. Она обняла меня, рассыпав мокрое золото своих волос по моим плечам и груди. Я обнял её за плечи.

— Желаю тебе счастья! — голос её дрожал.

— Желаю тебя счастья! — эхом повторил я.

Она резко отвернулась и стуча каблучками по мокрому асфальту, огибая лужи, быстро вышла за ворота и скрылась за углом. Я снова сел на скамейку. Поднял лицо к небу, с которого падали капли дождя, смешиваясь с моими слезами.

— Желаю тебе счастья! — прошептал я про себя ещё раз. И ещё одно прошептал я тогда, с тоской постигая всю чудовищность и святость простой истины:

*Боже, как давно это было,
Помнит только мутной реки вода,
Время, когда Радость меня любила,
Больше не вернуть ни за что, никогда...*

3 февраля — 3 марта 2020 г.

ПОЭТЫ РУССКИЕ...

ЕВГЕНИЙ СЕМИЧЕВ

С НЕБА НА ЗЕМЛЮ

* * *

Над Россией, стеною в голос,
В небе мечется птичий клин.
Косит жатву Холера Морбус...
Пушкин.
Болдино.
Карантин.

Просыпается бодр и весел,
И здоров. Ай — да, сукин сын! —
Отправляет письмо невесте...
Пушкин.
Болдино.
Карантин.

В том письме свой поклон для тёщи
Шлёт, как истовый семьянин.
Облетает лучинник в роще...
Пушкин.
Болдино.
Карантин.

Он работает, как вельможа,
Презирая тоску и сплин.
Сочиняет и пишет лёжа...
Пушкин.
Болдино.
Карантин.

Что задумано между строчек,
Знает в мире лишь он один
Да крылатый искристый росчерк...
Пушкин.
Болдино.
Карантин.

Дописав свой шедевр до точки,
Сей сиятельный господин
С визгом плещется в банной бочке...
Пушкин.
Болдино.
Карантин.

На коне златогривом скачет
Вдоль родных золотых куртин.
И восторга любви не прячет...
Пушкин.
Болдино.
Карантин.

* * *

В этом мире Праздник Солнца
Миллиарды зим и лет.
И к чему ни прикоснёшься —
От всего исходит свет.

Тьму веков пронзает светом
Неба солнечная твердь.
И не надо быть поэтом,
Чтобы горний свет узреть.

Облаков льняная млечность.
Небо плещет синевою.
Перемалывает вечность
Солнца жёрных огневой.

На поля, луга и ельник,
На полынь и бересклет
Бородатый сеет мельник
Негасимый Божий свет.

А в лучистом горне солнца
Для земных насущных треб
Божьей волею печётся
Золотой небесный хлеб.

Этот мир искрист и светел.
И блажен из века в век.
В этом мире, что он смертен,
Знает только человек.

Отчего ж стою печальный
Светом солнечным сражён?
Оттого, что — гость случайный
Я на празднике чужом.

* * *

Сизый месяц за млечную тучку нырнул,
И туман над рекою алеет.
Это Бог наш вселенскую стужу вдохнул
И Россию на выдохе греет.

Полыхает костром заревым небосвод
Над унылым мирским бездорожьем.
И не сгинет Россия, покуда живёт
На спасительном выдохе Божьем.

Зря кликуши истошно хоронят её.
Пировать на костях не придётся.
Понапрасну клубится над ней вороньё —
Не затмить ему русское солнце.

И пребудет Россия во все времена,
Потому что на вечные лета
Светом Божьим вселенским омыта она
И дыханьем Господним согрета.

* * *

Рванул из отчих берегов
К небесной славе.
А мне завистливых врагов
Своих оставил.

Мои враги — не слабаки.
Твои — покруче.
Мне отмахнуться не с руки.
Беру — до кучи!

Как твоему ученику,
Куда мне деться?
Вторую подставлять щеку —
Не отвертеться!

Теперь по обе щеки бит,
Как по Писаньям.
И, может, стану знаменит
Врагов стараньем.

Отныне с двух идут сторон
Ко мне напасти...
Учитель, мой тебе поклон!
Спасибо, Мастер!

* * *

Русь взрастила меня, меня поит и кормит.
И я знаю — ей больно, когда я вдали.
Можно вырвать меня,
но нельзя вырвать корни.
Глубоко они в сердце земное вросли.

Ничего не нажил себе в жизни я, кроме
Горемычной моей материнской земли.
Можно вырвать страну,
но нельзя вырвать корни.
Глубоко они в сердце сыновье вросли.

Нашу землю, политую отчею кровью,
Никакие враги не возьмут в оборот.
Можно нас истребить, но останутся корни.
И — из них прорастать будет
русский народ.

* * *

Это дерево лежало
На пригорке до поры.
Это дерево сбежало
В параллельные миры.

По его древесной плоти
Было врезано в ребро
Дорогое имя «МОТЯ»,
Словно царское тавро.

Эту тёмную лесину
Дед на досточки расшил.
И в глухую домовину
Бабу Мотю уложил.

Обронил слезинку скупю.
И сказал: «Прощай — прости!
Вот тебе, Матрёна, ступа.
Бог — судья тебе. Лети...

Пусть земля во мгле согреет
Белы косточки твои.
Это дерево не тлеет.
Это дерево любви.

В райской куще золотистой,
В Божьем радужном саду
По зарубочке лучистой
Это дерево найду!

В его кроне негасимой
Не гнездились вороньё.
Это дерево носило
Имя звонкое твоё.

Ты сама его сажала
В ранней юности, весной.
...Это дерево сбежало.
За тобою в мир иной».

* * *

Вышел и бросил стихи на дорогу.
Видно, пришёл их черёд.
Или же черт на ходу сломит ногу.
Или же Бог подберёт.

Бог не торопится. Черт догоняет.
Все же решился настичь.

Глазки прищурил, лукаво пеняет:
«Вы обронули кирпич.

Ежели так станет, походя, каждый
Всякий разбрасывать хлам...
А уверяли доверчивых граждан,
Что строить будете храм».

Господи! Что он ко мне привязался?
Я никогда не любил
Этих досужих, премудрых мерзавцев —
Парнокопытных дебил.

Боже, избави от этого срама.
Всем, чем могу, услужу.
В стену небесного вечного храма
Скромно кирпич возложу.

Пусть он в сверкающей кладке лучистой
Грозной восстанет стеной
Против пронырливой силы нечистой
Этот кирпич именной.

* * *

Вячеславу Лютому

Покуда звуки лютни
Душе твоей слышны,
Нам никакие плутни
От веку не страшны.

А лютики — цветочки
Лазурно голубы,
Как ангельские очи
Неласковой судьбы.

И свет небесной сини
Не может нас не греть.
Пока жива Россия,
Согласно сердце петь.

Душа страдать согласна,
И плакать, и любить...
А значит, не напрасно
Господь судил нам быть!

В жару и холод лютый,
Как ад крошечный чёрн,
Кровавой блудной смутой
Нас искушает чёрт.

Но никакие блудни
С пути нас не собьют,
Пока играют лютни
И лютики цветут.

* * *

О, эта русская рулетка —
Хмельная дикая тоска,
Когда стрелять не надо метко,
Поскольку дуло — у виска.

Поэты тянутся друг к другу,
Как и положено родне.
А муза мечется по кругу,
Как мотогонщик по стене.

Есть в мире праведные вещи,
Когда свободный русский стих
По рожам без стеснения хлещет
Хмельных создателей своих.

Бледнеют дружеские лица.
Гордыня плещет через край...
Поэты, как самоубийцы,
Не попадут по смерти в рай.

Их круг сжимается всё уже...
Но будут и в посмертной мгле
Саморасстрелянные души
Смущать живущих на земле.

* * *

Когда ночь над московским Кремлём
Стелет ангелам Божьи полаты,
Прилетает двуглавый орёл
И, нахохлясь, сидит у кровати.

Сиротливо он жмётся к плечу
И в две глотки протяжно вздыхает:
«Эх, соколики, давай прокачу!
Президент ничего не узнает.

Надоело висеть на гербе
За грехи человечьи распятым,
Вот и я прилепился к тебе,
Как старшой брат ко младшему брату.

Ты, какой-никакой, всё же — свой.
Кто ещё обо мне пожалеет?
Тяжело жить с одной головой,
А с двумя и того тяжелее...»

«Не горюй! — я орлу говорю,
Заклячая по-братски в объятья. —
Ни за что я тебя не корю.
Завтра снова тебе на распястье.

На Руси, на спесивой Москве,
Испокон в головах паутина.
А одна голова или две —
Это Господу Богу едино...»

* * *

Говорю я ему: «Не клонись на зарю».
Только он почему-то не верит.
А известно давно — на земле к сентябрю
Сквозняками из космоса веет.

Что же ты понаделал, мой милый дружок?
Понакликнул печальницу-осень.
Вот и тихую рощу за речкой поджёг,
Листья бьются со звонами оземь.

Небеса на подмогу теперь не зови.
Это пламя исходит из сердца.
Кто из нас не горел на высокой любви?
Все мы, все мы её погорельцы.

Не зальёшь это пламя небесной водой.
Тщетно ангел-хранитель твой плачет.
Я когда-то был тоже, как ты, молодой
И, как ты, думал тоже иначе.

И тебя этот пламень вселенский увлёт.
И твою красоту он схоронит.
Но не слышит меня молодой тополёк,
На зарю свою голову клонит.

* * *

Ты куда, душа, ходила?
С кем в чужом шалалась сне?
Ты опять, душа, блудила,
Словно кошка по весне.

В том краю тебя, блудницу,
Больше видеть не хотят.

Ты стихи в мою светлицу
Натаaskала, как котят.

Хватит их на многоотмник.
Не проймёшь тебя никак.
Превратила дом в питомник,
Обратила жизнь в бардак.

Эвон сколько — разной масти...
Их топить не стану я.
Не в моей казнить их власти.
Бог, душа, тебе судья!

В суеде ненастных буден
Сквозь безвремяе и тьму
Выводить их, сирых, в люди
Предстоит мне одному.

И с меня Всевышний спросит,
Чья безгрешная рука
В них, сердечных, камень бросит
Иль нальёт им молока.

* * *

В пору юности радужной вольной
Меня били, как селезня, в лёт.
И кричали вослед: «Малахольный
Идиот, сумасброд, рифмоплёт...»

В тихой заводи бренного мира
Не строчил я святых жития.
Ты прости, малахольная лира,
Что не слишком я холил тебя!

В чистом поле цвели незабудки
Вперемешку с травой полевой...
И бросались с небес мои утки
В тёмный омут любви с головой.

И вода расходилась кругами.
И вертелась кругами земля.
Где-то там, меж двумя берегами,
Заблудилась ты, юность моя!

...Я в иные просторы уехал
На свиданье с великой страной.
Ах, как громко разносится эхо,
Отражённое гладью речной!

Хоть душа и крылатая птица,
Только с горечью думаю я:
«Очень жаль, что нельзя возвратиться
На круги твои, юность моя!..»

Но, блуждая дорожкой окольной,
С необжитого берега шлёт
Всем живущим привет малахольный
Идиот, сумасброд, рифмоплёт.

ПОЭТ

По этим ступенькам непрочным,
Ведущим на горестный свет,
По грубо сколоченным строчкам
Спускается с неба поэт.

По лестнице этой отвесной
Усталый, угрюмый, хмельной,
Присыпанный пылью небесной,
Забрызганный грязью земной,

Небранный, потёртый, помятый,
Проклявший себя и свой век,
Такой никому не понятный
Упрямый, шальной человек.

Зачем ему с неба спускаться,
Пускаться в неведомый путь?
Средь добрых людей потолкаться?
Солёного горя хлебнуть?

Сидел бы на облаке млечном,
Ничем никому не мешал
И людям о добром и вечном
Хорошие мысли внушал.

Так нет же! На лестнице шаткой —
Того и гляди упадёт! —
Он машет приветливо шапкой
И с неба на землю идёт.

АНАТОЛИЙ АВРУТИН

НАД ХРАМОМ ЛУЧИК ЗОЛОТОЙ

ПАМЯТИ МАМЫ

1

Птицы громко кричали о том,
что ты тихо ушла,
Замолкали на миг...
И встревоженно снова кричали.
И не видела света
внезапно наставшая мгла.
Только птицы кричали...
Испуганно птицы кричали.

Мне бы вздрогнуть от боли,
но кожа моя запеклась,
И молчанья свинец опалил
воспалённое горло.
И гремучий осколок порвал
нашу зыбкую связь,
И зловещая ночь над бедой
моей крылья простёрла.

И какие-то люди в двойной,
непрозрачный чехол
Положили твоё голубое прозрачное тело...
Погасили свечу...

Но цветок в изголовье расцвёл,
И неясная сила в тяжёлом бутоне вскипела.

Мы назавтра пришли...
Через ужас назавтра пришли...
Там лежала не ты,
а твоя оскорблённая брэнность.
И узнать не смогли
ни единой родимой черты,
Лишь на плечи легла
чёрных дней роковая согбенность.

Почему, почему в этот год
всё случилось не так,
Как мечталось, когда стекленели
февральские льдинки,
И казался проблемой какой-то
извечный пустяк...

А сейчас чередую —
поминки, поминки, поминки?..

Будто съёжилось небо
со всех погребальных сторон,
И на ватных ногах чуть плетётся
согбенное тело.
Но цветёт и не чахнет
всё тот же багряный бутон,
И глядит мне в глаза, как недавно
мне мама глядела.

2

Мамино наследство... Старенькая кружка,
Полкатушки ниток, ножницы и плащ.
Да с гусиным пухом смятая подушка,
Где забился в перья одинокий плач.

Многое мне, мама, видится иначе,
Нынче не поплакать полночью, вдвоём...
Мне опять не спится на измятом плаче,
Как всегда, неслышном плаче на твоём...

3

Мне без мамы и дышать нелегко,
Нынче мама высоко-высоко...
Стосит с неба: «Ты опять нездоров?!»
И не нужно мне других докторов.

Мне без мамы тяжело говорить,
Оборвалась пуповинная нить.
Бьют осколки... Недолёт... Перелёт...
Это мама мне солгать не даёт.

Мне без мамы эти травы топтать,
И без мамы мне её понимать,
Хоть без мамы я не чую земли,
Будто горем мне подошвы сожгли.

Мама видится росинкой в цветке,
Огонёчком, что мелькнул вдалеке,
Причитаньем: «Наглядеться бы впрок...
Не спеши ко мне подольше, сынок!..»

* * *

Русский — прилагательное, слышали?
То, что прилагается к добру,
К радуге над мокнущими крышами,
Без которой вздрогну и умру.

Русский — прилагательное... Тихое...
На вопрос отвечает: «Какой?»
И кружатся аист с аистихою,
И над храмом лучик золотой.

Русский — прилагательное... Чуткое...
Что не знает каменных палат,
Но всегда соседствует с побудкою,
Если вдруг тревогу протрубят.

Русский — прилагательное... Странности
Всех грамматик мира одолев,
Русские давно привыкли к данности:
Кровь за кровь, но песню — нараспев.

Не дождавшись божьего пришествия,
Не страшась, что враг зол и лют,
Эти «прилагательные» шествуют,
Женщин любят, плачут и поют...

Недругам — всегда падеж винительный,
И ломоть последний — для своих.
Ничего не знаю существительней
Этих «прилагательных» родных.

* * *

Всё бrenно и всё мгновенно,
Нам вечности не продлят.

Из вечного — взгляд и пена,
Но всё-таки лучше взгляд.

Он чьей-то души осколок,
Взгляд, брошенный из-под век.
Пусть злобен и пусть недолог,
Он глаз твоих не избег.

Взглянувший, с походкой лисьей,
К чужому несчастью — слеп.
Из бrenного — хлеб да листья,
Но всё-таки лучше хлеб.

Пусть корочкой смехотворной,
Пусть крошками, пусть трухой.
От чёрного горя — чёрный,
От ржавой муки — сухой.

В кармане потёртой свитки
Нашарить его успеть...
Из сущего — смерть и пытка,
Но всё-таки лучше смерть.

И пусть золотые зори
На брызги дробит роса.
Memento... Memento mori...
И звёздная пыль в глаза.

* * *

Ветер выл... Из окон сильно дуло.
Босиком... По лужам... Через грязь.
Незаметно детство промелькнуло,
Ну а следом юность пронеслась.

Тихо жил... Грешил не много вроде.
То любовь... То книжки... То дела.
Всё страшился — молодость проходит,
А уже и зрелость отошла.

И лицо у женщины не рдеет,
Если в лифте встретится со мной...
Мне всю жизнь казалось, что согреет
Родина и стужей ледяной.

Что не может Родина по-волчьи
Поднимать отступников на щит.
Мне казалось — Родина и молча
Говорит со мною, говорит...

А теперь всё спуталось навеки,
Глаз влажнеет, прошлое двоя.
И любимой вздрогнувшие веки —
Это нынче Родина моя.

* * *

Неужели нам вновь пригнуться завещано,
Вспомнив строки,

что в память вошли навсегда:
«А ты помнишь, Алёша,
дороги Смоленщины?..»
Ну а дальше по тексту, совсем, как тогда...

Неужели же снова дороженька узкая
Приведёт к полотну посреди суеты,
Чтоб шептать:

«По бокам-то всё косточки русские...»
Про Некрасова, Ванечка, знаешь ли ты?

Что ты скажешь,
когда перелеском, пригорками
С автоматом зимою пойдёшь
сквозь снега?

А «Катюшу» ты слышал?..
А слышал про Тёркина?
А ты знал, что «до смерти четыре шага»?

Пожалею тебя —
не спрошу про Русланову,
И какие тут «Валенки»? Валенки нет!
Вам придётся всё это осваивать заново,
Только вот не пришлют вам из тыла кисет.

Вновь оставит снаряда
в колоколенке трещину,
Вновь обрушится небо, живое губя...
Это, Ванечка, Русь... И какая-то женщина
Всё равно, глядя вслед, перекрестит тебя.

* * *

День клонился к печали,
К неизбывной вине.
Птицы долго кричали
На другой стороне.

Замирали... И снова
Из прогорклой дали

Тяжело и сурово
Крики долгие шли.

Понимал я едва ли,
Что творится со мной.
Птицы долго кричали,
Я прошёл стороной.

Эти долгие крики,
Эта гулкая тишь,
Где с листком повилики
У моста постоишь.

А потом, на вокзале,
Вспомнишь с болью вдвойне —
Птицы долго кричали
На другой стороне.

И прорежется что-то
Сквозь годов забытьё.
Вспомнишь старое фото,
Вспомнишь имя своё...

А всего лишь вначале,
Жизнь напомнив вчерне,
Птицы долго кричали
На другой стороне.

* * *

Принимаю нынче неумело
Каждый шаг торопкий, каждый звук —
Вдруг душонка выпадет из тела,
И кепчонка выпадет из рук.

Принимаю нынче осторожно,
Не надеясь вызвать интерес,
Женщину с кошелёкою дорожной,
Старика с тоской наперевес...

И бреду, не ведая дороги,
Посреди вселенской тишины,
Не туда, куда стремятся ноги,
А туда, где звёзды не видны.

Чтобы у последнего предела,
Возле скособоившихся ив,
Вдруг звезда случайно не слетела,
Напоследок светом поманив.

ПАРАД 1939 ГОДА

22 сентября 1939 года в Бресте состоялось совместное прохождение немецких частей под командованием генерала Г. Гудериана и частей Красной Армии, которыми командовал комбриг Семён Кривошеин, впоследствии генерал-лейтенант, Герой Советского Союза. «Парад» был посвящён передаче города советской стороне.

Сентябрьский Брест ликованием овеян,
Немножечко страшен, немножечко пьян.
Трибуна... Нахмурен Семён Кривошеин,
Нахмурен напыщенный Гудериан.

О чём говорят они — так, для порядка?
Жмут руки и вежливо честь отдают...
Ещё они встретятся в танковых схватках,
И очень нескоро победный салют.

Ещё и не знает комбриг Кривошеин
Ближайших сородичей скорой судьбы.
А танки идут... И, грозою наваян,
Жжёт ветер осенний наивные лбы.

А немец стоит на трибуне-временке,
И думает, щуря нордический глаз,
Как будут гореть эти русские танки,
Когда он отдаст настоящий приказ...

Когда он пристрелит еврея-комкора,
Посмевшего руку арийцу пожать...
Два года ещё до большого позора,
И три — пока немцы покатаются вспать.

Когда будет небо, победно и рдяно,
На землю стекать, как хмельное вино,
Горящими танками Гудериана
И в полночь беззвёздную озарено.

Пока же парад... Воевать ещё рано.
И снова комбриг, понимая обман,
Жмёт руку чванливого Гудериана
И честь отдаёт ему Гудериан.

* * *

*Ночь, улица, фонарь, аптека...
Александр Блок*

Дважды, трижды в ту же реку,
Прошлое огромно.
Помню улицу, аптеку,
Фонаря не помню.

Всё-то в памяти короткой
Марьи да Иваны.
Помню очередь за водкой,
Но не помню пьяных.

И ясней с годами вижу
Лишь добро да милость.
Помню, как латали крышу,
Как текла — забылось.

Годы быстро пролетели,
Все углы излазил.
Помню белые метели,
Но не помню грязи.

Видно, помнить не зазорно
В мире очумелом
Вместо белого на чёрном —
Чёрное на белом.

* * *

Этот свет, этот голос тревожный,
Груз, который не сбросишь никак.
Что за грохот?.. То поезд порожний —
Вечно с грохотом мчит товарняк.

А гружёные ходят степенно,
Неторопко идут, без затей.
От натуги вздуваются вены
Утомлённо гудящих путей.

Паровозы, что нынче в простое,
Повторяют: «Хоть наше ушло,
Много грохота — значит, пустое,
Не до звона, когда тяжело!»

И всё смотрят глазами пустыми,
Как заря обращается в шлак:
«Протащить бы, в мазуте и дыме,
Хоть платформочку, хоть порожняк!..»

* * *

Забылось... Ушло... Отгорело...
Остались лишь ветер и Бог,
Да Родины белое тело,
Да чёрная музыка строк.

Чем сердце становится старше,
Тем, боль выводя за предел,

Виднее под чёрные марши
Та белая истинность тел.

Шагают... Струится дорога.
Куда она манит, черна?
До Бога?... Далече до Бога...
До славы?... Фальшива она!

А сбоку, тропой земляничной,
Вновь чёрная тень проплывёт.
Там кто-то невидимый — кличет,
А кто-то молчащий — поёт.

И только дойдя до предела,
Увидишь, пытаюсь вдохнуть,
Лишь Родины белое тело
Да истины чёрную суть.

БРАДОБРЕЙ

Хоть раз меня послушай, брадобрей:
Намыль клиента, пены не жалея,
И бритву затупи чужой щетиной.
И пусть клиент от страха лебезит,
Когда вдоль горла лезвие скользит,
Как нота «си» в мелодии старинной.

Да ты об этом знаешь, брадобрей,
Научен ты профессией своей,
Что жизнь ничтожней лезвия у горла,
Которое неловко повернёшь —
И горький стыд, и праведную ложь
Одним движеньем бритва напроочь стёрла.

Чуток меня послушай и заплачь,
Не мститель ты, не сволочь, не палач,
Которого манит чужая глотка.
Ты просто добрый, старый брадобрей,
Ты всех на свете лучше и добрей,
И дело ты своё освоил чётко.

Но где-то там, внутри тебя живёт,
Совсем другой, тоска его гнетёт,
Хоть он нечасто думает о страхе.
Ему всё мнится руку протянуть,
По горлу бритвой резко полоснуть...
А там — хоть женский крик, хоть смерть на плахе.

* * *

Птицы низко летают, кружат и кружат,
Птицы крыльями
знойную сушь разрезают.
Круг за кругом... А круг до безумия сжат...
Терпкий август... Безумные птицы летают.

Обжигает подкрылья воздух густой,
Первый листик, слетая, неловко кружится.
Будто гонятся птицы одна за одной —
Эти, небо забывшие, чёрные птицы.

Всё смешалось
в безумном мелькании крыл,
Где отдельную птаху не выследить оком.
Мир безумьем от света себя заслонил,
Есть великая тайна в безумье высоком!

Так они и мелькают — крыло за крылом,
Эти чёрные вестники светлой печали.
Ничего не припомнят они о былом —
Разве только, что стаяй по кругу летали...

А тебе тёмной полночью
вспомнится вдруг,
Если даже во сне никуда не летится,
Этот август, извечный предвестник разлук,
И безумно кружащие чёрные птицы.

ВАЛЕРИЙ ЧЕРКЕСОВ

КАМНИ ЗАГОВОРИЛИ...

Поэма

Слово, в путь!
Но только прежде
обозначу адрес —
Белогорье — Порубежьем
раньше называлось.
Если же ещё точнее —
Прохоровка. Рядом
с нею поле зеленеет —
не окинуть взглядом.
Но зато душой и сердцем
можно прикоснуться
к памяти и, как обжечься,
в грозный год вернуться.

1.

*Ценность и неповторимость жизни
особенно остро ощущается весной,
когда природа пробуждается, цветёт, ликует,
когда понимаешь, что ты — малая,
но полноценная толика земного мира,
такая же, как трава, деревья, птицы,
и что ты в полной мере
за этот мир в ответе.*

...А вот и поле.
На пригорке дуб,
Как пригоршни, листья подставляет
Под светлый дождик, что по-майски скуп —
Не столько льётся, сколько громыхает.

Дуб повидал такое — рассказать
Об этом могут корни вековые.
И молния, как времени печать,
Бугристый ствол у комля раздвоила.

И спрятавшись от холодящих струй
Под кроною, шумящей над поляной,
Я слышу посвист половецких стрел
И лязг железных орд Гудериана.

2.

*Я родился на Дальнем Востоке,
где завершилась, но пощадила тот край,
Великая Отечественная.*

*Приехав на Белгородчину,
я был удивлён:*

*Вечный огонь
пылает чуть ли не в каждом селе.*

*И тогда я понял:
память о погибших — не слово, а чувство,
которое, вольно или невольно,
живёт в нас.*

*Должно жить,
если ты действительно —
Человек.*

Камни заговорили...
Вот голоса слышны:
— Что не бессмертными были
Нету нашей вины!
Каждый хотел, хотел
Лучшей судьбы и доли.
Даже металл горел
Здесь, на Танковом поле.
Жёны, дочери, сыны,
Мы честны перед вами!
В страшном горниле войны
Мы переплавлены в камни.

3.

*В чём истоки мужества нашего народа?
Чтобы ответить на этот вопрос,
надо прожить жизнь,
помудреть, поседеть.
В юности
я написал стихотворение «Перед
атакой»,
попытался понять,
какие душевные силы
поднимали русских солдат
навстречу врагу.
И, удивительно,
через много лет
именно на Танковом поле
я понял,
что был прав,
поэтически определив
эти истоки.*

От земли оторваться — она
Жарко дышит весенним теплом.
Вспомнить добрый родительский дом
И любимую у окна;
Видеть яркие вспышки рассвета,
Слышать зов опьяняющих кашек...
Из окопа подняться — страшно,
Но страшней — потерять всё это.

4.

*Девятнадцатилетний боец
Виктор Кочетков
в 42-м тяжелораненым попал в плен.
Чуть окрепнув, он бежал
из харьковской тюрьмы
и через несколько дней вышел к своим.
В 90-х русский поэт
Виктор Иванович Кочетков
вновь побывал на Белгородчине,
в тех местах,
где прошла его боевая юность.
Он рассказывал:
когда шёл, в основном по ночам,
на север, на гром канонады,
вдруг увидел —
впереди во тьме блеснула
серебристая полоска реки.
— Донец! — понял он.
И вспомнились строки*

*любимого с детства «Слова о полку Игореве»:
«О, Донец, немало тебе величия...».*

О, Донец, укрой солдата
под высоким берегом —
так, как Игоря когда-то.
Сохрани!
И бережно
передай Руси Великой
сына измождённого
битвою с ордою дикой,
но непобеждённого.

Он тебя, Донец, восславит
честными словами,
мирный день когда настанет.
А пока руками
воду черпает живую,
раны оmyвает.
Путь его — где, с тьмой воюя,
зори полыхают.

5.

*Старожители прохоровского села
с милым названием Прелестное
поведали мне, что во время боя
небо над местечком было багрово-чёрным,
из колодцев ушла вода,
не мычали коровы,
не кудахтали куры,
не пели птицы —
природа онемела от ужаса.
И только люди, пересилив страх,
говорили громко,
чтоб подбодрить друг друга.
Они выбирались из укрытий
и приносили солдатам попить,
А ещё смотрели с надеждой на небо,
веря:
наша — возьмёт!*

Лебедю, кашкой, повиликой
Заросли следы войны великой.
Только седобровый ветеран
По ему лишь ведомым приметам:
«Здесь в атаку шёл перед рассветом,
Здесь упал в беспамятстве от ран,
Здесь вот санитары подобрали...» —
Точно скажет — крепко где стояли,

Умирали — и не на словах.
Зубы стиснет от внезапной боли
В сердце, и засветятся невольно
Слёзы на невидящих глазах.

6.

Ещё в начале 80-х
ложбинки вокруг Танкового поля
не пахались:
трактористы опасались
подорваться на mine или снаряде.
Матери не пускали туда ребятишек
по той же причине.
Сколько бы страшных «подарков» войны
ни обезвредили сапёры,
земля ещё и ещё, натужась,
выталкивает из своего тела
смертоносный металл,
ибо он инороден её предназначению —
плодоносить на радость жизни.

Думали, земля не уродит:
Столько смертоносного металла
За войну в себя она впитала!
Лемех в борозде гремит, звенит.

Думали, но делали своё:
На себе родимую вспахали,
Зёрна, помолившись, закопали,
Песней разогнали вороньё.

Бабы, старики и ребятня —
Мужики на фронте воевали —
На поле порою ночевали, —
Не хватало для работы дня.

Политое потом и дождём,
Кровью окроплённое в сраженьи,
Поле ожило — на удивленье! —
Добрые хлеба взошли на нём.

И когда с Победой пришли
По домам солдаты, подавали
На столы большие караваи —
Дар спасённой матушки-земли.

7.

Однажды
я оказался в небольшой роще

и на поляне
среди печальных ив
и белопенных ромашек
увидел груды покорёженного железа,
сплетённого в ржавый комок.
Никакой другой памятник
не производил на меня
такого сильного впечатления.
Если бы на месте

Прохоровского сражения
оставили хотя бы один разбитый танк,
всё равно — советский или немецкий —
это было бы
самым страшным свидетельством того,
что произошло здесь в июле 43-го.

Небо нынче ясное такое,
Нестерпимо сине-голубое.
Может быть, от васильков июльских,
Выросших на поле славы русской,
Словно очи тех, кто отстояли
Родину
и сами полем стали.

Проросли они сквозь землю эту
Посмотреть на мирные рассветы,
На детей, высоких и красивых,
И на звёзды на своих могилах.
И шумит под ясным чистым небом
Танковое поле
спелым хлебом.

8.

В городе Балтийске,
в бывшей немецкой крепости,
мне показали подземный форт —
последнее укрытие фашистов
на полуострове.

Враги, схоронившись
за железобетонными стенами,
не сдавались, и тогда наши
пустили в ход огнемёты.
Стены форта до сих пор покрыты гарью,
а внутри сладковато пахнет.
Такой запах смерти
я почувствовал и на Танковом поле.
Запах войны
не выветривается с годами.

О, как звонки колокола
Святохрама Петра и Павла!
Здесь солдат на колени падал,
Когда бойня вокруг была.
О спасении святых просил —
За себя, за детей, за Россию.
И земля богатырскую силу
Придавала, чтоб ворога бил.

Крестик медный — теперь он лежит
Вместе с воином в холмике братском —
Символ веры нетленной солдатской...
Звон печальный восходит в зенит.

9.

*Заслуженный художник России
Станислав Степанович Косенков,
чьё детство было опалено
огнём Курской дуги,
на своих полотнах
запечатлел детей и войну,
хотя нет ничего противоестественней,
страшней и трагичней этого сочетания.
И всё-таки
его картины жизнеутверждающи:
художник верил в торжество разума,
в то, что минувшая война
была последней на родной земле.*

Пройду до светлой Звонницы.
Тугие травы клонятся
И золотом пшеница
Богато налита.
И легче нет дороженьки!
С благословенья Боженьки
Со всей России люди
Идут, идут сюда.

Так на Руси завещано:
Героям — слава вечная
В металле, в камне — в памяти
Народной.
И всегда
По этой вот дороженьке
С благословенья Боженьки
Потомки благодарные
Придут сюда.
Сюда,
Где Звонница — святая.

10.

*Первый раз
я привёз сына на священное поле
в мае 1995-го.
Он бегал по шелковистой траве,
рвал желтоголовые,
как и он сам, одуванчики,
а потом положил солнечный букетик
к подножью Звонницы.
Тогда я подумал:
пройдёт какое-то время,
и мой уже взрослый сын
приедет сюда со своим сыном,
моим внуком,
а тот в свою очередь —
с моим правнуком.
Так будет продолжаться всегда,
пока жив род людской,
пока стоит и будет стоять Русь Великая.*

Сколько пуль порассеяно
По родимой земле,
По любимой России!
Эти пули во мне
Отзываются болью,
Ранят через года...
Словно капелька крови,
На граните — звезда.

11.

*Мне посчастливилось побывать
на трёх ратных полях России —
Куликовом, Бородинском и Прохоровском.
И скажу: они очень похожи —
так же буйствуют благодатные травы,
зеленеют тенистые рощи,
стоят скорбные памятники
и возносятся к небу строгие обелиски,
так же спокойно дышит земля,
политая кровью героических предков.
На всех трёх — живёт Великая Память.
Каждое мирное поле России
может стать ратным полем,
если это
потребуется Родине.*

Ярко горят поминальные свечи
На заалевшей рябине...
Здесь проходила жестокая сеча —

На белгородской равнине —
 Нашей, родной, опалённой бедой
 Давней, но не позабытой.
 Может, под этой былинной травой
 Воин схоронен, убитый
 В лютом сражении с монгольской ордой
 Или немецкой армадой?..
 Небо безоблачно над головой,
 Воздух слегка горьковатый,
 Ярко горят поминальные свечи
 На заалевшей рябине...
 Здесь проходила великая сеча —
 На белгородской равнине.

12.

*Памятников Великой Отечественной
 с годами становится всё больше, а тех,
 кто перенёс её, пережил, пересилил —
 всё меньше.*

*Но сама наша земля
 постепенно становится памятником.
 Земля — память на самом деле — вечная.*

О крапиву руки обдирая,
 Попроюсь к оврагу.
 Пополам
 Страшная Вторая мировая
 Землю расколола.
 По холмам
 Травами позаросли окопы.
 Лишь овраг,
 где глина так красна, —

след авиационной бомбы —
 с каждым годом глубже,
 как война.

13

*Каждый раз,
 бывая на Прохоровском поле,
 я чувствую прилив жизненных сил,
 словно мне передают их
 наши героические предки.*

В краю, где мы живём,
 неистовствует гром
 и молнии сшибаются, как шпаги,
 как острые клинки,
 былинные мечи
 на поле брани, славы и отваги.

Внезапно разразясь,
 гроза пересеклась
 с крестом на храме, устремлённом в небо,
 смирилась, дождь затих,
 и солнце через миг
 взблеснуло, и ненастья словно не было.

Пролился дивный свет
 на землю, — так рассвет
 приходит, пробуждая всё живое.
 И поле расцвело,
 наполнилось оно
 всеильной человеческой любовью.

Р.С. Редакция литературного журнала «Аргамак. Татарстан» поздравляет своего постоянного автора и друга Валерия Николаевича Черкесова с 75-летием и желает ему здоровья и творческого долголетия.

ПРОБУЖДЕНИЕ ЦВЕТОЧНОЙ ФЕИ

1.

Штурмбаннфюрер Дириг хорошо понимал русский и, видимо, потому командовал ликвидацией Симферопольской психиатрической клиники. Пациентов-евреев вывезли ещё в прошлом месяце, теперь пришла очередь обычных дегенератов. Хайнц Дириг, сухощавый и прямой, стоял посреди коридора и наблюдал за выполнением задачи в женском отделении.

Совсем юная пациентка с пушистыми, как шерстяная кудель, волосами доверчиво держала за руку солдата, который вёл её к выходу. Глаза её сияли нетерпеливым ожиданием, ведь храброе мартовское солнце так славно играло на оконном стекле. Другие же каким-то звериным нюхом почуяли скорую гибель. Грузная пациентка лет пятидесяти так крепко ухватилась за подоконник, что дюжий немец не мог оторвать её.

— Ну же! — на всю больницу рявкнул Дириг. — Не будь размазнёй, Рольф!

— Слишком громко! — услышал Дириг и обернулся.

По коридору шла красивая светловолосая женщина с пустым подносом в руках. Вот наглая обслуга!

— Was? — прорычал Дириг, стиснув её руку чуть выше локтя.

— Zu laut!¹ — отчётливо проговорила женщина, глядя на него большими серыми глазами. — Zu laut!

Он почувствовал запах земляничного мыла.

— Кто ты, русская сука? Отвечать!

К Диригу подскочил смуглый молодой медбрат — сегодня он вызвался помочь, и его не изолировали вместе с прочим медицинским персоналом. Он сбивчиво объяснил штурмбаннфюреру, что эта дамочка с подносом — из пациенток, она здесь уже два года, отличается смирным нравом и опрятностью, понимает, что ей говорят, и потому её иногда просят помочь на кухне.

— Иудей? — мрачно спросил Дириг темнокудрого медбрата.

— Нет, я грек, беспартийный... — торопливо сказал парень.

— Тогда веди её в мой автомобиль! — скомандовал Дириг.

Безропотно повинуясь, молодчик взял больную под руку и повёл её во двор. Всех остальных пациентов втолкнули в громоздкие серые газвагены, которые симферопольцы называли «душегубками». Около десяти минут из закрытых машин доносились стук и крики.

¹ Слишком громко (нем.)

— Просто невозможно работать, — сказал угрюмый водитель, втаптывая окуроч в землю. — Голова болит от этого воя.

— Крепись, скоро пришлют машины с новой подачей газа! — бодро ответил Дириг. — Они будут сначала терять сознание, а потом умирать.

2.

— Анне двадцать семь лет, её отец был доцентом в Крымском институте. Её привезли к нам в состоянии протрации. Она не двигалась и смотрела прямо перед собой... Мы так и не смогли понять, что с ней произошло. Возможно, болезнь зрела с детства: домашние говорили, что она всегда была меланхоличной и стеснялась общества. В двадцать три года она вышла замуж за цветовода.

Психиатр поёжился от весенней прохлады и запахнул на груди плед. Они с Диригом сидели на террасе и пили какой-то неожиданно вкусный травяной отвар. Это было очень странным. Конечно, Диригу всегда нравились высокие светлоглазые блондинки. Он никогда не изменял своему пристрастию, и Эва была такой же... И всё же, странно. И то, что он оставил Анну у себя, и то, что он сейчас беседует с её лечащим врачом.

...В тот вечер штурмбаннфюрер привёл её к себе на квартиру и прогнал денщика. Женщина механически разулась и потерянно стояла посреди комнаты. Он подошёл к ней сзади, сорвал хлопковое лавандовое платье, заставил нагнуться. И поразился её мраморной безупречности. Гибкая спина, широкие бедра, длинные волосы, густые и сильные. Всё, что, по мнению Дирига, составляло женское совершенство. Потом она содрогнулась от боли — Дириг давно не был с женщиной и действовал жёстко — но у неё не вырвалось ни звука. Тогда он оценил её главное достоинство — молчание.

Берлинская подруга Эва, при всех её прелестях, не была безупречной. Немного длинный рот, порой слишком сильные жасминовые духи (а ведь он просил не душииться ими!), переход на визгливые интонации, когда она особенно хотела обратить на себя внимание... А впрочем, Дириг был уверен, что Эва давно его не ждёт.

Но как же быть? Что скажут другие офицеры о его связи с ненормальной? Конечно, на первый взгляд, она не выглядит дегенераткой. Сможет ли она играть роль безмолвной спутницы, не знающей немецкого? От волнения Дириг закурил папиросу своего денщика (сам он не любил табак). Анна застегнула платье, пригладила волосы и повернулась к нему. Глаза её были глубоки и пусты одновременно. «Как осеннее небо...» — подумал Дириг, порой не чуждый романтизма.

Он оставил её у себя. Приказал денщику раздобыть ей одежды и земляничного мыла. В конце концов, сорокалетнему мужчине трудно обходиться без женщины. А те развязные местные дамочки, с которыми развлекались сотоварищи, нисколько не привлекали Дирига — он был до крайности чистоплотен и панически боялся дурных болезней.

Однако, осторожный офицер должен был подробней узнать об этой женщине и её недуге. Сама она сказала только своё имя.

— На чем я остановился?

— Цветовод.

— Конечно. Викентьев, потомственный цветочный селекционер. В Ялте выводил, кажется, пионы. Анна помогала ему. Вручную опыляла сотни цветков — здесь, и правда, недолго умом тронуться... Впрочем, муж недоумевал — что стало причиной помрачения.

— Что с ней теперь?

— Вы видели её. Она спокойна, понимает обращённую к ней речь, и даже односложно отвечает на вопросы. Но, к сожалению, остаётся глубоко в себе замурованной. Всякий раз, когда я предлагаю что-то рассказать о себе — или просто написать! — она снова каменеет. Когда спрашиваю, хочет ли выйти из клиники — молчит.

— Какие лекарства она принимает?

— На этом этапе лекарства, боюсь, бесполезны. В последнее время ей были предписаны только тёплые души и прогулки на свежем воздухе.

— Так может ли она... как это? Выправиться?

— Да, вероятно. Такое бывает...

Дириг видел, что доктор замялся. Очевидно, он не хотел повредить Анне своим ответом.

— Говорите. Почему я тяну из вас слова!

— Видите ли, всегда трудно давать прогнозы. Может быть, здоровье её восстановится просто с течением времени. При благоприятных условиях, конечно. А может быть, она вернётся к себе прежней под влиянием какого-то потрясения — такие случаи бывали.

— Её родители в Симферополе?

— Нет. Когда началась война, они уехали в Москву к старшей дочери.

— Муж?

— О нём я не знаю. Знаете, он навещал её только первые полгода.

Дириг кивнул и задал последний вопрос — о происхождении Анны. Ответ удовлетворил его: отец русский, мать полурусская, полуполька.

Вернувшись из квартиру, Дириг по-немецки приказал Анне стереть в комнате пыль. Как ни странно, она выполнила просьбу быстро и тщательно. И штурмбанн-фюрер принял окончательное решение.

3.

Летом 45-го года Хайнц Дириг и Анна были в Цюрихе. Конечно, офицер теперь обходился без погон и носил другую фамилию — Шефер. Анна по документам была его женой, фрау Анной Шефер. Неизвестно, что больше печалило Дирига — безнадёжный проигрыш Германии или утрата нежно любимого Берлина.

Так или иначе, он понимал, что его участь благополучней, чем у многих товарищей по несчастью. Племянник немецкого текстильного магната, Дириг располагал приличным капиталом в швейцарском банке. У него была светлая комфортная квартира и аккуратная пожилая служанка. И Анна, все такая же непроницаемая и прекрасная. Она была для него спящей красавицей, которую он не слишком старался разбудить. Изредка он, разумеется, злился и называл её мороженой куклой, но обычно Анна ничем не раздражала его. Пусть он не мог взять её на концерт или в оперу — ведь она всё так же боялась громких звуков — но спокойно водил её в кафе и в кондитерские, где Анна демонстрировала безукоризненные манеры и кратко отвечала на приветствия obsługi.

Меланхоличная спутница больше не казалась Диригу ко всему одинаково равнодушной. Он знал, что она любит ванильное мороженое. Ей нравились малыши в колясках, а вот при виде подростков в её глазах появлялась тревога. Он видел, какое любопытство вызывают у неё шляпы со страусиными перьями — дразнящими, намекающими, призывными. Правда, в магазинах одежды и шляп Анна всегда терялась,

торопливо указывая рукой на первое попавшееся платье пастельного оттенка. Но Дириг всегда мог пригласить портниху и шляпницу на дом. А ещё ему доставляло удовольствие покупать для Анны косметику — пудру и тушь, карандаши и помаду. Она проводила перед зеркалом целые часы, медленными и точными движениями подводя глаза и придавая нужный оттенок щекам.

Вторым увлечением Анны была парижская курчавая канарейка — жёлтая пташка, которую Дириг в шутку назвал Сюзеттой. Когда в комнату кто-то входил, Сюзетта начинала громко петь, кокетливо крутя головкой в разные стороны.

Со служанкой Магдой у Анны сложилась идеальная гармония — они понимали друг друга почти без слов. Иногда они вместе чистили столовые приборы или раскатывали тесто для пирога, иногда гуляли по набережной Цюрихского озера.

В августе Дириг с Анной поехали в горы: новоявленному Шеферу показалось, что он постоянно видит в Цюрихе знакомые немецкие лица. Маленький отель оказался на редкость уютным, вот только день был очень знойным, а горное солнце — немилосердным. Дириг зашторил окна и вдруг увидел, что Анна, необычайно бледная, прижимает к животу ладонь.

— Что с тобой?

Встревоженный Дириг взял её за плечи и с силой встряхнул.

Анна застонала, стиснув зубы. Зная, как она терпелива, Дириг понял, что боли очень сильные. Через час из пивной привели полупьяного доктора. Он предположил желудочную инфекцию и судороги: «В такую жару многие заболевают...». Посоветовал прохладные компрессы на живот, оставил какой-то антисептик и, покачиваясь, ушёл.

Ещё через два часа началась сильная рвота. Чертыхаясь, Дириг вызвал прислугу, которая вытерла пол и вышла, тихо прикрыв дверь.

Внезапно Анна приподнялась на подушке и отчётливо сказала:

— Мама! Что из того, что мне выпали цари-бобы? Я не хочу выходить замуж, мама! Разве нельзя мне остаться с вами?

Поражённый Дириг метнулся к ней. Лицо её горело, локоны развилась и потемнели от пота.

— Что такое «цари-бобы»? — нахмурился Дириг.

Разве это можно объяснить? Анна облизнула пересохшие губы и покачала головой. Мама в шутку гадала на бобах — тёмных и блестящих, как лаковые пуговицы. Анне выпали два больших боба — «цари». *К замужеству!* Мама смеялась, и монисто подпрыгивало на её высокой груди. Она любила серебряные мониста.

У него красивый дом, большой цветник и домработница. Ты же так любишь цветы! Но Анна совсем не любила Тимофея Викентьева. Да, он бывал у них в доме уже пять лет. Длинные тёмно-русые кудри, очки, весёлые гримасы... Она знала, что он разведён с женой и выращивает редкие по красоте цветы.

Анюта, ты совсем взрослая. Ты не можешь всегда быть с нами! Вот Капа уехала и живёт своей жизнью.

Ах, причём здесь Капа? Всем и всегда было понятно, что сестра уедет из Симферополя, а она, Аня, останется дома.

— Мамоchка... — дрожащим голосом начала Анна. — Ты ничего не знаешь. Во дворе больницы были такие страшные серые машины. Всех закрыли в машинах, мама...

Дириг стиснул её ладонь. Она была очень горячей.

— Посмотри на меня, Анна!

Но она уже упала на подушки и закрыла глаза. Наутро жар спал. Она ничего не ела, но, видимо, спазмы уже утихали.

— Анна, ты помнишь тот день, когда я забрал тебя из больницы?

Она посмотрела на него пустым серым взором.

— Помнишь?!

Она молчала.

Мысли прыгали в его голове как бешеные мыши. Она всё помнит! Может быть, она вовсе не тронутая? Симулирует? Конечно, ведь даже врач Анны был озадачен её болезнью! Чёр-рт! Ну, нет — она же не могла притворяться больше трёх лет. Так. Но что же будет, если она пробудится? Когда она всё вспомнит и ясно осознает? Или уже осознала, просто не хочет выходить из роли?

4.

Дириг вышел из отеля и зашагал по тропинке в гору. Сначала показалось, что его прохватил альпийский утренний ветер, но вскоре он понял, что это знобящий страх. Он, несомненно, в опасности. Мстительность русской женщины вошла в легенду. Он помнил, что творили в Симферопольском подполье совсем юные девушки. Подкладывали мины, резали кабели, оставляя немецкое командование без связи. И, кажется, очень стойко сносили пытки. А если замороженная Анна несёт отсроченную месть? Дириг вспомнил, что в ней есть польская кровь, а поляки известны своим лукавством. Он остановился и посмотрел вниз. Мягкая линия зелёного склона спускалась к маленькому овалному озеру, блестящему, как карманное зеркальце Анны.

Он подумал, что было бы славно завести её далеко в горы — вон туда, в чёрную просеку ельника — и оставить там. Она не выберется: однажды дурочка едва не потерялась в парке. Идея была хороша, вот только Дириг, к несчастью, был очень привязчив. В детстве он не расставался с плюшевым медведем Карлом. Мальчик не хотел разлучаться с игрушкой, даже когда его приняли в подготовительную школу, но папа отнял Карла и отдал его в приют для бедных детей. Маленький Хайнц плакал по ночам почти целый месяц.

Потом был пони, подарок дяди на день рождения. Пони был лучшим другом, но через четыре года заболел и умер... К Анне Дириг был привязан, возможно, даже сильнее, чем к Карлу и пони. Он понял, что не сможет бросить её в горах. И потом, кто сказал, что сама Анна не привязалась к нему за это время? И что её затаённые воспоминания что-то значат? Вот бы заглянуть в её голову!

Через неделю, когда Анна совсем окрепла, он спросил её во время прогулки:

— Когда твой день рождения?

— Первого марта.

— Ах, отчего ты не сказала раньше!

Тень улыбки скользнула по её отрешённому лицу.

— Да-да. Ведь мой день рождения мы отмечали в ресторанчике, ты помнишь? Значит, в твою честь будем праздновать сегодня.

Они спустились в деревушку и сели в трактирчике «У Петера». Статное совершенство Анны отражалось в полированной поверхности дубового стола. Хайнц знал, что она равнодушна к алкоголю. Впрочем, иногда она охотно пила мятную настойку. Вот с неё можно и начать... Потом был шнапс под жареные колбаски.

Он наблюдал как она пьянеет. Как запылали щеки, поволокой подёрнулись глаза.

— Как звали твоего мужа?

Этот вопрос должен был приоткрыть её память. Но красавица не собиралась просыпаться.

— Я не помню.

Конечно, Анна помнила. Его карточные фокусы, его шутки. *Аннушка у нас очень задумчивая, ха-ха!*

Он хотел вывести особый сорт пиона, с крупными бледно-розовыми цветками. *Я назову его «Румянец Анны»!*

— Вспомни.

Анна посмотрела в глаза Диригу.

— Я — фрау Анна Шефер.

И с этим было не поспорить. Дириг заказал ещё шнапса.

Когда он привёл её в гостиницу, она с трудом держалась на ногах. Он усадил её в кресло.

— Как звали главного врача больницы?

— Главного врача больницы... — механически повторила Анна.

Дириг прекрасно помнил, как его звали. Наум Балабан, еврей. Когда за ним приехали, они с женой уже были мертвы — приняли цианистый калий.

Дириг сделал ещё одну попытку.

— Когда мы уехали из Симферополя?

И снова эхо:

— Уехали из Симферополя...

Он наотмашь ударил её по лицу. Она посмотрела на него удивлённо и безо всякой враждебности. Дириг хотел ударить ещё раз, но вспомнил, что всегда считал себя джентльменом. Он решил, что использует другой способ заглянуть в её голову.

5.

Когда в сентябре они вернулись в Цюрих, Дириг принялся искать врача-гипнотизёра, владеющего русским. Чудом найденного специалиста звали Соломон Леви. Разумеется, Дириг увидел в нём отъявленного жулика, но выбора не было.

В назначенный час доктор Леви усыпил Анну с помощью метронома. Он должен был вытащить из её сознания самое болезненное.

— Вике 12 лет, а Павлику — 11, — медленно начала она. — Они постоянно бегают вокруг дома, а в доме — вверх и вниз по лестнице. И громко свистят в свистульки.

— Что это за дети? — спросил Леви.

— Дети Тимофея, моего мужа.

Она остановилась. Странные дети Тимофея и впрямь проявляли завидную неустанность в своих шумных играх. Зачем он подарил им эти глиняные свистульки, издающие резкие, безжалостные звуки? Анна вспоминала себя в 12 лет: она любила качаться в гамаке с книжкой. Сестра Капа приходила в беседку с тарелкой черешен или слив, они вместе качались и перебрасывались словами то по-русски, то по-немецки. А Вику и Павлика она не видела с книгой. Когда им надоедало играть, они забегали в кухню, где царила домработница Дора. Хватали пламенно-горячие пирожки или котлеты и уминали их за считанные секунды.

— Почему вы ничего не оставили? — спрашивала потом изумлённая Анна.

— Не надо быть раззявой! — отвечал Павлик.

— Нужно съедать сразу, пока горячее! — наставительно добавляла Вика, запихнув в рот сразу две карамели «Юный пионер».

Доктор Леви склонился над Анной:

— Расскажите, что произошло.

Анна вспомнила солнечный день. Она, как обычно, взяла кисточку, которой вручную опыляла белые пионы. Сколько цветков на её счету? Четыреста? Пятсот? Надела старую соломенную шляпку. Её поля уже обтрепались, но она хорошо защищала от упрямого ялтинского солнца.

— Я назову новый пион твоим именем — «Виктория»!

— Ух ты, папка! Пион «Виктория»! А я твоим именем назову котёнка!

— Ты обещал назвать его в мою честь! — вслух произнесла Анна.

— Что назвать? Что именно назвать, фрау Анна?

— Он обещал назвать его в мою честь! Он обещал...

Анна повторяла и повторяла эту фразу, и талантов «известного гипнотизёра из Варшавы» не хватило, чтобы преодолеть этот ступор.

Расплачиваясь с доктором в прихожей, Дириг заявил, что дело нужно довести до конца. Но Леви отказался.

— Человеческий мозг весьма хрупок, герр Шефер, — забормотал врач. — Образно говоря, мы имеем дело с дверной защёлкой, которую заклинило. И новое воздействие может быть опасно. Право, я не рискну, герр Шефер...

«Если этого мямлю ударить пару раз башкой о стенку, он переменит бы мнение о хрупкости мозга!» — подумал Дириг. Но тут же вспомнил, что теперь он — Шефер, благомыслящий житель Швейцарии.

6.

После неудачи с гипнотизёром Дириг вновь крепко задумался, и пришёл к выводу, что должен отодвинуть от себя Анну. А для этого стоит обратить взор на другую женщину — всё просто! В голову сразу же пришла парикмахерша Клодин. Хорошенькая брюнетка лет двадцати восьми, она нравилась Диригу: была опрятна и не приставала с ненужными разговорами. И, что важно, пользовалась очень лёгкими духами.

Решено — после очередной стрижки герр Шефер пригласил Клодин в кинематограф. Засияв, она согласилась. Комедия «Матадоры» с Лорелом и Харди показалась Диригу многообещающей. Как и красивое платье Клодин в вертикальную сине-белую полоску. Но фильм разочаровал Шефера — свирепый бык так и не поддел рогами

Лорела, хотя всё шло к тому. А спутница раздражала его весь сеанс — шуршало её плиссированное платье, шуршали обёртки от имбирных леденцов. Кроме того, Клодин очень звонко смеялась, хотя ничего уморительного в проделках глуповатых героев не было.

Когда они вышли на воздух, уже стемнело. Дириг взял даму под руку, и они довольно долго и неспешно шли по Альтштадту. Он решился поцеловать её под разросшимся вязом. Целовал уверенно, но, не позволяя себе никаких вольностей. Во-первых, помнил о своём джентльменстве, а во-вторых, боялся, что складки платья вновь зашуршат. Клодин, однако, удивила Дирига. После поцелуя прижала ладони к груди и сказала с оттенком театральности: «О, герр Шефер! Вы можете решить, что я — вольного поведения, раз мне приходится работать в парикмахерской. Я бедная, но честная девушка». «Это делает честь Вашим родителям!» — сказал Дириг с лёгким поклоном, и подумал, что ему стоит подыскать новую парикмахерскую. Он не был готов к подвигу знакомства с бедными, но благородными родителями, чинной помолвки и долгого ухаживания с подарками: от полуфранцузенки он ожидал приятного легкомыслия.

Дириг смирился с тем, что романа с брюнеткой в его жизни не будет и, казалось бы, всё вошло в свою колею. Анна по-прежнему вышивала, кормила канарейку и прогуливалась в компании Магды. Дириг после обеда читал газеты, а по вечерам долго втирал в волосы перуанский бальзам — его тревожило, что шевелюра стала редеть. Но всё чаще ему казалось, что в безмятежном молчании Анны скрыто что-то неотвратимое и страшное. Он и раньше смутно догадывался, что совершенное им в Симферополе — неискупимо, но не испытывал по этому поводу особых мук: совесть его с младенчества была тиха и сдержанна. Теперь же он стал плохо спать, и снотворные порошки помогали не всегда.

«Я должен разбудить её, что бы за этим ни последовало!» — решил Дириг. Он хорошо помнил, что сказал русский психиатр: она может проснуться под влиянием какого-то потрясения. И вот однажды, когда Анна вошла в гостиную и приблизилась к птичьей клетке, то увидела Сюжетту со свёрнутой шеей.

Дириг застал Анну в потёмках. Она сидела на краешке дивана, обхватив себя руками, и раскачивалась взад и вперёд. Он подошёл к ней. На миг ему показалось, что сейчас она заискрит как лейденская банка. Но она просто подняла на него напряженно-вопрошающий взгляд. А наутро была прежней.

7.

На лето Дириг снял для них с Анной загородный дом с садиком, красивый, как на открытке. Будучи очень внимательным к своему здоровью, он решил, что такой отдых успокоит нервы и будет полезен для лёгких. В первую ночь на новом месте ему приснилась полудевочка с пушистыми, как шерстяная кудель, волосами. Утром он безуспешно пытался вспомнить, где видел её раньше.

А вечером их навестили соседи — симпатичная пара средних лет. Была бутылка рислинга и сыр грюйер, разговоры об отречении итальянского короля и о швейцарском шоколаде. Гостя то и дело обращалась к Анне, хотя Дириг предупредил, что супруга-полька плохо понимает немецкий. Анна казалась ещё более отстранённой, чем обычно. Заметив любопытные взгляды дамы, Дириг слегка разозлился.

— Анна, хватит сидеть, как статую. Сходи в сад и срежь нам цветов! — сказал он по-русски.

Она спустилась в цветник. Приторный, душный запах. Пионы. Она вспомнила — тот день был таким же знойным. Вились осы. Она не могла их отгонять — были заняты руки. Осторожно отгибая лепесток за лепестком, она добиралась до крохотного пестика. Несносная пыльца щекотала гортань... Сколько лепестков у этого пышного пиона? А не всё ли равно теперь? Томный розовый пион не будет зваться её именем. Опять оса. Она помотала головой, и шляпка зацепилась за куст.

*Цветочная фея, пионная фея,
Сними свою глупую шляпу скорее!
Пионная фея, глупая фея,
Покинь же скорее объятья морфея!*

Они бегали вокруг неё с безудержным смехом. Павлик дёрнул за подол юбки. Она выпрямилась. У дерева стояли грабли, заботливо наточенные Тимофеем. К глазам подступила мутная вода. Потом она услышала вопль — двойной детский вопль. И в ту же секунду Дора схватила её за руку.

...Анну била дрожь, когда она нащупала на скамейке садовые ножницы. Но рука её была тверда, когда вонзила секатор в артерию Дирига.

ОСЛЕПЛЕНИЕ

Самойлова разбудили голоса в соседней комнате. Двери были открыты и то, что говорила жена сына Дарья, он слышал отчётливо. Возражал или соглашался с ней сын, разобрать было трудно. Дарья не может успокоиться, её не остановишь.. Старая песня: книги заполнили всё пространство, в них копится пыль, они источник болезней, копить старые журналы глупо. А что делать, если он, Самойлов, не может и не хочет расстаться с «Новым миром», все номера за двадцать лет, его лучшие годы, пусть сейчас и смелее статьи публикуют и романы много откровеннее, но та проза, что была в журнале много выше и долговечнее. Астафьев, Абрамов, Солженицын... А критика? Одни статьи Лакшина чего стоят! И именно с этих номеров начали, не спросив согласия, выкинули из дома в мусоропровод, думали — не хватит старик. А Самойлов чётко помнил, где и что лежит. Книгу нужную мог отыскать с закрытыми глазами. Книги были дороги ему, словно рождённые в любви дети. Правда, и он не без греха, пару лет назад, когда ноги твёрдо держали, свёз три рюкзака книг на корабле. А то ведь в корабельных библиотеках пустота, называется корабль «Сергей Колбасьев», а книг этого писателя и в глаза не видели. Отдал — не жалко, для пользы дела. А сейчас просто так задумали выкинуть всё. Сын купил планшетку, вроде бы и удобная, лёгкая, можно лёжа читать и книг там умещается без счёта, и текст можно подсветить и можно шрифт увеличить, а всё равно казённое безликое чтение. От книг свой аромат исходит, подержать в руках, даже не раскрывая, великое удовольствие, а полистать так это просто истинное наслаждение. И главное они все сразу всегда с тобой, стоят на полках, корешок к корешку, читаешь названия, имена авторов, вспоминаешь каждую и не только содержание, но и как досталась. Это сейчас за деньги можно любую книгу купить, если конечно можешь себе позволить тысячи тратить, но для истинных любителей это суммы неподъёмные, а новым русским книги ни к чему, зачем им чужие переживания, у них свои заботы и свои истоки удовольствия.

За стеной его голос усилился, уже и не сдерживался. Говорил громко. Видимо, хотел, чтобы слова его были услышаны.

— Хорошо, я понимаю, нам тесно в одной комнате, ты права, я уговорю отца, в пансионате для ветеранов за ним будет нормальный уход, — согласился с Дарьей сын. — Надо только уговорить отца — избавиться от книг.

— Уговоришь его, — засомневалась Дарья, — этот псих и в гроб захочет книги взять. Сын засмеялся. Что-то сказал тихо. Потом внятно добавил:

— В гробу темно...

У Самойлова комок подступил к сердцу. Сколько сил вложено в сына, мать любила его до безумия. Большая любовь портит. Всё было дозволено. Была жива Анна, её стеснялся. Хотя она его и поддерживала всегда. Но тогда думали они, что это богатство — цены на книги росли. Сын понял, что книгу легко сбыть, подрастал, нужны были деньги на карманные расходы. Стали книги исчезать. Пришлось скандалить. Особенно, когда из собрания сочинений Лескова исчез том с романом «На ножах». Анна уговаривала: да не переживай так, будешь ли перечитывать Лескова, сам ведь говорил, что очень тяжеловесный слог, много устаревших слов. Но согласилась, что этим и ценен Лесков, что пространство языка расширяет. Всё-таки, университет окончила. С Анной было легче, самый родной человек. И книги она помогала доставать, подруга у неё в книжном магазине работала. Но были такие книги, что и подруга оставить не могла, по спискам из райкома выдавали. А подписку на собрания сочинений можно было только через обком оформить. Самое престижное было — иметь подписки. Сколько сил ушло, чтобы тридцатитомное собрание Достоевского получить. Грешен, даже за директоршей книжного магазина стал приударять. И все труды насмарку, когда из собрания отдельные тома исчезают. Грош цена этому собранию. Тогда сумел сыну объяснить, что это книжное богатство ему достанется, что сможет целых две «Волги» за библиотеку купить. Конечно, лучше было бы иметь сына, который тоже был бы книжником. Но что поделаешь, коли такой вырос. Надо было во время наказывать, всё жалел, не мог на сына руку поднять, да и Анна не дала бы. И вот плоды.

Самойлов встал, нашёл таблетку нитроглицерина, сунул под язык, прилёг и постарался подавить в себе обиды. Не выйдет у них, рано распорядиться книгами и его судьбой, он ещё может за себя постоять, надо только не волноваться, мало ли что могут говорить, без его согласия ничего не получится...

Ошибок в жизни много сделано, вот настояла Анна — сына прописали, хотя у Дарьи есть трёхкомнатная квартира, да ещё и загородный дом, хотела Анна, чтобы, когда нас не станет, легко мог квартиру на себя оформить. Хорошо бы, как в русских народных сказках: жили они долго и счастливо, и умерли в один день. Вот уже пять лет без неё. Кто бы мог подумать, что так поспешит она, послана ей была лёгкая смерть — ушла во сне. Вспоминать тот день страшно. Была бы жива, всё пошло бы по-другому. Хотя, для сына готова была сделать всё, да и внуки стали подрастать. Чего держаться за эти квадратные метры. Только куда денешь книги, для них ещё бы одна комната не помешала. Книги ведь и от разрыва спасли, было время, горячий был тогда, ходил в море на рыбацких траулерах, вернулся, заподозрил её, сосед был там такой кот, возможно и было что-то у них, сейчас понимаешь, рейс длинный — полгода, а тогда всё — психанул, чемодан собрал и хотел уходить, но посмотрел на книжные шкафы — этим богатством расстаться было невозможно. Так книги спасли семью. Анне об этом не говорил, чтобы не обижать, она сказала бы: книги тебе дороже всего. Но ведь и сама любила читать! Была бы сейчас жива, было бы о чём поговорить, поспорить, а с сыном и Дарьей говорить не чем, вот и внушек против настраивают. Старшей уже десять лет — всё понимает. Завела Дарья при ней разговор, мол, дедушка нас не любит, хочет жить как барин, один в трёх комнатах. Ему, видите ли, стены нужны для стеллажей с книгами.

Квартира в центре, удобная, вот внуки в школу уже пошли, в престижный лицей устроили, а он буквально напротив дома. Внуки — красавицы, старшая — копия бабушка, да и назвали Анной, вот подрастёт и будет продолжать жизнь на земле

любимая жена. Пытался приобщить внучку к поэзии, читал наизусть то, что помнил из Цветаевой, никакой реакции, любимый герой Гарри Потёр... Собственно и не было бы этих внучек, если бы не Марина Ивановна. Увлечение тогда было общее. И вот узнал, что у одной студентки, Анны с первого курса, было «Избранное» Цветаевой, тогда впервые на излёте хрущевской оттепели сумели издать. Искал с ней встречи. И сразу выяснилось — родственные души. Любовь вспыхнула. Томик тот зачитанный в истёртой синей обложке до сих пор стоит на полке среди других цветавских книг, целая полка только её творения.

Как то Дарья спросила — зачем вам столько цветавских, многое повторяется. Разве ей всё объяснишь, да и поймёт ли. Для таких, как она, книги вообще могут не существовать. Раньше в дальние поездки с челноками ездила, так никогда читать книгу в дорогу не брала, зачем, мол, лишний груз, лучше подремать. А ведь, когда с сыном была не расписана, до свадьбы, приходила в дом, казалось, нет ей ничего дороже книг. Все книги с любимой его полки перечитала. Также, как он, была в восторге от Канетти, его роман «Ослепление» прочла и Терезу осуждала, как она посмела влезть в доверие и библиотеку героя разорить. Сейчас, наверняка и не вспомнит об этом романе. Мало что этот роман читал, а ведь нобелевским лауреатом Канетти именно за него стал.

Он поднялся, померил давление, вроде к нормальному приблизилось, вчера было почти двести, а теперь — сто восемьдесят, конечно большое, но не такое, чтобы паниковать. Прав был врач кардиолог. Сказал, когда приезжал со скорой помощью: совету вам давление не мерить, в ваши годы мерить давление, сдавать всяческие анализы, это только расстраиваться. Прав, конечно. Никуда от судьбы не деться, только бы ни слечь окончательно. Как книги защитить?

Всю жизнь, как пастух, оберегал их. Не только родной сын разорял. Гости — тоже особая статья. Друзья, студенты. Когда был книжный дефицит, жадно смотрели на полки, просили: дай почитать. Никогда не отказывал. Книга любит, когда её читают. Если листы чисты, а иногда не разрезаны, грош ей цена, таких книг в его библиотеке нет. Брали почитать и зачитывали. Всегда считалось книгу стащить — это не воровство. И он прощал, даже иногда рад был, что книга в хорошие руки попала. Теперь книжных воров не стало. Можно не следить за гостями — ничего не возьмут, конечно, есть первоиздания, но раритеты всегда стояли в закрытых шкафах, на свет не высовывались.

Разве раньше мечтали, что будет отдельная трёхкомнатная квартира, ютились по общежитиям, когда на запад страны приехали, начали с одной комнаты, от соседей отделяла дверь, была ещё дверь в общий коридор, ту дверь, что вела к соседям, сняли, и это дверное пространство перекрыли самодельными полками, на них и уместилась первая библиотека, книги привезённые из Питера, однотомник Хемингуэя, четырехтомник Гумилёва, изданный за рубежом — главное богатство, бумага серая, газетная, зато стихи! — и сейчас перечитывает! Достался странным путём, привезённый знакомым механиком из дальнего рейса и проданный за ящик водки... Полки быстро заполнялись. Книги самая надёжная звукозащита, что там у соседей, какие разговоры — не слышно. А в трёхкомнатной, казалось, места хватит не только для книг, но и для картин. Анна любила собирать картины. Сейчас большая пылится на шкафах. Для её любимых Боттичелли и Брейгеля — в спальне освободил пространство, раздвинул шкафы. И вот смотрит на него весна Боттичелли — самая красивая женщина в мире, и слепые бредут... Слепые вожди слепых... И как сказано в главной книге: если слепой ведёт слепого, то они оба упадут в яму... У Питера Брейгеля старшего, ещё безнадежней, все шестеро

слепцы. Притча на все века. В Библии на всё можно найти ответ. Первая библия, которую достал, когда ещё у нас не издавалась она широко, была дореволюционного издания, переплёт кожаный, старинный шрифт, наверное самая ценная в его библиотеке книга, в руках тяжело держать, потом несколько купил — уже современных изданий. А та подарок от рыбмастера, которого спас, смыло его за борт, не раздумывая, бросился в воду, сейчас бы не смог, а тогда бесшабашный был, и такой период в жизни, что жить не хотелось, рейс почти на девять месяцев затянулся. Книги выручили, чудом в судовой библиотеке оказался Томас Вульф «Домой возврата нет». Вот и сейчас стоит на самом видном месте — не удержался тогда присвоил себе. Домой возвращались чартерами, специальные рейсы аэрофлота такие были, каждый килограмм веса на учёте, везли из инпортов подарки: джинсы, зонтики, мохер, жвачки... Но Анна больше всего обрадовалась этой книге...

Для неё дороже книги ничего не было, когда полки в магазинах опустели, с челноками наладилась ездить в Польшу за продуктами, там на границе тоже каждый килограмм веса на учёте, но обязательно хоть несколько книг, но привозила. Удивительно, что в Польше свободно можно было купить не только антисоветчиков, книги классиков наших на русском языке — любые и хорошо изданные.

Стал вспоминать Анну, первые встречи с ней, это всегда успокаивало, но томилو предчувствие — добром всё не кончится. И боль слева тупая не отпускала. Надо бы заснуть, уйти от всего в спасительный сон, а лучше всего уйти во сне, это ли не подарок. И в то же время, если честно признаться, иногда боялся засыпать, а вдруг также, как и Анна, не проснёшься. А уйдёшь ты, конец и библиотеке... Есть и другой путь — сохранить, отдать в городской архив. Вчера такую идею высказал сосед, человек серьёзный и начитанный, раньше во всем поддерживал Самойлова, а теперь и его подговорили. Сказал, что может договориться, даже заплатят немного, заведующая архивом его хорошая знакомая. Когда сказал об оплате, Самойлов сразу насторожился, ведь это давняя дарьина песня — продать все книги оптом в какую-нибудь библиотеку или в архив. И людям польза, и целы будут, и сам сможешь пользоваться. Сказал соседу, что архив — это хорошо, надёжно, но он ещё не думает в ближайшее время покидать этот свет, вот когда почувствует, то согласится на передачу. А потом спросил соседа напрямую: тебя Дарья просила меня уговорить. По тому, как тот стал хмыкать, понял, что так оно и есть. Но ссориться не хотелось. Ни с соседом, ни с Дарьей.

В четыре часа Дарья, как обычно принесла обед, вернее, подвезла. Столик на колёсиках подарил капитан, с которым сдружился во время рейса в Баренцево море, северней некуда. Когда вспоминаешь, сразу холод подбирается со спины. Мойва тогда шла ежедневно. Да и лёд приходилось всё время окалывать. Нет уже капитана, истратился его организм. Он, Самойлов, в одном таком рейсе был, а у капитана такие рейсы подряд выпадали. Тут даже от одного рейса наследие — ноги почти не работают, застудил северный ветер, да только ли ветер, годы своё добавляют. В молодости всё легко переносится, кажется никогда не состаришься. Вот, Дарья, та действительно не стареет. Какая невестой была, такой и сейчас осталась. Хороший вкус у сына. Глаза чёрные, немного выпуклые, но всегда с искорками, и фигура почти идеальная. А что за оболочкой — разве разглядишь. И говорит всегда ласково, вкрадчиво, как лиса. И чем ласковей говорит, тем более надо насторожиться. А он и растаял. «Вот, Михаил Аркадьевич, сделала блинчики с мясом, как вы любите, и соком запивайте обязательно, сок купила полезный, гранатовый!» И улыбается широко. Стал благодарить. Она о внучках, об их учёбе. Девочкам тесно, каждой нужна своя комната.

Становятся большими, не заметишь, как заневестятся. Соглашался с ней, кивал. Не рассказывать же о том, какое в детстве место было, не то что отдельной комнаты, стола не было, уроки на подоконнике делал. Другое сейчас время, другие запросы. Когда увозила столик, сказала вскользь, что вечером будет гостя, которая хочет с ним побеседовать.

Вечером пришла представительная дама, одета с иголки, декольте, волосы уложены в витиеватый узел, говорила вежливо, но настойчиво. Сразу видно, что привыкла командовать. Сначала о чём-то с сыном и Дарьей беседовала в другой комнате. Потом вошли к нему. Познакомились, дама оказалась заведующей областным архивом. Помнила многих общих знакомых. Говорила с восторгом о знаменитостях, о знатных капитанах, об учёных, писателях. Рассказывала, как многие сдали свои документы в архив, как оформлены их личные дела, как продолжают они жить, благодаря архиву, как приходят молодые учёные — пишут историю края, а личные дела — главное подспорье. Потом завела речь о библиотеке, скопленной в архиве, сказала, что в архиве теперь редкое и ценное собрание книг. И всё это благодаря дарителям, и на каждой книге есть отметка — кем подарена архиву.

Самойлов сразу понял, к чему эта дама клонит, но не перебивал. Нравилось, что человек влюблён в своё дело. А таких людей, преданных своей работе, он всегда уважал.

— Денег у нас почти нет для закупок, но мы всё-таки нашли возможность, некоторые документы и книги закупать. И даже целые библиотеки, — продолжала она, — Можем и вам заплатить.

Самойлов всё ждал, когда она это скажет, когда откроет суть визита. И вот — пожалуйста. И нетерпеливая Дарья, которая начала ёрзать на стуле, вступила в разговор. Сказала: случай упускать нельзя, это можно сказать, большая честь для вас, Михаил Аркадьевич, будете увековечены, люди будут читать в архиве книги и видеть, кто их даритель. И сын поддержал: можно будет и личные документы сдать, твои, отец, грамоты, награды, письма.

— Совсем голым меня хочешь оставить и памяти о жизни лишить, — не выдержал Самойлов.

— Как раз память о вас продлим, — сказала архивная дама.

— Мы тут опись книг составили, — сказал сын, — надо тебе, отец, только подписать.

Это уже был удар, которого Самойлов не ожидал, и когда они успели, по ночам что ли?

— Сумма получилась неплохая, — сказала Дарья.

Архивная дама подтвердила кивком и заулыбалась. Видимо, поняла, что всё решено.

— Вы извините, — сказал Самойлов, — я ничего ещё не решил, — и чтобы не слишком огорчать гостью, добавил, — мне нужно подумать.

В эту ночь он так и не смог уснуть. Решиться на расставание с библиотекой, видимо, всё-таки придётся. Да и вариант архива может не повториться. А книги без читателя — дело невозможное. Нельзя держать их взаперти. Перечитать их он уже никогда не сможет. Со временем его зависимость от сына возрастёт. Понимать это не хотелось, но такова реальность. Уже несколько лет соседи не заходят за книгами. Раньше каждый день кто-нибудь заглядывал. Теперь все обзавелись компьютерами и телевизорами.

Видеоряд — это не книжный ряд. Нет глубины. Но кому сейчас докажешь, что без книг может начаться вырождение. Все живут сегодня и сейчас. Человек всегда

идёт по линии наименьшего сопротивления, зачем напрягаться, читать, если тебе всё покажут и всё прочтут, или перескажут краткое содержание. И тогда Анна Каренина уложится в минутный рассказ. Лучше покинуть этот свет сейчас, чем увидеть общее одичание. Люди словно потеряли зрение. Не нужно никакой Терезы, сочинённой Элиасом Канетти, тебя и так окружают ослепшие. Права та начальственная дама, в архиве книги обретут вторую жизнь, не может быть, чтобы они не заинтересовали тех, кто привык искать истину на бумажных страницах. Тем более, что есть очень редкие. Вряд ли найдётся кто-либо в городе, у кого собраны все допросы декабристов, белые широкие тома, не уместившиеся на полке. Был период, когда увидел в этих дворянских мятежниках, героев. Собрал все тома. Есть царские дневники. Тяжело отдавать, но иного пути не видно. К утру решение созрело окончательно, правда, он решил оставить себе самые любимые книги. Стал отбирать. Это было так мучительно, так тяжело. Отдать полное собрание Толстого, доставшееся с таким трудом! Надо оставить хотя бы «Анну Каренину». Но разорвать собрание тоже не годится. Хорошо вспомнил, что есть отдельное издание, да к тому же иллюстрированное. Томик Хемингуэя в чёрной обложке, тот, что был приобретён в числе первых взять обязательно. Долго держал в руках алый трёхтомник Фицджеральда, остаться без «Великого Гэтсби» — ужасно, вспомнил, как читали с Анной вслух, как она восторгалась... Ещё и Роман Гари «Обещание на рассвете», эта небольшая книга стоит многих томов. Долго искал «Маленького принца» но вспомнил, что том с ним отдал внучке. С поэзией было ещё сложнее. Оставил томик Цветаевой. Успокоил себя тем, что стихи любимых поэтов знает наизусть. Стал шептать подряд и задремал...

Утром, когда зашли сын и Дарья, он уже не спал. Они увидели, что он укладывает отобранные книги в свой портфель и сразу поняли, что его не надо будет больше уговаривать. И чтобы, как-то утешить, сын сказал, что на освобождённые стены можно будет повесить картины те, что отец так любил. Помнишь, отец, ты так сокрушался, что ценные картины пылятся на книжных шкафах, теперь ты сможешь ими любоваться каждый день.

И действительно, на стены, освобождённые от шкафов, быстро укрепили картины, нашлось место и Питеру Брейгелю, и Боттичелли, конечно, копии, но исполненные так, что смотрелись лучше оригиналов. Поместились и дарёные картины, Самойловы дружили с местными художниками, не пропускали выставок, им дарили картины, некоторые даже приобретали, хотя и стоили картины намного дороже книг.

Дарья и сын действовали слаженно и быстро. И машина из архива пришла так скоро, будто она стояла у дома и только ждала сигнала. И грузчики в одинаковых чёрных халатах почти мгновенно всё вынесли. Сам процесс выноса книг не вызвал у Самойлова той горечи и взрыва злости, который можно было ожидать. И дети, видя, что он не расстроен, были довольны. И потом внуки играли в его опустевшей комнате в шахматы, а он учил их правильным ходам.

Так продолжалось, впрочем, недолго, исподволь начались разговоры о престижном доме для ветеранов, где за каждым налажен постоянный уход и где лучшие врачи города. И что ему как ветерану рыбной промышленности положены особые льготы. Но здесь он уже решил не сдаваться, хотя и понимал, что уступив один раз, он вынужден будет уступить и ещё один раз. К тому же, в доме книги его уже не удерживали. Портфель с книгами можно было унести в любое место. И он пожалел, что отобрал так мало книг для себя...

НОЧНОЙ ЗАМЁТ

— Давай дадим другие координаты! — сказал мне капитан Тирхов, когда наше судно подходило к промыслу. Вид у него был заговорщицкий, чёрные волосы, словно крыло ворона, закрывали один глаз, вторым глазом он мне подмигивал. Я ничего не понял. Тогда он стал разъяснять мне, как капризному ребёнку: «Чего ты упрямишься! Согласись, что так будет лучше, так будет разумнее. Мы сообщим, что идём на сто миль севернее, что прибудем на промысел только через два дня». Я возмущался, я кричал, что не допущу обмана. Я был представителем конторы, которая старалась держать в узде даже таких капитанов, как Тирхов. Он был орденоносец, с ним носились как с писаной торбой. Я впервые шёл на промысел вместе с ним. Я не мог понять его. Он, оказывается, хотел остановиться и даже стать на якорь, чтобы избавиться от запасов вина. Сухое вино давали тем судам, которые работали в тропиках. В жаркие дни полагалось к обеду выдавать стакан вина. Для моряков это вино было, что слону дробина. Но, как объяснял мне Тирхов, именно в дни выдачи вина на судне появлялись пьяные. К этим дням матросы готовились заранее, загодя варили самогон из рыбной муки или ставили бродить соки, взятые на судовом ларьке. Выпив стакан сухого вина, они уходили в каюту и там добавляли самогона. Обвинить их в пьянстве было невозможно, ведь сам капитан выдал им вина. «А каково мне с пьяными идти на замёт!» — почти кричал на меня Тирхов. Я по-прежнему говорил нет. К вечеру против меня была настроена вся команда, я стал источником всех бед и меня охотно бы выкинули за борт, как библейского Иону, чтобы справить свой законный праздник — праздник уничтожения сухого вина. К утру я сдался, мы нашли мелководье и бросили там якорь, судовые двигатели смолкли. Господь послал нам тишайший и светлый день. Штилевое, глянцевающее море расстелило перед нами свою ровную скатерть, на палубе был поставлен длинный стол и сюда же были вынесены все запасы сухого вина. Это было вино самых худших сортов. Чего ещё было ждать от наших снабженцев? Но вина было много. Думается, что если выпить такое количество воды, тоже можно запьянеть, а здесь хоть и малые, но все же были градусы. К тому же ярко светило солнце, подогревая сверху наши ещё незагорелые тела. Женщин на судне не было, поэтому сидели, кто в трусах, кто в майке, мочились прямо с борта и пели самые разухабистые песни. А потом плясали, да так что содрогалась палуба. А когда расплывающийся шар солнца нырнул в океан, и сразу стало темно, включили от аварийного движка прожекторы, и в их свете все происходящее стало казаться мне нереальным. Словно я видел чудный сон, где был зван на бал и, погруженный в тёплые волны, парил над паркетом-палубой, и вокруг меня вальсировали полуголые матросы, а кто-то ползал по палубе в поисках заветной туфельки. Моё сладкое видение прервал Тирхов, он растормошил меня и сказал, что у него есть одна прекрасная идея. Конечно, идея эта была в том, что надо поискать, где бы ещё добавить. Свои запасы водки он выпил ещё на отходе, я в рейс водки не брал, так что идея Тирхова оставалась ничем не подкреплённой и неосуществимой. Так думал я. Но не Тирхов. Недаром это был самый удачливый капитан нашего флота и самый изобретательный. Оказывается, он успел связаться по радио со своим корешем — капитаном такого же судна, который был на заходе в инпорту и, естественно, набрал там несколько ящиков боккарди. Понимаешь, сладко улыбаясь, говорил мне Тирхов, это ведь не сухарь, это сорок три градуса, только никому — ни гу-гу. Идём только вдвоём. В последний момент мне удалось уговорить Тирхова взять с собой ещё и матроса. Мы быстро спустили шлюпку-ледянку, молодой матрос молча дёрнул за шнур и завёл движок, и мы рванули в ночь. Я не понимал, как ориентируется Тирхов,

вокруг стояла такая мгла, что казалось шлюпка сейчас воткнётся в неё и застрянет. Но Тирхов нюхом чуял запасы боккарди. Уже минут через десять он кричал во тьму: «Вася, курва, отзовись, мы здесь, Вася!» И Вася отозвался, ибо тьму прорезал прожектор, и мы пошли по его лучу. И вот уже нас втащили на Васин корабль. И Тирхов стал обнимать Васю, а Вася, оказавшийся на две головы выше Тирхова, наклонился и чуть ли не плакал на плече друга. Вася был уже давно пьян. Но запасы у него ещё были. И он сопроводил нас в свою каюту, где не только стояли бутылки, но и лежали диковинные заморские фрукты. Тирхов, не закусывая, выпил подряд два стакана и сразу повеселел. Я только пригубил, я понимал, что должен остаться трезвым, мы ведь покинули свой пьяный корабль, никого не оповестив об этом. И теперь надо было как можно скорее вернуться. Между тем Вася вырубился и уронил голову на стол, а Тирхов выскользнул за дверь, пробормотав, что сейчас приведёт механика и что тот тоже его крепкий кореш. Прошло минут десять, я сидел в каюте и ждал. Какая-то нервная дрожь охватила меня. Я выбежал в коридор. Было совершенно темно. Хорошо, что я знал суда этого проекта почти наизусть. Я выскочил на палубу, прожектор освещал борт и прильнувшую к этому борту нашу шлюпку, в которой дремал матрос. Тирхова там не было. Я стал кричать, что есть силы: «Тирхов! Тирхов!» Никто не отзывался. Судно словно вымерло, вернее, все здесь были пьяны. Я спустился в камбуз, потом поднялся в кают-компанию, повсюду стоял сивушный запах, кругом были разбросаны бутылки, но людей не было. Я решил, что все покинули судно и почувствовал, как холодный пот прошибает меня. Я стал бегать от каюты к каюте и кричать — Тирхова нигде не было. Никогда я ещё не попадал в столь глупое положение. Совершенно случайно я распахнул дверь гальюна, и, о, чудо! — Тирхов был здесь, он мирно спал на толчке. Я стал тормозить его. Он очнулся и долго не мог понять, где он и что от него хотят. Мне пришлось волоочь его по палубе и спускать в шлюпку, я крыл его последними словами. Я окатил его водой, и теперь окончательно придя в себя, он точно вывел шлюпку к борту своего судна. Там тоже все спали. Силы покинули меня, я бухнулся на диван в своей каюте и сразу же погрузился в сон. Но спал я не больше часа. Громкие сигналы судового колокола разбудили меня. За дверьми слышался топот ног. Я быстро накинул куртку и поспешил в рубку. Судно наше несло на вираже, вымётывая кошелёк. Радист повис на моей руке, он чуть не плакал, он кричал: «Остановите его, это же безумие! Он пьян, люди пьяны! И ему вздумалось идти на замёт!» Я бросился к Тирхову, тот словно охотничий сокол был весь напряжён, он ждал добычу и готов был схватить её. «Образумьтесь! — закричал я. — Вы погубите людей! Здесь же отмель и сплошные рифы, вы порвёте сети!» Тирхов отмахнулся от меня как от надоедливой мухи. Сети уже начали стягивать, и он выбежал на палубу. Его действия были чётки и выверены. И следа похмелья не было на его лице. Я тоже выскочил на палубу. Рыба бурлила в сетях, словно в огромном котле. Прожекторы высвечивали эту пузырящуюся и вращающуюся живую массу. В кошельке было тонн двадцать чистой скумбрии. Нам не надо было идти в район промысла. Весь флот шёл к нам, шёл сюда на большую рыбалку, где удача ждала всех и где было так мелко, что, действительно, здесь пьяному было море по колено.

ВСТРЕЧА В «КАТАРСИСЕ»

Полосы проливного дождя встречались с волнами и гасили пену прибоя. Казалось, разверзлись хляби небесные, и не будет конца этому беснованию воды. Мы

с Линой успели ещё до начала сильного дождя скрыться в кафе «Катарсис», стоящем на краю променада. Здесь было тепло и уютно. Широкие стекла отделили нас от шумящего за окнами водоворота. Ветер бросал пригоршни воды на окно, и тогда по стеклу дождевые потоки стекали один за другим почти ровными рядами. Сквозь эти потоки смутно виделось беспокойное море и часть пляжа с потемневшем от воды песком. Мы заказали по рюмке коньяка, чтобы согреться. Был месяц май, курортный сезон ещё не начался, и в кафе почти не было посетителей. И только в дальнем углу, седоватый мужчина в свитере, изредка бросал на нас взгляды. На его столе рядом с кружкой пива лежала фуражка с крабом. И мы почему-то сразу определили, что это капитан. Конечно, его взгляды принадлежали Лине. На неё грех было не заглянуться. Русалочьи зеленые глаза он вряд ли разглядел, но вот то, как она умела плавно откинуть голову, поправляя причёску, он конечно увидел. У неё была лебединая шея и тёмные, спадающие на плечи волосы. Это тоже нельзя было не заметить. Последние годы мы редко выезжали к морю. Но мы всегда помнили, что море соединило нас и оно же, едва не поглотило в такой же дождливый майский день. Наверное, мы вспомнили об этом с Линой одновременно, и она спросила: какое сегодня число. И я ответил, что дата нашего спасения будет лишь завтра. Не имеет значения, сказала Лина, давай закажем ещё коньяка. Она всегда была противницей выпивки, но сейчас я хорошо понимал её. Официантка, почти девочка, в короткой юбке, длинноногая и улыбчивая тотчас исполнила нашу просьбу, и принесла не только коньяк, но и вазу с мандаринами и ломтиками лимонов. Догадливая, сказала Лина. Ты была тоже очень быстрая и сметливая, сказал я, если бы не ты, я так и остался бы в машинном отделении. А если бы не ты, сказала она, я ни за что бы не прыгнула за борт. Была такая холодная вода! Ты буквально столкнул меня. Давай, забудем об этом, сказал я, выпьем за тех, кто уже никогда не будет с нами, и забудем. Лина кивнула, и подула снизу вверх на чёлку, откидывая её со лба. Сказал ей — забудем, себе приказал — забудь, но невозможно распорядиться со своей памятью так, чтобы она стёрла прошлое. Ведь прошлое не исчезает, не растворяется в океанских водах, оно постоянно живёт вместе с нами в настоящем. Да и можно ли забыть тот рейс...

Мы возвращались из Атлантики мужем и женой, в тропиках нас расписал капитан, и вся команда траулера три дня и три ночи плясала на палубе, и врач, переодетый Нептуном и его помощники палубные матросы — черти, хватали всех подряд и крестили в рыбном чане, заполненном водой, перемешанной с рыбной чешуёй. Ах, как были все веселы и счастливы, и никто не мог даже подумать, что возможно, это его последний рейс. Лина была буфетчицей верхнего салона, а я был вторым механиком, и до этого нам приходилось таиться и скрывать свою любовь. Теперь же мы словно вновь родились, мы были безгрешны и счастливы. С трюмами, полными рыбы, мы возвращались в порт. Рыбы было слишком много. И было много рыбной муки, её мешки не вместились в трюмы и лежали прямо на верхней палубе. Стармех первым почувствовал неладное, траулер зарывался носом, двигатели надрывно пыхтели. Надо было бы скинуть за борт мешки с рыбной мукой, но кто бы пошёл на это. Лишать себя дополнительного заработка. Самого бы скинули. Нам оставалось до порта всего сутки перехода, мы шли уже проливами, уже пахло землёй. И никого поначалу не пугало усиливающее волнение моря. Потом порыв шторма сорвал закрытие слипа, вода стала гулять по палубе, нашла щели в рыбных трюмах, пробила путь в машинное отделение. Когда я заметил, что вода подступает к двигателям, бросился включать насосы, но было уже поздно. Траулер резко накренило на левый борт. Можно было ещё спасти судно. Как потом рассказывали, капитан отказался

давать сигнал бедствия, он даже не ответил на запрос, идущего в полумиле от них голландского сухогруза. Понятно, что капитан все ещё надеялся сам выкрутиться, его считали везунчиком. Если бы спас иностранный корабль, новые хозяева тралфлота капитана бы не пощадили. Был ещё один путь спасения — идти полным ходом к берегу, тонуть или опрокинуться на мели. И это не было сделано. Я тогда всего этого не знал, я знал одно, без команды не имею права покинуть машину, заглож главный двигатель, но ещё работали вспомогачи. И когда и они задохнулись, осталось только журчание воды, заполняющей машинное отделение, я услышал отчаянный женский крик: Саша! Саша! Это была она, она отказалась покинуть траулер без меня. И когда я вылез на палубу, там уже почти никого не было. Нос траулера высоко задрался вверх. Крен был так силён, что удержаться на ногах было невозможно. Мы обняли друг друга и так вместе покатались к борту. Была беззвёздная ночь. Где-то внизу были слышны отчаянные крики о помощи. Это потом я узнал, что перевернулась шлюпка с людьми. Надо было прыгать за борт. Успеть, пока корабль не ушёл под воду. Ещё мгновение и конец. И тогда втянет в водяную яму, оставленную тонущим кораблём, прыгай, закричал я Лине, она мёртвой хваткой вцепилась в леера. Я разжал её пальцы, и с силой толкнул вниз, и прыгнул следом. Холодная вода обожгла, словно кипятком. Рядом тонули люди. Мне надо было спасти ту, единственную, без которой я не мыслил дальнейшей жизни. И мне повезло, сначала рядом со мной оказался спасательный круг, потом удалось различить среди тонущих Лину, за волосы втянуть в этот круг, привязать к кругу. И тут случилось то, что не рассказывал даже Лине. За спасательный круг ухватился пожилой матрос из бригады рыбообработчиков, его звали Максим, он был очень доброжелательный и постоянно улыбался. Это все отняло море, его расширенные глаза, его крики, его кровоточащий приплюснутый нос часто видятся в страшных снах. И его крик: помоги! Спаси! Мне перебили руку! Максим схватился за круг, стал тащить Лину. В этот момент, пришлось с силой ударить его. Возможно, Лина, все это видела, возможно, ещё была в сознании. Но никогда ни словом не обмолвилась. Она была без сознания, когда нас втащили на борт датского буксира. Я тоже плохо тогда соображал.

— Ты о чем задумался, смотри, коньяк ещё не выпил, у тебя полная рюмка, — сказала Лина. И потом спросила, не о том ли, как мы тонули. Нет, что ты, мы же договорились забыть. А ты знаешь, сказала она, такое не забывается. Помнишь Юру? Я кивнул. Как не помнить этого весельчака, как он пел, с хрипотцой, как Высоцкий, он тоже спасся. Юра рассказывал, что удалось спустить единственный плотик, что туда набилось человек двадцать, а тех, кто пытался влезть, эти люди били вёслами по рукам. Как это ужасно! Я не хотел объяснять ей, что если бы в плот забралось слишком много людей, он перевернулся бы. Я не хотел говорить о том, что человек иногда не волен в своих поступках. Да, всякое бывает, согласился я и стал говорить о том, как очередной отпуск мы не станем проводить на Балтике, слишком холодное здесь море, поедem на Адриатику. Она согласилась со мной, даже обрадовалась. Мы стали думать на кого оставить нашего кота. Кот был её любимцем. Возьмём его с собой, ведь без нас он пропадёт, — сказала Лина. Можно и так, согласился я, хотя возни много, нужно документы на него оформлять, специальную клетку делать...

В это время к столу нашему морской развалистой походкой подошёл единственный посетитель кафе. Лицо его показалось мне знакомым. Приплюснутый нос, такой нос мог быть только у одного человека. Могу я выпить с вами, сказал он. Конечно, согласилась Лина. Он принёс из буфета бутылку коньяка. Это лишнее, сказал я. Мы торопимся. Нет, Саша, нам все равно надо пересидеть дождь, сказала

Лина. Смотри, за окном уже посветлело, сказал я. Мы выпили молча. Потом за тех, кто в море. Как я и догадался сразу, это был бывалый мариман, правда, ещё не капитан, но штурман. Мы говорили о том, как разбазаривают наш флот, и ещё о том, что стало выгодней ходить на заграничных судах. Там, тоже не сахар, сказал наш собеседник. Я пристальней всмотрелся в его лицо. Неужели это Максим? Как это выяснить. Позвольте, сказал я, представлю вам свою жену, она тоже морячка. Это Лина, сказал я, он привстал, поцеловал ей руку, но не назвал своего имени. И тогда я спросил его напрямую: вам приходилось тонуть. Бог миловал, ответил он. Ничего нет страшнее кораблекрушения. Люди теряют голову. Тонут не от того, что нет путей к спасению, а от того, что не могут ничего сообразить. Потом каются, а делать этого не надо. Море есть море. Он говорил правильные слова, но мне тяжело было его слушать. Шум дождя стихал, сквозь тучи уже проглянуло солнце, из окон кафе оно не было видно, но потому как посветлела вода, это можно было угадать. Я рассчитался с официанткой и стал торопить Лину. Наш собеседник остался сидеть за нашим столом. Мы распрощались, он протянул мне руку, я почувствовал при рукопожатии, что пальцы его не сгибаются. Я поспешно вышел из кафе, ощущая на спине его пристальный взгляд...

МИХАИЛ ГОГОЛЕВ

ДОБРЫЙ ЛЕШИЙ

По лесу шёл Леший — рослый парень лет двадцати, в лаптях, самым сплетённых, в рубашке холщовой, пояском подпоясанной, в кепке — в неё у козырька была вставлена ромашка, свисающая над ухом. Радостный, поглядывал на кроны высоких берёз и сосен, прислушивался к пению птичек в кустах, иногда сам насвистывал, искусно изображая соловьиные трели. Никто бы не подумал, что это лесной житель — реши бы, что деревенский парень прогуливается, если б не покрытое рыжеватыми волосами лицо.

Вдруг от опушки леса потянуло дымком. Напрягся Леший, принялся и побежал туда, опасаясь, что начался пожар. Вскоре послышались человеческие голоса. Леший услышал треск костра и увидел высокое пламя, в которое трое парней в джинсах и футболках кидали ветви берёз, лапы ёлок. Один длинноволосый сидел недалеко на берёзовом чурбачке, играл гитаре и пел:

В белом платье с пояском
Я запомнил образ твой.
По обрыву босиком
Бегали мы с тобой...

Хорошо пел, проникновенно. В другой раз Леший бы заслушался, а теперь из-за пожара решил парней прогнать, зарычал громко, как медведь, и начал кусты шевелить. Якобы зверь к костру пробирается...

Глаза парней округлились от страха. Кинулись они в сторону ближайшей деревни. Да так быстро, что через минуту след их простыл. Загасил зелёными лапами пихт Леший костёр, головешки раскидал, залил их из бутылки с минеральной водой, которую рядом с кострищем нашёл, — и вдруг увидел гитару. Впопыхах певец её бросил. Взял Леший гитару, провёл заскорузлыми пальцами с длинными ногтями по струнам, прислушался. Звук приятным показался. Сел Леший на пенёк, закинул ногу на ногу, стал играть и петь только что слышанную песню... На душе сделалось грустно. Вспомнил, что не женат и даже подружки не имеет...

Вскоре на опушке появилась Кикимора — выползла из кустов и к Лешему, кокетливо виляя попой, подошла. Сама в болотной жиже вымазанная, юбка из водорослей зелёных связана. В длинные волосы голубенькие цветочки воткнуты.

— О чём, Леший, поёшь? — спросила она ласково, томно поглядывая большими чёрными глазами.

— О любви, Кикимора, о любви! — тяжело вздохнул Леший.

— Ой, а разве ты про любовь что-то знаешь? — Кикимора умильно сложила руки на груди. — Расскажи мне...

Леший пожал плечами:

— Знать, может, и не знаю, зато чувствую... В груди какое-то томление.

— А хочешь, я тебе про любовь расскажу?

— А ты про неё откуда знаешь?

Кикимора захихикала многозначительно:

— Мне парни деревенские рассказывали.

- Ты что, в деревне была?
- И не только была, но и на дискотеке там танцевала.
- И там не догадались, что ты из леса пришла?

Кикимора кокетливо рассмеялась:

— Так местные девчонки от меня ничем не отличаются — тоже все накрашенные, танцуют, как и я. Мне деревенские парни все наперебой в любви признавались: дескать, пойдём прогуляемся.

- Куда?
- На сеновал.
- А что там на сеновале? Сено охранять?
- Неважно. Просто там мягко и вкусно пахнет.
- И ты ходила?

Кикимора вдруг фыркнула:

— За кого ты меня принимаешь?! Я девушка хоть и необразованная, но честь свою лесную берегу! — Кикимора опасливо посмотрела в кусты и тихо пробормотала: — Да и испугалась я, что мой ухажёр медведь их задерёт. Жутко ревнивый. Он по пятам за мной ходит до самой деревни. Вот и сейчас от него еле-еле сбежала...

— А что? Выходи за него! Он мужчина солидный и серьёзный. Охранять тебя будет, медком угощать по праздникам.

Кикимора захихикала:

— Он меня на цепь в своей берлоге посадит или съест от ревности... Мне уж и взглянуть ни на кого нельзя будет. И зачахну я.

Она села на колено к Лешему, обняла его за шею и ласково сказала:

— А я давно по тебе тоскую! И тоже — томление в груди...

Леший легонько отстранил её от себя и сказал, чтоб не обиделась:

— Ты девушка, конечно, яркая, но... — Леший поискал причину для отказа и добавил: — Но не хозяйственная. А я порядок люблю. В моём шалаше всё по полочкам разложено. А в твоей избушке кавардак! Зеркала, расчёски и всякая белиберда. Все раскидано...

Кикимора шмыгнула носом:

— Разве это главное?! Зато я тебя любить буду сильно-сильно — и она потянулась сложенными в трубочку пухлыми губками к Лешему...

В этот момент в лесу раздался треск сучьев под тяжёлыми шагами, медвежий рёв, и на полянку вышел крупный бурый медведь. Зыркнув глазами и увидев кикимору недалеко от Лешего, он встал на задние лапы и страшно зарычал:

— Вот ты где, изменщица! Уже ухажёра нашла? Сейчас я его съем! — и медведь вперевалку кинулся к Лешему, которого издали принял за деревенского парня.

Леший обернулся к медведю и сказал:

- Спокойно! Не хулиганить!
- А, это ты... — озадачился медведь. — Почему ты с моей подружкой миловался?
- Мы с ней не миловались, а мирно разговаривали.
- Мирно?.. Тогда я её одну съем!

Кикимора закричала «Спаси! Спаси!» — и спряталась за Лешего. Тот погрозил пальцем и строго сказал медведю:

— Не позволю обижать девушку! Она тебя не любит, и поэтому от неё отстань.
— Вот как прижму к себе и обниму — так сразу и полюбит! — заявил уверенно медведь.

«Спаси! Спаси!» — снова закричала кикимора.

На полянку из чащи вышла крупная, насупленная дочка Бабы Яги, Галина в больших резиновых калошах, в фуфайке, с топориком на поясе и, обведя всех мрачным взглядом из-под густых рыжих бровей, басовито сказала:

— Чего орёте на весь лес? Кто кого убивает?

— Это медведь меня хочет съесть за то, что его не люблю! — заявила кикимора.

— А кого ты любишь? — хмыкнула Галина.

Кикимора показала на Лешего:

— Вот его! Он добрый и ласковый. На гитаре умеет играть и песни петь.

Галина подняла Лешего за шкурку с пенька, осмотрела его с ног до головы оценивающе, словно в первый раз видит, повернула к себе передом и задом и вдруг сказала:

— Такой парень мне самой нужен! Я его в мужья беру.

— Жениха прямо из-под носа уведят! — заверещала кикимора.

— Молчи, — прикрикнула Галина. — Какая из тебя жена?! Ты же глупая! Вот из меня жена так жена! — она ласково обратилась к Лешему: — Пойдём, милоч, со мной. Ты, наверное, проголодался. Я тебя борщом вкусным угошу.

Леший погладил ладошкой живот, где у него сразу забурчало, шмыгнул носом и пробормотал:

— Перекусить, конечно, можно...

Бочком-бочком к Галине подошёл медведь и сказал заискивающе:

— Я тоже голодный. И меня покорми.

— Обойдётся, — фыркнула сердито Галина. — Тебе бочку надо борща, а у меня всего лишь десятилитровая кастрюля.

Она взяла Лешего под руку и повела в свою избушку, которая находилась на дне глубокого оврага в чащобе. Кикимора и медведь пошагали за ними поодаль. Кикимора печально заявила:

— Леший, зачем тебе такая жена? Она же злая! Угробит тебя раньше срока. Ядом отравит, если что не по ней. От неё даже Змей Горыныч за границу сбежал...

Галина, не оборачиваясь, фыркнула:

— Молчи, зараза! Я не злая, а строгая... И не сбежал, а я его сама прогнала — он водку вёдрами пил сразу в три свои глотки.

— А Кощей зачем сбежал от тебя? На что Бессмертный, и то испугался, что со свету сживёшь.

— А зачем мне был нужен такой старикан в пятьсот лет, да и тощий — я люблю мужчин в теле.

— Леший, лучше меня жены не найдёшь, — продолжала Кикимора. — Мы будем с тобой сидеть на берегу озера и петь:

Хороши вечера на Каме.

Я буду сидеть в панаме.

Целовать и тебя обнимать,

Ну а ты на гитаре играть.

Галина схватила с земли толстую палку и кинула в Кикимору:

— Сгинь, зараза. А то по примеру своей матушки в печь засуну, косточки обглодаю и по лесу разбросаю...

— Леший, — кикимора встала в позу и кулачки в бока уткнула. — Зря ты от меня отказываешься! Я, может быть, скоро певицей известной стану! На гастроли по всей России буду ездить.

Леший на неё лишь оглянулся, но Галина дёрнула его за руку и толкнула вперёд. Кикимора с досадой махнула рукой, обняла медведя и пошла с ним, заявив грустно:

— Эх, нет в жизни счастья...

* * *

Завела Галина Лешего в материнскую избушку, что стояла на огромных курьих ножках и слегка покачивалась от ветра. Усадила за стол, наложила ему в большую деревянную тарелку ароматный борщ с лесными приворотными травами, а сама села рядышком и смотрит, изучая. Съел Леший одну порцию с большим аппетитом, она ему вторую наложила. Съел он и вторую и тут только спросил:

— А мясо—то в борще не человечесьё?

— Враки это, что мы с мамкой людей едим. Мы давно кушаем говядину. Я её в ближайшем городе на базаре покупаю.

Леший растерянно пробормотал:

— Что это ты вдруг меня в женихи выбрала?

— А кого ещё? Ты более других на человека похож. Вот побреем тебя, пострижём — и будешь ты нормальный мужик! Крепенький, хозяйственный, послушный. Мне такой и нужен. Я ведь в город решила перебраться. Надоело избушку дровами топить, когда в городе уже все газом пользуются. При ярком электричестве хочу жить, а не при тусклой керосиновой лампе. Телевизор хочу смотреть, в нарядных туфлях на высоких каблуках ходить, а не в калошах.

Леший, вставая из-за стола, пробормотал:

— А мне в лесу нравится жить. Тут природа, воздух чистый, все друзья... Пойду—ка я прогуляюсь.

Галина схватила его за шкурку и погрозила длинным узловатым пальцем:

— Знаю я тебя. Ты можешь забрести в такие дебри, что потом тебя год не сыщешь. А мне уже тридцать лет скоро. Я не хочу старой девой остаться, — и толкнула Лешего на кровать. И сама рядом прилегла. Так придавила толстой ногой, что он пошевелиться не может.

На следующий день с утра послала Галина огромную красноглазую сову, что постоянно сидела на трубе избушки и предупреждала Бабу Ягу о незваных пришельцах, собрать лесное зверьё на поляну... Облетела сова лес и всем сообщила, что их желает видеть дочка Бабы Яги. Собрались к обеду на поляне белки, бурундуки, зайцы, лисы, волки и другая живность. Ждут, что им Галина важного скажет. Она вышла из избушки и говорит:

— Уважаемые звери! Дорогой лесной народ! Мы с Лешим вчера поженились и собираемся в городе жить. Я там открою бизнес и вас возьму к себе на работу. Вы будете поставлять мне кедровые орехи, целебные корни, грибы и ягоды. Будете делать туски из берестяной коры, поделки из корней деревьев. А за все это я вам буду платить деньги.

— Мы их считать не умеем.

— Нам деньги не нужны.

— Мы по магазинам не ходим... — заговорили звери.

— Материю на платья и костюмчики привезу, — заявила Галина.

— У нас шерсть на шкурах тёплая... — забормотали звери.

— Зеркала подарю, чтоб чаще смотрели на свои грязные физиономии, и мыло, чтоб умывались. Ножницы, чтоб когти стригли, — сказала Галина.

— Физиономии у нас чистые, а когти нужны... — забормотали звери.

Тут как глянёт на них Галина сердито, да как фыркнет:

— Всё вам не так, да не эдак! Я вот скажу мамке, чтоб порчу на вас напустила, и умрёте вы в страшных муках, если работать на меня не будете!!!

Присмирели сразу звери, головы покорно пригнули.

* * *

Взяла Галина в аренду место на городском базаре и стала торговать лесными дарами — ежевикой, клубникой, морошкой, малиной, шиповником. Калиной, рябиной, черёмухой! Ягод разнообразных в лесу — множество. Травами лечебными — душицей, иван-чаем... Да любая травка, какую ни возьми, целебная! Любой корешок от болезней лечит лучше дорогих таблеток и микстур!

Стоит она за прилавком и кричит на весь базар зычным голосом: «Покупайте! Все сделано по рецептам бабушки Яги!» Народ к ней толпами идёт, давно зная, что Баба Яга хорошо разбирается в снадобьях!

Ну а Леший каждый день на велосипеде ездит в родной лес и привозит оттуда полные корзины грибов и ягод, поделки из бересты и дерева. Белки и лисы своими пушистыми хвостиками научились масляными красками картины на срезах чурбачков рисовать. Галина продавала их, как виды родных мест. Похлеще любого авангардиста — залюбуешься! Бурундуки и кроты лечебные корешки в земле для неё роют. Волки красивые корзины из ивовых прутьев плетут. Медведь кедровые шишки с них собирает, масло кедровое из них давит огромными лапами. Ёжики листья лапками раздвигают, грибы находят и на спинах, приколов к иголкам, к месту сбора урожая волокут. Зайцы кору берёзовую рвут и туески шьют. Все это большим спросом на базаре пользуется!

Как-то сидит Галина на похжей на дубовый бочонок материнской ступе около прилавка. На нём поделки из дерева стоят, туески, а рядом лежат ягоды и грибы в корзинках. Руки в боки уткнула и громко кричит: «Подходите! Всё свеженькое! Только что из леса». Подходят к ней три парня — глаза прищурены, руки в карманах держат, на лоб фуражки надвинули. Физиономии наглые.

— Ну что, мамуля... — говорит один с синей наколкой на оголённом плече. — Много наторговала?

— Сколько наторговала — всё моё... — отвечает Галина сухо.

— Делиться надо!

— Это с кем?

— С нами...

— Тумаков могу навешать бесплатно.

— Да ты наглая! Деньги давай!

Галина со ступы встала и указывает в тёмное отверстие:

— Там лежат! Возьми, сколько сможешь...

Заглянул парень в отверстие с довольной физиономией — и тут Галина ноги его схватила и всего в ступу затолкала, а сама сверху села, ухмыляется. Завопил он оттуда гулко, словно из пустой бочки: «Пусти, старая...» А Галина на ступе подпрыгивает, уминая его толстой задницей и бубнит колдовское заклинание под нос.

— Эй, ты! — с испугом пробормотал второй. — Отпусти нашего вожака.

— Отпустить? Пожалуйста... — Галина вытащила из ступы за шкурку укороченного в два раза, размером с лилипута, парня с наколкой и держит на весу, как куклу. — Забирайте!

Тот короткими руками и ножками размахивает, большой головой трясёт и плачет. Парни с ужасом в сторону отскочили, бормочут:

— Ты чего с ним сделала? Да мы тебя...

— Чего? Чего? В уroda превратила! Тоже хотите? Кто следующий?.. Могу для разнообразия в свинью превратить... — пробасила Галина утробным голосом и вытянула длинную руку к парням, словно желая схватить. Они кинулись прочь, перепрыгивая через прилавки, не оглядываясь. А маленький уродец кинулся за ними с криком: «Подождите...», но через прилавок перелезть не смог и пролез под ним на четвереньках.

Отёрла Галина руки друг о дружку с довольным видом и пробормотала:

— От меня в своё время даже Змей Горыныч еле ноги унёс! Да я за родную копейку любого удавлю!

* * *

За год накопила Галина денег на огромный коттедж. Купила землю в престижном месте, где большие чиновники и банкиры селились, и дом начала строить. Леший мужик рукастый, трудолюбивый, сильный, научился кирпичи класть, доски строгать. Сам сделал резные наличники на окошки и крылечко невероятной красоты, какие в русских теремах раньше делали...

И вот дом построен: высокий, двухэтажный! Таких избушек, в которой когда-то дочка Бабы Яги жила, в него штук двадцать уместится, а может, больше... Ходит Галина по дому, радуется простору и богатству, руки потирает, в зеркала на стенах смотрится.

Леший тем временем пригласил зверей на новоселье, а у Галины разрешения не спросил. И вот под покровом ночи к дому, что стоял на окраине поля, пришли толпой звери. Радостные, счастливые, любопытные. Медведь лапой громко в ворота стучит.

— Кто там? — спросила Галина Лешего. Она смотрела жидкокристаллический телевизор, сидя на кожаном диване в шёлковом халате, и попивала кофе из изящной фарфоровой чашки. — Воры пришли, что ли? — и добавила сердито: — Сейчас я им головы-то оторву!

— Да нет, — пробормотал Леший. — Это звери пришли на новоселье.

— А кто их пригласил?!

— Я.

— Да как ты посмел, дундук лесной?!

— Так ведь они нам помогали деньги на дом заработать.

— Обойдутся...

— Некрасиво получится.

— А красиво получится, когда они войдут и грязными лапами мне дорогие ковры замарают, мебель когтями поцарапают?!. Нет, уж... Дай медведю и волкам по палке колбасы, а остальных прогони!

Вышел Леший, удручённый, за ворота, тяжело вздохнул и виновато говорит:

— Жена моя принять вас не может! У неё голова болит! Зато она вам даёт продукты... — и он протянул большой мешок, куда скидал все, что было в холодильниках: — Спасибо вам за помощь и дружбу!

Растерялись звери, обиделись — хотелось им в доме за столом посидеть. Медведь, жуя толстую палку копчёной колбасы, сказал печально:

— В кого ты, Леший, превратился? В подкаблучника! Вы бы хоть с женой Бабу Ягу навестили. Ни разу за целый год Галина у неё не была. А та расхворалась сильно.

И звери побежали, поскакали обратно в лес. Одни лизали мороженое, другие грызли грецкие орехи. Лиса тащила в зубах балык.

Вернулся Леший в дом. Жена на кухне встречает его у открытого пустого холодильника со скалкой, да как даст ему по голове:

— Ты почему, дундук, мою чёрную икру и рыбу красную зверью отдал? Ты почему отдал им бананы, апельсины, ананасы и авокадо?! — и ещё раз ударила по голове скалкой.

Стерпел Леший, шишку на голове ладошкой погладил и промолвил:

— Звери говорят, что мама твоя захворала. Надо бы навестить.

— Ладно, съездим! — смягчилась Галина, но ещё стукнула Лешего скалкой по спине — для профилактики.

На следующий день она пригласила мастеров — и те поставили на окна железные решётки, а вокруг дома протянули колючую поволоку, чтоб гости из леса больше не приходили.

Только через неделю собралась Галина навестить Бабу Ягу. Напоманилась она, нарядилась, надела высокие кожаные сапоги на длинном каблуке, села в красную дорогую иномарку, Лешего посадила на заднее сиденье — и поехали в лес. Доехала до опушки, дальше проезда нет...

— И когда только в лесу дороги построят?! Никакой цивилизации! — фыркнула она.

Попыталась она идти по земле — а каблуки сапог в дёрн втыкаются, вязнут, вскоре один отвалился. Леший в кроссовках шёл, он и говорит:

— Тыними сапоги — и босиком, как раньше по лесу ходила. Это ж так приятно: травка пятки щекочет — массаж.

— Я, важная дама, и буду босиком ходить? Ноги с педикюром марать и мозолить? — хмыкнула Галина. — Отдай мне кроссовки!!

Снял послушно Леший кроссовки и бодренько пошагал босиком по мягкой хвое.

Добрались они до Бабы Яги. Избушка стоит словно мёртвая. Из трубы дыма нет, дверь нараспашку, от ветра качается и жалобно скрипит. Опечалился Леший, растерянно в проём двери заглядывая:

— Бабушка, ты жива?

После долгого молчания с печи послышался протяжный стон и кряхтенье:

— Жива вроде, но всё болит. Спину прихватило — радикулит, наверное.

Галина процедила сердито:

— Чего не лечишься проверенными средствами? Мазью из яда гадюки и пепла лягушки?

— Кончилась у меня мазь, — старуха с трудом спустила с печи ноги в подшитых заплатанных валенках. — Умру, наверное, всеми забытая! Возьми меня, дочка, к себе. Я слышала, ты большой дом в городе построила, со всеми удобствами. Дай мне там лежанку в уголке.

Леший обрадовано воскликнул:

— Конечно, бабушка! У нас в доме десять комнат — тебе отдельную выделим. Спать будешь на ортопедическом матрасе, а не на жёсткой печи, как здесь.

В этот момент Галина резко дёрнула Лешего за локоть и буркнула:

— Пойдём-ка выйдем... — на крыльце ему злым шёпотом заявила: — Ты чего суёшься не в своё дело? Не нужна мне она в доме.

Леший оторопел:

— Ну как же — мамка всё-таки...

Галина усмехнулась:

— Вдруг мои гости, жёны банкиров и важных чиновников, увидят её? Да узнают, что Баба Яга моя мать? Они же дружить со мной перестанут. Я ведь всем сказала, что потомственная княгиня.

Леший растерянно поморгал:

— На княгиню-то ты мало походишь.

— Это не тебе судить! — оборвала Галина. — Я вот пластическую операцию сделаю: глаза расширю, нос укорочу, уши обрежу — и буду ничуть не хуже княгини!

— Вот и у бабушки бородавку на носу тоже пусть хирург срежет, а мы её пострижём, оденем в спортивный костюм. И будет она у нас в огороде огурцы и помидоры выращивать, цветочки поливать, — предложил Леший.

— Нет уж! Пусть тут живёт!

— Умрёт она здесь от голода и холода.

Галина пожала плечами:

— Значит, пожила уже... Пора на покой.

— Да ты что! Это как русский лес будет без Бабы Яги? Без главного своего жителя! — воскликнул Леший и побежал в чашобу за дровами.

Пока Галина с матушкой разговаривала, хвалилась городской жизнью, Леший напил и наколот целую поленницу — заготовил на будущее. Затопил печь и сварил супчик из грибов-боровиков наваристый и очень вкусный. Сбегал на озеро и наловил корзину жирных карасей бреднем, который у него с давних пор здесь под кустами лежал. Зажарил их. Потом снял Бабу Ягу с печи и за стол усадил. Покушала она супчик большой деревянной ложкой, приободрилась. Карасика жареного пососала.

— Вот уже оклемалась! — воскликнула Галина. — Живи, маманя, радуйся. Я тебе подарки привезла, — и она выложила на стол тёплый фланелевый халат и головной цветастый платок.

Леший добавил:

— Я к тебе буду изредка приезжать и консервы привозить. А медведю скажу, чтоб дрова заготавливал.

Галина собралась уходить, Баба Яга протянула ей стеклянную полулитровую баночку и сказала:

— Ты сюда вот поплрой.

— Это зачем? — нахмурилась Галина.

— Так у тебя слюна не хуже, чем яд гадюки. Мазь из неё от радикулита сделаю.

То ли с досады, то ли от обиды наплевала ей Галина полбанки...

* * *

Галина зашла в поликлинику и решительно направилась в кабинет к хирургу, который делал пластические операции. Села перед ним в кресло и пробормотала:

— Ты должен сделать из меня красавицу!

Моложавый, подтянутый, с усиками хирург внимательно глянул на неё и поморщился:

— Красавицу вряд ли, но кое-что подправить можем...

— А я хочу быть вот такой! — и Галина сунула ему под нос репродукцию картинны художника Брюллова, на которой была изображена русская красавица, графиня.

Хирург решительно отодвинул портрет:

— Вам до неё как Бабе Яге до Венеры.

— А я хочу! — Галина подалась вперёд и схватила хирурга за галстук, притянув его лицо к себе. — И вообще, не оскорбляй!

У него побледнели и затряслись губы, он стал заикаться:

— П..п..п.. по..пробуем...

— Вот это правильно! Пошли в операционную — сразу и начнёшь!

— Надо сначала взять анализы...

— Мне некогда ждать! Я хочу быть красивой сейчас и сразу! — Галина взяла его за шкирку и вытащила из-за стола. — Пошли!

Хирург на плохо двигающихся от страха ногах прошёл в операционную и подал Галине зеркало:

— Посмотрите, что вам в себе не нравится!

Галина посмотрелась в зеркало в профиль и анфас, повертела головой и заявила:

— Нос укороти, уши тоже... Губки сделай аппетитными... Впрочем, ты будешь резать, а буду подсказывать в процессе.

Хирург аж поперхнулся:

— Я операцию делаю под наркозом. Когда пациент ну того... спит.

Галина хмыкнула:

— Нет уж! Я буду следить и подсказывать! Мало ли ты чего там отрежешь?! Потом тебя за это придётся покалечить. Шею свернуть, например.

— Без наркоза человек умрёт от боли.

— Человек, может, и умрёт, но я боли не боюсь...

Хирург попятился к двери, желая улизнуть от странной пациентки. Галина схватила его за шею, другой рукой взяла скальпель и пробормотала:

— Работай! Я тебе деньги плачу... А если не сделаешь как хочу, то я тебе самому уши отрежу... — и она захохотала так громко, словно заухала сова.

Пока хирург орудовал скальпелем, Галина, лёжа на операционном столе, разглядывала себя в зеркало, скептически хмурилась или радостно восклицала: «Вот это правильно отрезал! Давай ещё на два сантиметра покороче...» У хирурга от страха и волнения капал с носа пот, будто весной вода с сосульки... А у Галины быстро заживали порезы на лице, мгновенно останавливалась кровь. «Ну все! Мне нравится», — сказала Галина, встала с операционного стола и полезла в сумочку за деньгами. Хирург выставил вперёд ладони, словно защищаясь, и пробормотал:

— Спасибо! Денег не надо!

Галина пожала недоуменно плечами, сложила деньги в сумочку и пробормотала:

— Дело ваше... — и вышла.

— Что это было? — спросил хирург у медсестры, которая помогала ему во время операции, и плюхнулся без сознания в кресло. Медсестра ему ватку с нашатырём под нос сунула, чтоб в чувство привести.

* * *

Чтоб не отличаться от богатых жён-соседей, живших на одной с ней улице, собралась Галина слетать на курорт в Египет, на пляже там позагорать...

— Поедем с тобой на Красное море, — заявила она Лешему. — Я уже и путёвки купила.

— Не хочу, — ответил Леший. — Я лучше отпуск на бережку лесного озера проведу, в палатке — дешевле и спокойнее. Закатами—рассветами буду любоваться, пение соловьёв слушать... — и он мечтательно засмотрелся в окно, из которого виднелась опушка родного леса.

— Поедешь, как миленький! А то ещё загуляешь тут без меня с Кикиморой...

Полетели они на самолёте в Египет — высота огромная над землёй. Море кажется синей скатертью из ткани. Леший в иллюминатор смотреть боится, схватился за подлокотники кресла, а Галина улыбается и говорит:

— Сразу видно, что в ступе не летал... Вот я на ней, пока она не сломалась, аж под облака поднималась! Птицам по клювам кулаком давала, чтоб не мешались.

По прилёту легла Галина грузным телом на кушетку на берегу моря — та аж в песок вдавилась. С утра до ночи лежит Галина под палящим солнцем... Вспотела вся, кожа скоро волдырями от ожогов покроется, но Галина терпит — хочет, чтоб загар лёг на

тело ровным толстым слоем, как шоколадное масло. Чтoб приехать домой и похвалиться всем соседкам, как хорошо отдохнула.

Лешему тяжело в жарком климате — шерсть у него с тела хоть и отвалилась давно за ненадобностью (он же теперь постоянно одежду носит и зимой под открытым небом не спит), однако дышится тяжело. В глазах мутно. Ищет он дерево раскидистое, под которым можно лечь на травку и отдохнуть, а таких нет — пальмы кругом и пески... Только залез он в море (одна голова из воды торчит), а Галина уже к себе зовёт:

— Марш сюда! Будешь мне ветерок создавать...

Дала большое полотенце, он её обмахивает, как паж у царицы. Обмахивал, обмахивал — и свалился без сознания от теплового удара на песок. Спасатели оттащили в море — ожил он там и думает: «Никогда больше сюда не поеду! То ли дело в родном лесу — прохлада, спокойствие...»

* * *

Приехав из Египта, подсчитала Галина оставшиеся деньги, вытащив их из большого чулка, который хранила под кроватью, и ужасом видит, что их немного. А планы у неё огромные: купить итальянскую мебель, съездить теперь уже на далёкие Мальдивские острова в океане...

Посадила она Лешего перед собой и говорит:

— Снова пора на базаре торговать грибами и ягодами! Но я, конечно, сама не пойду — я уже дама другого статуса, а не простая торговка. Ты пойдёшь...

— Где товар теперь возьмём? — хмыкнул Леший. — Ты же зверей обидела! Они нам помогать больше не будут.

Галина озадачилась:

— Да уж... Тогда в подвале сделаем столярную мастерскую, где будешь мебель делать из дуба, а мы её будем продавать, как итальянскую, глупым и завидующим жёнам банкиров...

— Зачем же людей обманывать? — растерялся Леший.

— Не обманешь — не проживёшь...

Тут Леший скромно сказал:

— Я мечтал песни сочинять — творчеством заняться. Надеюсь, что дом построим, и время на это появится. А твоим запросам нет конца.

— Да кому твои песни нужны?! — отмахнулась Галина. — Лезь в подвал и работай.

— И вообще, я обратно в лес хочу! Там веселее жилось! — вдруг заявил Леший.

— И чем ты там будешь заниматься? Где жить? Опять в шалаше? Ты уже отвык от лесной дремучей жизни.

— А я лесником устроюсь работать!

Приздумалась Галина, а потом как гаркнет:

— Да я из тебя, чучело лесное, человека сделала! И ты, неблагодарный, по гроб жизни мне обязан!

Затолкала она его пинками и подзатыльниками в огромный подвал, матрас кинула, чтоб мог прилечь отдохнуть, когда устанет, и крышку на засов прикрыла. Заглянула к нему через два часа — и обомлела: он ходит около столярного станка в полосатом костюме, из матраса сделанном, как арестант.

— Ты чего так вырядился? — озадачилась она.

— Так я здесь как в тюрьме — значит, и одеваться должен соответственно.

— Ну, ну... — засмеялась она, соглашаясь. — Будешь арестантом, а кормить я тебя буду только за норму выработки. Сделаешь стул — получишь бутерброд! Сделаешь стол — налью тарелку борща.

Неделю Галина его из подвала не выпускала, кормила, опуская туда еду в термосе. Ждала, когда образумится. Проснулась как-то утром, прислушалась — а в подвале тихо. Станок столярный не работает... «Отлынивает, зараза!» — подумала она и со скалкой спустилась в подвал. Нет там Лешего! Куда пропал? Заглянула в каждый уголок — и вдруг в самом конце подвала обнаружила дыру. Полезла по ней и очутилась за оградой дома...

Заорала Галина:

— Вот, тварь лесная, сбежал? Кто же теперь меня обеспечивать будет?

Побрела она в дом, выпила с горя бутылку коньяка, села перед телевизором и в экран уткнулась, чтоб от печальных мыслей телесериалом про любовь отвлечься... И вдруг видит на экране среди депутатов Государственной думы знакомую лысую голову. Ба! Да это же бывший ухажёр Кошей Бессмертный... Он одет в дорогой костюмчик, в светлую рубашку, с модным галстуком, и звать его уже не Кошей, а Константин и фамилия у него — Бессменный...

На следующий день села Галина в свою дорогую иномарку и покатила в столицу... Добралась к вечеру до здания Думы, записалась к Константину на приём по личным вопросам и вошла в просторный кабинет. Важный депутат, не вставая с кожаного кресла, мельком глянул на неё:

— Какие у вас проблемы, женщина?

— У меня никаких, а у тебя будут, если на мне не женишься! — заявила жёстко она. Депутат от удивления откинулся в кресле и глаза выпучил.

— Что, не узнаешь девушку, которую девственности лишил на мягкой травке под ёлочкой? — хмыкнула Галина и угрожающе над ним нависла.

— Де-де-де... — с заиканием вырвалось у депутата. Наконец, он выдал приглушённо, чтоб посторонние не услышали: — Так ты уже до меня со Змеем Горынычем жила!

— У меня на тебя и другой компромат найдётся... Если припомнить все твои грешки за тысячу лет перед русским народом, то сидеть будешь не в Думе, а пожизненно на нарах в тюрьме.

— Чего ты хочешь? — пробормотал он обречённо.

— Замуж хочу, а то денег на красивое житьё не хватает. А у тебя их полно в сундуках.

— Не в сундуках, а в Швейцарских банках, — фыркнул он горделиво и добавил: — Вообще-то, у меня молодая подруга есть.

— Прогонишь, если не хочешь лишиться мандата и всех незаконно нажитых миллионов! — Галина обняла его и поцеловала в лысую, сморщенную, как печёное яблоко, голову. — Понял?

— Понял... — кивнул депутат так резко, что стукнула вставная челюсть, и сделал кислую физиономию.

* * *

Пришёл Леший в кабинет начальника над близлежащими лесами. Тот, толстенький, в костюмчике спортивном, сидит за столом около телевизора и слушает прогноз погоды, бормочет: «Будет завтра дождь или не будет?» В телевизоре молодая белокурая дикторша, что о погоде сообщает, ходит вокруг карты области и говорит: «Завтра будет ветер и пасмурно...»

Посмотрел на неё Леший скептически:

— Врёт она!

Начальник удивлённо глянул на посетителя:

— А ты откуда знаешь?

— Так сорока, что на дереве сидит под окном твоей конторы, другое сказала... — ответил Леший.

Начальник усмехнулся с иронией:

- Мало ли что сорока может наболтать?
- Сороки всегда правду говорят. Они погоду за неделю вперёд знают!
- А ты что, язык сорок понимаешь?
- Да я язык всех зверей и птиц понимаю... — буднично ответил Леший.

Начальник прищурил один глаз и наклонил голову на бок, с удивлением разглядывая его:

- Ты кто? И вообще, откуда такой хвостун взялся?
- Так я всю жизнь в лесу прожил.
- А чё сюда пришёл?
- Лесником хочу устроиться!
- Лесником? А ты на него учился? Диплом у тебя есть?

Леший пожал плечами:

— Диплома нет...Выучусь заочно. Впрочем, зачем мужику диплом, если он лес любит, понимает и хочет его беречь?

— Красиво говоришь... — хмыкнул начальник и вдруг отрыл окно кабинета и глянул на соседнюю высокую берёзу, где сидела и стрекотала сорока-белобока: — Скажи-ка ей что-нибудь. Если ответит, возьму тебя на работу!

Леший выглянул в окошко и протрещал языком и губами. Сорока посмотрела на него и, впорхнув с ветки, прилетела на подоконник. Леший погладил её по пёрышкам и указал на начальника:

- Скажи ему, какая завтра погода будет!

Сорока что-то выразительно протрещала. Начальник растерянно похлопал глазами и приоткрыл от изумления рот.

- Говорит, что солнечно будет три дня подряд.

Сорока покивала и впорхнула на берёзу.

— Ты и с медведями умеешь разговаривать и с кабанами? — пробормотал начальник ошарашено.

- Без проблем... — ответил Леший.

Начальник написал на листочке «срочно принять!», дал листочек Лешему и сказал:

— Иди оформляйся... — а напоследок добавил: — Но если завтра пойдёт дождь — уволью.

Леший задержался в дверях и сказал:

— Кстати, берёза мне пожаловалась, что пять лет назад, когда проводили под землёй водопровод, ковшом экскаватора ей корни повредили.

* * *

Так Леший устроился лесником, стал незаконной вырубке пересекать да зверям помогать — кормушки повсюду установил с сеном и овсом, чтоб зимой в морозы не голодали. Дом себе построил в середине леса. Когда дел нет, песни на гитаре сочиняет. Счастливый...

Однажды в дом милая девушка постучалась. Открыл он дверь и с трудом признал Кикимору — причёска у неё теперь аккуратная, макияж скромный, ногти короткие, ухоженные, разговаривает культурно. Обнялись они. Разговорились.

- Как ты? Где? — спросил он радостно.

— Пыталась я певицей известной стать, но не получилось, хотя многим моё пение нравилось. На конкурсах красоты участвовала и даже призовые места занимала. А теперь хочу родному лесу помогать... — ответила скромно она.

Обрадовался Леший, чаем её угостил из целебных ароматных трав — нравится ему нынешняя Кикимора своими правильными мыслями и видом. Заявил он:

— Живи у меня! Работы в лесу хватит! Будем саженцы садить, чтоб лес расширять, учёт зверей вести. А вечерами у камина станем песни петь... Недавно такую вот сочинил:

Приди ко мне — я твой камин.
Без дров любви я тосковал один.
Ты спичкою улыбки зажги меня.
Холодная душа давно ждала огня...

— А что? — кокетливо сказала Кикимора. — Я согласна! А медведь не заревнует?

— Так он себе давно уже медведицу нашёл и медвежат троих имеет. Многодетный и заботливый отец! Мы с ним часто Бабу Ягу навещаем. Живёт ещё старушка, дай ей бог долгих лет жизни!

НЕПРИДУМАННЫЕ ИСТОРИИ

КОНСТАНТИН ФРОЛОВ

ЁЖИК

Электричка «Калуга — Москва» медленно тащи́лась от остановки к остановке, постукиванием колёс навевая кратковременный изнуряющий сон, прерываемый хлопанием дверей и возгласами пассажиров, занимающих свободные места. Мы возвращались в столицу после ряда концертов, данных нами — дуэтным театром «Улыбка Пьеро», состоящим из меня и моей жены Веры, — в небольших городках Калужской области. Нам какое-то время везло — места рядом с нами никто не занимал, и мы вольготно разложившись на жёстких сиденьях, покорно ждали окончания путешествия. На очередной станции было особенно шумно — народ возвращался домой после выходных дней, проведённых в праведных трудах на своих дачных участках. Напротив нашего окна толпилась шумная компания, в которой выделялся здоровенный парень с телефоном в одной руке и банкой пива — в другой. Он одновременно проделывал несколько операций: говорил по телефону, прощался с друзьями и отхлёбывал из банки содержимое. Мы с женой переглянулись — только бы не к нам! Всевышний «услышал» наши мольбы — через несколько секунд этот верзила рухнул на скамейку рядом с нами, продолжая громко разговаривать по телефону. Мы с Верой просто ненавидим громкие звуки, откуда бы они ни исходили — радио, телевизор или просто разговор по телефону постороннего человека, не обращающего на вас внимания и не учитывающего того неудобства, которое он доставляет. Но одна фраза этого увальня заставила нас переглянуться и даже улыбнуться от неожиданности. Видимо, наш попутчик договаривался с друзьями о встрече этим же вечером у него на квартире, поскольку свой монолог он закончил словами: «Короче, я вас жду! Тут и Костя с Верой обещали подъехать!» Как нам было не улыбнуться? Я — Константин, моя жена — Вера. Наше поведение не ускользнуло от внимания нашего попутчика, но его реакция была полной неожиданностью для нас.

— Извините! Я что, громко разговариваю? — спросил он. И не дав нам ответить, продолжил, — это ничего, если я буду пить колу?

— Да нет, мы по другому поводу, — стали оправдываться мы. — Дело в том, что наши имена — Костя и Вера.

Тут настало время удивляться нашему попутчику.

— Надо же! А меня зовут Андрис. Андрей по-русски. Я из Прибалтики.

— Из Прибалтики?! А откуда конкретно? — это уже не выдержала Вера. До свадьбы она жила в Латвии, пока не уехала по путёвке комсомола в Артек, где мы и познакомились. В Риге до сих пор живёт её брат Женя.

- Из Латвии.
- А город?
- Сначала Тукумс, потом Даугавпилс.

Это можно было сравнить разве что с выигрышем в лотерею: Верина семья жила именно в Тукумсе, а училась Вера в Даугавпилсском институте. Нужно сказать, что мы сразу обратили внимание на прибалтийский акцент попутчика. От нашего предвзятого отношения к соседу по электричке не осталось и следа. Дальнейшее путешествие было наполнено оживлённой беседой, как правило, значительно сокращающей долгий путь.

Говорил, в основном, Андрис, мы же внимательно слушали его, время от времени уточняя отдельные детали. А начал он с того, что служил в Афганистане в разведгруппе. Специальность — сапёр. Много чего повидал и испытал. Но когда вернулся домой в Латвию, в военкомате ему заявили, что, мол, мы вас туда не посылали, так что ни о каких льготах и пенсиях и речи быть не может. Тут и Союз распался. В Латвии безработица, народ ринулся, кто на Восток, кто на Запад — на заработки. Андрис, недолго думая, отправился в Москву к своим сослуживцам, которые помогли с трудоустройством. Афганское братство скреплено кровью. Женился, обзавёлся жильём и даже дачей, с которой сегодня и возвращается вечерней электричкой.

В общем, разговор как разговор, ничего особенного. Но, судя по всему, Андрису понравилось, как мы слушали его, (а это мы, артисты, умеем) и он, почуяв в нас родственные души, поведал нам такую вот историю.

Их разведгруппа состояла из пятнадцати человек, среди которых были снайпер, радист, сапёр, пулемётчик, командир и другие специалисты, необходимые в данном подразделении. При этом все они практически могли заменить друг друга. На войне, как на войне. Жили, ходили на операции, обустраивали, как могли, свой армейский быт. У большинства ребят были клички, придуманные там же в Афгане. У Андриса была кличка Ёжик, видимо потому, что его фамилия переводилась с латвийского как Ёжик — Эзитис.

И вот однажды к ним в часть прибыл подполковник из Москвы, которому нужно было срочно принять участие в боевых действиях, чтобы получить орден или ещё одну звёздочку на погоны, а может быть, и то и другое сразу.

В Афгане таких не любили. А за 9 лет войны там подобных типов перебывало видимо-невидимо. Сама война, казалось, будет длиться бесконечно. От неё устали все — и наши ребята, и сами «духи». Поэтому некоторые командиры умудрялись договориться с местными главарями о мирном сосуществовании, мол, мы вас не трогаем, вы нас не трогаете. Но такие перемирия не могли быть долгими, а посему наши самолёты регулярно отвозили в Союз «груз 200» и «груз 300».

Приехавший подполковник рвался в бой. Как назло, его определили именно в группу Андриса и отправили на задание, которое заключалось в следующем: надо было разведать обстановку в одном кишлаке, где, по сведениям информаторов, мог находиться отряд духов. Ну, задание, как задание. Не в первый раз. Сели, поехали. Не доезжая кишлака, остановились, разбились по группам, скрытно подошли к глиняным постройкам и тут выяснили, что кишлак пуст. Ни духов, ни мирных жителей — никого. Все ушли.

Стали прочёсывать каждый дом и вдруг в одном из них обнаружили наших пленных бойцов, человек пять. Все измученные, голодные, в изодранной одежде, но живые. Только один из них лежал в углу без признаков жизни. Пленные сказали, что он ещё жив, пульс прослушивается, но вот-вот может отправиться на небеса. При

захвате он был ранен, но никто, разумеется, не собирался оказывать ему никакой медицинской помощи.

Подошёл подполковник, явно разочарованный таким результатом операции, и безапелляционно заявил, что, мол, этих четверых мы забираем, а того оставляем. Он, мол, всё равно не жилец, зачем нам труп на себе тащить? Сдохнет по дороге. Парни из группы зароптали было, мол, у нас принято всех забирать — и живых, и мёртвых. Но подполковник рявкнул: «Выполнять!! Я тут командую! Приказы не обсуждать!» И вышел наружу. Ребята только переглянулись, но перечить никто не посмел. И тут вдруг начался артоналёт. Духи, дождавшись, когда разведгруппа полностью войдёт в кишлак, обрушили на неё миномётный и пулемётный огонь. Разведчики заняли круговую оборону, а радист стал вызывать подкрепление по рации. Все ребята не раз бывали в подобных передрягах, поэтому каждый знал, что ему делать. Один подполковник вёл себя неадекватно, постоянно путаясь под ногами и отдавая нелепые приказы вплоть до призыва идти в атаку на врага, которого фактически не было видно.

В этом месте Андрис замолчал. А потом неожиданно сказал: «И тут я выстрелил ему в спину».

Повисла пауза. Мы не знали, что на это сказать. Через некоторое время он продолжил свой рассказ:

— Подошли БМП, поддержали нас огнём. Духи ретировались. Мы собрали всех — раненых, пленных, убитого подполковника и того парня, который уже не подавал признаков жизни, и вернулись в расположение нашей части. В суматохе боя никто не видел, как был убит подполковник...

— Срок моей службы закончился, и я вернулся домой. Прошло много лет. И вот недавно в День ВДВ возвращаясь я с дачи, иду по Киевскому вокзалу и вдруг слышу — «Ёжик!»

Я обернулся. От группы ребят в тельняшках отделился один парень и, улыбаясь, подошёл ко мне.

— Ты Андрис? — спросил он, — Не узнаёшь?

— Нет, — отвечаю я.

— А помнишь кишлак, пленных ребят и доходягу, которого вы вынесли оттуда, несмотря на то, что он был почти труп?

— Ну, помню.

— Так вот этот доходяга — я.

— Неужели выкаббался?! — спрашиваю, не веря своим глазам.

— Выкаббался, — отвечает. — Медики наши постарались. Сначала в Афгане лечили, потом в Союз отправили.

— А откуда узнал, что меня Ёжиком звали?

— Да твои же ребята сказали. И про приказ этого рвача, и про то, кто его убрал. Они всё видели, но молчали. Только когда меня отправляли в Союз, кто-то из них шепнул мне: «Ёжика благодари».

Электричка подошла к Киевскому вокзалу. На прощанье мы обменялись с Андрисом телефонами, пообещав пригласить его на наш концерт в Москве.

Примерно через полгода мы опять приехали в столицу с новой концертной программой. Вера набрала номер телефона Андриса. Телефон долго не отвечал. Потом женский голос на просьбу позвать к телефону Андриса сказал:

— Он умер. Сердце...

МАТРОС С ЛИНКОРА «НОВОРОССИЙСК»

И вновь актёрская судьба забросила меня в Калужскую область. Мы с женой Верой были приглашены выступить в Полотняном Заводе, расположенном недалеко от городка Кондрово, в бывшем имении Гончаровых, в котором когда-то Пушкин сделал предложение руки и сердца Наталье Николаевне. Нас привезли в прекрасно отреставрированное четырёхэтажное здание, в котором регулярно проводятся творческие встречи с известными музыкантами, актёрами, певцами, поэтами. Публика тоже была не «с улицы» — постоянные посетители, объединившиеся в клуб «Созвучие», истинные любители и знатоки искусства. Нас заранее предупредили, что зрителя будет непросто удивить, мол, у нас тут даже столичных артистов не очень-то жалуют, а тут какие-то крымчане приехали. Нужно сказать, что нас пугать бесполезно. Мы звёзд с неба не хватаем, но и за ценой не постоим. А то, что делаем — делаем с полной отдачей. Кстати, в отличие от московских гастролёров, мы постоянно выступаем в сценических костюмах, специально заказанных и пошитых у превосходных театральных мастеров, и не позволяем себе выходить на сцену в том, в чём приехали. Ну, это так, к слову.

С первой же песни, а это был романс «Посвящение жёнам декабристов», написанный для фильма Андрея Ростоцкого «Мужская компания», зал стал не просто аплодировать, но бисировать. И так продолжалось до окончания концерта. В финале же, когда я запел «Гимн Севастополя 1853–55 гг.», зал просто встал и стоя прослушал всю песню. Как потом выяснилось, первым подал пример и встал среднего роста седой человек плотного телосложения, сидевший с краю у выхода из зала. Во время традиционной раздачи автографов он подошёл ко мне и сказал буквально следующее:

— За всю свою жизнь я всего дважды был счастлив: в первый раз в 1955 году, когда служил на линкоре «Новороссийск», и к нам приехал с выступлением ансамбль Игоря Моисеева. В нашей суровой матросской жизни это был необыкновенный праздник. И второй раз — сегодня. Спасибо вам за ваше выступление!

Я был ошеломлён таким признанием. Думаю, что Валентин Павлович Махорин несколько преувеличил свою оценку моего выступления, да и в том, что он был счастлив только дважды, тоже можно усомниться, особенно после того, как узнаешь необыкновенную судьбу этого уникального человека. Позже, неоднократно встречаясь с Валентином Павловичем, я услышал из его уст историю, о которой хочу поведать вам.

Вначале немного истории. Линкор «Новороссийск» был построен в Италии и вступил в строй в 1914 году под именем «Джулио Чезаре» (Giulio Cesare — Юлий Цезарь). Длинной 186,4 м, шириной 28 м и водоизмещением 28 000 тонн, этот дредноут уже во время Первой мировой войны уступал новым английским кораблям такого типа и по ходовым, и по боевым параметрам. Тем не менее, для итальянцев он был символом мощи и гордости национального флота. Ни разу не вступив в сражение в ходе Первой мировой, «Джулио Чезаре» не очень-то отличился и во Второй мировой войне, хотя ему пришлось пострелять и даже получить довольно серьёзные повреждения. В результате этих повреждений линкор с 1943 по 1945 год простоял в порту в качестве плавучей казармы. После поражения Германии и её союзника Италии, страны победительницы стали делить итальянский флот. Сталин рассчитывал, конечно, получить новые итальянские корабли, но ему пришлось довольствоваться старым линкором, к тому времени изрядно запущенным, с изношенными механизмами, да к тому же не предназначенным для плавания в наших широтах. Дредноут был передан СССР не сразу, а после двухгодичного «ремонта», во время которого, судя по всему, итальян-

цы заложили в носовое отделение линкора солидный заряд взрывчатки, сыгравший впоследствии роковую роль. Наши специалисты обнаружили глухо заваренную переборку в носовой части корабля, в то время как там должны были быть отверстия, но не придали этому значения. В конце концов, линкор был передан советской стороне и вошёл в состав ВМФ СССР под именем «Новороссийск». Во время передачи корабля СССР по всей Италии прошли массовые протесты с призывами не допустить такого унижения, чтобы «Юлий Цезарь» служил стране Советов.

Но вернёмся к нашему герою. Валентин Махорин поступил на службу в артиллерийский дивизион линкора «Новороссийск» в качестве корректировщика тысячных дистанций главного калибра в 1955 году. В то время на флоте служили пять лет, но с двумя положенными отпусками. Молодому матросу посчастливилось познать все прелести морской жизни: были походы, учебные стрельбы, ремонт в доке, увольнение на берег, знакомство с городом русской славы Севастополем.

Ночь с 28 на 29 октября 1955 года останется в памяти Валентина Павловича до последних дней. Вечером 28 октября линкор только что вернулся с учебных стрельб и занял своё место у выхода из Северной бухты. Флот готовился к празднованию 100-летней годовщины 1-й Обороны Севастополя. Командир корабля был в отпуске. В это время его замещал старпом, капитан 2 ранга Г. А. Хуршудов. Вероятно, от недостатка опыта Хуршудов не попал точно на то место между бонами, где линкор стоял накануне, в результате чего корпус корабля сдвинулся относительно бонов на пару десятков метров. Возможно, именно это сыграло свою роль в развитии дальнейших событий. Как известно, в 1 час 31 минуту 29 октября 1955 года город проснулся от чудовищного взрыва, проделавшего в носовой части линкора пробоину в 150 квадратных метров. Взрыв был такой силы, что пробил все палубы и переборки линкора насквозь, вырвав часть верхней палубы. Поскольку пробоина в днище и отверстие в палубе не совпадали, есть предположение, что сдетонировала именно та взрывчатка, которую, возможно, заложили в носовой части линкора итальянцы во время так называемого «ремонта». Но взрыв мог быть гораздо мощнее, если бы сдетонировал боезапас главного калибра самого линкора, который находился буквально в 15–20 метрах от пробоины. Тогда взрыв разрушил бы не только сам корабль, но превратил в развалины и большую часть города.

Если принять за причину гибели линкора диверсию, на что есть весьма веские основания, то итальянские морские пловцы могли заминировать корабль, который довольно продолжительное время стоял на бонах и лишь 28 октября неожиданно вышел в море. Поскольку итальянцы досконально знали бывший свой дредноут, они точно рассчитали, где находится пороховой погреб. Но не стали крепить магнитную мину к корпусу, что могло быть услышано акустиками, а установили заряд под днищем корабля на дне бухты. К тому же, мощность взрыва, по оценкам специалистов, была от 1000 до 1200 кг в тротиловом эквиваленте. Такую мину просто так к днищу не прикрепишь. Выход в море «Новороссийска» вообще мог сорвать диверсию, не вернись он на место стоянки к вечеру 28 октября. Часовая мина могла взорваться на пустом месте.

В пользу этой версии говорят многие факты. Например, в этот день в море вышли все спасатели и сторожевики, а боновые ограждения оставались открытыми, что могло способствовать проникновению в порт мини-подлодки, которые в то время были у итальянской 10-й флотилии «Дечима МАС», возглавляемой легендарным «чёрным князем» Валерио Боргезе. К тому же, это итальянское диверсионное подразделение

во время войны базировалось именно в Севастополе и прекрасно знало все укромные уголки порта.

Кроме этого, Севастопольские ихтиологи, прослушивая 28 октября акваторию порта, слышали шум винтов, о чём доложили руководству Флота, но там это сообщение проигнорировали.

Ещё одно совпадение заставляет задуматься о причастности Италии к этой катастрофе. Именно итальянские суда, все как один, к 28 октября покинули акваторию Севастопольского порта.

И вот именно ошибка старпома при швартовке привела к тому, что заряд, установленный под пороховыми погребами до выхода линкора в море, во время возвращения «Новороссийска» рванул в 20 метрах от места, рассчитанного диверсантами.

Это, разумеется, только предположения. Но как объяснить тот факт, что в 1 час 31 минуту произошёл взрыв, в 4 часа 14 минут линкор перевернулся вверх килем, а в 5 часов утра английская радиостанция уже заявила на весь мир о взрыве линкора «Новороссийск»? Англия, кстати, тоже была очень заинтересована в гибели линкора, так как, по некоторым сведениям, советское командование планировало оснастить 320-миллиметровые орудия главного калибра снарядами с ядерной начинкой. А линкор хоть и был устаревшим, но к тому времени он оставался самым мощным кораблём Советских ВМФ.

Итак, в 1 час 31 минуту 29 октября 1955 года под линкором прогремел взрыв, пробивший насквозь все палубы корабля и мгновенно унёсший около двухсот жизней моряков, поскольку он прошёл через матросские кубрики. По воспоминаниям Валентина Павловича, именно в этот день на линкор для прохождения службы прибыло около двухсот морских пехотинцев, которых и разместили в носовых кубриках линкора.

Сам Валентин только что сменился с вахты, но не успел уйти в свой кубрик — взрыв встретил на палубе. Командование корабля, после выяснения повреждений, приняло решение отбуксировать линкор на мелководье, что и стало осуществляться, но прибывший на линкор командующий эскадрой контр-адмирал В. А. Пархоменко отменил это распоряжение, а когда передумал, было уже поздно, поскольку линкор носом лёг на грунт. Сам Пархоменко так и не поднялся на капитанский мостик, предпочитая руководить с кормы, откуда потом и прыгнул в воду, когда линкор стал переворачиваться. Не было также приказа покинуть судно, что могло бы очень сильно сократить количество погибших. Всему составу, не занятому в спасении корабля, приказали собраться на юте (на корме), где столпилось около 1000 человек. Линкор медленно кренился на левый борт. Яснее всех ситуацию с линкором знал командир БЧ5 Е. М. Матусевич. Он отчётливо понимал бесполезность своих усилий заделать пробоину в 150 квадратных метров, поэтому удалил всех из «поста живучести», а сам остался и погиб, потому что не имел права уходить.

Крен линкора увеличивался и вскоре достиг критического, когда в 4 часа 14 минут корабль стремительно перевернулся вверх килем. Валентин видел своими глазами, как мачта линкора разнесла в щепки только что отошедший от левого борта баркас с ранеными моряками. Сам Валентин вместе с сотнями своих товарищей скатился в воду и оказался накрыт сверху перевернувшейся палубой линкора. Во время падения он не получил никаких ранений, но вынырнуть наверх не позволяла плотная масса барахтающихся и хватающихся друг за друга тел. Промелькнула мысль: — неужели это всё?! Неужели на мне закончится род Махориных?! (В семье было семеро детей, но четверо погибли во время войны, остались две сестры и он, последний мужчина

в роду). Уже теряя сознание, Валентин вдруг увидел картину, которую вспомнил потом несколько лет спустя: яркий солнечный день, перрон, и по перрону навстречу Валентину с вытянутыми вперёд руками бежит девочка и, улыбаясь, что-то кричит.

И тут вдруг произошло чудо: место, где находился Валентин во время опрокидывания линкора, было рядом с вентиляционными шахтами. Вода, проникая в эти шахты, выдавила оттуда огромный воздушный пузырь, который, как катапульта, вышвырнул из-под перевёрнутой палубы целую толпу задохавшихся моряков, среди которых был и Валентин. К этому времени всё место трагедии было хорошо освещено подошедшими плавсредствами, занятыми спасением линкора, поэтому, когда наш герой увидел свет над головой, уверенность вернулась к нему, и он без особого труда преодолел те десять-пятнадцать метров, что отделяли его от живительного воздуха. Вынырнув, Валентин увидел неподалёку перевёрнутый баркас и вскарабкался на него. Но тут он заметил, что к этому баркасу устремились десятки тел, способных просто утопить этот крохотный островок спасения, и, не дожидаясь развязки, Валентин вновь прыгнул в воду и поплыл к спасательному катеру, который и доставил его на берег прямо к госпиталю. Во время катапультирования из-под палубы линкора с Валентина сорвало бушлат и ботинки, в результате чего он предстал перед медсестрой, по его словам, «в одних часах и трусах». В одной руке у сестры было ведро с разбавленным спиртом, а в другой — кружка.

— Выпьешь, сынок? — спросила она. Валентин кивнул. Сестра зачерпнула кружкой спирт и подала Валентину. Он залпом выпил.

— Ещё? — спросила сестра. Валентин опять кивнул. Сестра опять зачерпнула спирт кружкой и подала ему. Он опять выпил, после чего повалился на койку в палате и проспал до утра.

Наутро всех спасшихся переодели, накормили, напоили и отправили хоронить погибших. Похороны были на кладбище Коммунаров. В этот день похоронили 42 человека.

Много лет спустя Валентин Павлович, приехав в гости к сестре, попенял ей на то, что у неё в доме нет ни одной иконы. «Так подари!» — сказала она. Делать нечего, сам попросился. Валентин Павлович отправился в ближайшую церковь и попросил продать ему икону Божьей Матери. Женщина, заведовавшая лавкой, немного поискав, спросила:

- А вы когда родились?
- 26 декабря, - ответил он.
- А знаете, кто ваш покровитель?
- Нет.
- Божья Матерь спасительница утопающих.

Спасательные работы продолжались. Они заключались в том, чтобы извлечь из чрева линкора моряков, замурованных во внутренних помещениях. Днище линкора возвышалось над водой из-за скопившегося внутри воздуха. Кому-то пришла в голову мысль прорезать днище отверстия резакom и высвободить пленников. Однако, вместе с первой партией спасённых, а их было семь человек, стал выходить и воздух, поддерживающий линкор на плаву, что привело к полному затоплению корабля и гибели оставшихся моряков. Единственно кому удалось спастись, это двум матросам, замурованным в 32-м кубрике, которых вывели водолазы, доставив им лёгкие водолазные костюмы.

У всех спасшихся особый отдел взял расписку «о неразглашении тайны», в результате чего целых 33 года в СССР не было ничего известно о взрыве и гибели линкора «Новороссийск». Только в 1988 году в «Правде» было впервые официально сообщено о трагедии 1955 года. В настоящее время погибшими считается по некоторым данным 607 человек. Но входят ли туда те 200 морских пехотинцев, прибывших на линкор в день трагедии и первыми погибших от взрыва? Только 1 ноября водолазы перестали слышать стук замурованных моряков, взывавших о помощи.

Но на этом история матроса Махорина не заканчивается. После гибели «Новороссийска» Валентин Павлович продолжил службу на крейсере «Куйбышев», на котором в октябре 1957 года ходил в Югославию. Это именно тот знаменитый «дружественный визит» Советского ВМФ, который возглавил маршал Победы Г. К. Жуков, в то время как Н. С. Хрущёв организовал пленум по устранению Жукова с политического Олимпа. Во время этого похода Жуков своим приказом отменил все учения на крейсере, заменив их просмотром кинофильмов и концертами ансамбля песни и пляски Черноморского Флота. В это легендарное время Советский Союз запускал в космос первые спутники Земли, и наших моряков встречали в Югославии как героев. Каждый матрос получил благодарность с личной подписью Жукова.

Но вот служба закончилась. Матрос Махорин вернулся домой, женился, у него родилась дочь. И вот однажды молодой отец и муж возвращался домой из командировки, и на вокзале, неожиданно для самого себя, увидел ту же самую картину, которая привиделась ему в угасающем сознании под перевёрнутой палубой линкора, в кишасей массе гибнущих людей: ему навстречу с вытянутыми вперёд руками, улыбаясь, бежала ТА САМАЯ девочка и что-то радостно кричала. Это была его дочь.

Я ВЫШЕЛ ИЗ БЕШМЕТА ТУКАЯ...

* * *

Магсуму Хузину

Это — жизнь.
Это выбор дорог
До небесных краёв — от порога...
Это творчества бурный поток, —
Так *ручей пробивает дорогу*¹.

Это — жизнь.
Промежуточный срок
Между прошлой и будущей грустью, —
Так петляет лесной ручёёк
От истока до самого устья.

Это — жизнь.
Нескончаемый бег
Ручейков через горы и степи.
Зреет время — безудержный век —
Облепиховым² солнцем на небе.

Это — жизнь.
Бесконечный урок,
Где настолько приходится туго,
Что темнеет в глазах из-за строк —
Вкривь и вкось разбегаются буквы.

Это — жизнь.
Это значит — держись,
Как ручей, замерев перед бровкой.
На маршруте рождение-жизнь.
Смерть —
Лишь первая остановка.

1 Одноимённый рассказ писателя, опубликованный в 1961 году.

2 Намёк на рассказ М. Хузина «Облепиха».

* * *

А кто же не соскучился по детству,
Что в сердце отыскало уголок?
Я, не спеша и радуясь соседству,
Разматываю памяти клубок...

Пусть многие забылись разговоры
И многое просеяли года,
Но школу деревянную, контору
И магазин я вспомню без труда...

Мы вызывали дождь «вороньей кашей»,
И на «лошадке» я скакал верхом...
Дыхание поры счастливой нашей —
О воздух детства, как ты мне знаком!

Я помню лампу над печною нишей,
Картошечку в мундире из печи...
Взбирались на полаты, где повыше,
От детства там ли спрятаны ключи?

Я помню кваса в бочке терпкий запах,
Берёзовой лучины огонёк...
И радио, похожее на шляпу,
Я выключить из памяти не смог.

Я вспомнил, как особыми щипцами
Кололи твёрдый сахар на куски...
И как, идя по льду, взмахнув руками,
Едва не стал добычею реки.

Я помню — гнал гусей на пруд соседний,
Вооружившись ивовым прутком...
И первую любовь с письмом последним
Моим... Не позабылось и о том.

Я помню улицы немолчный гомон...
Как допоздна играли во дворе...
Как у деревни заросли урёмы
Казались лесом нашей детворе.

Мне вспомнилось, как реки разливались,
Как скот пасли, чья очередь пришла...
Как близко подойти всегда боялись
К погосту на окраине села.

Мать... И отца... И бабушку я помню...
Односельчан... Соседей и родню...
Моих воспоминаний том огромный
На полке сердца бережно храню.

Да, многие забылись разговоры,
Но книга детства тихо шелестит..
Печаль мою несущий чёрный ворон
Над деревенским кладбищем летит.

НИ ПЕРОМ ОПИСАТЬ

Пять домишек в деревне,
и день выходной,
Улыбаются ставни зиме молодой.

Рассыпается снег – невесом, непочат.
 Семь гусей у крылечка гогочут-кричат.

Воздух детства... Настолько он чист
и глубок,
Что в душе не осталось ни капли тревог.

Я у старого озера. На берегу
Дремлют ивы светло, по колено в снегу.

Пряди их в серебре... А вокруг благодать –
Что ни в сказке сказать,
ни пером описать...

ПОЭЗИЯ

Кто ты – дитя ли, девушка ль нежная?
Может быть, спутница в цвете лет?
Часто одна на печаль безбрежную
Ты проливаешь свет.

Поэзия! Боль ты моя сердечная,
Кровоточащий порез души;

Пусть не покажется противоречием –
Я лишь тобою жив!

Поэзия! Ты – сестра милосердия,
Но и сама ты – милость богов!
Лучшей наперснице – сны и беседы, и
Слёзы мои, любовь!

Поэзия! Лунная дочь бессонницы,
Нежное солнце судьбы моей;
Дни – предсказатели звёздной конницы,
Ночи – пророки дней.

Поэзия! Шёпот небес услышанный,
Молнии одушевлённый след, –
Благодаренье моё
Всевышнему
Не иссякает, нет!

Поэзия! Ты – моё наслаждение,
Синяя птица из детских снов!
Как бы ни выразил восхищение –
Всё не достанет слов...

Поэзия! Бурные реки вечности,
Сполах негаснущего огня...
Жарким дыханием бесконечности
Ты обожгла меня!

Я ВЫШЕЛ ИЗ БЕШМЕТА ТУКАЯ

Ты выберешь Толстого в кумиры,
И к Пушкину – захочешь – шагай...
А для меня средь избранных мира
Нет выше, чем великий Тұкай.

Не ради красноречья благого
Я говорю, дожив до седин:
Великих на земле очень много,
Но ближе всех Тукай – он один.

Не к Гоголю себя отсылаю:
Не из его шинели, о нет –
Я вышел из бешмета Тукая, –
Благословен суконный бешмет!

Я миру, будто слову, открытый,
Читаю между строк бытия...

Стихи – моя душа и молитва,
А свет Тукая – кибла¹ моя.

Другой народ – и доля другая,
Но мне до всех иных нет забот.
Я воспеваю снова Тукая,
А значит, свой татарский народ!

«Куда же я иду? – вопрошаю. –
На ту ли поднимаюсь ступень?»
Не прошлое ищу у Тукая, –
Нашупываю завтрашний день!

Луне и солнцу, звёздам беспечным
Я не открою душу свою...
...Идущий за высоким и вечным,
Сегодня у Тукая стою.

СТИХИ ВО МНЕ СВИЛИ ГНЕЗДО

Случилась диковина вдруг –
Стихи во мне свили гнездо.
Наверное, это недуг –
Хожу вдохновенный зато.

Стихи во мне свили гнездо! –
Не вышло б загвоздки какой.
А вдруг они, сделав вдох,
Меня поглотят целиком!

Не вышло б загвоздки какой –
Стихи угнездились в душе!
То я – воплощённый покой,
То – ласточка на вираже.

Стихи угнездились в душе –
Случилась диковина вдруг.
И вот я мечтаю уже,
Забыв несерьёзный испуг!

Случилась диковина вдруг –
Гнездо во мне свили стихи...
Я пробую строки на звук –
Пока они очень тихи!

Душа – перекрёсток стихий,
А песня – и пища, и жизнь...

Во мне угнездились стихи –
Не чудо ли это, скажи?!

ОДИНОЧЕСТВО

В комнате одиночества
Новый живёт жилец –
Мнительное пророчество,
Тонкой души ловец.

Дразнит меня сомнение,
Отдыха не даёт –
Дятлово говорение,
Глупый кукушкин счёт.

Что ему здесь за выгода? –
Шастает в пику мне
То от окна до выхода,
То от стены к стене.

В комнате с полутенями
Тает в окне звезда...
Бродит моё сомнение,
Ходит туда-сюда!

И до изнеможения,
Крика души живой
Взад и вперёд сомнение
Будет ходить за мной...

ДЕНЬ ПРОСЬБЫ

Лишь погрузился в молчание дом,
только утихла вокруг суета,
я прочитал «бисмиллу», а потом
ручку достал и писал до утра.

Дело святое – права отстоять,
лишь не остались бы к просьбе глухи,
ночь напролёт я писал и писал! –
только прошения, а не стихи.

Не за себя в этот час я радел,
я захотел человеку помочь
и, отрешившись от собственных дел,
занял прошением целую ночь.

Я переписывал, правил, творил,
точку поставил – и встретил рассвет,
ну а потом целый день я ходил
из одного да в другой кабинет.

¹ Кибла (кыйбла) – сторона, куда обращаются взорами во время молитвы мусульмане.

Десять начальников я обошёл,
был терпелив я и был я речист,
был я, где надо – серьёзный поэт,
был я, где надо – блестящий артист!

Ради другого прожил этот день,
пусть не в обиде он будет сейчас...
Видит Всевышний людские дела,
каждому Он по заслугам воздаст.

Только стихами ли дышит поэт,
только ли проза другому мила?
Утро встречаю – со мной «бисмилла»,
день провожаю – со мной «бисмилла»...

Всё сохранится: усердность строки,
эхо шагов и свеча на окне...
Я хлопотал целый день о других,
вдруг позаботится кто обо мне?

ОДУВАНЧИКИ

Ах, как быстро время-молодость летит,
Оглянуться, осмотреться не успели...
Мчались кони по тропе, из-под копыт
Одуванчики пушистые летели...

Одуванчики летели, одуванчики...
Мчались кони... колыхались султанчики...
Как хотел я это время удержать –
Одуванчики цвели, выросли мальчики...

Мы рассеялись дорогами судьбы,
Только кони в нашем сердце уцелели...
Мчались вихрем кони, а из-под копыт
Одуванчики пушистые летели...

И другая юность так же пролетит,
И другие кони так же вдаль умчатся.
И от звона их стремительных копыт
Одуванчики другие разлетятся...

Одуванчики взлетают, одуванчики...
Мчатся кони... колыхаются султанчики...
Разве кто-то сможет время удержать –
Одуванчики цветут, вырастут мальчики...

ВСЕ РАССВЕТЫ И ВСЕ ВЕЧЕРА

Все рассветы и все вечера
Гонят в сердце кипящую кровь...

Дорогая, признаться пора:
Только ты пробуждаешь любовь.

Как же вышло, что выпало вдруг
Нам в трёх соснах с тобой заплутать.
Птицу счастья из трепетных рук
Невозможно в чужие отдать.

Поросли все тропинки травой,
Затуманились воды реки...
Остаётся грустить под луной –
От тебя ни единой строки.

Опрокинувшись, синяя даль
Растекается каплями звёзд...
Мою душу объела печаль
Неподъёмною тяжестью слёз.

РАДУЯСЬ, ЧТО ТЫ ЕСТЬ

Я узнал, что на белом свете
Есть прекрасные чувства эти –
Легче ветра им в сердце веять
И цветами роскошно цвести.
Потому я живу на свете,
Просто радуясь, что ты есть!

Я узнал, что любовь на свете –
Это ты – по такой примете:
Глубже озера очи эти...
Нежных дум о тебе не счесть.
Потому я живу на свете,
Просто радуясь, что ты есть!

Я узнал, что любовь на свете –
Это мы – по одной примете:
Птица счастья на минарете
Обронила об этом весть...
Потому я живу на свете,
Просто радуясь, что ты есть!

НОЧЬЮ НА БЕРЕГУ

Ясные звёзды, лучистые звёзды
В речке находят утеху.
Кружевом ряби подёрнуты воды,
Сыплют серебряным смехом...

Ясные звёзды садятся на волны
И, разбиваясь на пары,

В море любви уплывают безмолвно –
Лёгко трепещущий парус.

Алые звёзды и белые звёзды
Душу с душою венчают.
В час одинокий, торжественно поздний,
Грусть мою в волнах качают.

Яркие звёзды тропой золотой
Входят в речные пенаты.
Незаходящую белой звездой
Будешь всегда для меня ты.

Я ВЫХОЖУ НА СВЕТ...

Я выхожу на свет, ещё не стар,
И, увлечённый времени потоком,
Читаю по глазам влюблённых пар
Послание из юности далёкой.

Я выхожу на улицу – хочу,
Чтоб юность снова подарила крылья...
И я тогда до самых звёзд взлечу,
Виски осыпав серебристой пылью.

Я в мир ступаю, чтобы молодеть
И оживлять воспоминаний строки.
Все песни, что готов сейчас я спеть –
О юности счастливые намёки.

ВЕЧНЫЙ ЗОВ

Чтобы не забыть, существуют звёзды,
Чтобы тосковать, существуют горы...
Я приду к тебе, потревожа память,
Сквозь безумный ливень
и снежный ворох...

Чтобы не забыть, существуют снимки,
Чтобы тосковать, существуют письма...
Сколько недосказанных обещаний,
А пустых обетов и не исчислить.

Видно, я, увы, не такой хороший,
Быть блее белого даром думал.
Если ты попросишь меня присниться,
И во сне мне в белом не быть костюме.

Я в каком ты хочешь явлюсь обличье,
Только б нам с тобою не разминуться.
Ты позволь мне нежно и осторожно,
Словно яблок – белых грудей коснуться.

В сны твои безгрешные, молодые
Я приду без стука ночной порою.
Белоснежным бархатным одеялом,
Как любовью чистой, тебя укурю.

Чтобы не забыть, существует память,
Чтобы тосковать, существуют птицы.
То, что ты запомнить во мне хотела,
Может быть, всё это тебе и снится.

Я устроил жизнь, как оно сложилось,
Я собрал свой мир из обрывков счастья...
Написал стихи эти, жив покуда,
Не сердись, пожалуйста, не печалься...

ПРЕДСКАЗАНИЕ

Светлым и радостным, как добро,
Будущий мир мне дан:
В правой руке у меня перо,
В левой руке – Коран.

* * *

Творчество Лябиба Лерона давно известно и любимо его соплеменниками. Стихи, сказки, песни, пьесы, сценарии для театральных постановок, литературно-музыкальная телевизионная программа – вот далеко не полный перечень того, что поэт наполнил радостью и светом своего таланта. Заслуженный деятель искусств Республики Татарстан, обладатель ряда премий, в том числе Республиканской премии имени Мусы Джалиля, Лябиб Лерон стал всенародно любимым поэтом. Его образ блистательно запечатлел на полотне башкирский художник Вакиль Шайхетдинов.

Вживаясь в мир поэта, можно максимально приблизиться к замыслу автора. Зачастую ритмику и рифмовку диктует слово, сам строй речи, поэтому при переводе возникают дополнительные нюансы – удлинение или укорочение строки, замена образов, поиск звуковых аналогов. Переводчик всегда стоит перед дилеммой: что

предпочесть – близость к подлиннику или художественную выразительность. Полностью разделяю мысль Пастернака, что «перевод должен производить впечатление жизни, а не словесности». Хороший перевод воспринимается как органичное самостоятельное произведение, соперничающее по силе с оригиналом.

А сила, яркость и жар лероновского дара видны во всём: это и круг волнующих его тем, и накал испытываемых чувств, и воплощение в слове. Жизнь поэта – горение, самосожжение, незаживающая рана: «Поэзия! Боль ты моя сердечная, / Кровотокающий порез души; / Пусть не покажется противоречием – / Я лишь тобою жив!» («Поэзия»).

В любовной лирике поэта проступает не только нежность, но и те же «горящие» образы: «Пылает сердце, плачет тень... / Я сам свеча в ночи?! / Кричу „скачу по тебе!“ / На языке свечи... („Свечи«)

Две большие любви – к женщине и поэзии – переплетаются у Лерона так, что невозможно их разделить, потому что обе они – естество поэта, его боль и счастье: «Таким, как я, молчание не ново, / Скольких задело белое крыло? / Проклятое одно лишь только слово, / Ты посмотри, всю душу извело!» («Будучи влюблённым»)

Неудивительно, что вскормленная традициями родной земли, лирика Лябиба Лерона полна музыкальных образов и признаний в любви к народной песне – единственному, быть может, спасению в череде жизненных тревог и неурядиц: «И только в песне задушевной / Я утешение найду...» («Искушение»)

Лябиб Лерон пишет на татарском языке, однако он хорошо знаком с русской литературой. В его поэзии соседствуют восток и запад, татарские селения Туреш, Кара Шэм, Кенар – и чеховский Таганрог; поэты-земляки Фаиль Шафигуллин, Газинур Мурат – и Чехов с Толстым, Вознесенским и Блоком. Отдавая дань «солнцу русской поэзии», автор утверждает: «Я вышел из бешмета Тукая, / Благословен суконный бешмет!»

Спектр эмоций автора – от лёгкой иронии – через традиционную лирическую грусть, именуемую красивым словом «мон» – до подлинной исповедальности: «Самому себе – сирота, / Самому себе я малец. / Самому себе – старший брат, / Самому себе я отец». («Детство»)

В названии двух сборников поэта, вышедших недавно («И ты люби меня» и «На крыльях любви»), присутствует слово «любовь», вероятно, это и есть ключ к пониманию поэзии автора: щедро отдавая эту любовь, он в то же время греется в ответных лучах любви читателя.

Тонкая, солнечная, мудрая и жизнеутверждающая поэзия Лябиба Лерона пристально вглядывается в душу человека, поднимая на пьедестал непреходящие общечеловеческие ценности – свободу, родину, талант, дружбу, добро, совесть, честь, талант...

Переводы и послесловие Галины БУЛАТОВОЙ

ПОЭТЫ УХОДЯТ, СТИХИ ОСТАЮТСЯ

ГАРАЙ РАХИМ

Народный поэт Республики Татарстан Гарай Рахим (Григорий Васильевич Родионов) закончил свой земной путь 6 сентября 2021 года, прожив восемьдесят лет. Он был талантливым и добрым человеком... Светлая память!

КОСТЁР В СТЕПИ

ПЕРВЫЙ ГРОМ

Хочется сегодня
Петь мне очень,
Во всю силу голоса запеть.
Мне сегодня
С первым вешним громом
Вестью счастья хочется взлететь.

Тучи дождевые набегая,
Бьют друг друга с силой и впад,
Бьются так, что молнии сверкают,
Гром гремит, и горы все дрожат.

В борозде подняв ко лбу ладони,
За игрою туч следит как вождь
Мой отец. Он знает, как поможет
Гром небес и как поможет дождь.
Знает он — дождь первый благотворно
Дарит снова молодость всем нам,
Дарит жизнь проклюнувшимся только
В почве влагу ждущим семенам.
Знает он, что первый гром могучий
Почву не даёт вновь засушить,
Влагу ожидающе набухшим
Почкам дарит он большую жизнь.

От дождя подняв ко лбу ладони,
Мой отец всё смотрит в небеса,
Бородой он словно в половодье,
С глаз же льётся радости слеза.
Он стоит, воспрянувши всем телом,
Чувствуя всю мощь своей земли,

Шепчет тихо: — Будем, будем с хлебом!
Эту веру вновь мы обрели.

Потому мне
Громом став небесным,
Хочется вновь громко прогреметь.
Мне сегодня
Хочется петь песни,
Во весь голос хочется запеть!

ЗАБЫЛА

Как вспомню о тебе, душа в печали,
Уже который месяц я в тоске.
В разлуке не поверил я вначале,
Что вскоре ты забудешь обо мне.

Вдали остались вешние поляны,
Где пели вместе, радостью звеня.
Во мне теперь живут воспоминанья,
Ведь ты забыла всё же про меня.

Я не прошу, чтоб ты меня любила,
И не жалею о любви своей.
Быть может, не меня ты позабыла,
А лишь о нежной юности полей...

* * *

Всегда ходил бы, только улыбаясь,
Земля не знала если бы тоски.
Успехами бы только восторгался,
Ошибки если не были близки.

Ходил бы всюду только с чистым сердцем —
Сердца бы не встречались из камней,
Хвалил героев и о них пел песни,
Пока трусливых не встречал людей.

Цветы бы всем дарил не уставая,
И понапрасну их не стал бы рвать.
Мелодии лишь о любви слагая,
О войнах мог навеки забывать.

СОЖАЛЕНЬЯ ОБОЙДЁМ

Знаю, что тебя нельзя неволить,
И тебя теперь не обмануть —
Красотой мгновения любви
Быстрым поцелуем не вернуть.

Сдержанность в глазах,
В фигуре свежесть,
В облике значительности суть.
Прежняя?
Не прежняя, но прелесть!
И куда же ныне удержишь путь?

Ты всегда
Во всём ценила пламя,
Делала всё быстро и — на пять,
Привлекала взоры самых славных,
Самых гордых, самых злых ребят.

Не ревную я,
Меня любили
Многие из трепетных девчат.
Целовали в губы,
Дружбой дорожили,
Приглашали праздники встречать...

Встретились, пройдя года разлуки,
Бросились друг друга обнимать.
Взгляд такой же острый,
Но разумный,
Прошное не будем вспоминать.

Ничего ещё не завершилось,
Горку сожалений обойдём,
Ведь ко мне вернулась
Та, что снилась.
Мы навеки вместе,
Мы вдвоём!

* * *

Поехали!
Вот золотые сани,
Я запрягу серебряных коней.
Садись ко мне! Звеня колоколами,
Помчимся к звёздам — путь туда видней.

Быстрее, садись!
Прижмись ко мне плотнее,
Помчимся ввысь, послав друзьям привет.
Наш путь к мечте, туда, где мир светлее,
И звёздный мир откроет нам секрет.

Давай, взлетай,
Взлетай со мною вместе,
Моргни луне и солнцу улыбнись.
Пусть наши сани радостным предвестьем
Летят, летят по небу — только ввысь.

Желанная, пронзи любовью сердце!
Я запрягу серебряных коней!
Пусть видят все, как мы взлетели вместе,
Заре навстречу и судьбе своей.

ИЩУ СЛОВА

А в юности я был нетерпеливым,
Поэтому так поздно и созрел.
Кривить душой не мог, когда просили,
И драться лез, и внутренне зверел.

Не мог я быть смиренным, добродушным,
Терпеть не мог, когда творили зло.
Побил слегка и своего я друга,
Когда он злом ответил на добро.

«Серьёзным будь!» — когда мне говорили,
Я обходил сказавших стороной.
И старцев мудрых часто сторонился,
Учили если как мне быть с судьбой.

Промчалась юность, зрелость уж проходит,
Стать мудрым старцем всё же опоздал.
Года меня к спокойствию подводят,
И я свою горячность осознал.

Я сам воз жизни направляю ныне,
Для шалостей — не те уже года.
Ищу слова доступные для сына,
Хочу, чтоб был он сдержанным всегда.

ТЕРПЕЛИВЫМ

Люблю людей я терпеливых,
Они как будто корабли,
Плывут вперёд неторопливо
И знают цель — она вдали.

Пусть маяки исчезнут в волнах,
Терпенья им не занимать,
Застрав средь бурь, рискуя в штормах,
SOS не торопятся послать.

Для целей праведных и сложных
Несут ответственности груз,
Не вспыхнут сразу, словно порох,
Огонь как в домнах понесут.

А потому, хоть и тоскливы,
Порой бывают даже злы.
В застолях веселы, шутили,
А фразы все у них остры.

Застоля быстро покидают,
Дела их важные зовут.
Вновь кораблями уплывают —
К великой цели держат путь!

КОВЫЛИ

За огородом нашим на пригорке
Колышутся, как прежде, ковыли,
Не испугала их зима нисколько,
Сломать их даже бури не смогли.

Когда я поднимаюсь по пригорку,
Касаюсь побелевших их голов.
И верится, что сам я потихоньку,
Быть стойким, как ковыль степной, готов...

И волосы с ковыльною окраской,
Мне также треплют зимние ветра,
А я всё на ногах — с родимым краем
Не разлучат ни бури, ни пурга.

Хотят укрыться снегом травы явно,
Зимой теплее — только ковыли
Торчат над снегом гордо и нахально,
И я средь них, как на краю земли

Ветрам свободным свой вверяю всполох,
И новой песней голос подаю.
Не знаю, мелодичен он иль громок,
Но стоек, как ковыль. И я пою.

Бураны ковылей не испугают,
Им даже половодье по плечу.
Читающих стихи, я полагаю, —
Ковыльному упорству научу.

КОСТЁР В СТЕПИ

В степной дали зажгёт большой костёр.
Хочу заночевать в уединеньи,
Чтоб чувствовать земли родной простор,
Чтоб соловья услышать песнопенье.

Быть может, старый деревенский дед
Пройдёт, играя тихо на свирели.
Ночь летняя! Твой выбор — тёмный цвет,
Но люди в нём опасности узрели.

А я, смеясь как будто над судьбой,
Зажгу костёр — пусть видят на просторе!
Тепло костра — тепло земли родной,
Которое почувствую я вскоре.

Пусть ночь темна, — горит звезда полей,
Горит костёр — всё яростней мерцанье!
И люди так становятся сильнее —
Доступнее становятся желанья.

Сегодня я своим большим костром,
Лишь темень ночи растворяю на поле.
Пусть мой костёр горит в краю родном,
Напоминая всем о вольной воле!

Переводы Ирека ГАТИНА

ЛЕГЕНДЫ ЗЕМЛИ КАЗАНСКОЙ

ВЛАДИМИР ГУСЕВ

ПРО КАЗАНСКОГО КОТА

Жене Татьяне посвящается

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЗАНИМАТЕЛЬНЫЕ ФАКТЫ ИЗ ЖИЗНИ КОШЕК

*«Кот — древнее и неприкосновенное животное»
М. А. Булгаков. «Мастер и Маргарита»*

Как показывает антология исторических и современных литературных источников, о кошках написано довольно много. Кошки традиционно являются любимцами людей, кошкам посвящают рассказы и стихи, им устанавливают памятники, кошки являются героями сказок и легенд, в ряде стран, культур и религий кошки являются священными или одними из самых почитаемых животных. Перед дикими крупными кошачьими: львами, тиграми, леопардами, человек трепещет, страх соседствует с уважением, домашние же кошки вызывают благостный трепет и умиление. Феномен домашних кошек заключается в том, что они не приносят значимой, ощутимой пользы человеку, кроме ловли мелких грызунов, крыс и мышей, а также возможности погладить, обнять, прижать к груди своего питомца. Домашние кошки не дают молока, яиц, шерсти, не обладают навыками защитников людей, и, тем не менее, они пользуются всеобщим обожанием. Кроме того, кошки считаются очень умными, независимыми животными. Практически все жители нашей страны знакомы с началом поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила»: *«И днём, и ночью кот учёный все ходит по цепи кругом»*. Попробуем и мы внести свою скромную лепту в произведения об этих милых пушистых созданиях.

Перенесёмся из нашего времени в глубокую историю, на северное побережье Африканского континента. Как известно, Древний Египет, который там когда-то располагался, создал высокоразвитую цивилизацию, в которой утраченные, не достигнутые до сих пор технологии строителей пирамид и древней медицины соседствовали с пантеоном языческих богов, с магическими ритуалами элитной касты жрецов. Египет располагался вдоль великой реки Нил, что было обусловлено засушливостью климата и необходимостью создания условий для выращивания сельскохозяйственных культур. Большинство древних египтян проживало вблизи речной поймы. Кошек в Древнем Египте называли «Мау». Египтяне очень бережно относились к кошкам, считая их священными животными. Ещё бы — ведь в Египте было плохо с плодородными землями, урожай зерна были не так велики, а кошки охраняли зерно от грызунов. Кошка была неотъемлемой частью домашних хозяйств, семейной жизни

и быта в Древнем Египте¹. Верховный египетский бог Амон Ра часто изображался на папирусах вместе с кошкой или в виде огненно-рыжего кота, а древнеегипетская богиня радости, веселья и любви Бастет² вообще имела кошачью голову. Выражение «У кошек девять жизней» также восходит к Древнему Египту, считается, что девятью жизнями кошек наградил бог Амон Ра за их заслуги перед человеком.

Центром культа богини Бастет был священный «город кошек» Бубастис. Древнегреческий историк Геродот, побывавший в Бубастисе, писал о построенном там огромном храме, посвящённом богине Бастет, в котором жили тысячи кошек, и за ними в свою очередь, ухаживали храмовые жрецы. Много кошек также жило в древнеегипетских семьях. На окраине города располагалось специальное кошачье кладбище. Когда кошка умирала, её бальзамировали, помещали в специальный саркофаг, устраивали пышные похороны, и все члены семьи надолго погружались в траур. В девятнадцатом и двадцатом столетии археологи, осуществлявшие массовые раскопки в Египте, обнаружили несколько сот тысяч мумий кошек.

Изображения кошек охраняли дома египтян от тёмных сил, люди верили, что рисунок с кошкой отводит от человека смерть. Считается, что обычай многих народов запускать первой кошку в новый дом имеет именно древнеегипетские корни. Кошек нельзя было истязать и убивать, того, кто шёл на такое преступление, забивали камнями. Вывоз кошек из страны был запрещён, так как они считались собственностью фараона — правителя Египта. Памятники древнеегипетского искусства содержат множественные изображения кошек в виде рисунков, бюстов, скульптур, ювелирных украшений.

Известный греческий историк Птолемей описал такую интересную историю. В 525 году до нашей эры персидский царь Камбиз осадил египетский город Пелузий. Храбрые египтяне отчаянно сопротивлялись и отбивали все атаки врага. Тогда царь Камбиз, зная отношение египтян к кошкам, велел найти в округе кошек и привязать их к щитам своих воинов. Когда армия персов двинулась вперёд с кошками, привязанными к щитам, египетские лучники не смогли в них стрелять, а воины-копьеносцы не смогли бросать свои копья. Возникло всеобщее замешательство, переросшее в панику, и бой египтянами был проигран.

1 Божественная роль кошек в Древнем Египте

2 Бастет — богиня всех кошек

А когда древнеримские легионы Цезаря и Октавиана Августа, завоевали Египет, то какой запрет был снят в первую очередь? Правильно — запрет на вывоз из Египта кошек. Жители Древнего Рима сами захотели видеть в своём Вечном городе усатых-полосатых, поэтому и стали вывозить их к себе в массовом количестве. Когда римские гарнизоны несли службу в Египте, и солдат императора случайно или намеренно убивал кошку, он сразу же побивался разъярёнными горожанами, которые вступались за своих питомцев, несмотря на страх смерти.

Из Древнего Египта мы переносимся на Саудовский полуостров, в благословенные Мекку и Медину. Кошек очень любил и почитал Пророк Мухаммад, мир ему и благословение Аллаха! Среди мусульман считается, что истинный последователь Пророка должен любить и бережно относиться к нашим меньшим братьям. У Пророка было много кошек, а самая любимая была по имени Муэзза. Хадис о жизни Пророка говорит, что впервые Муэзза встретила Пророку в военном походе из Медины к горе Ухуд в третий год Хиджры¹, в 625 году нашей эры. Кошка, не боясь вооружённых людей, спокойно лежала у дороги и вскармливала своего новорождённого котёнка, и Пророк Мухаммад, чтобы не беспокоить кормящую маму, приказал своим воинам изменить маршрут движения. Более тысячи солдат войска Пророка обошли кошку с её новорождённым котёнком стороной. На обратном пути в Медину Пророк забрал найденных кошку и котёнка с собой.

Кошка Пророка Муэзза была абиссинской породы, белого цвета, с разноцветными глазами. Однажды, собираясь на молитву, Пророк увидел, что его любимая воспитанница спит на рукаве его одежды. Он не стал будить кошку, а просто отрезал рукав от своего халата. После молитвы кошка проснулась и, как передаёт предание, низко поклонилась Пророку Мухаммаду за его благородный поступок.

Но не только любимая кошка Муэзза лишала Пророка его одежды. Как-то раз бездомный больной котёнок подошёл к Пророку и улёгся на край халата. Пока Пророк общался со своими учениками, котёнок уснул. А когда Пророк собрался уже уходить, то ему жалко было прогонять маленького котёнка, и он опять же отрезал кусок своего халата, где спал котёнок.

Пророк не расставался со своей любимицей даже на проповедях. Когда он находился в мечети среди учеников, мурлыкающая Муэзза сидела у него на коленях. Своего ближнего друга и сподвижника Абдуррахмана Пророк Мухаммад встретил гуляющим с маленьким котёнком на плече и назвал его «Абу Хурайра», то есть, «Отец котят», поручив ему заботу о кошках и их потомстве. Абу Хурайра входил в число самых преданных учеников и лучших друзей Пророка Мухаммада и передал самое большое количество хадисов от Посланника Аллаха, больше шестисот, столько, сколько не рассказал ни один из его других последователей. Также известно, что у Абу Хурайры учились 800 человек из числа сподвижников Пророка. Потом Абу Хурайра часто вспоминал о дружбе с ним: «Я прибыл к Пророку (мир ему и благословение), когда он был при Хайбаре², и принял Ислам. Я ответил зову Посланника Аллаха, и любовь к нему смешалась с моей кровью, овладела моим сердцем и душой. Я не мог насладиться взором на его благородное лицо, его лицо было подобно солнцу. Хвала Всевышнему, который направил Абу Хурайру к Исламу. Хвала Всевышнему, который обучил Абу Хурайру Корану. Хвала Всевышнему, который облагодетельствовал Абу

1 Хиджра (арабское — переселение) — переселение мусульманской общины под руководством Пророка Мухаммада из Мекки в Медину, произошедшее в 622 году нашей эры. Год Хиджры стал первым годом исламского лунного календаря

2 Осада войском Пророка крепости Хайбар произошла в седьмой год Хиджры, в 628 году нашей эры

Хурайру дружбой с Пророком (мир ему и благословение)»¹. Абу Хурайра — «Отец котят» — достиг большого государственного положения, был судьёй в Мекке, губернатором в Бахрейне, в последние годы жизни был верховным правителем Медины, умер в окружении близких в почёте и уважении в возрасте 78 лет², и до своего последнего вздоха он опекал кошек.

Пророк Мухаммад, мир ему и благословение, считал кошек чистыми животными, он даже умывался водой, которую пили кошки. Однажды любимая кошка Муэзза спасла Пророка от смерти, убив змею, которая заползла в рукав халата и уже готовилась к нападению. Муэзза дождалась, когда змея высунет голову, схватила её и выволокла из дома. За это Пророк погладил любимую кошку по голове, и с тех пор у кошек на лбу появились четыре полосы от его пальцев. А когда рука Пророка коснулась спинки кошки, кошка стала способной не падать на спину, а стала из любого положения приземляться на свои лапки. В память о любимой кошке Пророка Мухаммада Муэззе кошкам разрешён вход в мечети всего мира, в том числе, в Заповедную мечеть в Мекке.

В преданиях Ислама есть такие истории о животных: одна женщина закрыла своего кота в помещении, где он не мог охотиться на мышей, и сама при этом не кормила его. В результате несчастный кот умер от голода, а эта женщина за такое преступление попала в ад. А другая женщина, с множеством личных грехов, увидела умирающую от жажды собаку, сняла свою обувь, зачерпнула ей воды и напоила измученное животное. За этот благородный поступок Великий Аллах простил её, и она удостоилась рая.

Таким образом, кошки особо почитаются всеми мусульманами мира. А трепетное отношение к кошкам как к «братьям нашим меньшим» является в Исламе одним из проявлений милосердия. Ведущие исламские города мира Мекка, Медина, Стамбул, Дамаск, Каир и другие полны кошками, жители и туристы считают за честь покормить и погладить это домашнее животное.

Перенесёмся с Саудовского полуострова в Российскую империю. В Православии кошки также считаются почитаемыми, чистыми животными. Недаром в древних церквях Суздали, Владимира, Рязани для кошек специально проделывали небольшие отверстия в храмовых воротах, чтобы кошки могли свободно проникать в церкви и ловить там мышей. Великий православный святой, старец Нектарий Оптинский (1853–1928) говорил, что, по церковному преданию во время Великого Потопа, когда ветхозаветный пророк Ной³ вёл свой Ковчег сквозь бурлящие воды, на Ковчеге находилась мышь, в которую вселился Враг рода человеческого. Эта мышь хотела прогрызть дно Ковчеге, чтобы тот затонул, и все плывшие в Ковчеге люди и животные погибли. Храбрая кошка напала на злую мышь и съела её, в результате Ковчег благополучно добрался до горы Арарат, уцелевшие люди и звери вышли на берег, и жизнь на Земле продолжилась. За этот подвиг перед человечеством все кошки после смерти сразу же попадают в кошачий рай.

Сам старец Нектарий Оптинский, до пострига — Николай Тихонов, очень почитательно, с большой любовью относился к кошкам. О себе он рассказывал такую историю: «Жили мы с маменькой и с котом, а бабушка мой умер. Жили бедно, и кот,

1 Абдулаев М. Абу Хурайра ад-Давси аль-Ямани

2 Али-заде А., Али-заде А.А. Исламский энциклопедический словарь. – М: Ансар, 2007–396 с.

3 Ной (в исламе Нух) — ветхозаветный пророк, построил ковчег во времена Великого Потопа, собрал на нем людей и животных, тем самым спас их от смерти

тогда ещё пушистый котёнок, был единственным нашим утешением. Как-то раз я маленький, лет семи, сидел рядом со своей маменькой, она что-то шила и была погружена в свою работу, а рядом играл наш пушистый малыш. Глаза у котёнка как-то странно блестели, какой-то огонёк был в его взгляде! Я захотел посмотреть, что это там блестит, схватил у маменьки со стола швейную иголку и хотел было ткнуть котёнку ей в глаз. Маменька заметила моё намерение и с укоризной сказала: „Николка, хулиган, что ты делаешь! Быстро отдай мне иглу! Вот сейчас выколешь котёнку глаз, а завтра и сам глаз потеряешь! Разве же так можно? Отдай мне иглу!“ Отобрав иглу, мамка долго потом бранилась, да и всыпала мне пару несильных тумаков! Так, что я запомнил!

И вот я взрослый, в Оптиной пустыни, уже иеромонах! Прохожу мимо колодца, а там послушник черпает воду, ручка у черпака острая... Черпает, черпает, да как даст обратным, острым концом мне в глаз! Не заметил, что я сзади его прошёл. Заострённый конец ручки черпака ударил аккуратно в надбровную дугу! Был большой синяк, но сам глаз-то остался цел! Вот тогда и вспомнил я маленького котёнка и мамины слова! Вот если бы выколот тогда коту глаз, то и сейчас бы сам глаза лишился, а так — пожалел меня Господь! Не дал послушнику мне глаз выбить! Слава Богу за всё!»

У старца Нектария Оптинского был любимый серый кот! Куда батюшка Нектарий — туда и его пушистый друг! В келью — и кот в келью, на службу собирается — и кот вместе с ним, спать ложится старец — и кот тут как тут. Ещё кот любил сидеть вечерами в полудрёме у тёплой печки! Бывало, возьмёт батюшка Нектарий kota на руки и скажет: «Велик был старец Герасим Иорданский, в Палестинской пустыне жил, истово молился, монастырь основал, и потому служил ему целый лев, и на могиле, когда он умер, лев испустил дух вместе с ним! А мы, убогие, малы, ничтожны, грешны, и поэтому у нас всего лишь кот! Когда я умру, тебя попрошу — не умирай, живи дальше! Пойдём, бедолага, хоть молочка тебе налью!»¹

А Великому святому, старцу Герасиму Иорданскому действительно прислуживал лев. Житие православного святого говорит о том, что авва² Герасим, живший в Палестине в V веке, шёл однажды по иорданской пустыне в свой монастырь, что находился в пяти километрах от Мёртвого моря. По пути ему встретился взрослый лев, у которого была большая заноза в лапе. «Царь зверей» долго мучился и остановился перед старцем, в его глазах были слезы, боль и мольба о помощи. Святой Герасим вскрыл распухшую рану, вытащил занозу, выдавил много гноя, промыл и перевязал больную лапу. С тех пор лев не отходил от аввы Герасима ни на шаг, охранял старца, следовал за ним по пятам, как самый преданный ученик. Братия монастыря назвала льва в честь священной реки — «Иордан».

Питьевую воду в монастырь возил осёл, источник был достаточно далеко от обители, и лев взялся сопровождать осла, брал его поводья в свои зубы и вёл осла к источнику, а потом обратно к монастырю. Как-то авва Герасим, возивший на осле воду, задержался в монастыре и отправил к источнику животных одних. А лев проголодался, довёл осла до источника, а сам отлучился на короткую охоту. Мимо проходил караван, и погонщики, увидев одинокого бесхозного осла, увели его с собой. Приходит авва Герасим к источнику, а там сидит один лев!

— Ах ты, негодник бессовестный, съел осла! — укоризненно сказал святой льву. — Ну что же, теперь не обижайся, сам будешь для братии кувшины с водой возить!

1 Наталия Скоробогатко. Старец Николай и голуби. Рассказы о животных для детей. — Клин, Издательство «Христианская жизнь», 2010. — 48 с.

2 Авва (греческое) — благоговейное обращение к монашествующим в Православии

И лев Иордан смиренно возил воду, при этом чувствовал себя виноватым, что так подвёл старца и братию монастыря. Как-то раз пошли Герасим и Иордан опять за водой, а там обратно идёт караван, в нём погонщики, которые взяли монастырского осла, и осёл тут как тут, вместе с ними. Здесь уже Иордан взревел своим грозным рыком, но нападать на разбежавшихся от страха караванщиков не стал, просто взял своего осла зубами за поводья и отвёл в монастырь.

— Что же вы, уважаемые?! Стыдить вас приходится! Ведь чужое брать нехорошо! — сказал авва Герасим погонщикам.

— Прости, Отче, мы не знали! — таков был ответ мирских людей.

— Бог простит! Ступайте с миром!

Пять лет жил лев с монахами в обители. Когда же авва Герасим умер, то льва, по Промыслу Божьему, не было в монастыре, а когда он пришёл, он первым делом начал искать старца. Ближайший ученик старца авва Савватий сказал льву, что Герасим умер, и отвёл его на свежую могилу. Лев как обезумел, сначала начал метаться из стороны в сторону, мотать головой, рыть землю лапами, потом испустил дикий крик, словно стон, в котором была невыразимая скорбь утраты, лёг на могилу святого и скончался. Так Господь Бог наш прославил и старца Герасима, и льва Иордана, показав, что кроткие, чистые сердцем люди могут повелевать даже дикими, свирепыми хищниками.

С кошками теснейшим образом связан остров Кипр, который негласно считается земным раем для усадых-полосатых. Кошки здесь повсюду бегают по улицам, живут в домах и при церквях, охотятся на автостоянках, греются на морских набережных. А на полуострове Акротири существует даже настоящий посвящённый кошкам древний монастырь — Ayios Nikolaos ton Gatou (монастырь святого Николая Чудотворца «Кошачий», или, по-другому, монастырь святого Николая Кошатника). Так почему же на Кипре так много кошек?

По преданию, в IV веке нашей эры на Кипре случилась ужасная засуха, длившаяся целых семнадцать лет. Источники на острове пересохли, урожаи погибли, но это полбеда. Из-за засухи в горной части Кипра расплодилось невиданное количество ядовитых змей, которые потихоньку стали сползать с гор и захватывать города. Ядовитые змеи угрожали жителям, которые стали массово покидать остров. Кипр тогда входил в состав Восточной Римской империи, столицей которой был Константинополь. Мать святого императора Константина Великого, равноапостольная царица Елена, в 327 году нашей эры прибыла на остров с визитом и поразила невиданному количеству ядовитых тварей. Она срочно отправила корабли в Египет и велела привезти оттуда тысячу кошек, поселив их в основанном ей монастыре и поручив заботиться о них монахам. Кошки оказались способны к ловле змей и за несколько лет очистили от них весь остров. В честь этого освобождения жители Кипра навсегда остались благодарны кошкам. В «Кошачьем» монастыре сохранились фрески XIII века, посвящённые четвероногим друзьям. В XVI веке, после захвата острова османами, «Кошачий» монастырь был разорён и опустел. И лишь в 1983 году, благодаря ходатайству и помощи митрополита Лимассольского Хрисанфа, он был возрождён как женский. На данный момент в монастыре проживают шесть монахинь и примерно сто кошек. Монастырь находится в 12 километрах от исторического центра Лимассол, вблизи от Соляного озера, на территории под суверенитетом Великобритании. Особо наблюдательные туристы и посетители монастыря могут и сегодня наблюдать, как кипрские кошки охотятся на ядовитых гадюк. Также в честь кошек на Кипре назван мыс Каво Гата, что в переводе означает — «Кошачий мыс»¹.

1 Кошки Кипра — убийцы змей и хранители святынь

Но не все знаменитые люди благоволили кошкам. Например, по свидетельству историков, Александр Македонский, Гай Юлий Цезарь, Наполеон и даже Великий Чингисхан боялись кошек, старались избегать общения с ними. Почему это так происходило, напугали ли кошки этих великих людей в детстве, приснились ли в дурном сне или же причины в чём-то другом — история на этот счёт не очень щедра на комментарии. А вот кто действительно поиздевался над кошками в своё время — так это католическая церковь. В сумрачные годы Средневековья, в июне 1223 года Римский Папа Григорий IX издаёт буллу¹ «Vox in Rama» («Голос в Раме»), в которой чёрная кошка признаётся воплощением злых сил. В результате по всей Европе горожане и крестьяне начинают доносить на своих соседей, имеющих чёрных кошек, соответственно, сами владельцы объявляются колдунами и ведьмами, а усатые-полосатые — их прислужниками. На кострах инквизиции сжигают не только людей, но и их пушистых любимцев.

Дальше — больше! В XVI веке к власти в Ватикане приходит Римский Папа Иннокентий VIII, при котором силы инквизиции достигают своего наивысшего могущества. Иннокентий VIII принимает специальную «Буллу против кошек», благодаря чему кошки любого окраса начинают истребляться в Западной Европе повсеместно. Как говорили в те времена католики — «Пока кошки населяют Землю, Царство Божие не придет!»

Затем Папа Иннокентий VIII распространяет методы инквизиции на всех животных. Приближённым кардиналам он говорит: «Почему мы инквизируем только людей? Колдуны и ведьмы водятся и среди домашнего скота, и среди диких животных!» В доказательство своих слов он приводит слова допросов «ведьм», которые под пытками признаются, что любят своих домашних питомцев, кошек и собак. Значит, и кошки, и собаки прислужники Сатаны, и их надо уничтожить вместе с хозяевами! Папа называет кошек «идолами всех ведьм и любимыми животными дьявола» и велит сжигать их вместе с «нечестивыми» хозяйками. Напуганные жители после этой буллы сами избавляются от уса-тых-полосатых, чтобы не стать жертвами инквизиции. В некоторых европейских городах, например, в бельгийском Ипре, кошек массово сбрасывают с городской колокольни. Этот дикий обычай был отменён только в начале девятнадцатого века, а в двадцатом веке возрождён как месточтимый праздник, «Кошачий Фестиваль». Правда, сейчас горожане сбрасывают в городе Ипре с колокольни церкви Святого Мартина не настоящих кошек, а плюшевые игрушки. Вот так обстояли дела с отношением к кошкам в католической Европе в средние века!

В результате повсеместного истребления домашних кошек и распространения грызунов как переносчиков инфекции («крысино-блошинный источник заражения») в XV веке в Европу приходит «Чёрная смерть» — страшная бубонно-лёгочная чума, обезлюдившая континент наполовину. По разным подсчётам, в Европе в те годы умерло до 50 миллионов человек. Из трехсоттысячного Парижа после эпидемии выжило всего лишь три тысячи горожан! Великий итальянец Джованни Бокаччо², автор «Декамерона», написал в те дни: «Можно было позавтракать с родными, а поужинать на том свете со своими предками». Закрывались города, пустели жилые кварталы, везде был смрад и гарь от тел сожжённых людей и жилых строений. Люди бежали от заразы и погибали в дороге! Чума то отступала, то возвращалась, жители Европы всё умирали и умирали! Кто знает, может быть, таким образом кошки или Божье Провидение отомстили людям за столь жестокое обращение?

1 Булла папская — вид официального папского послания в католицизме

2 Бокаччо Джованни (1313–1375) — итальянский писатель и поэт, представитель литературы эпохи Раннего Возрождения

А вот на Руси всё было по-другому! Сын царя Алексея Михайловича, первый Император Российский Пётр Первый почитал кошек, считал их животными, которые своей службой могут приносить изрядную пользу людям. В одном из царских указов он повелел «иметь при амбарах котов, для охраны таковых, и мышей, и крыс устрашения». Любимого кота Петра Алексеевича звали Василием. Царь получил его в подарок в 1724 году из дома голландского купца, который торговал на Вологодчине, и Пётр часто бывал у него в гостях.

Перенесёмся на Британские острова. Как обстоят дела с любовью к кошкам в британской королевской семье в настоящее время? Как известно, сама королева Елизавета II любит собак породы корги, с ними Её Величество не расставалась больше 80 лет. Однако принцесса Майкл Кентская, урождённая баронесса Мария Кристина фон Рейбниц и супруга принца Майкла Кентского, испытывает глубокую любовь к кошкам. У неё во дворце живёт несколько сиамских и бирманских кошек. Кроме кошек, у принцессы имеются собаки и лошади, к тому же, она поддерживает международные организации по сохранению носорогов и слонов в Африке. Также Великобритания — это единственное государство мира, где законодательством предписано главе исполнительной власти, британскому премьер-министру, обязательно держать при себе представителей кошачьих. Котов там помещают в резиденцию главы правительства, чтобы они ловили мышей, и должность кота так и называется «Главный мышелов правительства». Известна фраза выдающегося британского политика времён Второй мировой войны Уинстона Черчилля про кошек: «Собаки смотрят на человека снизу вверх, кошки — сверху вниз, и только свиньи на равных — глаза в глаза». Этой фразой, на наш взгляд, Черчилль показал, что собаки служат людям, кошки относятся к людям снисходительно, высоко, они позволяют себя любить, а свиньи на равных с людьми потому, что так же грешны и несовершенны, как и сам человек.

Большого кота-крысолова Ларри привёз с собой в резиденцию британского правительства бывший премьер-министр, лидер Консервативной партии Дэвид Кэмерон. У главы МИД Великобритании, впоследствии премьера Терезы Мэй был свой чёрно-белый кот, по прозвищу Палмерстон, который потом перешёл к следующему премьеру, Борису Джонсону. Известно, что Ларри и Палмерстон недолюбливают друг друга и постоянно дерутся, да так, что клочья шерсти летят, и служащие резиденции везут их потом к ветеринарам. Также имеют мировую известность сказки английских писателей, Редьярда Киплинга — «Кошка, которая гуляла сама по себе» и Льюиса Кэролла «Алиса в стране чудес», где одним из главных героев был волшебный Чеширский кот (уроженец графства Чешир).

А как идут дела за океаном? У четырнадцати из сорока шести президентов Соединённых Штатов Америки были кошки. По одному коту или кошке было у президентов Уилсона, Кеннеди, Никсона, Форда, Картера, Клинтона, Джорджа Буша-младшего. По паре котов держали президенты Линкольн, Мак-Кинли, Теодор Рузвельт, Кулидж, Линдон Джонсон. А вот три кота было только у одного американского президента — Ратерфорда Бёрдчарда Хейса (годы правления 1877–1881), один из них был сиамской породы. Нынешний Президент США Джо Байден пообещал своей жене Джилл подарить кота в случае своей победы на президентских выборах. И с 2021 года этот кот вместе с четой Байденов и двумя немецкими овчарками живёт в Белом доме! С 1920-х годов, когда кот Тигр президента США Джона Калвина Кулиджа-младшего потерялся, на всех президентских котов надевают ошейники со специальными жетонами, на которых есть надпись — «The White House» («Белый Дом»).

Кошек очень любил основатель Советского государства Владимир Ильич Ленин, на многих исторических фотографиях его можно увидеть с котом или кошкой на

руках. Ленин мог идти с партийного заседания в свой рабочий кабинет и по пути подобрать бездомную кошку или котёнка, заботу о которых поручал хозяйственным служащим Кремля. О трепетном отношении Владимира Ильича к кошкам знали не только в России, но и за рубежом. Недаром американская журналистка Луиза Брайант спросила в интервью у супруги вождя Надежды Крупской: «А где же знаменитые тринадцать кошек мистера Ленина?» О том, как Надежды Константиновна ответила на этот вопрос, история умалчивает¹.

«Отец народов» Иосиф Сталин предпочитал кошкам собак. Правда, есть легенда о том, что товарищи из Республики Дагестан подарили Иосифу Виссарионовичу большого камышового кота, по кличке Коба, который однажды расцарапал в кровь лысину Никите Сергеевичу Хрущёву, за то, что тот предложил кота-гуляку кастрировать. Тут бы и задуматься товарищу Сталину по поводу идеологических взглядов будущего любителя кукурузы и «кузькиной матери» о соответствии занимаемой им высокой государственной должности! Негромко спросить его, попыхивая трубкой:

— Скажите, товарищ Хрущёв, а почему товарищ Коба Вас так не любит? Вы, случайно, не ревизионист? Вы, Никита Сергеевич, случайно не продались буржуазной пропаганде Запада?

Что бы в этом случае ответил Хрущёв Сталину? Замолчал, потупив взгляд? Или бы отшутился, сделал вид, что недопонял грозного Вождя. Но, скорее всего, это просто красивый миф².

Внесли свой вклад кошки и в великую Победу в годы Великой Отечественной войны. В страшные дни блокады Ленинграда почти все ленинградские кошки либо умерли, либо были съедены во время голода. Поэтому в городе быстро размножились мыши и крысы, которые питались трупами, нападали на улицах на ослабленных стариков и детей, съедали у горожан последние припасы и разносили заразу, буквально прогрызая мебель и перекрытия домов.

В апреле 1943 года, сразу после прорыва блокады в результате наступательной операции «Искра», в Ленинград завезли пять тысяч дымчатых кошек из Ярославской области, а потом ещё целый эшелон котов из Сибири. Советский писатель Леонид Пантелеев, автор знаменитой «Республики ШКИД», в блокадном дневнике записал: «*Маленький котёнок в Ленинграде стоит 500 рублей*». Для сравнения: килограмм хлеба с рук, у спекулянтов покупали за 50 рублей, а сторож зарабатывал 120 рублей в месяц. Пушистых бойцов в освобождённом Ленинграде отправили в музеи и в подвалы уцелевших жилых домов. Через некоторое время они очистили город от грызунов. В честь кошек, послуживших людям во время блокады, в Выборгском районе Санкт-Петербурга, по адресу: улица Композиторов, дом 4, четвероногим любимцам установлен памятник с надписью «В память о кошках блокадного Ленинграда». Часто горожане и гости города приходят к этому памятнику с детьми, чтобы рассказать им о подвиге четвероногих питомцев и погладить скульптуру кошки.

Большим любителем кошек был Леонид Ильич Брежнев, у него жил большой чёрный кот, которого ему подарили в 1969 году в Индии. Кто-то говорит, что дарителем был сам Далай-Лама XIV, кто-то — что это была премьер-министр Индии, большой друг СССР Индира Ганди. Как бы там ни было, кота завали Лама. Считалось, что кот Лама обладал даром провидца и способностью предсказывать будущее. Брежнев каждый день самолично кормил кота из собственных рук, чтобы, согласно словам дарителя, животное предохраняло советского вождя от смертельных опасностей. Кот своим

1 Как Ильич дружил с кошками, или Ленин и живодёр

2 Священник Александр Шумский. Сталин и кот

беспокойным поведением предупредил Брежнева о покушении на него в 1969 году и об автомобильной аварии, в которую попала автомашина Генерального секретаря в 1970 году. Тесно связаны были и жизненные судьбы кота и Брежнева. Даритель Ламы предрёк, что если кот умрёт, то этот мир вместе с ним покинет и Генеральный секретарь Коммунистической партии Советского Союза. Кот Лама умер в 1982 году, выбравшись из дома и попав под машину, вскоре после этого скончался и Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Брежнев.

А как обстоят дела с отношением к кошкам на Дальнем Востоке? Начнём с того, что в знаменитом китайском астрологическом календаре нет года Кошки. Восточная легенда гласит: когда Будда собрался уйти в нирвану, то он пригласил всех животных на церемонию прощания. Пришли все животные, кроме кошки. А кошка, как всегда, гуляла сама по себе: или спала, перекачиваясь с боку на бок, или охотилась. Тем самым, она проявила к Будде непочтение! Поэтому и нет в астрологическом восточном календаре года Кошки.

Имя самого знаменитого китайца всех времён и народов, основателя современного Китая, Великого Кормчего, Председателя КНР Мао Цзедуна (1893–1976) непосредственно связано с отрядом кошачьих, ведь «Мао» — по-китайски «Кот». Люди, которые в жизни общались с основателем современного китайского государства, говорили, что Председатель Мао в жизни напоминал большого и важного кота, он был мягким и обходительным, умел располагать к себе людей, подчинять их волю, после чего они беспрекословно выполняли его поручения и сносили любые капризы. Современные китайские дизайнеры и модельеры активно эксплуатируют этот образ Вождя, придумав изображение Председателя Мао с головой кота.

Экономические реформы в современном, геополитически мощном Китае начались также с фразы о кошках. «Не важно, какого цвета кошка, главное, чтобы она ловила мышей» — эта фраза была сказана в 1973 году последователем Великого Кормчего Мао, Дэн Сяопином (1904–1997), тогдашним лидером Китайской Народной Республики. Смысл этой фразы Дэн Сяопина заключается в том, что нужно жизнь страны строить рационально, не руководствоваться только политическими целями или идеологическими догмами, а выбирать те средства и методы, которые смогут твой народ привести к благосостоянию.

А вот в древнюю Японию, изолированную морем от «Большой земли», кошки попали с материкового Китая. Буддизм как религиозно-философское учение в средние века распространяли странствующие монахи. Однажды такой монах-миссионер, несящий знание о Будде, переправлялся на корабле из Китая на японский архипелаг со множеством рукописных свитков, и именно для защиты этого груза от корабельных крыс и мышей он взял с собой на борт несколько кошек, которые затем массово расплодились в Японии.

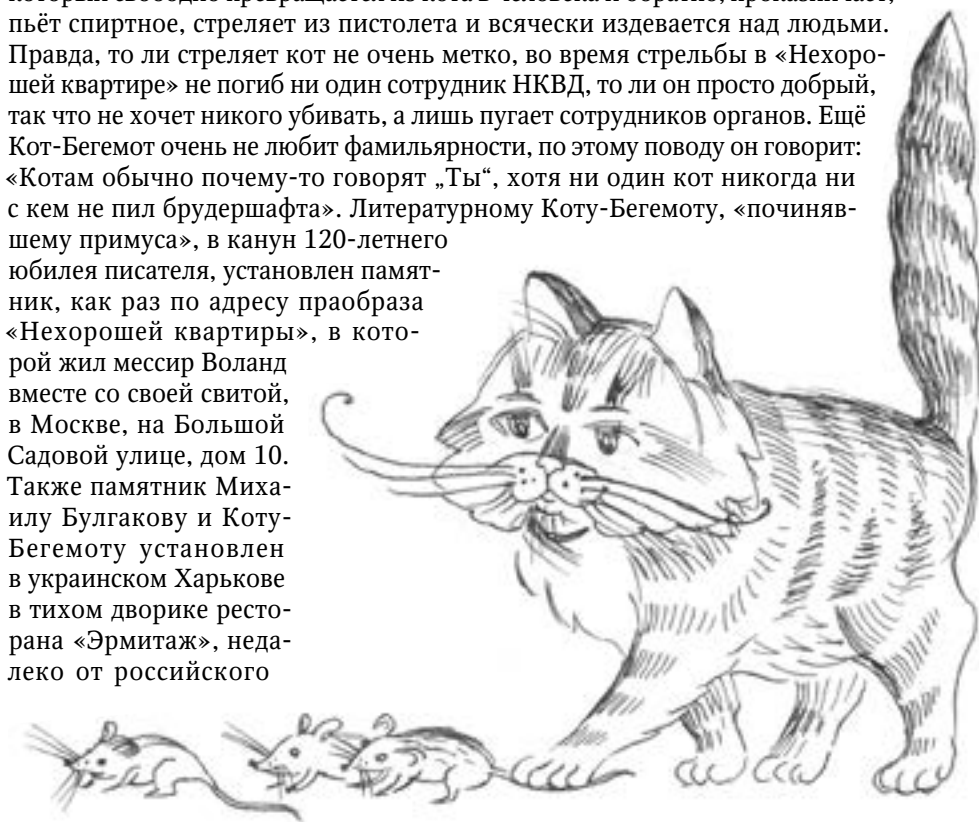
На Японских островах в средние века ведущей отраслью человеческой деятельности стало производство шёлка. А в связи с развитием отрасли островные мыши и крысы ополчились на шелковичных червей, стали ими питаться. Поэтому японцы призвали кошек на их традиционную службу, и кошки с честью выполнили порученное дело. Шелковичное производство было спасено, а значит, было спасено и могущество самой Японии. С тех пор кошки в Японии считаются добрыми духами, им посвящаются произведения искусства, картины, анимационные мультики, на островах продаётся множество маленьких статуэток уса-тых-полосатых друзей, считается, что они охраняют жилища японцев от злых сил.

Широко в мире известна порода сиамских кошек, которые родом из Бирмы и Таиланда, из древнего королевства Сиам. Как и в Древнем Египте, кошки здесь считались

личной собственностью сиамских королей. Сиамские кошки имеют короткую шерсть и необычные длинные тонкие хвостики. По легенде, когда сиамские принцессы шли купаться, они свои драгоценные кольца нанизывали кошкам на хвосты, и, чтобы драгоценности не терялись, хвосты завязывались в узелок. Из-за перенесённой боли у сиамских кошек дурной характер, если что не по ним, то — держись, хозяин, покусает и поцарапает от души.

В честь кошек названы многие географические места. Например, в Крыму есть гора Кошка, которая по форме напоминает спящего домашнего питомца. Высота горы составляет 254 метра, она является частью природного заповедника, основанного в 1984 году площадью 50 га. На горе Кошка расположены объекты Симеизской обсерватории, которая на сегодняшний день является частью Института астрономии Российской академии наук. На русском Севере есть целые группы островов, названные в честь кошек — острова Камбалъницкие Кошки, острова Гуляевские Кошки в Баренцевом море, острова Шараповы Кошки в Карском море, остров Кошка в море Лаптевых. Канонерский остров в Санкт-Петербурге до момента основания города носил финское наименование Киссаисаари (в переводе Кошачий остров). Древняя столица викингов на территории современной Дании называлась Каттегат (в переводе — «Кошачьи ворота»).

Кошки — глубоко таинственные и мистические животные. В бессмертном произведении Михаила Афанасьевича Булгакова «Мастер и Маргарита» присутствует абсолютно загадочный персонаж, представитель тёмных сил Кот-Бегемот, который свободно превращается из кота в человека и обратно, проказничает, пьёт спиртное, стреляет из пистолета и всячески издевается над людьми. Правда, то ли стреляет кот не очень метко, во время стрельбы в «Нехорошей квартире» не погиб ни один сотрудник НКВД, то ли он просто добрый, так что не хочет никого убивать, а лишь пугает сотрудников органов. Ещё Кот-Бегемот очень не любит фамильярности, по этому поводу он говорит: «Котам обычно почему-то говорят „Ты“, хотя ни один кот никогда ни с кем не пил брудершафта». Литературному Коту-Бегемоту, «починявшему примуса», в канун 120-летнего юбилея писателя, установлен памятник, как раз по адресу протобраза «Нехорошей квартиры», в которой жил мессир Воланд вместе со своей свитой, в Москве, на Большой Садовой улице, дом 10. Также памятник Михаилу Булгакову и Коту-Бегемоту установлен в украинском Харькове в тихом дворике ресторана «Эрмитаж», недалеко от российского

консульства. Здесь бронзовые герои уютно расположились на лавочке и неторопливо общаются на мистические темы.

А вот известная советская песня «Жил да был чёрный кот за углом» посвящена знаменитому московскому призраку огромного кота, который живёт в районе улицы Тверской и время от времени появляется, чтобы предупредить об опасности или напугать кого-то, в зависимости от ситуации. Кот ночью медленно-медленно выходит из стены одного дома, пересекает улицу и уходит в стену дома напротив. Чаще всего призрак кота можно встретить у Музея современной истории России (ранее — Музей Революции), который расположен по адресу — Москва, улица Тверская, дом 21. Считается, что встретить призрак чёрного кота — к большой удаче и положительным переменам в жизни человека. Знаменитая московская банда налётчиков, орудовавшая после войны и описанная братьями Вайнерами в своём романе «Эра милосердия», также называлась «Чёрная кошка». Всем детям бывшего СССР известна детская сказка Эдуарда Успенского «Дядя Фёдор, пёс и кот», где наряду с мальчиком Федей, псом Шариком, почтальоном Печкиным, галчонком Хватайкой одним из героев является кот Матроскин, озвученный в знаменитом советском мультфильме «Трое из Простоквашино» Олегом Павловичем Табаковым. Можно вспомнить всемирно известную сказку средневекового писателя Шарля Перро «Кот в сапогах», про плутивого пройдоху-кота в сафьяновых сапожках, который спас от голодной гибели и сделал богатым своего хозяина — бедного сына мельника, представленного королю и жителям государства как маркиз де Карабас (по-тюрски «Карабас» или «Карабаш» — «Чёрная голова»). А в не менее знаменитой сказке Братьев Гримм «Бременские музыканты» одним из бродячих музыкантов — помощников Трубадура, также был кот. В настоящее время набирает большую популярность фантастический цикл книг «Коты-Воители», написанный в соавторстве британскими и американскими авторами под общим творческим псевдонимом Эрик Хантер и посвящённый приключениям племени диких кошек. Ведущие литературные критики США и Великобритании называют данную серию книг «захватывающей» и рекомендуют её всем любителям пушистых созданий в мире.

Всем известна история Хатико — преданной собаки, которая более девяти лет приходила встречать умершего хозяина на железнодорожный вокзал близ Токио. Хатико стал известен в 1932 году благодаря публикации в одной из центральных японских газет «Преданный старый пёс ожидает возвращения своего хозяина, умершего семь лет назад». История покорила сердца японцев, и Хатико ещё при жизни возвели памятник у железнодорожной станции Сибуя. Второе дыхание эта история получила после съёмок потрясающего американского фильма «Хатико: самый верный друг» с Ричардом Гиром и Джоан Аллен в главных ролях. А есть ли подобные примеры преданности среди кошек?

Оказывается, есть! Вот один из примеров. В Азербайджане жил-был котёнок мужского пола, которого при рождении назвали Веркой. Когда же оказалось, что это мальчик, то имя менять не стали, котёнок на него хорошо отзывался. Жил он с хозяевами в небольшом городке под Гянджей, в семье военнослужащих. А когда развалился Советский Союз, то армейскую дивизию передислоцировали из Гянджи в Ульяновск. И когда войсковую часть готовили к переброске, кот потерялся. Искали, искали его хозяева, да так и не нашли. Погоревали-погоревали, и убыли по приказу к новому месту службы. Каково же было их удивление, когда через полтора года кот появился на пороге их новой квартиры в Ульяновске. Он был тощий, облезлый, с лапками стёртыми в кровь, большим шрамом на спине, сколотыми зубами, надорванным ухом. Но самое главное, кот был живой и здоровый, только обессилел от долгого пути. Как

он добрался до своих хозяев, каким образом преодолел две тысячи километров — это большая загадка. Однако кот Верка продемонстрировал подлинный героизм и настоящую преданность своим хозяевам¹.

Кошки часто спасают людей от смерти, приходят им на помощь всеми своими скромными силами. В мире известен случай, произошедший в США в штате Пенсильвания. Один неадекватный житель штата открыл беспорядочную стрельбу из огнестрельного оружия во все стороны, и случайная пуля угодила в дом его соседей, в кроватку спящего новорождённого малыша. В это время в кроватке с малышом спала кошка по кличке Оли, которая приняла пулю на себя. Благодарные родители мальчика не пожалели никаких денег на лечение домашней любимицы, наняли лучших ветеринаров, и кошка Оли выжила. В Калифорнии кошка Тара спасла четырехлётнего малыша от взбесившейся собаки, заградив собою ребёнка и расцарапав морду напавшему псу, которого после этого нападения усыпили. За этот подвиг команда штата пригласила кошку вместе с хозяевами и малышом на бейсбольный матч, где ей было доверено почётное право ввести мяч в игру. У одного моего друга, зовут его Зименков Сергей, в «лихие девяностые» годы в Саратовской области сгорел сельский дом. Домовладение было старым, деревянным и загорелось глубокой зимней ночью из-за замыкания в электропроводке. Друг с женой и двумя маленькими детьми в это время спали. Их разбудил кот, который, почувствовав дым, поднял истошный душераздирающий вопль, и когда хозяева проснулись, кот первым выпрыгнул в форточку деревянного окна. Хозяин дома Сергей выбил то самое окно, в которое выпрыгнул кот, и семья, взрослые и дети, выбралась наружу! Все были спасены!..

По преданию, все кошки за их заслуги перед людьми, за ласку и добрые дела сразу же попадают в рай. Он находится в удивительном месте и называется Радугой. В кошачьем раю всё, как и положено: растут деревья, поют птицы, текут чистые, прохладные реки и ручьи, через них перекинuty удобные мостики, по земле расстилаются мягкие травы, здесь много сметаны, и рыбок, и маленьких мышек, и другого кошачьего корма. Пушистые создания катаются в мягких травах и ждут встречи со своими любимыми хозяевами. Когда хозяин почившего котика умирает, он приходит на Радугу и забирает своего любимого питомца, и в лучшей жизни они становятся неразлучны.

Один Человек, у которого умерла любимая кошка, очень сильно горевал по ней. Так сильно, что сам хотел умереть. И однажды во сне он подробно увидел Кошачий рай, Радугу, и увидел там свою любимую воспитанницу. Та показала Человеку место, в котором она живёт, и мысленно сказала: «Не торопись умирать, мой милый хозяин, всему своё время, и когда твой земной путь закончится, ты придёшь за мной в эти цветущие сады, и мы снова будем вместе!»

Там же, на Радуге, Человек увидел странных котов в зелёных ошейниках, в зелёных, с болотным отливом, мундирах, с красными воротниками, которые несли караул, обходили границы, охраняли кошачий рай от непрошенных гостей. Главный кот, предводитель кошачьего войска, был рыжий и крупный, с большой головой, все остальные коты его беспрекословно слушались. Зелёный мундир предводителя отряда был украшен золотым галуном. «Что же это за коты такие, в странной форме? Как будто военные! А главный кот, большой и рыжий — как будто офицер! Какая-то удивительная история! Как же коты оказались в мундирах, „под ружьём“!?» Проснувшись, пытливый, дотошный Человек начал искать ответы на свои вопросы, начал читать книги, слушать разные легенды, рассказы старых времён, и вот что он выяснил...

1 Героические коты

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. СКАЗ ПРО КАЗАНСКОГО КОТА

*«Нужно поднять Кота Казанского на положенный ему пьедестал»
С. Ф. Фаизов, кандидат исторических наук*

Случилась эта история в царствование Елизаветы Петровны, дочери Петра Великого. Жил-был в Казани, в Татарской слободе кот. Рыжий, толстый, наглый. Просто огромный бессовестный котяра! Звали кота Алабрыс. Наглость его проявлялась в том, что тащил он у своих хозяев, у ближних и дальних соседей, у знакомых и незнакомых всё, что под его воровскую кошачью лапу попадёт. Сметану найдёт в крынке — слижет, молоко — ополовинит, мяса кусок, рыбёшка — ничего, тоже пригодится. Ничем не брезговал, ни косточкой, ни куском хлеба, а если бы не гоняли его, то и кур, и цыплят — всех извёл бы под корень. И была у кота особенность своя, так сказать, изюминка — он любил свежий хлеб, особенно ржаной. Бывало, от косточки или рыбки откажется, а хлеб уплетал за обе щеки, аж за ушами хрустело, и просил ещё! Ну, и так, как он всё таскал, то и был крупным, толстым и слегка неповоротливым. Однако неповоротливость огромного кота была кажущейся. Было у Алабрыса одно достоинство, за которое ему прощались все шалости и мелкое воровство. А именно — кот отменно ловил крыс и мышей, да так лихо, что извелись они во всей Татарской слободе. Увидит крысу или мышь — летит стремглав, ничем его не остановишь! Бывало, возьмёт да и принесёт хозяевам три-четыре мыши за утро, и так каждый день, каждый месяц и год! Положит перед людьми — мол, смотрите, не только ущерб от меня, но и польза! Ну, и поскольку кот был гуляка, дал он приличное потомство, многие коты и кошки у жителей Казани стали рыжие, и с наглым, довольным выражением кошачьей морды.

Кот Алабрыс жил в Татарской слободе в семье ремесленника-скорняка¹ Ришата, его жены Альфии и их двоих детей, старшего сына Дамира и младшей дочки Зули. Что касается хозяина, то человеком он был весьма интересным, не совсем молодым, но моложавым, крепким мужчиной, рыжим от рождения, предприимчивым и забавным, неунывающим горожанином, который всё мечтал разбогатеть и был уверен в том, что это получится. Мудрые люди говорят — «кошки похожи на своих хозяев». Но кто здесь был похож на кого — кот на хозяина или хозяин на кота — один шайтан разберёт. Пока же все задумки Ришата выходили ему боком. Или он сбрую, серебром отделанную, сторгует на рынке задарма, вполцены отдаст, или полушубок сошьёт, на кожу потратится, а заказчик от обновки откажется, или в найм пойдёт к купцу богатому, и не заплатят ему. Альфия-то была хозяйственной, серьёзной женщиной, из тех, на которых всё домашнее хозяйство держится, и авантюры мужа ей не нравились.

— Что же ты бедоносец-то такой, — выговаривала она мужу. — Ведь думать надо головой, прежде чем соглашаться на предложения разные. Дети у нас, их обеспечивать, обувать, одевать надо, а ты не только домой ничего не несёшь, а ещё из дома уносишь! Руки золотые, а головы на плечах нет!

— Эээ, молчи, женщина! Не путайся в дела мои! Или ты Священный Коран забыла, кто кому подчиняется! Потерпи, всё изменится скоро! Чувствую я, деньги к нам рекой потекут, я купцом стану, с Москвой, с Сибирью торговать буду! — таков был ответ Ришата.

— Долго ждать придётся богатства твоего, — отвечала ему Альфия. — Пока что-то гор золотых из наших окон не видно.

¹ Скорняк (старорусское) — мастер по выделке кожи

— Подожди, всё будет, — твердил Ришат, и чувствовалось, что он верит в своё будущее богатство, так же, как в то, что солнце встаёт на востоке и заходит на западе. — Всё у нас будет, матурым минем!¹ Молока вон лучше коту налей, а то отошал, одними мышами только и питается!

Ещё у Ришата был младший брат Ринат, неженатый молодой парень, который жил с родителями, пожилыми Фархадом и Дариёй, и перебивался случайными заработками. Дом родителей братьев стоял неподалёку, на окраине Татарской слободы. Под стать старшему брату, Ринат был весёлый молодой человек, и у него была заветная мечта — он хотел жениться на хорошей девушке, но пока не торопился со свадьбой, хотя невесты, красивые да рукодельные, были и в самой слободе, и в окрестных сёлах. Ринат рассуждал так — надо сперва от родителей уйти, собственным домом обзавестись, на ноги встать, а уж потом жена сама найдётся!

Кота Алабрыса в семье Ришата любили все, особенно маленькая Зуля. Хотя кот был и капризным, и царапнуть, и укунить мог просто так, ни за что, потому что его кошачьей душе так угодно, дети таскали его за собой при первой возможности, гладили по спинке, трепали за лапки. Но, понятно, когда кот хулиганил, вис на коврах или драл одежду, то прогоняли его и даже могли запустить в него башмаком. И жалобы соседей на кота доставали!

— Прибьём вашего рыжего разбойника мы когда-нибудь! Опять на наших кур охотился! Прокудный кот, житья от него нет! — жаловались на Алабрыса жители Слободы Альфии и Ришату. В общем, жизнь и у кота Алабрыса, и у семьи, в которой он жил, была «весёлой».

А в это время в Санкт-Петербурге матушка наша, Императрица Елизавета Петровна, задумала продолжить дело своего великого отца, Петра Алексеевича, и строить дальше столицу новую: дворцы, фонтаны, дворы гостиные, здания общественные и административные. И нужен был царице с её ближними вельможами приличный Зимний дворец. Поскольку хорошего дворца в то время не было, а в старой резиденции жить зимой и принимать послов заморских, российских подданных: чиновников, губернаторов да воинских начальников, было неудобно. Тот Зимний дворец близ Адмиралтейства строился при Петре Алексеевиче на скорую руку, был маленьким, сырым и холодным. «Скажут — Держава Великая, а царица живёт в сарае», — так думала Императрица.

Из Италии был приглашён молодой архитектор Бартоломео Растрелли, или Варфоломей, по-нашему². Он родился во Флоренции в семье потомственных архитекторов. Батюшку его, Карло Бартоломео, знал лично государь Пётр Алексеевич, по приглашению которого семья Растрелли и переехала из Европы в Северную столицу. А сам Варфоломей, тогда отрок ещё, поначалу в Италии остался, доучиваться архитектурному делу. Вот матушка Императрица по папенькиным стопам его и пригласила! Приехал архитектор Варфоломей в Санкт-Петербург, пришёл к Императрице, выслушал задачу, составил грандиозный проект и начал материалы завозить на строительство: камень гранитный под фундамент, булыжник, кирпич, а потом и отделочные материалы, двери резные узорчатые, ручки позолоченные, полуколонны, пилястры, стёкла винтажные, гобелены, ткани разные, картины и скульптуры худож-

¹ Матурым минем (тат.) — красавица моя

² Граф Варфоломей Варфоломеевич (Бартоломео) Растрёлли (итал. Bartolomeo Francesco Rastrelli (1700, Париж — 1771) — видный российский архитектор итальянского происхождения, академик архитектуры Императорской Академии художеств. Наиболее яркий представитель так называемого елизаветинского барокко. Сын обрусевшего итальянца Карло Бартоломео Растрелли (1675–1744)

ников заморских для внутреннего убранства. По царскому указу привезли крестьян на стройку. Четыре тысячи душ трудились днём и ночью над возведением нового Зимнего дворца. Лучшим строителям была обещана вольная за усердие при возведении новой царской резиденции.

Материалы, привозимые из Германии, Англии и Голландии, складировали рядом со стройкой, на берегу Невы, под специально сделанными навесами. Картины, ткани гобеленовые и парчовые, другие ценности, которые могли испортиться от сырости и покрыться плесенью, убирала в закрытые, сухие помещения. И вот напала на стройматериалы да гобелены с картинами другая напасть — расплодилось зимой и по весне ранней в Санкт-Петербурге в невиданном количестве мыши и крысы, и давай всё грызть, да так, что выбрасывать приходилось, в дело-то огрызки уже не пустишь! Архитектор Варфоломей на ломаном русском докладывал Императрице:

— Матушка Государыня, грызут! Грызут, мыши проклятые, ничего поделат не можем!

— Варфоломей Варфоломеевич, да как же это?! Да это же — деньги на ветер пускать! Сколь заплатили нашим поставщикам зарубежным за материалы, и всё напрасно! Что делать-то прикажете?

— Так, не знаю, матушка Императрица. Котов надо, кошек запустить, охранять стройку, собаки-то мышей не ловят!

— Я согласна с Вами, Варфоломей Варфоломеевич! Пока все труды наши коту под хвост! Коты, коты... Что же, нам надобно срочно сыскать котов! Графа Разумовского ко мне!

Через полчаса к Императрице пришёл её фаворит, ближайший государственный советник граф Алексей Разумовский¹. Происходил он родом из Малороссии, из простых людей, сам был прост в общении, да разумен не по годам, строен, симпатичен. Грамоте обучился в приходской школе, пел в церковном хоре в юные годы у себя на Черниговщине, где и заметил его полковник Вишневский, лично набиравший певчих в Придворный хор Русского Императорского двора. Так Алёша Розум оказался в Санкт-Петербурге. А уж потом и незамужней дочери Петра Алексеевича придворный украинский красавец приглянулся. Возвысила она его до небывалых высот, во всех вопросах государственных с ним советовалась. И любовь между ними случилась сильная, правда, отношения свои они скрывали, чтобы не помешало это делам государственным!

— Алексей Григорьевич, дело у меня к тебе такое! — начала Елизавета Петровна. — Слышал ты — мыши проклятые грызут строительные материалы на стройке?

— Да, Матушка Елизавета Петровна, слышал! Вот ведь напасть! Такого нашествия раньше не было! Так в чем повеление Ваше?

— Котов надо найти, Алексей Григорьевич! Котов — крысоловов знатных, чтобы напасть эту по всему городу извели! А то скоро все будем ходить в обгрызках мышинных! Киньте клич по Руси-матушке, по крупным городам. Губернаторам, дворянам, помещикам напишите! У кого-нибудь в хозяйстве такие коты точно есть! Не может быть, чтобы не нашлось котов!

Через три дня граф Разумовский вошёл — да не вошёл, влетел, как на крыльях, в покои Елизаветы Петровны:

1 Граф Алексей Григорьевич Разумовский (фамилия при рождении — Розум, 1709–1771) украинский казак, возведённый в графское достоинство, фаворит и предполагаемый тайный супруг Императрицы Елизаветы Петровны. Старший брат украинского гетмана Кирилла Разумовского, первый хозяин Аничкова дворца, генерал-фельдмаршал Русской армии (1756)

— Нашёл, нашёл, Матушка Императрица! В Казани такие коты есть, всех мышей в городе извели! На дух в городе нет ни мышей, ни крыс! Купцы с Казани на ярмарке это мне поведали!

Чуть помолчав, Алексей Григорьевич продолжил:

— Я уже губернатору казанскому Артемию Григорьевичу Загряжскому¹ депешу написал, от Вашего имени, Матушка, вот, подписать хочу! Сколь котов-то надо?

Царица довольно улыбнулась:

— Молодец, дорогой граф, скоро управился! На первое время, думаю, штук тридцать, никак не меньше! Хорошо, давай бумагу, подпишу! Хорошие крысоловы, значит? Добре, как у вас в Малороссии говорят! А как ты с кошачьими хозяевами думаешь договариваться, любезный Алексей Григорьевич? Выкупать ведь надо котов-то!

— Как скажете, Матушка! Будем выкупать! Но, ежели для дела Государева, то можно и отнять!

— Нет, Алексей Григорьевич, даром отнять — людей обидим! Ты вот что! Составька мне подробный Указ для казанцев — котов-де будем выкупать за хорошие деньги! А кто воспротивится — тот будет считаться как вредитель для короны нашей, и его под суд и штраф наложить, согласно Указу... Но если навстречу пойдут и добровольно котов будут выдавать — то выкупать, за деньги, за хорошую цену! Серебром платить, твёрдой монетой, чтоб у людей интерес был!

— А посколь платить-то, матушка Государыня?!

— Думаю, что рублей по пятьдесят!² Если скажут — мало, покупайте по сто! Если отпавленных с gonцом денег не хватит, то пусть губернатор Загряжский из казны своей добавит! Казна-то не обеднеет, а простым людям, служивым, горожанам, ремесленникам — доход хороший!

— А доставку как организовать, Матушка Императрица? Котов как-то привезти надо!

— Ты, Алексей Григорьевич, отправь депешу губернатору Загряжскому, а уж он пусть думает, как наше царское повеление исполнить... Это уже его забота! Не будем же мы в каждый след встречать! Мы его поставили, вот пусть и исполняет волю нашу!

— Хорошо, Матушка Императрица! — с поклоном граф Разумовский удалился выполнять царское поручение.

На следующий день в Казань отправился гонец с депешей о поручении собрать котов и с царским Указом³ — обращением к жителям Казани о выкупе пригодных к службе котов за хорошие деньги. Прибыв в город, он первым делом отправился к губернатору и изложил ему волю Императрицы Елизаветы Петровны. Губернатор Загряжский тотчас составил ответную депешу, на следующий день отправил с ней гонца обратно, а сам собрал ближайших помощников и стал давать указания насчёт скорого исполнения царской воли.

На площадях и ярмарках статные гвардейцы, несущие караул в Казанском Кремле, кричали:

— Народ честной казанский, слушай Указ Государыни нашей Елизаветы Петровны! «Божиею милостию, Мы, Елизавета Первая, Императрица и Самодержица

1 Артемий Григорьевич Загряжский (1675–1754) — военный и государственный деятель из рода Загряжских, генерал-аншеф, казанский губернатор (1740–1753)

2 При Елизавете Петровне активно чеканились золотые и серебряные монеты, золотые — червонцы, серебряные — рубли и полтины. В то время стоимость товаров была следующей — пуд (16 кг) масла стоил 2 рубля, пуд ржаного хлеба — 26 копеек, пуд пшеницы — 64 копейки, пуд солонины — 12 копеек (Источник. Сайт «Все о нумизматике»)

3 «Указ Императрицы Елизаветы Петровны о высылке ко двору котов», 1745 год

Всероссийская, Московская, Киевская, Владимирская, Новгородская, Царица Казанская, Царица Астраханская, Царица Сибирская, Государыня Псковская и Великая Княгиня Смоленская, Княгиня Эстляндская, Лифляндская, Карельская, Тверская, Югорская, Пермская, Вятская и вся Северная страны Повелительница¹, повелеваю купить у люда казанского самых лучших и больших тридцать котов, удобных к ловлению мышей, мужского пола по пятьдесят рублей за кошачью голову для отправки означенных котов на государеву службу в столицу Государства нашего город Санкт-Петербург, ко двору Ея императорского величества. Тем, кто принесёт кота быстро, в три дня с момента опубликования указа, у тех выкупать самым честным образом! Кто же скроет пригодного для покупки кота, будет подлежать законному преследованию и денежному штрафу! Исполнение сего Указа возложить на Губернатора Казанской губернии, генерал-лейтенанта и кавалера Артемия Григорьевича Загрязского».

Коты были собраны в обозначенные в Указе три дня. Не все предлагаемые к продаже коты соответствовали требованиям императорского двора. Были и старые, и без зубов, и с порванными ушами, и откусанными хвостами. Одновременно с формированием «кошачьей гвардии» для доставки кошек готовилась специальная карета, с неё был снят возок, так, что остались одни колеса, и на эти колеса водружались скреплённые между собой небольшие деревянные клетки. Ещё одна карета, теперь уже полноценная, для путешествия и отдыха людей, должна была сопровождать кошачью делегацию. А сзади была ещё специальная телега для перевозки сборного загона, для отдыха котов на привалах во время долгой дороги. Разборный кошачий загон казанские плотники соорудили из лёгких деревянных щитов, в три аршина² высотой. Для догляда путешествующим были выделены большие рыболовные сачки, шесть штук, если кто из котов пытался бежать, тех ловили и сажали обратно в клетки. Сверху на привалах на загон накидывали рыболовную сеть. Телега с гружёными деревянными щитами замыкала процессию.

В результате селекции сам губернатор Артемий Григорьевич и его ближние отбирали лучших, молодых, сильных, чтобы все зубы и хвосты были на месте. Хозяин Ришат принёс Губернатору и Алабрыса, который порядком надоел всем своим прокудством, поэтому, когда появилась возможность «сплавить» кота по царскому указу да ещё получить за него хорошие деньги — владельцы Алабрыса особо не раздумывали. Одна маленькая Зуля плакала:

— Папа, мама, оставьте котика! Оставьте мне Алабрыса!

Но родители, побоявшись «доброжелателей» среди своих соседей по Татарской слободе, решили кота не оставлять, уж больно он был бедовый! Опять сворует что или цыплёнка чужого придушит — донесут соседи властям, и вместо заработка получит Ришат с семьёй царский штраф!

«Давай, рыжий шайтан, покажи себя у Императрицы во дворцах, чтобы все мыши оттуда убежали! Да смотри, сметану в Санкт-Петербурге не воруй, а то высекут, да и утопят тебя слуги царские» — так сказал коту Ришат, когда передавал его губернатору. На кота сразу же обратил внимание губернаторский помощник Николай:

— Эй, абый³, знатный кот у тебя! Здоровый, как рысь! Этот всех гонять будет! Слышь, абый, не хочешь службу Государыне нашей сослужить? Деньги получишь хорошие!

Ришат хитро прищурился:

— А что делать надо, уважаемый?

1 Официальный титул Императрицы Елизаветы Петровны

2 Аршин — старорусская мера длины, равняется 71 см

3 Абый (тат.) — брат

— В столицу, в Санкт-Петербург, котов сопроводить! Заодно и Россию-Матушку посмотришь, просторы наши необъятные, и столицу державы нашей, город Святого Петра! А может, и саму Государыню увидишь, Елизавету Петровну!

Ришат наморщил лоб, как будто что-то прикидывая, что-то считая в голове:

— А заплатите хорошо?

— Не бойсь, не обидим! Мы к хорошим людям завсегда расположены, так что в накладе не останешься! На дорогу денег дадим, а как приедешь, губернатор Артемий Григорьевич с тобой расплатится щедро! А может, и в Петербурге что получишь, за труды, за догляд за котами!

— Хорошо, с женой посоветуюсь! На завтра наутро приду!

Помощник Николай покачал головой:

— Нет, завтра поздно будет! Иди, советуйся, но побыстрее, если что, ждём тебя через два часа, готового к путешествию! Оденься потеплее да в запас одежду имей, чистую, понаряднее! Как-никак, в столицу поедешь! Или иного искать будем!

— Ладно, я быстро! А брата можно взять для подмоги?

— Ну, ты мил человек, ещё всю Татарскую слободу с собой возьми! Ну ладно, одного человека можно, хоть брата, хоть свата. А больше не надо! Во-первых, я с вами поеду, гвардейцы наши ваш караван сопровождать будут, и подмогнут тебе, если что. А во-вторых, это же деньги! За казённый счёт путешествовать будем, поэтому контроль расхода должен быть... Ладно, давай! Два часа тебе на всё!

— Хорошо, а как вернусь, кого спросить-то?

— Спроси помощника губернатора Алабина Николая! Я сам с губернатором Загряжским приехал, но предки мои отсюда были. При царях Иване Грозном да Борисе Годунове на русскую службу пошли. Так что я из татар крещённых!

— Понятно, Николай! Ну, я побежал!

Первым делом Ришат отправился в родительский дом. Тепло поприветствовав и поцеловав родителей, он обратился к брату:

— Брат, помоги мне! Надо съездить по делу важному!

Весёлый Ринат улыбнулся белоснежной улыбкой:

— Да мне все равно, брат! Как ты скажешь! Куда скажешь, туда и поедем! Что дома-то сидеть?! А хочешь — сядем на коней, возьмём сабли дедовские да пойдём Москву воевать, как встарь!

Ришат возразил:

— Нет, Ринат, тут дело мирное! Но ехать не в Москву придётся, а подальше, в новую столицу, Санкт-Петербург. Туда-сюда... Месяца на два путешествие, а то и поболее.

— Ну, в столицу, так в столицу! А что делать-то надо?

Не торопясь, обстоятельно, Ришат объяснил брату суть дела!

— Подмогни мне, братец! Коты твари шустрые, догляд нужен! А то, как убегут — спросят с нас по всей строгости! Да и копейку заработаем, заплатить обещают хорошо!

Затем братья отправились в дом Ришата, к жене. Альфия восприняла новость о поездке с тревогой:

— Вот, опять твоё дело очередное! Вместо того, чтобы здесь кожи выделывать да хорошей торговлей заниматься, ты за тридевять земель собираешься!

Ришат в шутку нахмурился:

— Молчи, женщина! Здесь мужчины говорят и решают!

— Ришат, любимый, а ты вообще к нам вернёшься? — Альфия прибегла к последнему женскому аргументу — бросилась мужу на шею и ударилась в слёзы. Дети, видя плачущую мать, тоже захныкали. — Ты о нас хоть немного подумай!

Ришат погладил жену и детей по голове:

— А куда же денусь я, дорогая моя? Куда мне без тебя, без сына с дочкой? Но здесь поручение государево, сама Императрица за котами прислала!

Альфия утёрла рукавом слезы:

— Ладно, окаанный, будь по-твоему! Дорога дальняя, всякое может приключиться! Дай Аллах, пусть благополучно завершатся все путешествия твои!

Через пять дней ранним весенним утром возок с котами и сопровождающие выехали из Казани в сторону Москвы. Станный то был караван, похожий то ли на бродячий цирк, то ли на передвижную тюрьму. В начале и в конце процессии ехали по два всадника, по два бравых огромных гвардейца. Затем шла карета с губернаторским помощником и доктором из немцев, который должен был следить за здоровьем кошачьей братии. Карету вёл бородатый здоровый извозчик. Затем шла повозка с котами, на козлах¹ которой сидели Ришат и другой извозчик. Последней телегой с загоном и сачками для ловли котов управлял Ринат, которому была доверена столь нехитрая миссия. Коты при перевозке то мирно спали, то мяукали во все тридцать глоток, так, что вой стоял по всей округе. На стоянках Алабрыс в загоне быстро строил всех непослушных, драк между доставляемыми котами не допускал. Как врежет рыжей когтистой лапой, бывало, по морде какому-нибудь коту, так тот сразу же бежит в дальний угол, прятаться...

— Молодец, шайтан! Ай, молодец! — нет-нет, а трепал ласково Ришат своего кота за ухо, да и чёрный хлеб ему приносил, помимо царского корма.

Ехали не торопясь. Большие остановки, по целому дню, а то и по два, у кошачьего каравана были в Нижнем Новгороде, в Москве и в Твери. Здесь ставился загон, котов осматривал лекарь, их хорошо кормили, люди и лошади отдыхали и набирались сил. Были и короткие остановки, то лошадь надо подковать, то запасы воды и провизии пополнить! И, потихоньку, потихоньку так и доехали до места.

В Москве к караванщикам подошли одетые в дорогие камзолы люди, щеголеватого вида, с наглыми повадками и колючим взглядом, немного беспокойные, один постарше, другой помладше. Старший представился:

— Дворянин Вяземский Иван Артемьевич! Мы с товарищем из Тайной канцелярии! Что везёте, служивые?

О Тайной канцелярии, или, по-другому, Канцелярия тайных и розыскных дел, все были наслышаны в Российской империи. Недоброй славой она пользовалась, служили там мастера вести розыск, дознание, развязывать языки, пытать и убивать различными видами оружия. Но в большом государстве и такой орган должен быть, куда же без заплочных дел мастеров! Спрос на сыскарей был при любой власти! А то бунтовать будут людишки!

Помощник губернатора Николай ответил:

— Приветствую вас, уважаемые! Везём отборных котов для нужд Ея Императорского Величества!

Сыскари недоверчиво переглянулись и засмеялись:

— Что за оказия такая? Какие — такие коты? Что, в Санкт-Петербурге вам котов не хватает?

— Не простые коты, а крысоловы! Сами мы из Казани, а не из Петербурга! А хватает или не хватает — это вы, уважаемые, у Императрицы спросите! Вот, Указ подписанный, доставить означенных котов в целости и сохранности! Тут дело не вашего ума, а Государево! На бумагу, Иван Артемьевич, сам прочитай! Матушку Императрицу

1 Козлы — сиденье для кучера на санях или повозке

спроси, мил человек, если не боишься, — обратился Николай последние фразы к тому, что постарше, по-видимому, определив в нём главного... Тот ответил:

— Чудны дела твои, Господи! Отродясь не слышал, чтобы в такую даль за кошками посылали! Чудит Матушка наша!

Тут все присутствующие рассмеялись. Николай молвил:

— Ты, уважаемый Иван Артемьевич, язык-то попридержи, а то тебе его свои же и подрежут! Чтобы лишнего не говорил много!

Сыскари переглянулись. Младший насупился и всё больше молчал, чувствовалось, что был он новичком в подобных делах. Старший, подумав, ответил:

— Ладно, езжайте с миром, господа хорошие! Санкт-Петербургу поклон!

После полутора месяцев в пути кошачий караван въехал в Северную столицу Российского государства. Разместили путешественников на окраине строящегося города, в солдатских казармах. Комнаты для отдыха дали хорошие, тихие, питание дали приличное, одним словом, полный пансион. Первым делом с дороги казанцы разбили загон, выпустили котов во главе с Алабрысом, а потом уж пошли в баню. Назавтра всем велели одеться в чистое, потому как должна была прибыть Императрица с ближними — посмотреть котов казанских.

На следующее утро все караванщики выстроились около загона и стали ждать появления царицы. Примерно через полчаса подъехала роскошная карета, в которой были нарядная царица в ослепительно белом платье, граф Разумовский в зелёном мундире военного покроя и ещё какая-то молодая фрейлина в шляпке и платье цвета бирюзы. Царица блистала бриллиантовыми диадемой, колье и дорогими серьгами. Граф Разумовский подал Елизавете Петровне руку, и, выйдя из кареты, царица первым делом направилась смотреть котов. Осмотром Её Величество осталась довольна, и только после этого обратила внимание на казанцев. Гвардейцы и помощник губернатора стояли впереди навытяжку, а чуть поодаль, в сторонке, скромно ожидали внимания Елизаветы Петровны кошачий лекарь, извозчики и Ришат с Ринатом, в национальных татарских одеждах: начищенных ичигах¹, тёмных шароварах, небесно-голубых рубахах, расшитых нарядных камзолах и зелёных тюбетейках. На них-то, щёголей казанских, и обратила внимание царица.

— Кто эти люди? И почему такие нарядные? — негромко спросила она графа.

Тот ответил:

— Это татары, Матушка Императрица! Ваши подданные — жители Казани! Представители Ваших восточных владений. А одеты так — готовились к встрече с Вами! Во всей красе предстали перед Вашим Величеством!

— Татары — это хорошо! Как звать вас, уважаемые? — обратилась царица, подойдя к казанцам.

— Я Ришат, а это брат мой младший, Ринат! — бодро ответил хозяин Алабрыса.

— А как оказались вы здесь?

Здесь уже ответил Ринат:

— Котов привезли, Ваше Величество! Котов — крысоловов из Казани! Следили за ними в дороге!

Царица заулыбалась и заметно оживилась:

— Да, коты — дело по нынешним временам важное! Хочу, чтобы знаменитые коты ваши мышей здесь извели! Ну, рассказывайте! Как дела в Казани? Как народ живёт, русские дружат с татарами или нет? Слышала я, красивый город! Кремль белокаменный, Волга широкая и красивая, поля, леса, луга цветущие!

1 Ичиги — национальная татарская обувь, лёгкие кожаные сапоги

— Да, Ваше Величество, город красивый. И Волга шире Невы... Просторы там совсем другие... И живём мы все дружно, и татары, и русские, и мордва с черемисами! А Вы приезжайте к нам, Ваше Величество, сами и посмотрите! — с бесхитростной улыбкой молвил Ришат, и получил лёгкий тычок от тихонько подошедшего Николая — мол, что несёшь-то, Государыне советы даёшь, когда не спрашивают!

Елизавета Петровна продолжила:

— Да, на Волге в Твери и Ярославле я бывала, а в Ваших краях — ещё нет. Всё дела в столице держат государственные! Может, и съезжу когда-нибудь. Так что же, может, вы с братом в столице, в Санкт-Петербурге останетесь! Будет кому за котами ухаживать! Ведь вы уже к ним привыкли, пока везли, и повадки, и норы каждого знаете! У нас вон из татар обрусевших Юсуповы живут, знатно служат при дворе! И военачальники, и коммерсанты славные, торговле покровительствуют! Таких, как они, ещё поискать надо!

Ришат заулыбался, но в ответе был твёрд:

— Нет, Ваше величество, не останемся! У меня в Казани жена, дети, а брат Ринат вон себе невесту присматривает! Родители у нас старенькие уже, уход за ними нужен! Благодарствуем за приглашение Ваше, но не останемся!

— Ладно, добры молодцы! Спасибо за службу верную! — молвила царица, обращаясь уже ко всем участникам процессии. Затем она громко сказала Разумовскому:

— Алексей Григорьевич, распорядитесь от моего имени — выдать всем прибывшим из Казани, сопровождавшим караван гвардейцам, татарам, извозчикам в качестве награды по сто пятьдесят рублей серебром — за беспокойство, за работу хорошую, за догляд за котами! И охранную грамоту выправить на обратный путь! И по приезду в Казань — пусть губернатор от себя денег добавит, не обеднеет казна! Артемия Григорьевича люди выручали, чтобы не спросили мы потом с него строго!

— Слушаюсь, Матушка Государыня! Сегодня же всё ему отпишу!

— Ну, прощайте, молодцы-казанцы, гвардейцы и все, котов сопровождавшие! Может, свидимся ещё! Детям расскажите, как царский указ исполняли, котов в столицу возили да с Императрицей разговаривали! — Елизавета Петровна с Разумовским и фрейлиной направилась в карету. Все участники кошачьего каравана склонились в почтительном поклоне.

— Фуу, пронесло! — вытер пот со лба помощник Загряжского Николай. — Вроде довольна царица. А царица довольна — значит всем нам хорошо! Давайте, братцы, сегодня отдых, а завтра грамоту привезут на обратный проезд, да домой будем собираться.

Назавтра у царицы был назначен бал-маскарад в честь праздника памяти святителя Николая-Чудотворца, или, как говорили на Руси, в честь Николы Вешнего¹. Любила царица Елизавета балы и маскарады, питала слабость к мазуркам и полонезам! Будучи красивой и статной, светловолосой, пышногрудой, смолodu любила на других посмотреть, да и себя показать дочь Петра Великого! Уже в карете, направляясь в свою летнюю резиденцию, царица спросила Разумовского:

— Алексей Григорьевич, кто у нас командует сейчас Преображенским полком, моими верными гвардейцами?

— Граф Пётр Семёнович Салтыков², сын покойного сенатора Семёна Андреевича, Ваше Величество! Две недели назад временно командование принял!

1 Праздник Николая Чудотворца весенний приходится на 22 мая по новому стилю

2 Граф Пётр Семёнович Салтыков (1698 – 1772) – главнокомандующий русской армии в 1759–1760 годах, генерал-фельдмаршал (1759), с чьим именем связаны наиболее крупные успехи русской армии в Семилетней войне. В 1763–1771 годах московский главнокомандующий. Владелец подмосковной усадьбы Марфино.

— Скажи графу, чтобы подобрал человека для важного дела, помоложе, пошустрее, и привёл ко мне, чтобы поручения ему можно было давать и спросить за их скорое исполнение! Прямо на бал завтра вечером пусть и приводит!

На балу в летней императорской резиденции, среди чиновников, военных, фрейлин, кавалеров в замысловатых костюмах, ряженных слуг, музыкантов и официантов Разумовский подвёл к царице графа Салтыкова. Тот склонился в почтительном поклоне:

— Приветствую Вас, Ваше Императорское Величество! Поручение Ваше выполнено! Если позволите, Ваше Величество, то человек подобранный, шустрый и смыслённый, ждёт в коридоре перед бальной залой! Позвольте спросить — для какого же дела нужен Вам сей исполнительный человек?

— Приветствую Вас, Пётр Семёнович! Дело что ни на есть наиответственнейшее! Надобно котов, прибывших из Казани поставить на довольствие, место для проживания и службу им организовать! Догляд нужен за кошачьей командой, кормить их надо хорошо, лечить, следить за ними, чтобы усилия наши даром не прошли! А уж они нас отблагодарят тем, что мышей изведут в городе, как в Казани извели!

В коридоре стоял молодой, статный, светловолосый офицер, косая сажень в плечах, с небольшими, но выразительными усами а-ля Император Пётр Алексеевич. Граф Салтыков окликнул его, тот вошёл в бальный зал и браво, струной вытянулся перед царицей.

— Как величать тебя, любезный?

— Гвардии подпрапорщик Преображенского полка Алексей Фёдорович Зверев, Ваше Величество!

— Как, как? — Все присутствующие при разговоре в бальном зале приближённые Её Величества, в том числе, и Елизавета Петровна, так и прыснули от смеха. Потом, немного оправившись, императрица продолжила:

— Да, подпрапорщик, фамилия у тебя подходящая! Ну что же, Алёшка Зверев, принимай команду!

— Всегда готов! Кем командовать-то, Ваше Императорское Величество?

— Котами, — опять улыбнулась императрица.

— Котами???

— Именно котами, Алексей Фёдорович! Поручаем тебе дело государственной важности — поставить на довольствие кошачью команду из Казани и известить на стройке Зимнего дворца и в окрестностях мышей, чтобы не препятствовали они Варфоломею, архитектору нашему, и не мешали строить дворец! Ты у нас главным ответственным за борьбу с мышами будешь! И чтобы строительные материалы для дворца, за которые, между прочим, из казны государства российского большими деньгами уплачено, целыми были!

— Есть командовать котами, Ваше Величество! — под скрываемые платками и веерами улыбки придворных смущённый подпрапорщик удалился.

Вот так тридцать казанских котов во главе с Алабрысом стали государевыми слугами и были зачислены в лейб-гвардию Преображенского полка. Каждый из котов был поставлен на довольствие, получил специальный ошейник зелёного цвета, содержали котов в благополучии, ухаживали за кошачьей командой так, как далеко не каждый хозяин ухаживает за своим питомцем. Казанские коты спасли стройку Зимнего дворца, а их потомки до сих пор несут службу в Эрмитаже и борются со зловредными мышами и крысами, только не в выставочных залах, а, в основном, в подвалах и на чердаках. Котов Зимнего дворца ласково называют «эрмиками», их любят, о них заботятся, о кошачьей команде журналисты пишут статьи и снимают телевизионные репортажи!

И теперь, когда первоначально прибывшие почти три столетия назад в Северную Столицу коты почили, так и ходит кошачий взвод в зелёных мундирах по Кошачьему раю, охраняет своих собратьев от непрошенных гостей, грызунов, змей и прочей нелицеприятной живности.

ЭПИЛОГ

Жарким летним вечером в Казани, в Татарской слободе был праздник, народ высыпал на улицу, все встречали путешественников, обнимали и расспрашивали о подробностях поездки:

— Ришат приехал, Ришат приехал! От Императрицы приехал! С братом приехал, с гостинцами!

Гостинцы Ришат купил частью в Москве, частью в Нижнем Новгороде, на знаменитой ярмарке, в Северной столице подарки покупать было некогда. Гостинцы были нехитрые — пряники и другие сладости детям, кое-что из одежды родителям, пуховый платок жене, чтобы тепло ей зимой было. Но главное — он вёз деньги, на которые задумал стать купцом. Обнимая жену, он сказал:

— Я же тебе говорил, милая моя, что мы разбогатеет! Ещё губернатор награду нам с братом даст по велению Императрицы! Коту-хулигану нашему спасибо!

Ришат до конца дней своих рассказывал знакомым и незнакомым, соседям и гостям, как ездил в столицу, возил котов для нужд Императорского двора. Что-то верно рассказывал, в подробностях, а что-то и привирал, сильно приукрашивал. По его словам получалось, что был он в этой кошачьей истории чуть ли не главный человек, что везли котов долго, потому как Россия — страна огромная, что хранили их пуше любой драгоценности. Следили внимательно, чтобы коты друг друга не подрали, и чтобы не убежал какой по дороге. Что подходили в Москве на торжище к ним страшные агенты-сыскари из Тайной канцелярии, пытались, кто такие, но, узнав суть дела, сами пугались и отпускали с миром. Что самой Императрице Елизавете Петровне в Санкт-Петербурге он приглянулся, и если бы не жена Альфия — то остался бы в Северной столице, женился на Императрице и был бы Российским Императором. Но дома, в Казани, жена, детишки, вот и пришлось ему вернуться! И ещё — Ришат всё время вспоминал про кота, ему было жалко Алабрыса, хоть прокудный кот — а свой! Как он там, шайтан рыжий? Когда везли котов в столицу, он всеми верховодил, а потом — как судьба его сложилась? И деньги-то свои благодаря коту-непоседе заработал! Кот-то оказался не рыжий, а золотой!!!

Брат Ришата, Ринат, только посмеивался тихо на эти рассказы старшего родственника. Но не перечил ему, потому, что это брат его с собой в столицу позвал, и деньги заработали они хорошие, и мир посмотрели. Есть что вспомнить!

— Пусть болтает, ему — похвальба, а людям, старикам на завалинке да детворе — радость, хоть посмеются над балагуром! — так думал Ринат.

Ришат на деньги, полученные от графа Разумовского и губернатора Загрязского, всё-таки организовал дело торговое и стал со временем видным купцом в Казани. А Ринат пошёл к старшему брату помощником. В год после поездки младший брат всё-таки остепенился, женился на хорошей девушке с Татарской слободы, которая родила ему первенца. Жили между собой братья дружно! Молва, слава о поездке в столицу, к самой Императрице Российской, сопровождала братьев до конца их дней. Вот такая невероятная история, дорогой читатель!

КЛАССИК РОДОМ ИЗ ЕЛАБУГИ

В какой-нибудь не очень большой европейской стране автор подобного уровня давно стал бы гордостью национальной словесности. Однако в России такие негромкие, интеллигентные писатели, каким был Станислав Тимофеевич Романовский (1931–1996), оказались сегодня не только забытыми, но и непрочитанными и недооценёнными.

В семидесятые годы прошлого века, когда Романовский пришёл в литературу, одновременно с ним работали Трифионов и Айтматов, Астафьев и Распутин, Евтушенко и Вознесенский, Шукшин и Нагибин и многие-многие другие. Это было время бурного культурного расцвета. Стоит ли удивляться, что через несколько десятилетий после той эпохи, которую часть современных исследователей уже называют Серебряным

веком советской литературы, скромный голос Романовского затерялся среди его современников? Тем более что даже из числа знаменитых и великих, кто публиковался в те годы, многих мы уже не вспоминаем, а из тех, кого помним по именам, мало кого перечитываем.

По рождению, по тематике большей части своих произведений Романовский был писателем елабужским, но по масштабу своего дарования и богатству языка выходил далеко за рамки областной словесности, просто не вмещался в них. Он создал очень человечный, обжитой, уютный художественный мир, основными частями которого стали провинциальный городок Елабуга и река Кама, её приток Тойма и маленькие речки Танайка и Каринка, Танаевский лес и Большой бор, луга и озёра в междуречье Камы и Тоймы, заливные камские поймы, лесные родники, луговые протоки и старицы, а ещё реки Вятка и Вишера с их лесами, сёлами, кордонами и живущими там людьми. Вот об этой родной для него земле и рассказывают его книги «с самого близкого расстояния».

Он говорил с читателями на своём, никогда до него не звучавшем в большой литературе, поэтичном и нежном южно-вятском языке, на «быстром и певучем» говоре, усвоенном им в детстве в закамских селениях Прёсти и Соболекове, почерпнутом из крестьянской речи в окрестных сёлах Танайке и Лекареве, Костенееве и Мальцеве, Тихонове и Пospelове, оседавшем в памяти из разговоров, услышанных на «затравевших улицах» родной, полудеревенской Елабуги, — на языке, сохранным и записанным им в незамутнённой чистоте.

«В школе на день рождения мне подарили общую тетрадь в коричневом переплёте, — рассказывал он в повести „Башня над Камой“. — Я её полюбил и хорошим почерком стал записывать в тетрадь всё интересное, что встречалось в моей жизни.

А интересное попадалось повсюду. В окрестных деревнях у нас жило много родни, и больше всего я любил записывать деревенский разговор — быстрый и певучий одновременно. Будто я собираю в тетрадь не слова, а окатные нарядные камушки — ледни, что встречаются по берегам Камы и играют разными цветами».¹

То, что Романовский принадлежал к числу классиков советской литературы, было признано ещё при его жизни. В 1980 году его рассказ «Стихотворение» наряду с произведениями Чингиза Айтматова, Виктора Драгунского, Юрия Ковалёва, Николая Носова, Владимира Сухомлиного вошёл в антологию для дошкольников «Подснежники».

В 1982 году «Сухая грива», свободная вариация на тему «Дедушки Мазая» Некрасова, разместилась на равных с «Бежиным лугом» Ивана Тургенева, «Кавказским пленником» Льва Толстого, «Каштанкой» Антона Чехова, «Петькой на даче» Леонида Андреева, «Белым пуделем» Александра Куприна, «Конём с розовой гривой» Виктора Астафьева, «Зимним дубом» Юрия Нагибина в сборнике «Подарок. Рассказы о детях», адресованном воспитанникам детских домов.

В 1987 году «Лукошко» и «На танцах» включили в хрестоматию для первоклассников «Как хорошо уметь читать!», где под одной с ними обложкой расположились известные рассказы Зои Воскресенской, Аркадия Гайдара, Бориса Житкова, Сергея Баруздина, Валентины Осеевой, Леонида Пантелеева, Евгения Пермяка, Василия Белова, Андрея Платонова.

В 1989 году в издательстве «Детская литература» в серии «Золотая библиотека. Избранные произведения для детей и юношества» вышла одна из лучших его книг — сборник повестей и рассказов «Синяя молния». Соседями его по этой популярной библиотеке были Рувим Фраерман, Аркадий Гайдар, Валентин Катаев, Александр Фадеев, Лев Кассиль, Борис Полевой, Николай Островский, Борис Житков, Владимир Беляев, Николай Носов, Михаил Пришвин, Дмитрий Фурманов, Анатолий Рыбаков, Евгений Пермяк, Гавриил Тропопольский, Леонид Пантелеев, Виктор Астафьев, Владислав Крапивин, Юрий Нагибин, Сергей Алексеев. Что и говорить, в этой серии книг в красных переплётах, выходивших с 1957 по 1992 годы, издавалась бесспорная классика советской детской и юношеской литературы.

Не обошла вниманием его прозу и литературная критика. Понятно, что произведения Романовского, выходившие преимущественно в детских журналах и издательствах, не становились предметом бурных дискуссий на страницах толстых журналов или литературных еженедельников, но ещё при жизни автора они были внимательно прочитаны и проанализированы профессиональным критиком и литературоведом, специалистом по детской литературе Надеждой Павловой, которая включила очерк о творчестве Романовского в книгу «Четверо в пути» (1984), посвящённую детским писателям его поколения.

1 Романовский С. Т. Башня над Камой. М.: Детская литература, 1982. С. 54.

В поздней советской литературе Романовский был фигурой далеко непростой, неоднозначной, во многом противоречивой и крайне сложной для понимания. Только на поверхностный взгляд может показаться, что его проза исчерпывается немудрёными рассказами и повестями для детей, созданными преимущественно на местной, любимой им прикамской тематике и на впечатлениях елабужского детства и отрочества. На деле Романовский был пусть и негромким, не производившим литературного шума, но вполне успешным писателем и для взрослой аудитории.

Его дебют в большой русской литературе состоялся в 1971 году и начался, как редко с кем случалось, с выхода сразу двух книг: детской — «Гусиный остров», выпущенной издательством «Детская литература», и взрослой — «Поздняя ягода-ежевика», вышедшей в «Молодой гвардии». Эта ориентация на две разновозрастные читательские аудитории сохранилась у него и в дальнейшем: до последних дней жизни он плодотворно сотрудничал с детскими и подростковыми журналами, издавал книги в «Детской литературе» и параллельно публиковался во взрослой газетной и журнальной периодике, выпускал сборники рассказов и повестей для зрелого читателя.

Среди последних были книги, изданные в «Молодой гвардии»: уже названная «Поздняя ягода-ежевика», выдержавшая два издания (1971, 1972), и «Вятские — люди хватские» (1974); затем последовали два сборника в «Современнике»: «Откровение» (1979) и «Круг жизни» (1983); а в промежутке между ними вышла «Повесть об Андрее Рублёве» (1982) в «Советском писателе». В то же время, с 1971 по 1991 годы, «Детская литература» и «Малыш» опубликовали двадцать три детских книги писателя, четырнадцать из которых были объёмными изданиями в твёрдых переплётках: «Гусиный остров» (1971), «Медведь и бабочка» (1974), «Пушка из красной меди» (1976), «Охотничий рог» (1979), «Синяя молния» (1980), «Двое в седле» (1981), «Башня над Камой» (1982), «Вятское кружево» (1983), «Семейный экипаж» (1984, 1988), «Сон лисы» (1986), «Мама уехала за озеро» (1987), «Синяя молния» (1989; «Золотая библиотека»), «Родина» (1990), «Молчаливое озеро» (1991).

В своей прозе, как взрослой, так и детской, он умел показать мир глазами ребёнка и подростка, с первозданной чистотой удивлённого человеческого взгляда. Более того, в большом цикле рассказов про Алёшу Веригина, сына лесника, ему удалось очень трудная, если не сказать — почти невероятная для русской литературы вещь: он смог передать в них «спокойную радость жизни». А этой радости в русской литературе, начиная с «Жития протопопы Аввакума» и вплоть до романов нашего современника Алексея Иванова, всегда было мало.

Отечественная словесность обычно с большим успехом описывала семейные драмы, трагическую или несостоявшуюся любовь, трудное или несчастное детство, а ушедший XX век с избытком давал поводы для того, чтобы говорить о безысходности и абсурде человеческой жизни — о войнах, голоде, сиротстве, концлагерях, издевательствах человека над человеком. Да и советская детская литература, откровенно говоря, была в немалой степени невротической, милитаризованной, достаточно вспомнить «Детство» М. Горького, «Школу» и «Судьбу барабанщика» А. Гайдара, «Как закалялась сталь» Н. Островского, «Педагогическую поэму» А. Макаренки, «Молодую гвардию» А. Фадеева или произведения авторов близких по времени к Романовскому — «Уроки французского» и «Мама куда-то ушла» В. Распутина, «Кража», «Далёкая и близкая сказка», «Мальчик в белой рубашке» В. Астафьева и многие другие.

Но именно на этом фоне становится понятным, что Романовский сделал почти невозможное — он едва ли не единственный писатель в советской литературе, кому удалось убедительно, без сентиментальной слащавости показать нормальную семью и детство, обычное, даже какое-то обыденное человеческое счастье, хотя те же травмы

репрессий, безотцовщины, голода, отрочества военной поры были хорошо знакомы ему по собственной судьбе и описаны во многих рассказах порой с не меньшей силой, чем у того же Распутина или Астафьева.

Эту характерную и крайне редкую для большой русской литературы черту его творчества отметила Надежда Павлова: «...главная тема прозы Романовского, — писала она, — над всем стоящая и всё охватывающая, — это тема счастья». «...Романовский и его герои как бы держат экзамен на умение радоваться красоте жизни, слышать мудрый голос Природы. Для них счастье — не ликование праздника, но тишина. Не то чтобы немота, а взаимное понимание, не нуждающееся во внешнем выражении... Спокойная радость жизни... Если Романовский хочет передать ощущение счастья, то всегда окружает его словами „спокойный“, „светлый“, „простой“, „бесхитростный“ и обязательно „тихий“...»; «...счастье здесь, рядом, на просторах тихой родины, под небом, где ты родился».¹

Впрочем, не стоит думать, что Романовский сочинял одни только безмятежные буколики и эклоги. Сын российского XX века, он в своей прозе в полной мере отдал дань человеческим драмам и трагедиям, боли и смерти, голоду и болезням, войнам и палачам. Но как раз в этом он и не был одинок. А вот можно ли поставить что-либо рядом с его рассказами-пасторальями из циклов «Молчаливое озеро», «Алёшино лукошко», «Мои встречи», которые светятся любовью ко всему живому, сияют и лучатся радостью жизни, — этого так сразу не вспомнишь и не скажешь.

ИЗ ПОКОЛЕНИЯ ШЕСТИДЕСЯТНИКОВ

Романовский родился в Елабуге 19 сентября 1931 года. В 1949 он окончил елабужскую среднюю школу имени Ленина и поступил в Казанский университет на отделение русского языка и литературы историко-филологического факультета. В 1954 году по окончании университета вернулся в Елабугу и преподавал в библиотечном техникуме. В 1957 вслед за женой, уехавшей к матери, перебрался в Ульяновск, где работал в одном из райкомов комсомола, потом заведовал отделом пропаганды в газете «Ульяновский комсомолец», был ответственным секретарём издания, а вскоре стал и его редактором. В 1964 году по решению ЦК ВЛКСМ Романовского перевели в Москву на работу ответственным секретарём в журнале «Сельская молодёжь», где он трудился и публиковался многие годы. В возрасте 64 лет, 3 мая 1996 года, писатель, давно страдавший сердечным заболеванием, скоропостижно скончался.

Это была обычная трудовая биография, без особых взлётов и падений, без неожиданных поворотов сюжета, жизнь человека, который делал своё дело — писал. А внутреннюю, сложную и противоречивую историю его души, неустанно взыскующей правды, гармонии и света, наделённой сердечным слухом и способностью видеть и распознавать в мире явления Божии, одарённой умением рассказывать об этих откровениях простыми человеческими словами, мы можем найти в его книгах.

По своему рождению он принадлежал к поколению шестидесятников. Правда, здесь необходимо различать — было поколение шестидесятников и был культурный феномен шестидесятичества. И они совпадали лишь отчасти: далеко не все представители культурного шестидесятичества принадлежали к этому поколению, и далеко не все активные представители поколения были участниками литературного, кинематографического, песенного шестидесятичества.

1 Павлова Н. И. Четверо в пути. М.: Детская литература, 1984. С. 66–67.

Как и большая часть его сверстников, встретивших войну подростками, Романовский не погиб на полях сражений. На его долю выпали мирные тридцатые, омрачённые ранней гибелью репрессированного отца, трудные военные и голодные послевоенные годы, две оттепели, закончившиеся крушением надежд, долгие, застойные и блестящие в культурном отношении семидесятые, перестройка и развал Советского Союза — крах страны, в которой он жил и которой служил всем своим сердцем. В девяностые в атмосфере воцарившейся пошлости, криминала и наживы, он, идеалист, веривший в будущее своей родины, задохнулся.

В 1953 году, в начале первой оттепели, в «Новом мире» вышла статья В. М. Померанцева «Об искренности в литературе». Она вызвала бурные публичные дискуссии и стала одним из ключевых текстов для этого поколения, оказав на него большое влияние. Сейчас может показаться странным, но тогда, в первой половине пятидесятых годов, простая мысль о том, что литература может и должна быть искренней, стала настоящим откровением. И многие из шестидесятников пошли в этом направлении — искренности в литературе. Не потому, конечно, что Померанцев указал им путь, а потому, что сказанное отвечало внутреннему запросу этих людей «жить не по лжи».

Как показало будущее, мысли, высказанные Померанцевым, оказались созвучными душевным и профессиональным поискам Романовского. Очевидно, что новоявленная статья, а ещё в большей степени её публичное обсуждение сильно повлияли на будущего писателя — одной из наиболее значимых особенностей его зрелой прозы стала искренность.

Известный татарский писатель Рафаэль Мустафин, сосед Романовского по комнате в университетском общежитии, вспоминал: «После публикации в журнале „Новый мир“ статьи В. Померанцева „Об искренности в литературе“ мы устроили знаменитый диспут, наделавший много шума и вызвавший широкий резонанс в городе».¹

Мы — это одноклассники с историко-филологического факультета Казанского университета: Рафаэль Мустафин, писатель, исследователь жизни и творчества Мусы Джалиля; Станислав Романовский, журналист и писатель; Игорь Золотусский, писатель, литературовед, исследователь жизни и творчества Гоголя; Татьяна Поликарпова, детская писательница; Борис Дедюхин, прозаик; Геннадий Хлебников, чувашский критик и литературовед; Галина Куликова, будущая жена Романовского, преподаватель Московского государственного педагогического института, близкая к кругу работавшего там философа А. Ф. Лосева; их товарищи по университету, — словом, как на подбор, всё типичные молодые шестидесятники.

Один из ярких представителей литературного шестидесятничества Лев Аннинский назвал ещё одну черту поколения, которая в случае Романовского важна нам не только для понимания его произведений, но и внутреннего мира. «Мы, дети 30-х годов, — утверждал он, — отсчитывали от „утраченного рая“: от „до войны“, от счастливой жизни, отсечённой от нас июнем 1941 года».²

Вот про этот «утраченный рай» довоенных улочек Елабуги, окрестных рек, лесов, лугов, озёр, про сияющую землю своего детства и отрочества, от которой «глаз не отвести», писал Станислав Романовский в лучших своих повестях и рассказах, в этих идиллиях, пасторальных, буколических, эклогах и гимнах в прозе. И была за страницами его книг, за текстами этих стихотворений и поэм в прозе какая-то мерцающая правда о подлинном рае, который не просто возможен, а всегда рядом с нами, — та правда, которая заставляет вновь и вновь возвращаться к его рассказам тех, кто читал его книги.

1 Мустафин Р.А. Романовский. О другие студенческих лет. Компьютерная машинопись. [2007]. С. 3.

2 Аннинский Л.А. Красный век. Эпоха и её поэты. Кн. 3. М.: Художественная литература, 2012. С. 30.

Как отмечал сын писателя: «основа всего у отца — Елабуга»¹. Этому районному городку он был обязан началом своей жизни, истоками творчества, судьбой. Елабуга сформировала его душу, определила взгляд на мир, наделила неповторимым языком и певучей речью, одарила умением видеть и слышать то, что другим не даётся заметить — наградила сердечным зрением и слухом, научила любить людей и мир Божий, видеть и постигать их не умом, а сердцем. И вот этот елабужский строй его души проявлял себя во всех его текстах, независимо от того, шла ли в них речь о его родине или нет — Елабуга была его способом видеть этот мир и навсегда осталась для него непотерянным раем.

ДЕРЕВЕНСКАЯ ПРОЗА РОМАНОВСКОГО

При всей очевидной принадлежности к поколению шестидесятников Романовский был очень далёк от литературного шестидесятничества — он не только не разделял творческих взглядов и устремлений этой плеяды поэтов и прозаиков, но и, судя по дневниковым записям восьмидесятых годов, многих из них просто не любил.

По своим художественным и мировоззренческим позициям, которые отчётливо проявились в его прозе, — с опорой на русскую классику в литературе, с ориентацией отчасти на крестьянский (дед с бабушкой), отчасти на интеллигентский (мать — учительница) традиционализм в жизненных оценках и поведении, с потаённой, ещё в детстве воспринятой тягой к православию, — он был в большей степени близок к писателям-деревенщикам, которые сформировались как литературное направление в первой половине шестидесятых годов.

Деревенщики были представлены в советском культурном пространстве людьми разных поколений. Многие из них, подобно Фёдору Абрамову, Виктору Астафьеву, Евгению Носову, прошли войну, но немало было и тех, кто, как и Романовский, принадлежали к младшей генерации, к тем, кто не попали на фронт — Юрий Казаков, Василий Шукшин, Валентин Распутин, Владимир Крупин.

Они были очень значительным явлением в советской литературе, особенно в шестидесятые и семидесятые годы прошлого века, в эпоху, на которую пришёлся расцвет этого явления. Именно тогда были опубликованы такие шедевры деревенской прозы, как «Матрёнин двор» Александра Солженицына, «Деревянные кони» Фёдора Абрамова, «Усвятские шлемоносцы» Евгения Носова, «Царь-рыба» и «Последний поклон» Виктора Астафьева, «Прощание с Матёрой» Валентина Распутина, «Привычное дело» и «Плотницкие рассказы» Василия Белова.

Первоначально названия «деревенщики» и «деревенская проза» появились как презрительные клички, но со временем, как это нередко случается, они стали устойчивыми обозначениями. В современных исследованиях к ним добавились новые определения — традиционалисты, неопочвенники, правые консерваторы, которые в чём-то дополняют и уточняют старую терминологию, но, как и прежние названия, не исчерпывают до конца этого обширного и сложного явления поздней советской культуры, даже не очерчивают его границ.

Честно говоря, самая суть этого литературного направления лучше всего была выражена в изначальном прозвище — «деревенщики». Они ведь и на самом деле писали о деревне, о сельском мире, о крестьянской жизни, о той крестьянской цивилизации, которая умирала на их глазах.

1 Романовский А. С. Предисловие // Романовский С. Т. Костёр из тальника. Елабуга, 2007. С. 4.

В самых общих чертах для писателей этого круга было характерным обращение к мотивам деревенского детства и одновременное внимание к жизни сельских стариков, постоянный интерес к близости человека и природы, к народным традициям и нравственности, настойчивые попытки сказать правду о трагедиях раскулачивания и коллективизации, поиск опоры в национальной идентичности. Естественным для них стало и обращение к религиозной тематике, к христианской праведности и стойкости, к наследию православия. Это публичное «возвращение к истокам» началось ещё с рассказа Александра Солженицына «Матрёнин двор» (1963), в финале которого он утверждал, что не только село не стоит без праведника, но и город, и «вся земля наша».

В девяностые годы многие из писателей этой школы напрямую обратились к христианству, в их числе и Романовский. В предисловии к сборнику рассказов, изданному в Елабуге, его сын писал, что отец, «предчувствуя скорый уход, махнув рукой на так называемую „художественность“, перешёл к прямоговорению, к проповеди, на примере житий русских святых, поучавших напрямую тому, о чём в прежние времена отцу в его рассказах приходилось говорить исподволь. Русские святые стали героями его документальных произведений»¹.

То, что Романовский принадлежал к писателям-деревенщикам, очевидно всякому, кто читал его рассказы и повести. В литературной критике в середине восьмидесятых на это обратила внимание Надежда Павлова. Свой очерк о писателе она и начала с констатации этого факта:

«Писатель рассказывает о сегодняшнем селе, где одни стороны жизни смыкаются с городским, другие — сохраняют связь с извечным, сельским, деревенским. Эти другие и притягивают к себе авторское внимание, интерес, любовь.

Всё своё творчество Романовский обращает к ним, чтобы нынешний ребёнок и взрослый не утратили родных корней, не пренебрегли нравственным и духовным сокровищем, оставленным современному человеку в наследство трудовым крестьянством. И характерный для Станислава Романовского морально-психологический аспект сближает его с тем направлением, которое соединяется для нас с именами В. Астафьева, В. Белова и В. Распутина, и И. Друцэ, и Г. Матевосяна, а из поэтов — с Н. Рубцовым, А. Прасоловым, А. Решетовым, В. Казанцевым...»²

К деревенской прозе относятся многие произведения Романовского. Это сборники его «взрослых» рассказов «Поздняя ягода-ежевика» (1971), «Вятские — люди хватские» (1974), «Откровение» (1979), «Круг жизни» (1983); повести «Любовь» (1974), «Синяя молния» (1978), «Багровая Вишера» (1979), «Башня над Камой» (1981), «Вятское кружево» (1982), «Семейный экипаж» (1983) и практически весь обширный цикл рассказов про Алёшу Веригина.

Однако при всей своей близости к писателям-деревенщикам, Романовский и в эту когорту советских литераторов вписывался не до конца. Он был, скорее, из числа тех авторов, которые избегали литературной борьбы и группировок, тяготились принадлежностью к каким-либо идеологическим течениям и предпочитали «эмигрировать» в детскую литературу, — кто добровольно, а кто и вынужденно.

1 Романовский А. С. Предисловие // Романовский С. Т. Костёр из тальника. Елабуга, 2007. С. 4.

2 Павлова Н. И. Четверо в пути. М.: Детская литература, 1984. С. 66.

ПРАВОСЛАВНЫЙ ПИСАТЕЛЬ

До последних дней жизни Романовский оставался верен советским идеалам, разве что в девяностые годы сменил коммунистическую картину мира на христианскую, но для тех лет, да и для многих представителей деревенской прозы это был обычный путь.

Впрочем, для него подобная эволюция была более чем ожидаемой и естественной — христианская тематика в его произведениях начала звучать одновременно с приходом в большую литературу: рассказ про сельского священника «Всякое дыхание» (1971) был опубликован в первой книге Романовского «Поздняя ягода-ежевика». Мало того, эта ранняя и довольно дерзкая новелла, посвящённая запретной в советской литературе теме и персонажам, даже названием своим отсылала читателей к церковному богослужению, к заутрене и пению на ней трёх хвалитных псалмов. Заключительными словами последнего из них «Всякое дыхание да хвалит Господа» Романовский и назвал эту небольшую пастораль о пастухе Денисе, подпаске Генке и священнике Николае из села Яковлево.

Главным героем рассказа «Отречение» (1974) стал потерявший веру после гибели десятилетнего сына отец Артемий из Котловки, перешедший в годы Гражданской войны на сторону гонимых, а ими в этой истории оказались красные. Название рассказа о школьнице, помогавшей односельчанкам в военные годы писать письма на фронт мужьям и братьям, более чем откровенно указывало на христианский характер её служения — «Евангелие от Галины» (1971). Православному иконописцу и монаху была посвящена «Повесть об Андрее Рублёве» (1982).

В 1990 году в издательстве «Детская литература» вышла одна из лучших его книг для детей от шести до десяти лет с вызывающе простым названием «Родина». Изданная через пять лет после начала перестройки, снявшей многие прежние запреты, она была насквозь пронизана мотивами христианской Руси, начиная с обложки, украшенной храмами, и заканчивая неожиданной для советского читателя верностью Ленина народным православным традициям в завершавшей книгу «Повести о Великой Революции».

В том же 1990 году в журнале «Пионер» началась публикация христианско-просветительских очерков Романовского, посвящённых десяти библейским заповедям. Они носили не миссионерский или церковно-апологетический, а культурно-просветительский характер, о чём писатель сразу же и заявил в первом из них: «Без знания Библии нельзя понять Шекспира и Пушкина, Гёте и Толстого, Рублёва и Рафаэля, Моцарта и Рахманинова. Одним словом, без изучения Библии нельзя стать культурным человеком».¹ Такой культуртрегерский взгляд на роль христианства в человеческой жизни был нормальным для советского интеллигента, в чьих представлениях мировая культура выступала одной из важнейших жизненных ценностей.

Переход от идеологии коммунизма к проповеди православия не потребовал от Романовского каких-то особенных усилий или кардинального пересмотра той картины мира, в которой он существовал. Он и в дальнейшем оставался советским писателем и человеком — это советский мир рушился вокруг него, уходила в небытие страна, которую он любил и которой служил, но сам он оставался верен своим взглядам и своим идеалам. Именно поэтому его творческая эволюция пошла в сторону христианских ценностей, внутренне близких немалой части советской интеллигенции.

В 1992 году начал выходить детский журнал «Игрушечка», переименованный вскоре в «Новую игрушечку». В нём регулярно печатались рассказы Романовского

1 Романовский С. Т. Скрижали // Пионер. № 6, 1990. С. 64.

по истории христианства на Руси, очерки о житиях православных святых: «Повесть о Сергии Радонежском» (1992), «Касьян и Никола» (1996), «Видение отроку Варфоломею» (1996) — при жизни писателя, а затем и после его ухода — «Сад святого Тихона» (1997), «Предание о преподобном Серафиме Саровском» (1997), «Совет святого Серафима» (1997), «Иоанн Новгородский и бес» (1998). В 1997 году «Божий мир. Православный журнал для детей» опубликовал цикл очерков Романовского «Символ веры», в котором он дал доступное пояснение основного исповедания православия, звучащего на каждой литургии, когда его хором исполняют прихожане.

Кроме того, в архиве писателя осталась рукопись «Заповеди добра и света», датированная 1990 годом. Эта светлая, пронзительная, очень личная книга, написанная сердцем, лучится любовью к людям, к жизни, ко всему живому. Она принадлежит к лучшим произведениям в творческом наследии Романовского. А из сегодняшнего дня эти заповеди воспринимаются как завещание одного из наиболее «негромких и прозорливых» русских прозаиков — завещание читателям, завещание родному городу и его жителям.

Но православным писателем Романовский был не только потому, что в последние годы жизни немало усилий потратил на прямую проповедь христианства, — его творчество было пронизано религиозным мироощущением ещё с первых изданных в Москве книг. Почти неуловимо, как свет, как воздух, которые заполняют собой всё существующее, делают возможной саму жизнь, евангельское отношение к миру было разлито по всем его текстам, светилось в каждом его рассказе и повести, изливалось любовью к Божьему творению, ко всякому созданию, ко всему живому. И высказано это было сразу со всей возможной прямоотой в авторской аннотации к «Гусиному острову» (1971):

«С самолёта — выше облаков — земля видится голубой и серебряной. Всякие там подробности — люди, коровы, овражки, стога, трактора — не заметны, а видишь одно сияние. Ласковая она, земля, издавека, красивая, глаз не отвести.

И всё-таки я больше люблю её вблизи, рядышком, со всем её населением. Я люблю землю, по которой скачут лягушки, шныряют коростели, да так ловко, что травинку не покачнут, точатся малые реки — делают своё дело, бегут к большой воде, кормят и поят живое...»¹

Через четверть века, незадолго до смерти, он заново повторил эту же мысль в дневниковой записи от 28 марта 1996 года: «...Любовь — это открытие в себе Бога, как средоточия уверенности в жизни и в жизни радостной и смиренной, негромкой и прозорливой, когда вдруг, сразу, обнаруживаются вокруг тебя столько прекрасных явлений, что и подумать прежде было нельзя. Любовь — это мир, или смирение, как достоинство человека, помогающее ему побеждать неуверенность в себе; это дали: луга, леса, поля, реки, белые облака, разноцветные цветы, родники, поющие весёлые песни, жаворонки и соловьи... весь тот уголок земного рая, который Господь иногда показывает и на Земле...»²

Крещёный в детстве в елабужской Покровской церкви, росший в Елабуге с матерью и её родителями, деревенскими бабушкой и дедушкой с их простой крестьянской религиозностью, будущий писатель с малых лет обрёл не обрядовую, а чудесную, как сказка, всепроникающую и естественную, как дыхание, веру. В зрелом возрасте он описал этот навсегда сохранённый в душе райский сад своего детства в «Заповедях добра и света»:

«Едва ли не самое сильное впечатление моего детства — колокольный звон.

1 Романовский С. Т. Гусиный остров. М.: Детская литература, 1971. С. 2.

2 Романовский С. Т. Дневник. Компьютерная машинопись. Запись от 28 марта 1996 г.

На Пасху или на Троицу над моим родным городком Елабугой плывут из самого неба звуки, не выразимые словом.

Пело небо.

Была прекрасная неразгаданность в том, отчего поёт небо, розовое поутру, синее посредине купола в полдень и красное или золотистое вечером. Кто там поёт в небе, где и спрятаться-то негде — ни тучи, ни облачка, только ласточки при ясной погоде?

Звуки падали с неба, где на взгляд никого не было, и всё-таки кто-то там был, ибо звуки где-то были — исходили из синевы, полнили пространство между небом и землёй, и моя бабушка говорила мне, что это поют Ангелы.

Плывёт колокольный звон всех семи церквей прикамского городка Елабуги; и бабушка моя, на коленях у которой я сижу, плачет от радости, и я вместе с ней плачу, и мы оба улыбаемся друг другу.

У нас дома был небольшой сад. Семь яблонь росли в нём. В свой срок ближе к Троице они убирались белым цветом, таким облачно-небесным среди чёрных от дождей строений и земли. И мне казалось, что есть сокрытая зависимость между колокольным звоном и цветением яблонь.

Мне было непонятно, почему яблоне не жалко ронять белые небесные лепестки свои в чёрную жирную землю, пока я не замечал среди зелёных листьев зелёные же начатки яблок.

В августе яблоки наливались румянцем; и звонили колокола на Преображение, на Яблочный Спас. Бабушка несла святить яблоки в церковь и по возвращении давала мне отведать яблочко — первый раз за лето.

— Молодильные яблоки, — говорила она. — Всю жизнь будешь молодым.

И я думал, что у нас дома — райский сад. И я никогда не умру, и никогда не умрёт моя бабушка: ведь яблоки-то — молодильные!..

Поешь их и помолодишься».¹

Романовский был человеком XX столетия — века, который мы до сих пор не осмыслили и не поняли. И чтобы определить место писателя в литературе той эпохи, чтобы прочитать написанное им и расслышать послание, которое он оставил потомкам, его книги нужно принимать не просто как произведения ещё одного детского или ещё одного полузабытого советского писателя, а как высказывания человека, который попытался дать ответы на чудовищные вызовы своего времени.

Светлые рассказы и повести Романовского особенно важны и действенны сейчас, в наши циничные и растленные времена. Тем, кто будет их читать, они помогут сохранить душу и человеческий облик. Как сказал об этом его сын, Андрей Станиславович в предисловии к елабужскому изданию рассказов отца: «...то, что он писал — создавалось для того, чтобы вселить надежду в отчаявшихся, создавалось в расчёте на те времена, когда понятия Истины, Красоты и Добра окажутся поставленными под сомнение, когда нормальная жизнь в нормальной стране станет, казалось бы, совершенно невозможной»².

1 Романовский С.Т. Заповеди добра и света. 1990. Компьютерная машинопись. С. 119.

2 Романовский А.С. Предисловие // Романовский С.Т. Костёр из тальника. Елабуга, 2007. С. 3.

СЛОМАННАЯ РЯБИНА

К ДВАДЦАТИЛЕТИЮ КОНЧИНЫ ВИКТОРА ПЕТРОВИЧА АСТАФЬЕВА

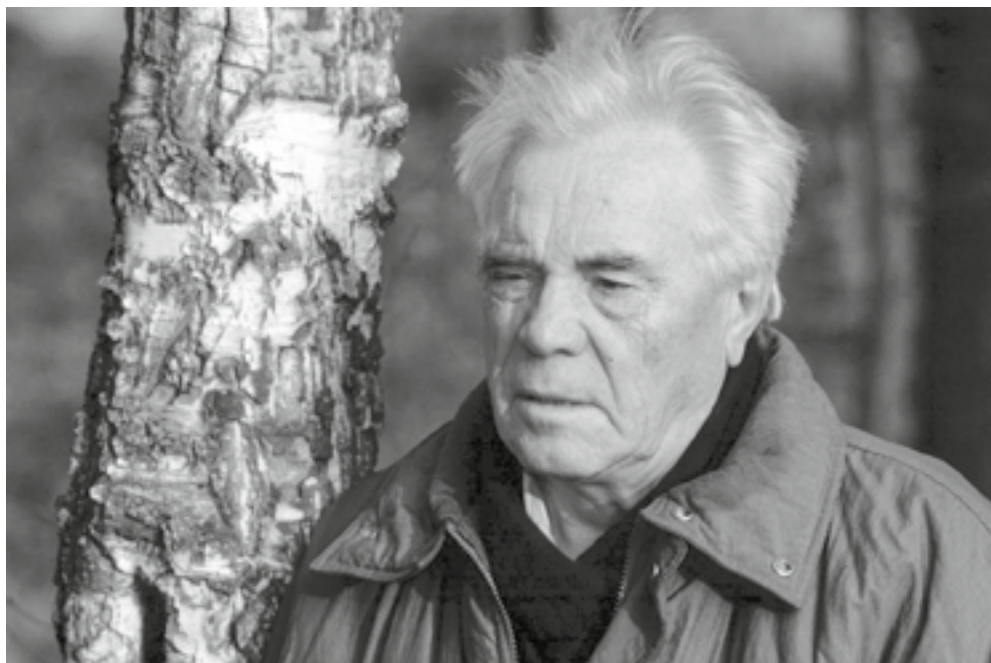
Прошло двадцать лет со дня ухода Виктора Петровича, и вот перечитываю его «Затеси», «Зрячий посох», и его мнения о «народе», а значит и обо мне самом. И публицистика его, задумчивость и раздумчивость Астафьева — дорогого стоят, но и внутренний протест читателя, русского и «родного» во многом Астафьеву по части печалования о родине, неминуем...

Когда Виктор Петрович Астафьев дописывал заключительную главу «Вечерних раздумий», он одновременно работал над романом «Прокляты и убиты»... Весь его «Последний поклон» замечателен тем, что каждая страница — искренний разговор с читателем. Писатель Астафьев — человек большого сердца... И всё же поражает бездна, разделяющая его творчество: «Зрячий посох», эпистолярный его, и вот это: «Печальный детектив», страницы повестей и рассказов последних лет. Кое-где с сомнением, сожалением, но уже не с восторгом читаю позднего Астафьева. При всей его искренности смущает нечто общее, нечто «вообще» — «мы, народ, если бы...».

«Народ» — слово туманное, не определённое. Дело в том, что «народ» никогда не жил ни плохо, ни хорошо, а жил, скорее, и плохо, и хорошо, смотря по тому, о ком и о чём идёт речь. Даже в прошлые войны: первую мировую и вторую, был в народе и такой «народец», кому и война была «мать родна». Послушайте и сейчас ещё стариков, они расскажут. Народ — от слова народиться, родиться на свет. Родиться — не твоя заслуга, а матери и отца. Народ же в понимании и «трансляции» В. П. Астафьева-писателя — нечто совсем иное. Что же? Может быть, движущая сила истории, если по учебникам? Однако, писатель, кажется, несомненно, прав, когда читаем: «Нет на свете ничего подлее русского тупого терпения, разгильдяйства и беспечности. Тогда, в начале тридцатых годов, сморкнись каждый русский крестьянин в сторону ретивых властей — и соплями смыло бы всю эту нечисть вместе с наседающим на народ обезьяноподобным грузином и его приспешниками. Кинь по крошке кирпича — и Кремль наш древний с вшивотой, в нём засевшей, задавило бы, захоронило бы вместе со звереющей бандой по самые звёзды. Нет, сидели, ждали, украдкой крестились и негромко с шипом воняли в валенки. И дождались!»

Слова грубые и откровенные. И справедливые, а ... хочется спорить...

Все дело в том, что народ, как сплочение — явление весьма редкое. Это остро и гениально схвачено А. С. Пушкиным в его «народ безмолвствует». Этими двумя словами заканчивается трагедия «Борис Годунов». И всё сказано. Народ — в часы и минуты единодушия, сплочения — и впрямь народ. Народ опустился на колени перед балконом Николая Александровича, молясь... Народ — поднимался на войну с фашизмом.

Народ проводил парад Победы. Маршировал и созерцал Победу. Народ радовался возвращению Крыма. Народ стаскивал баррикады к Дому советов. А население, хорошо и сыто живущее, протестовало и бродило на площади Сахарова... И это необходимо разделять. Ведь понятно, что и тогда, и сейчас, если говорить вообще про «народ», — он жил и живёт так, что не желает «сморгаться». А зачем? Жили многие плохо, но не все же. И эти «не все» были у власти, хорошо кормились и одевались-обувались... Их даже и теперь, в 21-м «коронавирусном» году, всё никак не отпускает мысль: как они могли бы сладко жить, если бы Россия безоглядно и безраздельно поклонилась и сдалась на милость Америке. Как сказочно и в достатке жили бы все они, и дети их, и внуки. А ведь они, эти нынешние либералы, те, которые на слуху — многие родом из «домов на набережных», а предки их обижены 30-м и 37-м годами. Это легко проследить. Посмотрите, например, кем был отец В. Войновича. Посмотрите, кем был тесть Льва Разгона. Взгляните, в каком звании и на какой должности «сидел» отец М. Танича — авторитета блатной романтики 90-х — самых больных и кровавых лет конца двадцатого века. Для них и их семей в эти годы всегда была возможность уехать за город — на дачи. Не вопрос, по щелчку пальца — и ты там! И семья, если трусовата — аж в бункере укрыться имела возможность в любой отрезок времени, и ни одна «чума-грипп» или любая другая зараза не нашла бы их, не достала.

Я это говорю вот к чему: ностальгия «по тому времени» — именно у этих «господ», да ещё какая! Конечно, «террор» они крикливо, с пеной у рта осуждают. А вот когда вспоминали как сладко жили их родители до «посадок», — глаза у них загорались, и это видишь даже по телевизору. А много народа, обиженного наряды с писателем Астафьевым? Пожалуй, ещё больше. Но Астафьев — детдомовец, а эти...

Вот и некий господин Вольтман, уже при «пандемии» — ухитряется открывать забегаловки с вызывающим названием Stal'in. Кругом, в харчевнях с шаурмой при входе — портреты вождя, плакаты: «Жить стало лучше, жить стало веселей!» и прочее. Все повара-раздатчики шаурмы — в форме офицеров НКВД. Нет, это не провокация,

не пиар, не расчёт «этический» на индифферентность и глухоту толпы. Нет! Это тоска правнука, ностальгия по былому величию и уважаемой жизни чиновника. Тем паче — офицера, который, как пелось, многие помнят «...а ты не лётчик...». Да ведь и это не впервой, недаром же в 2019 году в Московском дворце молодёжи для рекламы всё той же шаурмы был использован плакат-фоторисунок: Сталин держит-подаёт блюдо, а внизу подпись: «За качество будем расстреливать». В Донецке стикеры с лозунгами: «О каждом из нас заботится Сталин в Кремле». «Вот было время...» И видит, и слышит рукопожатная либеральная общественность. И молчит. Невольно задумаешься, а что, неужто большевизм и либерализм, который так глянулся в последние годы В. П. Астафьеву, — две стороны одной медали. Не продолжение ли сегодня одного и того же глобального «проекта». Богоборческого, равнодушного к «винтику» в толпе...

Понимали ли прежде смысл этого «проекта» — «мировой революции»? Понимали. И не соглашались. И «сморкались». А тех, кто сморкнулся — их мгновенно останавливали — так, что и сейчас помнят внуки и правнуки. Другие вспоминают и сейчас те времена с восхищением. И это ведь тоже народ, да ещё какой: с орденами, сединами. Не дураки! «И дождались!» — с сожалением, с подтекстом пишет Астафьев В. П... Большинству народа: старикам, детям, сиротам, тем, кто не умел воровать, «вертеться» и т.п., — жилось плохо и тогда. (Да и сейчас тяжело. И лучше, похоже, не будет). Теперь-то мы умники, опыт есть, «культ» пережили, а что же не живём правильно?

Чиновники, депутаты «от народа» в упор не видят этот самый народ. Для них это «массы», «электорат», по сути, та же «пыль лагерная»? В лучшем случае — «совки», «лузеры». Об этом открыто и недвусмысленно, не стесняясь, говорил первый градоначальник первой столицы. И второй столицы — так же говорил. А за ними и представители олигархата повторяли. И не раз...

В том-то и дело, что для любого суждения о правилах жизни нужна опора. Опора эта — сверхчувствие, или сочувствие. Слово «народ» сегодня — пустой звук. Посмотрим вокруг: да так ли уж всем плохо? Большинство населения нынче где? В городах. Кому в них голодно и невыносимо тяжело — надеть, обуть нечего? Можно по пальцам перечесть. Главная беда для простолюдина теперь, когда работы нет и не предвидится. Но есть и те, кто никогда с 90-х не работал, а живёт и сыто, и пьяно... Как это возможно, и возможно ли было такое в тех же тридцатых, о которых упомянул Астафьев. Нет! Найдут работу и даже заставят работать. Индустриализация. «Догнать Запад за 25 лет, иначе раздавят...». А сегодня? Вот на «Лексусе» катит «госпожа» лет двадцати, безработная. Или студентка. И покуливает, разговаривая в мерцающий мобильник, потом покупает дорогой «суши» в ресторане на вынос — пандемия ведь короновирусная. Тем, у кого на столе ананасы и дыни зимой, красное вино бургундское или «Медок» французский, белый — им дела нет до того, что в деревне, в глубинке не на что купить детям хлеб, леденцы, стиральный порошок, «макарошки» пресловутые, да тот же спиртовой состав от вируса, чтобы не погибнуть зазря.

Мы все теперь полюбили товары в импортной упаковке, в «брэндах», так сказать, разбираемся. Вот тащат из магазина «Седьмой Континент» мешки-пакеты, забывая багажники иномарок, расплачиваются — по карточкам «Виза» или «Розенкрейцер — банк», как же: пандемия, при ней и наличность заразна. И доставка востребована не хуже, чем в Америке. И так — в любом областном городе. Да что там, в областном, — и в моём Подмоскowie тоже. А вот — мужичонка, всегда под хмельком, приходит с работы, а из кармана торчит горлышко от бутылки: виски. И остановивших его полицейских это уже не удивляет. Удивляет и печалит отсутствие маски, перчаток. Оштрафуют запросто. Восемь тысяч. И мужичок, хоть и огорчённо, но достаёт требуемую сумму.

А как стильно одеты — особенно молодые, сильные, с мощными локтями и плечами?.. Нет, им совсем не плохо. Им хорошо. Особенно в больших городах. Да что уж далеко ходить: писателям нашим, «западникам», — всем ли тяжело, многим ли уж так плохо? Дачи, машины. Раскрученные тиражи пустопорожних книг. И многие понимают, что да, книги пустопорожние, ни о чём. А что: в то время, во времена славного, и «заслуженно» оплёванного теперь «соцреализма» не так было? Точно так и было. Тиражи, публикации... Смотришь: чепуха, сушая дрянь, а и в журнале, и в издательстве раскрученном, и в сборниках. И переиздаст несколько раз, ибо в издательствах, журналах — свои люди. Переназвал сборник, книгу — и опять гонорары, да какие! И премии. И при той, при оболганной власти, и теперь — отдельными изданиями выходит. Собрания сочинений... Правда, миллионных тиражей не стало. Примеры? Фамилии? Они и теперь на слуху, кто читал в то время — тот и сегодня знает их наперечёт. «Избранное» для избранных. А под обложкой — чепуха.

И это тоже «народ», тот же народ. Более того: лучшая его половина: и даже «интел-ли-ген-ци-я». Для такого «народа» та же теперешняя война глобализма с Россией и с православием, опять «мать родна». Ни кто-нибудь, сам «Газпром» субсидирует оппозицию. Следом — «ВТБ», всех не пересчитать. Биржи кормят их щедро: «Эхо», «Дожди», «М.К.», — вот вам и демократия. А на лечение больных детей скидываемся всем миром. По TV то и дело: «поможем ребёнку»... Главная задача любого правительства, именно любого — была и будет: обещать, чтобы поверили. Ваучерам, ипотекам, «льготным» кредитам, сертификатам на новорождённых, прочим побряккам.

У нас особенно «льготы» любят. Ведь что ни говори, а слух ласкает: пусть и пустяковая, но льгота! Если бы я был в правительстве — составил бы график льгот: в июле — учителям, в августе — врачам, в сентябре — рабочим массовых профессий... Все были бы довольны. «У меня — льгота!», — как это тешит самолюбие. Человек, любой, кого не возьми, желает всегда не только жить и иметь, но и возвыситься над соседом. Темна порода человечья. От бабуинов пришло. Атавизм. А не изжить никогда. Ни коммунизм, ни демократия не способны утешить. Правды тут ни на грош. Или не понимал этого В. П. Астафьев, с его-то опытом и печалью сердечной... Понимал, конечно. А вот читаешь его, и кажется: просто сдался на милость...

«Разгильдяйство и беспечность» — тоже ошибочное мнение Виктора Петровича. Спроси почти каждого, нужен ли ему порядок? «Да, нужен...», — ответит каждый. А от кого требовать этот порядок? Конечно, от других. Чтобы исполнять требования порядка, надо вовремя приходить на работу, вовремя уходить, хорошо работать, на работе не пить, слушать начальство и грамотно выполнять распоряжения... Да мало ли? Нелегко... Покопайся каждый в душе своей: хочешь ли ты этого порядка? А если хочешь, то, что мешает?

«Народ», повторяю, особенно сегодня, путают с населением. Для писателя такого ранга, как Астафьев, это и оказалось непростительно. Читая его последние книги, чувствуешь подмену, которая не случайна, а продумана и намеренна. Есть отдельное лицо, личность. По должности от низа до верха (по вертикали) каждый обязан отвечать за своё. А кто и когда у нас из высокого начальства ответил за плохое, нерадивое, преступное и халатное деяние (вредительство, как называли в тридцатых)? За недоделки при строительстве, обрушения с жертвами, за возгорания из-за профанации, за симулякры сигнализации в шахтах, за уворованные деньги, выделенные на выявление метана? Кто ответил за явное и, по сути, выявленное и доказанное воровство из числа олигархата? Опять-таки, можно по пальцам перечислить. За триллионы, что выводятся в офшоры, многие ответили? Не слышно. И всем, как с гуся вода. Сухие. В недавнем прошлом мы КПСС будто бы осудили за «страшные преступления». А кого

конкретно? Никого. Осудили за разрушение храмов. Какой позор — битва за то, чтобы Исакий в Питере остался музеем. Позор на всю Европу. Будто собор под музей строили! А битва за сквер против строительства храма в Екатеринбурге: «...негде собачкам гулять»... Вернули уроки Закона Божьего в школах? Взгляните, ведь что не «видный революционер» или «народник» — неуд по Закону Божьему. Или непонятно до сих пор? «У нас конфессии!»... Достойный ответ. А что Россия — многоконфессиональной и многонациональной прежде не была? Разрушали души безбожием, и уж кому-кому как не В.П. — писателю великого таланта — не знать об этом. Так отчего же он на встречу новым и пришлым «западникам»-то ринулся?

Ульянов — Ленин принципиально гордился единственным «неудом» — по Закону Божьему! И гордился тем, что нарушал этот великий Закон, чванился, утверждая: «... в политике нет и не может быть понятия „совесть“, есть только понятие „целесообразность“». И в Ульяновске, в Мемориале дневник его всем показывают, а гиды в советское время на это особый упор делали, потому, дескать, Ленин гений, что сам Господь ему — не указ! Ничто ведь с тех пор не изменилось. Разве только центр Ленина и (чуть не сказал «и Сталина»), — переименовали в центры Ельцина и по иным городам разнесли. А вместо памятника Шолохову в Москве воздвигли памятник Солженицыну. Не дожил Виктор Петрович до этого памятника, а то небось тоже бы цветы возложил. В память встречи в Овсянке с возвратившимся Исаичем.

Фронтовик, повидавший многое, он не признавал «победобесие», уходил 9 мая в тайгу, в одиночество. Разумеется, ему было о чём и о ком горевать и что вспомнить. Но какие романы и повести написаны в последние годы его жизни? А его встреча с Ельциным в родном селе, где по рюмке водки выпили они. Разливал, говорят, Ельцин из своей — особой — посуды. Астафьев, говорят, выпил и сморщился, сказав: «Говённая!» Но это легенда. А блинчиками под камеру на TV всё же закусили. Потом посадили рябинку, которую вскоре, по недомыслию сломали односельчане.

А ожидание Астафьевым Нобелевской премии по литературе, обещанной, будто бы, ему либералами? Обманули. И в который раз. Обещали и не дали. Дело обычное. Получилось, что использовали писателя в своих целях. Использовали авторитет его и влияние. Сатана всегда кидаёт десятирублевки золотые. Схватишь, потом огляннешься, откроешь мешок, а в нём глина. Святые же учат нас, а мы не внимаем. «Троешники» по Закону Божьему! Отсюда и все напасти.

Мне возразят, скажут: многими другими премиями, пусть поскромней, сибиряка удостоили. Пятнадцать томов напечатали Астафьеву-то! Но ответьте мне, откуда у бывшего фронтовика, большого русского писателя возникла уверенность, что новоявленные властители — именно те, которые и нужны матушке-России. Что они всё могут сделать?

Сделают... но своим. И вот здесь грань — тончайшая, непреодолимая. Проходит интимно, сверхтайно. Понятна лишь «просвещённым», «продвинутым». Дать что-то «не своему» у них — преступление... А разрушать церкви — не преступление. Как же так? И на что мы, в таком случае надеемся? Вот он и «ковид» к нам нагрянул: одумайтесь! В нашем храме приказ о штрафах повесили — за «несанкционированное посещение». А вот на театрализованных представлениях в «Гоголь-центрах» нет штрафа. Полтора метра дистанции, равнение на — лево! Они тут без Бога хорошо устроились, — вслух проклинают прошлое, партийное членство, а на деле... Ничего не изменилось. Ни сам Бог, ни даже и «ковид» с его страхами — не вернул им зрение. Осталось враньё и двурушничество. И что, Астафьев не замечал этого? Всё он знал, всё понимал. Лавировал...

В 67-м году Виктор Астафьев опубликовал свою, может быть, лучшую повесть, назвав её «Пастух и пастушка» и добавив к названию слово — пастораль. Запутать

редакторов хотел, ибо ходу трагической правде о войне долго не давали ... Я прочёл эту повесть в свои молодые годы и долго ходил ошарашенный: вот это автор! Такой никогда не сойдёт, не сломается! Так думалось тогда, в восьмидесятые.

О чём думается теперь, когда ушли авторитеты. Многие ушли, и Астафьев ушёл. Но есть какой-то осадок, будто что-то ими не досказано. Не договорено. Будто не хотели они досказывать, подытоживать что-то важное, кардинально что-то меняющее, способное полярно изменить прежние приоритеты и знаки жизни. То ли боялись, то ли подыгрывали намеренно (отнюдь не народу) в самый важный свой «час пик», дабы не навредить родным и близким, да и всему течению жизни, которая после них будет далее развиваться, только бы не ломаться. Огонь и воду прошли, а вот медных труб не одолели. Не знаю, прав ли я, но имена их на слуху и поныне...

Есть, впрочем, и другие русские примеры. М. А. Шолохов первым и последним из лауреатов нарушил этикет, так и не поклонился, принимая Нобелевскую премию, шведскому королю. Смею догадываться: если бы за это прямостояние Михаилу Александровичу отказали то ли в присуждении, то ли в выдаче Нобелевки, он бы не сильно опечалился, хотя тогда эта премия не была ещё так загажена, не была настолько привязана к политике «глобалистов», — не стыдно было её получать честному человеку.

Под Вёшенской ждал уже его охотничий обоз с горилкой и жареная дробь. По степям на охоту — вот чего он жаждал о ту пору. «Мы — казаки, мы не перед кем не кланяемся», — скажет М. А. позже. Сталинскую — отдал в 41-м в фонд обороны. Ленинскую — на восстановление школы в родной станице...

Так уж вышло, что рябинку в селе Овсянка, посаженную в палисаде библиотеки села В. Астафьевым и Б. Ельциным — «народ» сломал. По недомыслию, по косности своей, по неаккуратности. По иной ли какой причине... Однако очевидно и то, что недолюбливали свой народ и Борис Николаевич, и Виктор Петрович, порой — ой, как недолюбливали. Не в этом ли причина сродства? Или такова «народная месть» за «смену полюсов в самый критический момент». Бог весть...

И вот, вспоминая М. А. Шолохова, с его «Казак не кланяется», думаю я, что последний поклон Виктора Петровича в жизни так и не состоялся. Нет поклона. Есть ненависть. Или состоялся поклон, но не в сторону бабушки своей, которая тоже — народ. Возможно, «Весёлым солдатом», «Прокляты и убиты» не в сторону народа состоялся поклон, если сказать коротко. За самоволку (первую же) — там — на карантине в полигоне, молодому — вот уже и расстрел? Да, полно, так ли было, Виктор Петрович? Что-то не верится. Для кого же Вы так живо, трепетно и талантливо работали тогда, первыми своими книгами? За кого и во имя кого воевали, и за какие идеи Вас контузило? «Аль по ошибке?» — спросил бы мой дед-фронтовик...

Трудная, грустная, мученическая жизнь Виктора Петровича Астафьева была и остаётся не многим под силу. А Бог даёт крест по силам — это знаем мы от святых старцев. Да и не нам судить. Святые говорят; «Конец — жизни венец». Или ещё: «Кто всю надежду возлагает на мир сей, тот слеп» (Преп. Авва Исаия, 59, 71). «Земля пухом» — так говорить, по святым отцам, грех. А желать покойному следует Царствия Небесного. Царствия Небесного Вам, великий, но не ставший неспасаемым наш Виктор Петрович. А — подломили-таки Вас, дорогой наш классик, как рябинку ельцинскую в саду библиотеки села Овсянка. Подломили посулами лживыми да тельцом золотым. Не Вы виноваты. Бесы да искушение. Царствия Вам, Небесного, писатель и фронтовик!

ВОЙЦЕХОВСКИЙ

К приближающемуся 140-летию со дня рождения генерала С. Н. Войцеховского

Мне было, наверное, лет двенадцать. Мы шли с дедом по южно-уральским увалам в окрестностях хутора Остроумовки, названного по девичьей фамилии матери академика Курчатова, отца будущего отца советской атомной бомбы. Хутор этот лежал недалеко от села Насибаш нынешнего Салаватского района Башкирии, где в Гражданскую войну проходили самые кровопролитные бои, вошедшие даже в «Краткую историю Гражданской войны», как решающие в судьбе Восточного фронта. Так вот дед на одном из увалов подвёл меня к одиноко лежащему камню: «Запомни, здесь лежат белые, придёт время, о них люди вспомнят, потому как они тоже были русские люди и тоже любили Россию. А пока молчи. Смотри, никому не говори, могут быть большие неприятности».

Прошло время, умер дед, исчез и хутор Остроумовка в результате ещё хрущевской «перестройки». Пропал камень. Скорее всего, его увезли, не подозревая о его назначении, на фундамент дома соседние мусатовские мужики, и через много лет, когда из меня начисто выветрился пионерский дух, я не смог найти этой могилы. Нет да и не было ни одной обозначенной могилы солдат Белой армии и по всей России. Погибших просто забрасывали землёй, чтобы собаки не растаскивали. А над теми, которые были, став взрослым, надругались и сравнивали с землёй, чтобы ничто о них не напоминало...

Я, искал могилы русских изгнанников в Сербии, Черногории, Греции, Италии, Франции, Чехии... Они есть по всему миру: в Германии, США, Парагвае, Аргентине, Австралии и даже на экзотических островах Папуа Новой Гвинеи. Во Франции я найду могилу бывшей владелицы санатория Шафраново Ирен де Юрша, в девичестве Ирины Переяславльцевой де Гас, которая оставила после себя потрясающие, полные любви к России, воспоминания «Моя былая Россия». Её брат, Дмитрий де Гас, в 16 лет уйдёт добровольцем в разведку Марковского офицерского полка, взяв псевдоним Дмитрий Донской: и потому, что родственников добровольцев расстреливали без суда и следствия, и потому, что в юном французе проснётся дух Дмитрия Донского. На приказ командующего французскими войсками генерала Жанена, что он, как француз, должен ехать во Францию, чтобы учиться там в военном училище, он ответит: «Сначала я буду защищать от большевиков родину матери, а потом, как француз по отцу, буду служить Франции». Он станет участником Кубанского Ледяного похода, у него на руках умрёт поздно прозревший тяжелораненый генерал Корнилов, и он погибнет в неполных 18 лет под Киевом, прикрывая отступающие белые части. Когда в Париже я позвоню Марине Грей, дочери генерала Деникина, и спрошу, не слышала ли она о добровольце Белой армии Дмитрии де Гас, она ответит: «Вы, наверное, не читали

мои книги. Я написала об этом юноше, как об одном из самых бесстрашных рыцарей Белой Армии». Ирен де Юрша всю жизнь мечтала увидеть Россию без большевиков и хотела узнать, сохранилась ли церковь в Шафранове. От церкви, конечно, не осталось и следа. В её восстановление вложил душу уроженец Шафранова, не виноватый в уничтожении церкви, но чувствующий нашу общую вину за порушенное, — это свойство истинного русского человека, — Виктор Александрович Пчелинцев, председатель попечительского совета Аксаковского фонда. А племянник, бывшей владелицы Шафранова, чистый француз, профессор католического университета, не знающий русского языка и никогда не бывавший в России, которого я нашёл в сельской глубинке Франции, передал мне 1000 евро в фонд восстановления церкви. Мы добавили недостающую сумму от Аксаковского фонда, и он уже на смертном ложе, умирающий от рака, продиктовал надпись на колоколе: «В память семьи де Гас, жившей в Шафранове в 1910–1917 годы и беззаветно любившей Россию»¹.

В Болгарии, у подножья знаменитой Шипки, я наткнулся на кладбище русских офицеров, которые во время освобождения Болгарии от османского ига Россией, вдохновлённые призывом нашего великого земляка Ивана Сергеевича Аксакова, сына Сергея Тимофеевича Аксакова, воевали на Шипке юными прапорщиками и вынуждены были возвращаться сюда, спасаясь от неминуемой смерти в Гражданскую войну, уже полковниками и генералами. В меру своих скромных сил, каждый раз прилетая в Болгарию, я пытался спасти кладбище от окончательного забвения, начав с того, что, взяв в руки бензопилу, стал убирать с могил повалившиеся деревья. Потом я узнаю, что у меня найдутся последователи, будет создан фонд спасения кладбища, который возглавит русский офицер, этнический немец Иван Мучлер. В книге белорусского писателя Вячеслава Бондаренко, присланной мне, я обнаружу: «Потребовались годы для того, чтобы отношение к заброшенным русским погостам за рубежом изменилось. Первым вслух заговорил о Русском кладбище на Шипке, как о безвозвратно уходящей культурной ценности, писатель Михаил Андреевич Чванов, ныне возглавляющий Мемориальный дом-музей С. Т. Аксакова и Аксаковский фонд. Он первый, кто своими силами начал приводить кладбище в порядок, и первый, кто посвятил Русскому некрополю на Шипке прочувствованные строки в книге „Время Концов и Начал“ (1994г): „И вот я, наверное, первый из русских, кто не тайком, а на глазах сотен людей в советское время возложил к их могилам цветы. В советское время болгарские власти стыдливо прятали это кладбище за забором, туристов из СССР старательно обводили стороной. Тогда на некоторых могилах можно было прочесть таблички на крестах: „Полковник Василий Васильевич Луговенко (1935)“, „Генерал-майор Николай Дмитриевич Мануйлов (1932)... Русская женщина, заброшенная в Казанлык превратностями судьбы, отдала мне уникальные реликвии — раздаточные листки пожертвований нищенствующим последним русским офицерам и их семьям... Я определил их в Мемориальный дом-музей С. Т. Аксакова в Уфе. Его сын Иван Сергеевич Аксаков, в своё время подвинул русское правительство на освобождение болгар от османского ига“. Эти сбережённые М.А Чвановым ведомости, с его любезного согласия были использованы при написании этой книги».

С замечательным телережиссером документалистом Венерой Юмагуловой мы потом сняли фильм «Исход. Долгое возвращение», посвящённый тем страшным годам. Так называемая Великая Октябрьская социалистическая революция — это «Красный

¹ Более подробно этот французский след на башкирской земле мною описан в журнале «Аргаташ. Татарстан» в 2010 году, № 2 (4). Очерк назывался «Увидеть Париж и умереть, или повесть о Дмитрие Донском — потомке французских крестоносцев».

ИГИЛ», целью которого была мировая революция, а России в ней отводилась роль только в качестве дров в топке мировой революции.

Основой фильма, который снимался в Уфе, Севастополе, Болгарии, Черногории, Боснии, послужила судьба моего дорогого друга, полковника ГРУ Александра Белякова, с которым меня свела и развела война в Югославии. Через много лет я случайно обнаружу его снова в одной из республик бывшей Югославии, в Черногории, куда он вернётся после многих других горячих точек, в том числе, после Чечни и спасёт русское воинское кладбище времён Русского Исхода, по благословлению Иоанна Крестьянкина поставит на нём храм во имя Фёдора Ушакова и станет в нём старостой. И приготовит здесь себе могилу, решив лечь вместе с печальными русскими изгнанниками. Но его могила, скорее всего, останется пуста. Нынешнее правительство Черногории, связанное с международным наркотрафиком и бросившее страну в НАТО, сначала не продлило ему вид на жительство, а потом объявило его персоной нон-грата. С Русским Исходом ушло за рубежи России около трёхсот тысяч жителей с территории нынешней Башкирии. Только с Оренбургской армией Дутова ушло от Стерлитамака более 100 тысяч войска и беженцев: русских, башкир, татар, чувашей, мордвы... А после гибели генерал-лейтенанта Дутова в составе собранного из остатков армии Оренбургского корпуса, возглавляемого русским генералом, черногорцем по крови Бакичем, на прорыв через монгольские безводные пустыни пойдёт татаро-башкирский эскадрон Зеленого Знамени, но и он сложит свои головы.

Мало кто знает, что возглавить так называемую Русскую освободительную армию (РОА), созданную во время Второй мировой войны Гитлером совместно со Сталиным, Гитлер первоначально предложил не генералу-предателю Власову. «Причём здесь Сталин»? — спросите или даже возмутитесь вы? А при том, что, кроме бывших белых, которые в Гражданскую войну, спасаясь от неминуемой смерти, с боями ушли за границу и которые люто ненавидели большевиков и наивно надеялись с помощью Гитлера освободить от них Россию, в РОА шли от безысходности дальнейшей судьбы и пленные красноармейцы, счёт которых уже в первые дни Великой Отечественной войны шёл на миллионы. Шли, потому что товарищ Сталин своим приказом объявил, пленных, независимо от того, как они попали в плен, вне закона, предателями и врагами народа, хотя в большинстве своём они таковыми не были, а в плен попали в результате «гениального» руководства армией в первый год войны. Шли, чтобы не умереть с голоду, потому как товарищ Сталин, собираясь вести только победоносные войны на чужих территориях, не подписал соглашение с Международным Красным Крестом о статусе военнопленных, и пленные англичане, французы, по сравнению с пленными красноармейцами, в страшных для русских военнопленных немецких лагерях, можно сказать «жировали» — к ним, не считая посылки Красного Креста, даже приходили посылки из дому.

Да, Гитлер долго не соглашался утвердить бывшего любимца Сталина генерала-предателя Власова на должность командующего РОА, резонно отвечая суетящемуся по этому поводу Геббельсу: «Предавший один раз, предаст и во второй». И даже в конце концов поддавшийся на уговоры и подписав приказ о назначении Власова командующим РОА, категорически отказался от встречи с ним.

Так вот мало кто знает, что первоначально предложение возглавить РОА было сделано другому русскому генералу, одному из самых непримиримых и выдающихся полководцев Белой армии во время Гражданской войны генерал-лейтенанту Сергею Николаевичу Войцеховскому, который, как и генерал Деникин, отказался сотрудничать с Гитлером. Ответ генерала Войцеховского был резок и короток: «Я большевиков ненавижу, но воевать против русского солдата никогда не буду», за что, живущий

тогда в Праге, стал поднадзорным гестапо, а ищейки НКВД и СМЕРШ, вошедшие в Прагу вслед за победоносной Красной Армией в мае 45-го, по-большевистски отблагодарили его за этот отказ — арестовали, а потом сгноили в концлагере в Сибири.

Сергей Николаевич Войцеховский родился 28 октября 1883 года в Витебске в семье полковника царской армии. Его карьера была предreshена. После окончания гимназии он поступает в элитное Константиновское артиллерийское училище в Санкт-Петербурге. Окончив его с отличием, он в звании подпоручика направляется к месту своей первой службы на Кавказ. Вскоре, по его настоятельным рапортам, был направлен в действующую армию на Дальний Восток. Но принять участие в русско-японской войне не успел, так как, пока он ехал, с Японией был подписан мирный договор. По возвращении был назначен на должность инструктора 5-го стрелково-артиллерийского дивизиона, где его знания были высоко оценены командиром части — полковником Темниковым, на дочери-красавице которого он вскоре женится.

В 2003 году я наткнулся на могилу полковника Темникова на Русском Ольшанском кладбище в Праге, недалеко от могилы выдающегося русского ученого евразийца П. Н. Савицкого и писателя Аркадия Аверченко. Возможно, сейчас этой могилы уже нет. По истечению срока аренды, если некому её дальше оплачивать, могилу втихую ликвидируют, и постепенно кладбище становится чешским. Сразу с благодарностью вспоминаешь Владимира Владимировича Путина, который спас от подобной судьбы кладбище русских беженцев Сент-Женевьев де Буа под Парижем.

Полковник Тёмников в 1908 году даёт С. Н. Войцеховскому отличную рекомендацию для поступления в Николаевскую Академию Генерального штаба. В 1912 году, став уже капитаном, Войцеховский заканчивает учёбу по первому разряду, с золотой медалью и одновременно за отличную учёбу получает — орден Св. Станислава 3-й степени. Имея право вольного выбора, он выбирает местом дальнейшей службы гренадерскую артиллерийскую бригаду Московского военного округа. После года службы в ней его переводят в штаб Московского военного округа. Параллельно со службой заканчивает Московское авиационное училище, получает звание военного лётчика.

С первого дня Первой мировой войны С. Н. Войцеховский на фронте, где проявил себя храбрым и умеющим думать тактически и стратегически офицером, что нашло своё отражение в полученных им в короткое время наградах — орденах Св. Анны, Станислава с мечами и лентой, и даже ордена Св. Владимира с мечами и бантом, которым награждались лишь офицеры, выдержавшие бой под угрозой смерти. В конце

*Генерал-майор Белой армии
С. Н. Войцеховский (1918 год)*

1914 года ему присваивается звание штабс-капитана, а в 1915 году он уже занимает должность начальника штаба дивизии. После лечения от ранений, полученных в районе Молодечно (в ногу и под лопатку) Войцеховский возвращается в строй уже в качестве начальника штаба 2-й Кавказской гренадерской дивизии, действующей в районе Вилейки (Белоруссия), но вскоре назначается начальником штаба 126-й пехотной дивизии на Румынском фронте, а в конце августа 1917 года получает совсем неожиданное назначение — начальником штаба 1-й дивизии формируемого Чехословацкого корпуса в составе Русской армии. После знаменитой битвы у Зборова, где отличились воевавшие на русской стороне чехи и словаки, началось формирование чехословацких войск из военнопленных австро-венгерской армии, которые добровольно вступали в корпус, чтобы воевать с Германией на русском фронте. Корпус, который сами чехи и словаки называли легионом, подчинялся созданному Чехословацкому национальному совету, целью которого было создание на территории поверженной Австро-Венгрии своего Чехословацкого государства

Октябрьский большевистский переворот коренным образом изменил ситуацию. Так как Российской империи больше не существовало и русская армия была распущена, 16 декабря 1917 года правительство Франции признало Чехословацкий легион самостоятельным воинским подразделением под руководством французского верховного командования. По договорённости с правительством Советской России легиону было предписано по Великой Транссибирской магистрали следовать воинскими эшелонами через всю Россию во Владивосток и уже оттуда морским путём переправиться во Францию, чтобы воевать против Германии на западном фронте. Но в марте 1918 года большевики заключают с Германией, с которой у них и до революции были амурные отношения, паскудный Брестский мир, одним из тайных соглашений которого было всячески препятствовать продвижению Чехословацкого корпуса на восток. Понималось, по возможности, его разоружить, и превратить две его дивизии из боеспособных воинских частей, в голодающий мародёрствующий сброд, что в будущем большевики «самым лучшим образом» и осуществили. По приказу Троцкого эшелоны сутками задерживались даже на небольших полустанках, а потом поступил его приказ о разоружении корпуса, чехи отказались, это дало основание Троцкому объявить их врагами революции. Всё это спровоцировало мятеж чехословацких частей сначала в Челябинске, а потом по всей линии Транссибирской железнодорожной магистрали. А мятеж Чехословацкого корпуса, в свою очередь, стал запалом Гражданской войны, так как у огромной части населения России, от её распущенной армии (прежде всего офицерства) появилась реальная надежда покончить с большевиками, которые в короткое время успели показать себя как враги, прежде всего, трудового народа.

С. Н. Войцеховский, не принявший революцию, остаётся в Чехословацком корпусе, прежде всего, как он для себя решил, для координации восставшего корпуса с частями стихийно возникшей Народной армии КОМУЧа. Вместе они уже представляли мощную антибольшевистскую силу. В начале мая 1918 г. поездные составы корпуса, сбивая заслоны красных, под командованием Войцеховского пробивались в Челябинск. 20 мая 1918 года Сергей Николаевич присутствует на Съезде делегатов всех частей корпуса, где его вводят в Военный Совет, созданный для координации действий разрозненных групп и установления связи с местными антибольшевистскими организациями. 26 мая 1918 года Войцеховский жёстко подавляет выступление челябинских большевиков и разоружает два «интернациональных» полка из немцев и австрийцев, захватив большие трофеи. Впоследствии, уже в июне 1919 года, он будет награждён за это А. В. Колчаком Георгиевским крестом 4-й степени. Смелым манёвром занимает железную дорогу Челябинск — Златоуст, разгромив удерживающие её отряды красных,

после чего приказом командующего Чехословацким корпусом Радолы Гайдды назначается командующим чехословацкими войсками Челябинской группы и Уральского фронта. Но уже 11 июня 1918 года решением отделения Чехословацкого национального совета в России Войцеховский производится в полковники и назначается начальником Западной группы чехословацких войск. В июне 1918 года Западная группа под его руководством взяла г. Троицк. Проведя успешные бои против красных на южно-уральских железнодорожных станциях Бердяуш, Усть-Катав, 6 июля 1918 года на станции Миньяр он осуществляет соединение вверенных ему сил с Пензенской группировкой корпуса.

Эти успехи окрыляют и заставляют думать о реальной возможности вместе с частями Народной армии похода на Москву, но он, получив сведения о находящейся в Екатеринбурге в лапах большевиков царской семье, резко разворачивает свои части на север, на Екатеринбург, но здесь красные войска неожиданно оказывают жестокое сопротивление. Порой Войцеховский лично возглавлял наступающие части, но, увы, получилось так, что успех его наступления предопределил судьбу Николая Второго и его семьи. Большевики перед тем, как бежать из Екатеринбурга, за десять дней до взятия Войцеховским города расправились с царской семьёй. 17 октября 1918 года «за отличия в боях и выдающуюся службу» Войцеховский Чехословацким национальным советом был произведён в генерал-майоры и назначен командующим объединённой с Народной армией Самарской группой войск. Под его командованием велись оборонительные бои в Поволжье, не только остановив наступление красных, но и отбросив их за реку Ик. Тем самым упрочилось положение белых на Самарском фронте. С конца октября по декабрь 1918 года он — командующий Уфимской группой войск, на базе которой позже будет сформирована Западная армия генерала Ханжина. В Уфе Войцеховский с недоверием был встречен белыми войсками, где осенью сложилась тяжёлая ситуация из-за наступления красных войск, но своими решительными действиями быстро завоевал их симпатии. В это время он порывает с эсеро-меньшевистским Комитетом Учредительного собрания, которому подчинялась Народная армия, и который своими распоряжениями только мешал войскам, после чего запретил эсеровским агитаторам посещать воинские части, опасаясь их разложения. Войцеховский, создав маневренную группу из семи чехословацких батальонов в районе Белебея и разместив добровольческие части уже прославившегося подполковника Каппеля в центре своих позиций, 10–18 ноября 1918 года разбил этими силами красных на направлениях Белебей — Уфа. В конце ноября — начале декабря 1918 года для замены измотанных частей Каппеля он бросил в бой небольшие силы отряда восставших против большевиков ижевских рабочих под командованием капитана Молчанова, которые потеряли в этих боях и от морозов до 40 процентов своего состава, но выполнили приказ Войцеховского.

После прихода к власти 18 ноября 1918 года путём военного переворота адмирала А. В. Колчака и объявления им себя Верховным правителем России на время войны нарастают противоречия между ним и командованием Чехословацкого корпуса. А. В. Колчак требовал подчинения себе всех противобольшевистских вооружённых сил, руководство корпуса этому сопротивлялось. С. Н. Войцеховский оказался в сложном положении. Чехов меньше всего интересовала судьба России, и чем дальше они двигались на восток, тем больше корпус превращался в сборище мародёров. Ими практически была захваченная Транссибирская железнодорожная магистраль почти на всем её протяжении. Чехословацкий совет своим указом как бы «приватизировал» её, и позже, уже за Уралом, отступающие белые части, беженцы, раненые тащились по бездорожью по обе стороны железной дороги, по которой шли чехословацкие составы

с награбленным добром. Братья-славяне в Гражданскую войну вели себя в России ничуть не лучше немецких оккупантов во время Великой Отечественной. Позже, уже в Сибири, своим мародёрством чехословацкие части спровоцируют несколько крупных крестьянских восстаний против белых, полагая, что они и белые — одно и то же.

Но это позже. А пока Войцеховский принимает принципиальное для себя решение и переходит на службу в Русскую армию. Приказом от 8 марта 1919 года Верховного правителя России А. В. Колчака в подтверждённом чине генерал-майора он назначается на самом ответственном участке фронта командующим 2-м Уфимским корпусом, во главе которого отражал весеннее наступление белых 1919 года в боях под Уфой, Златоустом и Челябинском. С августа 1919 года он — командующий Уфимской группой войск. Войска под его началом снова отбили Уфу, Бугульму, Чистополь и ещё несколько городов.

В ходе Тобольской операции белых 1 сентября 1919 года при тяжёлом положении своего правого фланга Войцеховский перешёл в наступление, полностью выполнив задачу ударом во фланг 27-й стрелковой дивизии большевиков. После этого повернул свои силы на север и сбил врага на фронте Сибирской армии, чем позволил ей наконец начать контрнаступление. За это 12 сентября 1919 года был награждён орденом Св. Георгия 3-й степени.

Фигура Войцеховского далеко не устраивала большинство променьшевистско-эсеровского руководства Белой армии, так как он был сторонником жёсткой армейской дисциплины. 20 ноября в селе Усть-Тарка за самовольное оставление фронта он застрелил командира Северной группы войск генерал-майора Петра Гривина (Петериса Гривиньша), который своим отходом вынудил отступить южную группу Войцеховского. После этого назначил войскам нового командующего А. В. Бордзиловского и приказал им с боем вернуть оставленные позиции. После доклада А. В. Колчаку об этом происшествии Сергей Николаевич получил благодарность за наведение в армии порядка.

Стратегический талант Войцеховского особо проявился в последний период Гражданской войны на востоке России. Видя неизбежность поражения в создавшейся ситуации, осложнённой предательством чехов и эсеров, он ставит своей задачей спасение остатков армии. 5–6 января 1920 года он успешно выводит вверенные ему войска под Красноярском из окружения, устроенного большевиками и восставшими эсерами. 7 января, не вступая в Красноярск, переправляется через Енисей. После этого отходит на реку Кан, где 15 января получает приказ о назначении его командующим Московской группой войск. С этого момента начинается тяжелейший поход в зимних условиях по сибирской тайге, который потом войдёт в историю как Великий Сибирский Ледяной Поход. За потворство чехов большевикам во время этого изнурительного похода Войцеховский вызвал их командующего генерала Сырового на дуэль, от которой тот уклонился. Через много лет, при других обстоятельствах, перед Второй мировой войной судьба их сведёт снова, и генерал Сыровой поступит снова предательски, но только уже по отношению к своей родине, Чехословакии.

Тяжело больной, с обмороженными ногами, после того, как на реке Кан, идя в пешей колонне, провалился в прорубь, командующий войсками Восточного фронта генерал-лейтенант В. О. Каппель отказывается от «милостивого» предложения чехов забрать единственно его в свой санитарный вагон. Каппель решил разделить свою судьбу с судьбой полуголодных вверенных ему войск, уходящих в жестокие прибайкальские морозы. Операцию по ампутации обмороженной ступни проводят кухонным ножом прямо в санях-розвальнях, начинается гангрена, генерал уже не может самостоятельно сидеть в седле, и его привязывают к седлу. Уже при смерти 21 января

своим приказом он назначает С. Н. Войцеховского командующим всеми войсками Восточного фронта в составе группировки примерно в 30 тысяч человек: 1-й, 2-й и 3-й стрелковые корпуса, казаки Анненкова, бригада Красильникова, солдаты генерала Волкова, одна из самых стойких и непримиримых к большевикам воинских частей Ижевско-Воткинская добровольческая рабочая дивизия, добровольцы Вержбицкого, части отдельных номерных дивизий... И, боясь надругательства над телом любимого командующего, солдаты повезут и понесут его на руках тяжелейшим многосоткилометровым путём по горно-таёжному бездорожью в сильнейшие морозы, далее через Байкал вплоть до Читы, а потом тайно похоронят в Харбине.

Но перед этим, узнав о выдаче братушками-чехами красным А. В. Колчака, чтобы те их с награбленным добром пропустили дальше на восток, 29 января 1920 года Войцеховский повёл наступление вдоль железной дороги в сторону Иркутска. 30 января около станции Зима разгромил красные войска Нестерова. Были разбиты, по меньшей мере, 3 эшелона красных. 1 февраля он занял Черемхово, предместье Иркутска. После этого разбил группу прикрытия красных под Усольем, вплотную подойдя к городу. Самые тяжёлые бои были 5–6 февраля около деревень Суховка и Олонки. 6 февраля Войцеховский выдвинул ультиматум красным: 1. Отвести их войска к северу. 2. Выдать Колчака и государственный золотой запас. 3. Обеспечить белую армию продовольствием, фуражом, тёплой одеждой на 50 тысяч человек. По просьбе иркутских красных властей, чехи и словаки начали с Войцеховским вести переговоры об условиях прохода его сил через Иркутск.

Узнав о расстреле А. В. Колчака, С. Н. Войцеховский прервал переговоры. Перед тем понёсший тяжёлые потери (большая часть его войск представляла из себя тифозный лазарет) и, имея огромные проблемы с боеприпасами и продовольствием, он не стал штурмовать Иркутск. Его армия двумя походными колоннами обогнула город и по реке Ангаре поднялась к Байкалу. 14 февраля в лютую стужу войска переправились на его восточный берег. Войска были спасены.

20 февраля атаман Семёнов назначил Войцеховского командующим войсками Российской Восточной окраины. Но С. Н. Войцеховский не находит общего языка с атаманом Семёновым, склонным к грабежам и беспорядкам, и вскоре перебирается на другой фронт — в Крым, к генералу П. Н. Врангелю, где по личной просьбе Врангеля фактически руководит всей эвакуацией и в ноябре 1920 года вместе с последними частями эвакуируется в Константинополь. В Стамбуле С. Н. Войцеховский занимался организацией возвращения желающих вернуться на родину солдат, но сам надеется уехать с семьёй в Чехословакию. В большевистскую Россию путь ему был закрыт. На обращение к правительству Чехословакии пришёл ответ, что страна будет рада принять боевого генерала, так много сделавшего для Чехословакии, и в случае принятия им её гражданства она признает его генеральское звание. И летом 1921 года С. Н. Войцеховский был принят на службу в армию Чехословакии — командиром 9-й пехотной дивизии в словацком городе Трнава. В 1927 году его назначают командующим военным округом в Брно, а через два года ему присваивают звание генерала армии.

В 1935 году новое назначение — командующим Пражским военным округом, несмотря на противодействие начальника Генерального штаба генерала Людвика Крейчи. Их взаимная неприязнь уходит корнями ещё в сибирско-легионерские времена. С. Н. Войцеховскому была вверена самая крупная группировка чехословацкой армии, которую он переформировал по своему усмотрению и усиленно обучал. В результате Чехословакия к 1938 году имела отмобилизованную, обученную и хорошо вооружённую армию, численностью в 1,6 миллиона человек, а с учётом резервов — до двух миллионов. Вероятный будущий противник — Германия — имела превосходство только

в самолётах. В это время обстановка в Европе уже стала накаляться, реально запахло войной. С. Н. Войцеховский начинает форсировать строительство оборонительно-фортификационных сооружений вдоль чешско-германской границы и готовить армию к противостоянию возможной агрессии. В результате, на границе с рейхом Чехословакия стала иметь полосу мощных железобетонных укреплений. Послевоенный президент уже социалистической Чехословакии генерал армии Людвик Свобода говорил, что «пограничные укрепления были совершеннее хвалёной немецкой линии Зигфрида или знаменитой французской линии Мажино. После захвата пограничных районов нацистские сапёры пытались взорвать эти укрепления, но безуспешно». Гитлеровский фельдмаршал Кейтель, который к началу Второй мировой войны возглавил верховное командование вермахта, потом признавал, что на преодоление этой оборонительной полосы немцы могли бы потратить полгода, и неизвестно, преодолели ли бы они её вообще.

Военно-политическая ситуация обостряется настолько, что 26 сентября 1938 года объявляется всеобщая мобилизация, в городе Кутна-Гора сосредотачивается командование 1-й армии, выдвинутой в направлении возможного удара вермахта. В задачу самой крупной военной группировки входит принятие на себя первого удара. Командующим группировки назначается генерал армии С. Н. Войцеховский.

Однако политическое руководство страны пошло по капитулянтскому пути. Это вызвало возмущение Войцеховского, поскольку в жестоких боях с превосходящими силами противника он никогда не сдавался и даже не помышлял о такой возможности. Его первой мыслью, которой он поделился с друзьями и единомышленниками, генералами Прхалой, Ингром, Гассалом, была мысль о проведении военного переворота и об устранении с политической арены президента Э. Бенеша. Будучи в своё время в близких отношениях с президентом Т. Г. Масариком и оценивая его как государственного деятеля большого формата, к президенту Э. Бенешу С. Н. Войцеховский относился весьма скептически. Предложение о военном перевороте, однако, наткнулось на решительное противодействие опять-таки начальника генштаба Л. Крейчи, усугубив и без того натянутые между ними отношения. Последней попыткой С. Н. Войцеховского переломить ход событий было его выступление на одном из последних перед Мюнхенским соглашением заседаний правительства. С убедительными цифрами о состоянии армии, в сопоставлении её с немецкой, С. Н. Войцеховский призвал присутствующих принять решение об оказании военного сопротивления агрессору.

По воспоминаниям чехословацкого дипломата Яромира Смутного, 30 сентября 1938 года на совещании у президента с участием ведущих политиков и армейского командования, на котором рассматривалось поступившее под утро из Мюнхена требование передать нацистской Германии наиболее промышленно развитую и богатую природными ископаемыми Судетскую область, 90 процентов населения которой составляли этнические немцы, было решено принять условия Мюнхена. Из присутствовавших на совещании, помимо самого Смутного, за вооружённое сопротивление высказались лишь два человека: командующий Пражским военным округом генерал армии Сергей Войцеховский и начальник канцелярии президента Проккоп Дртина. Одним из главных сторонников капитуляции был генерал Ян Сыровый, которого во время Гражданской войны в России С. Н. Войцеховский вызывал на дуэль. Президент Эдуард Бенеш на совещании твердил, что у него есть некий тайный план противодействия Гитлеру, но в Чехии до сих пор горько шутят, что тем планом был аэроплан, на котором через несколько дней президент погибающей страны улетел в Лондон. Финалом совещания стало предложение Крейчи, чтобы не портить отношения с Гитлером,

отправить генерала армии Войцеховского в отставку. Сергею Николаевичу исполнилось тогда 55 лет...

14 марта 1938 года немецкая армия вошла в Чехословакию, а чехословацкая армия была распущена, некоторые части вопреки приказу оказали входящим немецким частям вооружённое сопротивление. Объёмы даром доставшегося чехословацкого оружия ошалевший от счастья Гитлер назвал астрономическими, ведь, он получил ресурсы, достаточные для обеспечения всем необходимым сорока дивизий. Только пулеметов было взято почти 44 тысячи стволов. Танки чешского производства были на острие танковых клиньев во время вторжения во Францию, Бельгию, Голландию, и составляли 40 процентов танковых армий, обрушенных на СССР в 1941 году, не говоря уже о том, что всю войну заводы Чехословакии по производству танков, как и другого тяжёлого вооружения, работали в полную силу.

Многие учёные-геополитики склонны считать, что если бы президент Чехословакии Эдвард Бенеш на утреннем совещании 30 сентября 1938 года прислушался к мнению генерала Войцеховского, за спиной которого стояла готовая драться, хорошо вооружённая армия, иначе могла сложиться судьба не только Чехословакии и Европы, но и даже всего мира. Или, если бы вняли С. Н. Войцеховскому чехословацкие генералы, которым он предлагал путём военного переворота отстранить Бенеша от власти, дело могло не дойти до Второй мировой войны, а если нападении всё-таки бы состоялось, на помощь Чехословакии в соответствии с договором от 1935 года через Польшу могла бы двинуться советская Красная армия, дивизии первой очереди которой стояли уже в боевой готовности у польской границы, более того, было призвано дополнительно более 300 тысяч резервистов.

В сентябре 1938-го года С. Н. Войцеховский был арестован гестапо, его допрашивали, но через две недели отпустили, определив под гласный надзор этого ведомства. Но Войцеховский не мог быть просто пенсионером. В 1939 году он вступает в Русский общевоинский союз (РОВС), отделения которого были во многих странах Европы. Это касалось будущего России. Но он переживал и за будущее Чехословакии. Уже в конце марта 1939 года Войцеховский возглавил подготовку к организации движения сопротивления, получившего название «Защита народа», вошёл в подпольное Чехословацкое правительство, где занимал пост военного министра. Его белогвардейское прошлое и стойкие антисоветские взгляды (он чётко различал русский народ и оседлавший его большевистский режим) не всем в руководстве движения пришлись по душе, особенно с точки зрения возможного в дальнейшем сотрудничества с СССР. С другой стороны, как профессиональный военный, он видел, насколько по-дилетантски относились к вопросам конспирации многие участники движения. Окончательно разочаровавшись в чешских политиках, он уходит из организации.

И вот тогда-то, когда дела у Германии стали идти совсем уж плохо, в его пражскую квартиру вдруг наведалься высокопоставленная военная немецкая делегация. После всяческих комплиментов и любезностей последовало предложение возглавить Русскую освободительную армию (РОА), её возможный командующий генерал-предатель Власов не импонирует фюреру. С той же любезностью на прекрасном немецком языке, а он в совершенстве владел ещё французским, чешским и словацким, Сергей Николаевич ответил, что «он ненавидит большевиков, но никогда не пойдёт воевать против русского солдата». Может быть, этот ответ спас его в дальнейшем, после прихода Красной Армии, от верного расстрела, которого не миновало большинство русских офицеров, 25 лет назад служивших в Белой армии.

В годы Второй мировой войны не только гестапо, но, видимо, и советская разведка не спускала с Войцеховского глаз. Она была поразительно осведомлена о его

пражской жизни, как и о жизни других видных деятелей русской эмиграции. Уже 12 мая 1945 года, т.е. через три дня после освобождения Праги одновременно по заранее подготовленным спискам и адресам приступили к «работе» арестно-расстрельные команды НКВД и СМЕРШ. Такие же расстрельные команды, не покладая рук, «работали» в Югославии, Германии, Болгарии, где был схвачен, а потом бесследно растворился в ГУЛаге начальник инвалидного дома русских беженцев под Шипкой генерал-лейтенант Бредов. В Праге же параллельно с арестами и расстрелами бывших белых офицеров шли расстрелы в госпиталях и больницах тяжелораненых солдат и офицеров восставшей против немцев дивизии РОА под командованием полковника Буняченко. Наши историки Великой Отечественной стеснительно умалчивают, что в мае 1945-го русские два раза брали Прагу. Сначала, 7 мая — восставшая дивизия РОА полковника Буняченко. Чешский национальный комитет попросил её освободить Прагу, чтобы предотвратить её взрыв, какой готовили и польскому Кракову: «Спасите красавицу Прагу!». Обещали солдатам, лишившимся Родины, предоставить чешское гражданство. В Праге я найду старого чеха, который был свидетелем, как теперь уже бывшие власовцы, сбросившие с себя клеймо позора, в той же немецкой форме, только с белыми отличительными повязками на рукавах, шли бесстрашно на немецкие пулемёты. Но уже через день, когда к Праге стала подходить танковая армия Катуква, чехи снова слёзно взвопили: «Спасите красавицу Прагу! Уходите, не устраивайте уличных боёв с Красной Армией!». И восставшая против немцев дивизия РОА, которая и не собиралась воевать с Красной Армией, глухой ночью, оставив на попечение чехов тяжелораненых, уходила обратно на запад, ведя встречные бои с немцами, надеясь попасть в американскую зону оккупации, зная, что ждёт их в Советском Союзе.

Что тут можно сказать? Чехов можно понять — я не так уж много путешествовал по другим странам, но Прага, несомненно, самый красивый город в Европе. Париж в подмётки ей не годится.

Белый генерал С. Н. Войцеховский был арестован одним из первых, уже 12 мая. Вероятно, он ожидал такого поворота судьбы, так как за несколько дней до взятия Праги сначала дивизией РОА, а потом советскими войсками отправил жену и сына на территорию, занятую американской армией. Но сам он от судьбы не стал прятаться. На что он надеялся? Что учтут, что он, не признавая советской власти, никогда не боролся против своей родины, против своего народа? Его обвинили в участии в организации «Русский общевоинский союз», «которая ставила своей целью вооружённое свержение советской власти и организацию террористических актов против руководителей ВКП(б) и советского правительства». После нескольких месяцев изнурительных допросов в Бутырской тюрьме его приговорили к 10 годам так называемых исправительных лагерей. Кто-то из надзирателей сочувственно заметил: «Странно, что Вас не расстреляли ни в Праге, ни в Союзе, что Вы получили всего лишь 10 лет лагерей». Но, видимо, сверху, а, может, даже на самом верху, решили, что 10 лет вполне достаточно пожилому человеку, отказавшемуся возглавить РОА. Здоровье у Сергея Николаевича было подорванным. Ещё с Первой мировой войны он страдал тяжёлой формой язвы желудка, да и раны, полученные в Гражданскую войну, давали о себе знать.

До марта 1946 года С. Н. Войцеховский содержался в Бутырской тюрьме, с 1946 года — в Унженском лагере на ст. Сухобезводная Горьковской железной дороги, а с 25 мая 1949 года в Особом лагере № 7 печально знаменитого Озерлага МВД СССР около Тайшета, в тех местах, где он тридцать лет назад воевал с большевиками. «Всего» десять лет! С. Н. Войцеховский, мужественный человек, крепился. Как говорил потом один из его сокамерников, он поставил себе цель — несмотря ни на что, выжить. Девять с половиной лет ему удалось продержаться. Оставалось до свободы полгода.

Но не надеялся он на освобождение, зная своё прошлое и не изменяя своим убеждениям. В декабре 1954 года Сергей Николаевич скончался от очередного желудочного кровотечения, хотя стандартная формулировка звучала: «от туберкулёза и истощения». Умер, пережив на год товарища Сталина

По официальной версии С. Н. Войцеховский похоронен на кладбище Центральной больницы № 1 Озерлага вблизи села Шевченко Тайшетского района Иркутской области. Разумеется, точное место захоронения неизвестно, если, конечно, он действительно был похоронен, а не просто брошен в карьерный отвал или не отправлен весной в дальний путь по освободившейся ото льда реке, что тоже было не редкостью.

Пусть с опозданием, но Чехия отдала почести генералу. 28 октября 1997 года президентом республики Вацлавом Гавелом генерал армии Сергей Николаевич Войцеховский был награждён высшей наградой страны — Орденом Белого Льва 1-й степени — посмертно. В декабре 2003 года состоялось открытие его мемориальной доски на здании бывшего командования военным округом Земли Моравско-Силезской в Брно. Одновременно Чешская республика поставила перед властями Российской Федерации вопрос о розыске места погребения и переносе останков генерала для захоронения в Чехию. Однако ответ был не обнадеживающим: «Точное место захоронения не установлено». Это не мудро, ибо у нас солдаты Великой Отечественной до сих пор не все ещё по-человечески похоронены.

23 октября 2003 года в Праге в православном кафедральном храме святых Кирилла и Мефодия на Ресловой улице, протопресвитером, доктором теологии Ярославом Шуверским была отслужена панихида по убиенному в сибирском ГУЛаге генерале С. Н. Войцеховском. На панихиде присутствовали представители городской власти, парламента и уже немногочисленные знакомые семьи Войцеховских. После долгих лет разлуки, разбросанные по всему миру, собрались в храме и родственники. Неделей позже, возвращаясь в очередной раз с Балкан, я зажгу в этом храме поминальную свечу, а потом поеду на трамвае на Русское Ольшанское кладбище, где в одной стороне от белоснежного храма лежат воины и мыслители Белой России, в другой на некотором отдалении — солдаты Красной Армии, вошедшие с боями в Прагу 9 мая 1945 года. А между ними над небрежным могильным холмом, воздвигнутым, судя по всему, не руками, а бульдозером, стоит чёрный крест, обвитый колючей проволокой, под ним лежат солдаты и офицеры восставшей дивизии РОА, погибшие во время взятия Праги 7 мая и расстрелянные НКВД и СМЕРШ в госпиталях и больницах. Похоже, что даже здесь, на общем русском кладбище, русские не нашли между собой примирения.

В столице Белоруссии Минске, где С. Н. Войцеховский родился, в 2012 году в Музее истории Великой Отечественной войны открыли выставку, посвящённую ему, а у нас в России города и улицы по-прежнему носят имена палачей российского народа. И чем дальше, тем больше в народе тоска по советским временам, по Октябрьской революции. Прежние красные времена многим кажутся чуть ли ни раем, мало кто догадывается, что нынешняя необольшевицкая олигархическая власть — прямое продолжение прежней, большевистской. А вдоль Транссибирской железнодорожной магистрали не знающие своей истории люди по чьей-то подсказке радостно ставят памятники Чехословацкому легиону, якобы «освободителю России от большевиков». Простим чехам и словакам их «освободительный» грех. Они после плена, в который

Генерал
С. Н. Войцеховский —
заключённый ГУЛАГа

попали, воюя с Россией, очень торопились домой. А это святое чувство, над которым нельзя иронизировать. И возвращались не с пустыми руками. Известно, что сувенирных лавок в поверженной России вдоль железнодорожной магистрали не было, вот и мародёрствовали славяне, совершая военно-карательные рейды на десятки километров по левую и правую стороны от железной дороги. А потом, сдав большевикам Колчака, прихватили собой и золотой запас России, по крайней мере, часть его, которую Колчак доверил им везти в своих эшелонах. Потом они, правда, упорно отказывались от грабежа. Но люди сведущие говорят, что благодаря ему так быстро встала на ноги Чехословакия (после Первой мировой войны)...

Однажды я возвращался из Аксаковского историко-культурного центра «Надеждино» Белебеевского района Башкирии с престольного праздника храма во имя вмч. Димитрия Солунского, покровителя русского воинства. Под стенами этого храма родился, и в нём крестили великого славянофила и великого гражданина России И. С. Аксакова, одного из немногих мирских за свои заслуги перед Россией похороненного в Троице-Сергиевой лавре. Мог ли он представить, что многовековый раздрай русского общества, когда одни смотрят на восток, а другие на запад, а родным домом вроде как бы уже и некому заняться, что западные русские воззрения, с которыми он безуспешно боролся, окажутся роковыми для России и приведут к страшной братоубийственной Гражданской войне, и она не разрешит этого раздора.

Был тихий предзимний ноябрьский день. Я остановил машину на лесной опушке около большого поля, пересечённого небольшими оврагами. И вдруг до меня дошло, что это не просто поле, на котором сеют, а потом убирают хлеба, а поле, где ровно сто лет назад — день в день — произошёл один из эпизодов кровавой российской трагедии. 7 чешских батальонов под командованием генерала Русской армии С. Н. Войцеховского и отряды Русской армии к этому времени уже прославленного полководца, но ещё подполковника В. О. Каппеля и отряды восставших против большевиков рабочих ижевских заводов отражали атаки красных частей, которым в случае неудачи отступать было некуда: позади стоял с пулемётами один из заградотрядов, учреждённых товарищем Троцким. Другой вариант: расстреливали каждого десятого. Так поддерживался дух боеспособности Красной армии.

Наверное, лет тридцать назад расширяли дорогу, идущую по этому полю, и наткнулись на две братские могилы по разные стороны дороги. Нынешние мужики — русские да башкиры недолго гадали, которые из них красные, которые белые. В советское время памятники можно было ставить только красным, впрочем, белым не ставят и до сих пор, хотя они любили Россию не меньше красных. А ещё в этом бою участвовали чехи, они были похоронены в одной могиле с белыми.

И мужики рассудили, не согласовывая ни с какими властями, определили всех в общую могилу и поставили общий памятник, надписав: «Жертвам Гражданской войны». И это было правильно...

ЗАПИСКИ РАЙОННОГО ЧИНОВНИКА

С годами убеждаешься, что Россию, и правда, умом не понять. Только вот к двум прежним бедам — дуракам и дорогам — в Отчизне добавилась третья: дураки, указывающие дорогу.

ЗАВИСТЬ

На работу в администрацию района меня пригласили в начале октября 2008 года, а уже в конце ноября в адрес губернатора пришла анонимка. В ней «доброжелатель» писал: «Нового зама Генку, нехорошего человека, взял к себе по блату его друг детства Глава района Сашка — они когда-то вместе бегали в Мухановке к девкам. У Генки зарплата стала сто тысяч рублей в неделю, появился особняк с колоннами, он ездит на работу в „мерседесе“. За что ему такие почести? Его отец играл на гармошке полициям, мать работала в военкомате и освободила сына от службы в армии. Не место таким прохиндеям, как Генка, во власти!»

Я мог бы найти клеветника: конверт бросили в почтовый ящик, написано ручкой, обратным адресом указан мой родительский дом. Там никто не живёт, номер дома изменился, и об этом мало кто знал, кроме соседей. Но копаться в поисках автора было противно и некогда: бумагами завалили по самое «не балуй», в том числе, и анонимками. Пришлось отвечать губернатору на трёх листах, что я совсем не тот лиходей «Генка», о котором написано в ябеде. Единственный факт, который не вызывал сомнения, — это бегание к девкам в Мухановке. А как не бегать, если я их любил со школьной скамьи? Не потопаешь — не отхлопаешь. Правда, с будущим шефом, главой района «Сашкой», не пересекался — он на три года моложе меня, в ту пору его на это дело мамка не пускала. Но в остальном...

Зарплата моя была как у нагруженного часами учителя, но в десять раз меньше, чем сказано в анонимке. В доказательство приложил справку о доходах за полтора месяца — сколько успел «хватануть». Никакого особняка, даже дачного домика, ни сада, ни огорода у меня отродясь не имелось. Хватало по горло тёщиных двадцати соток, где мы с женой пахали, пололи, все выходные и отпуска. Правда, супруга спросила на всякий случай: «Может, и правда, есть дворец с колоннами?»

Приложил к ответу губернатору справку о том, что у нас с женой есть только «двушка» в панельной «хрущобе». Ни машины, ни мотоцикла не имел никогда. Я не любил технику: в детстве летел на новеньком «орлёнке» с горки над рекой, сломал велосипед и два ребра, с тех пор не то что «мерседеса» — самоката не имею.

О том, что мама, машинистка военкомата, не «откосила» меня от армии, красно-речиво поведала копия военного билета, где за куцыми буквами КСибВО подразумевалось: Краснознамённый Сибирский военный округ. И звание ефрейтора по блату не дают.

Отец мой умер в середине 80-х, не дождавшись пенсии. Может быть, на его инсульте сказались четыре года плена, проведённых в Дойчланде. Уж там точно не было полицаев и гармошки.

Эта ябеда оказалась первой — не ласточкой, нет, а трескучей сорокой. Потом слали ещё и ещё. Такие же грязные и подлые, и все из родной Мухановки. На меня, на главу, на начальника управления образования... Как будто в моём селе осталась со сталинских времён некая подпольная группа по изготовлению доносов для «расстрельной» 58-й статьи.

Как-то на стол губернатору легла очередная кляуза из мухановского «пресс-центра». В этот раз в ней фигурировали глава района, его зам, то бишь я, а также начальница управления образования и директорша школы — обе симпатичные блондинки бальзаковских лет, и коллектив школы. Явно, потрудился кто-то из этого коллектива. Мужчины-педагоги в школе вдруг оказались педофилами, старые учительницы — маразматиками, молодые — проститутками. Директор школы и начальница районного образования стали любовницами главы. Меня, увы, от этой роли отстранили — староват. Зато я, оказывается, пил водку в подвалах, валялся на кучах щебня и на работу не ходил...

В этот раз, собравшись втроём, я, глава, начальник управления и директор решили вычислить анонима. И нашли-таки! Ошибкой писаки оказалось то, что мы были названы уличными прозвищами, которые знали только жители Мухановки старшего возраста. Таких в школе остались два человека: завхоз и скромная, тихая почётная работница образования. Завхоз оказалась не у дел.

Что двигало заслуженной учительницей? Откуда у неё появилась такая ненависть к своим бывшим ученикам? Оказалось — от зависти. Проживала она в блочной «хрущобе», в квартире на первом этаже с видом на помойку, с семьёй у неё не сложилось... Золотая медалистка в школе, отличница в вузе считала себя достойной лучшей участи. Но другие, а не она, жили в добротных домах, их любили мужья и жёны, и, что обидней всего, такими счастливицами были коллеги и бывшие ученики.

Мы не стали с ней беседовать о морали. Учительница сама всё поняла, когда при встречах не увидела приветов в наших глазах. Она уволилась. Но свято место пусто не бывает. Сегодня доносы пишут другие. И впереди всех — учителя. Удивительное дело! Они сегодня получают зарплату больше директоров, чиновников, лишний шаг без денег не ступят, защищены профсоюзами и Президентом, а всё равно ябедничают! А всему причиной — ЕЁ НИЧТОЖЕСТВО ЗАВИСТЬ.

«Я ПАМЯТНИК ВОЗДВИГ...»

В 2005–2008 годах я работал в независимой газете: был креативным директором, выпускающим редактором, корреспондентом. Газета, на щите которой написано честолюбивое «не зависима от чиновников, политиков и олигархов», была и остаётся самой читаемой в городе, потому как пишет на злободневные темы: о состоянии жилья, дорог, о ценах, о качестве продуктов, о нелёгких судьбах людей... А политика пусть льётся с экранов.

Являясь хорошим психологом, главный редактор газеты Вера Михайловна ориентировала журналистов на первичное восприятие читателями материалов. Главное — сразу поразить, заставить ахнуть, посочувствовать, выругаться, сжать кулаки. А разборки, что и почём, — дело второстепенное. В общем, это крепкая репортёрская метода: кинули камень в воду, круги разошлись, а собирать их обратно — не обязательно, да и не получится.

Мне работать в газете нравилось: была возможность для самовыражения. Вера Михайловна предлагала всевозможные проекты для привлечения читателей. Правда, не хватало аналитики, но её многим читателям и не надо: им некогда и не под силу разбираться, что, когда, куда, откуда, почему, зачем и как. И, может быть, я ещё дольше работал бы в СМИ, но мой сын стремительно делал карьеру музыканта в Санкт-Петербургской консерватории, ездил с концертами за границу, намеревался поступить в аспирантуру, и для обеспечения его жильём моей зарплаты в газете было маловато — всего 12 тысяч рублей. Жена получала и того меньше. Мы должны были десять лет ни есть, ни болеть, ни одеваться, чтобы купить сыну квартиру в городе на Неве.

В общем, когда в октябре 2008 года глава района, земляк, друг и бывший коллега по самодеятельной сцене, предложил мне стать его заместителем по социальным вопросам с месячной зарплатой в 30 тысяч рублей, я, конечно, согласился: мы живём и работаем в первую очередь ради детей.

Главный редактор газеты Вера Михайловна расстроилась: я был на хорошем счету. Но повысить мне мамино зарплату не позволяла инфляция.

— Если там не понравится, возвращайся, — сказала на прощание редактор. — Целый месяц не буду никого сажать за твой компьютер.

Я тогда был растроган и не придавал особого значения её словам. И вот примерно через две недели, когда я постепенно входил в очень непростую новую должность, мне позвонила юная журналистка из «родной» газеты:

— Скажите, пожалуйста, а что районная власть думает делать с памятником жертвам фашизма, который находится на территории Мухановской школы?

Это было одно из моих незавершённых в газете дел: старый памятный знак — штампованная в 1952 году на Харьковском скульптурном заводе двухфигурная железобетонная композиция — настолько обветшал, что представлял угрозу для людей: мог упасть и кого-либо придавить. Раньше он стоял на могиле казнённых фашистами местных жителей, а когда в 1970-х годах стали возводить мемориал с Вечным Огнём, старый памятник в него не вписался. Скульптуру сняли, но не уничтожили: директор школы установил её на школьном дворе, хотя никаких захоронений там не было. Списанный памятник на баланс никто не принял, деньги на его ремонт не выделялись. Подкрасят бетонные фигуры женщины с ребёнком серебрянкой раз в пять лет — и достаточно. Однако к 2008 году в сооружении появились большие дыры, куски от фигур отваливались, а камень, упавший с пьедестала, поранил ногу одному из учеников.

В новой должности я отвечал кроме прочего и за состояние памятников в районе, поэтому ответил недавней коллеге:

— Скульптуру надо демонтировать, реставрировать и вновь установить. Моё мнение — её место на мемориале, где памятник стоял раньше, где тысячи людей проливали у его подножия слёзы по безвинно убиенным.

Казалось бы, нормальный по логике ответ. Газета поместила его как комментарий к статье юной журналистки под фото ущербного памятника. Затем этот же материал был размещён в компьютерной сети, в том числе на «Интерфаксе», где ушлые

журналиги любят ловить рыбку в мутной воде. Вскоре в моём кабинете раздался телефонный звонок из Москвы. Говорила женщина:

— Уважаемый замглавы, вы отвечаете за свои слова, что памятник в Мухановской школе должен быть демонтирован?

Я ещё раз подтвердил: да, его надо снять, отреставрировать и вновь установить.

— Значит, районная власть — сторонница демонтажа памятника жертвам войны, — с явным удовольствием констатировала в трубке невидимая собеседница.

И пошла гулять газетная Расеюшка! На сайтах столичных изданий стали появляться сообщения, подобные этому: «Районные чиновники собираются снести мемориал жертвам фашизма. Это кошунство! Жители протестуют!»

Какой мемориал?! Какие жители?! И разве это кошунство — реставрировать скульптуру?! От чудовищного вранья брала обида: меня, называли разрушителем истории. Но опровержения не принимались: вспомните брошенный в воду камень.

Губернатор вызвал к себе главу района и заявил:

— Почему у тебя работает этот «чудик»? Выгоняй!

Глава смог защитить меня — особых усилий не требовалось, чтобы доказать мою правоту. Но вскоре нагрянуло Центральное телевидение, один из ведущих каналов. День был промозглый, серый, ветреный, все дрожали от холода. Чтобы не попасть в кадр, областные чиновники отошли подальше от камер. Отдувались мы с главой. Чтобы как-то разрядить обстановку, я шепнул ему:

— Когда бы нас с тобой ещё по Первому каналу показали!

Мне предложили обойти вокруг памятника, показать рукой изъяны и поведать, что мы планируем с ними делать. Я, надеясь на порядочность столичных журналистов, ещё раз повторил: снять, отремонтировать, установить. Примерно то же заявил и глава, пообещав, что уже ко Дню Победы памятник будет в порядке.

Когда вечером, волнуясь, я включил программу новостей, услышал фразу: «В селе Мухановке местные власти решили демонтировать памятник жертвам фашизма».

Нас загнали в угол. Губернатор поставил задачу: за полгода всё сделать, как положено.

Ещё несколько недель журналисты «всея Руси» трезвонили мне, что-то уточняли, ругали, называли «фашистом». Однажды позвонила и Вера Михайловна:

— Ну, как, дружище, не думаешь вернуться в газету? Я твоё место берегу!

Полгода опытные скульпторы «чинили» разрушения в двухфигурной композиции. Полгода мы собирали деньги на её восстановление. Спасибо губернатору — реально помог. А так — на святое дело не много нашлось меценатов. Иные богачи на гулянки бросают тысячи рублей, а на мемориалы сотню «деревянных» жалеют.

Как бы то ни было, перед Днём Победы в мае 2009 года мы установили отреставрированную скульптуру на прежнем месте. На открытие обновлённого памятника не прибыли ни столичные, ни областные СМИ. И никто об этом не написал, кроме «районки» и той самой юной журналистки из независимой газеты.

О ПОЛЬЗЕ ПРИРОДНОГО ГАЗА

В селе Сучок шло торжественное открытие газоснабжения. Всё как положено: местные жители, гости из области, газовики, строители, пресса и, конечно, мы с главой района. Дело хорошее, социальное. Речи, благодарности, символический факел... Всё было бы и вовсе замечательно, кабы не погода: мороз градусов под двадцать, ветер, выюга... Люди топали, хлопали, чуть ли не пускались в пляс, чтобы не околеть.

Выступающие старались говорить короче, но их было около десятка. Зачем-то дали слово и мне. Ведущая объяснила это так: «Вы все знаете заместителя главы: он когда-то учил в Сучанской школе ваших детей и внуков».

Люди оживились, заулыбались, похлопали в перчатки и варежки. Чтобы не нудить, я сказал коротко: «Дорогие земляки, я помню ваши мучения по добыче дров для печей — сам рубил хмызник и таскал во двор моей хозяйке Андрияновне. Теперь к вам пришло голубое топливо. Поздравляю! Единственно, жаль, что не будет вашего знаменитого бурачного самогона „с дымком“ — на газовой плите его не сварить».

Это была шутка «для сугрева», люди поняли её и посмеялись.

Примерно через неделю секретарша из приёмной заглянула в мой кабинет и сказала:

— К вам гости из Сучка.

Я люблю принимать людей, особенно простых, деревенских..

— Приглашайте.

В кабинет вошли две старушки. Конечно, тридцать лет назад, в бытность моей работы в школе, они были молоды и красивы. Мне стало тепло на душе от воспоминаний! И у старушек светились глаза: мы рядом трудились на свёкле, устраивали в клубе «огоньки», пели и плясали под баян... Эх, молодость! Я спросил их о детях и внуках, они — о моей семье. Но, видимо, гости куда-то спешили. «Настя, говори по делу», — кивнула одна из них подруге. Я подумал: поэзия закончилась, сейчас женщины станут жаловаться на что-либо, мешающее жить. Просто так к районному начальству не приходят.

— Дорогой ты наш учитель, извини, что отрываем от дел, — произнесла Настя, перейдя по старинке на «ты». — Намедни на сходе по газу ты сказал, что теперь мы забудем вкус «бурачного с дымком». Потом мы с бабками за столом вспомнили эти слова и то, как ты нам помогал тогда, как жили душа в душу...

— И мне колоды для печки колод, — подхватила другая старушка. — Забыл? И дочку мою выучил...

— Так вот, принесли мы тебе от наших жителей подарок, чтобы вкус не забывал! — сказала торжественно Настя, достала из сумки полторашку «бурачного» самогона и вручила мне её, словно это были ключи от счастливого времени.

«КРУТЫЕ» ПОДАРКИ

Разочарованные внутренней политикой государства россияне частенько говорят о столичных чиновниках и депутатах: «Они дальше Садового кольца не видят». То есть, слуги народа не знают, чем живёт этот самый народ. Но подчас и в самой провинции есть случаи подхода к людям, граничащие с цинизмом.

Как-то я приехал в одно старинное село поздравить с Днём Победы местных жителей, в первую очередь — ветеранов Великой Отечественной и вдов погибших воинов. Увы, пришли на праздник лишь вдовы, три ветхие старушки с тёмными от вечного колхозного загара лицами и жилистыми сухонькими руками. Их посадили рядышком на стульях. Дети вручили старушкам тюльпаны, я — комплекты постельного белья, сельсовет — продукты.

Среди собравшихся на празднике выделялись двое крепких парней явно не сельского типа. Они подозвали ведущую, перекинулись с ней парой слов, и та объявила:

— Дорогие вдовы! Вас приехали поздравить с Днём Победы представители частного охранного предприятия. Они привезли вам в подарок компакт-диски с записями песен известного в районе барда (последовали имя и фамилия).

Взяв с великой осторожностью компакт с цыганистым певцом на картинке, старушки попытались их раскрыть: трепетно, как в довоенной юности баночки с пудрой. Наконец у одной вдовы получилось отколупнуть крышку, она помогла другой вдове, и вот все три стали рассматривать диски на солнце.

— Гляди-ка, блистющие! — порадовалась одна. — Зимой повешу на ёлку.

— Я под сковородку подложу, — сказала другая. — Хорошая подставка...

— На полку выставлю, вместе с патретом: красивый мужик этот Валера! — произнесла третья...

А вот другой пример. Перед Новым годом мне позвонила лидер железнодорожных ЛДПРовцев:

— Мы хотим раздать в деревнях новогодние подарки детям. Никакой агитации! От всей жириновской души!

Да кто же против новогодних подарков? ЛДПР — уважаемая партия, её лидер много лет в большой политике. Я даже попросил соратницу Владимира Вольфовича адресно помочь двум многодетным семьям: они только что прибыли из Средней Азии, ещё не оформились у нас, «в списках не значились».

— Обязательно поможем! Спасибо за доверие!

Я связался с сельсоветами, их главы дали телефоны беженцев, и мне было приятно говорить о предстоящих подарках. От кого? Да какая разница! Дед Мороз принесёт, а Снегурочка вручит.

Со спокойной совестью я уехал на выходные в Подмоскovie к дочери и внучке. Когда же после Рождества началась рабочая неделя, ко мне в кабинет вошла одна из тех самых многодетных матерей.

— Что, разве к вам никто не заходил? — спросил я, уже готовясь отдать женщине свой профсоюзный подарок — коробку конфет.

— Приходили... — смущённо ответила беженка. — Позвонили в дверь. Открываю — на пороге Дед Мороз и Снегурочка с большими пакетами. Детки обрадовались — их у меня трое, от года до пяти. «Волшебники» прочли по стишку и зашпешили дальше — мол, многие ждут. Когда детки открывали пакеты, у них глаза сияли, как бенгальские огни. С каким же расстройством они вытаскивали майки и бейсболки с буквами партии. Видно, с выборов остались... Хоть бы по конфетке положили!

Отдал я беженке свой профсоюзный набор конфет. А другую семью одарил конфетами сельсовет. Ведь в праздники грех обижать детвору: она далека от политики.

«МИЛЫЙ, ПОМОГИ!»

В администрации района доступ граждан к «телу» начальника — дело простое. Не то что в области или в Москве, где надо заранее записываться, ждать вызова... Может быть, только к главе есть запись, потому что он на ходу решать вопросы не должен, особенно связанные с землёй и деньгами. Пообещаешь человеку что-либо на улице, да забудешь, а народ у нас обидчивый. Лучше уж под протокол.

А у заместителей главы и у начальников отделов, управлений «живая очередь» для всех. Бывает, жалобщики на улице встретят, в автобусе, в магазине не отстанут... Что делать! Работа у нас такая...

Однажды сижу я в своём кабинете, готовлюсь к заседанию какой-то комиссии (их у меня восемнадцать). Вдруг слышу с порога приёмной знакомый акцент. Так и есть — цыгане. В расцвете лет, где-то по сорок-сорок пять. У него борода густая, чёрная, без проседи, глаза круглые, крутятся, как у куклы-неваляшки. Брюки заправлены в сапоги, пиджак в полосочку, картуз в руке — классический «романе». Он и назвался Романом. Она представилась Розой — породная, в цветастых, как в индийских фильмах, платьях. На голове платочек шёлковый, под ним — коса, уложенная вавилонами. Только вошли — и сразу в их глазах море любви ко мне.

— Милый, родной, золотой... — начала цыганка, прижимая руки к пышной груди. — Нам сказали, что ты человек хороший, добрый, всем помогаешь...

— Кто сказал? — перебил я.

— Все говорят. Весь район и город говорит, что глава района — самый человечный человек.

— Я не глава, а его заместитель...

— А зам. главы, сказали, — самый лучший зам во всей России. Когда на месте нет главы, он решает все вопросы.

— Что вам угодно? — спросил я как можно строже, хотя внутри распирает смех. Роза зыркнула глазами в Романа: мол, твоя очередь. И тот, сжав в руке картуз, шагнул ко мне.

— Жить негде, дорогой. Семья большая, комнатка маленькая, спим на полу, — сказал он, вращая кукольными глазами. — Дай нам жильё.

— В какой деревне?

— Зачем в деревне? В городе хотим остаться.

«Ага! — смекнул я. — Городские, слава Богу!» И пояснил:

— У нас — район, деревни с сёлами-посёлками, а в городе — своя власть, ниже этажом.

— Мы на «шанхае» проживаем, дом на две семьи. Так тесно, что нет силы жить!

— «Шанхай» — это частный сектор города, — повторил я. — Спросите ниже этажом.

Незванные гости переглянулись, и вдруг цыганка рухнула на колени, да так громко, как, должно быть, упадёт когда-нибудь Пизанская башня.

— Милый, помоги! Нам нечего кушать! С голоду умираем! — воскликнула она, вскинув руки с такой страстью, что блеснули золотые кольца на всех пальцах.

Я вынул из портфеля свой обеденный «тормозок»: два бутерброда с колбасой и пару яблок — и протянул цыганам.

— Нет, дорогой, ты денег дай! — потребовала Роза.

— И где ж я их возьму?

— Как где? А в сейфе? — сказала она, указав на «двухэтажный» сейф в углу кабинета.

Чтобы не вступать с гостями в объяснения, я предложил им заглянуть в утробу «банка». Цыгане, горя любопытством и алчностью, шагнули к стальному хранилищу, которое давно не слышало лязга ключей — те были утеряны.

Я открыл тяжёлую, с лязгом, верхнюю дверцу. Из сейфа потекла река листовок «Единой России». Лощёные, цветные, они падали на пол радужным листопадом. И вторую дверцу я раскрыв — там лежали пакеты с эмблемой «Единой России» и футболки с медведем на спине. Удостоверившись, что в сейфе больше ничего нет, Роза сказала:

— Дай нам хоть по майке и пакету.

— Это можно, — сказал я. — Это с радостью!

Вскоре цыгане покинули мой кабинет с пакетами от партии, как будто агитаторы. Их лица говорили: «Хорошо, хоть чем-то поживились». А что? Они ведь тоже из России, где мы все едины и непобедимы!

ЗАЩИТНАЯ ЗОНА

Охотников за дураками у нас в стране, может быть, не так уж много, но они правильно расставлены, по номерам, чтобы выколачивать деньги. Здесь всякого рода надзоры, комиссии, инспекции и прочие карающие органы во главе с прокуратурой. Один из таких «номеров» — служба по охране памятников культурного наследия. Люди в ней въедливые — страсть! Если есть хоть малейший признак нанесённого ущерба какому-то памятнику или памятному знаку, они тут же обрушиваются на нарушителя, грозят ему штрафами, да не тысячными, а миллионными! Может быть, это и правильно: нельзя трогать святую память необдуманно, невежественно, наобум. Но есть здесь и то, что вызывает удивление. Например — незыблемость реестра этих объектов. Пусть их нет на самом деле, но то, что записано пером — действительно уж, вылетит — не поймаетшь!

В деревне Курёнки по региональному плану в 2021 году областные власти наметили построить типовой фельдшерско-акушерский пункт — ФАП. По-старому — медпункт. Дело нужное, полезное: население в сельской местности стареет, болеет, а тут — реальная помощь на месте. От местной власти требовалось одно: выделить земельный участок в 6–10 соток, чтобы рядом имелись коммуникации: дорога, газ, вода, электричество. Глава сельсовета вместе с «земельщиками» и с помощью администрации района быстро решил эту задачу, заплатив не так уж много за труды по межеванию и кадастру. Он вовремя оформил документы на участок, сдал их в область и стал дожидаться приезда комиссии, дающей «добро» на строительство.

И вдруг из области пришёл отказ. Не согласились с этим участком в службе по охране объектов культурного наследия. Мол, территория ФАПа попадёт в 200-метровую защитную зону памятника регионального значения — братской могилы красноармейцев, погибших от рук кулаков в 1919 году.

Но братской могилы, о которой шла речь, не было вообще! Когда-то стоял скромный обелиск на том месте у реки, где погибли комиссары и бойцы Красной гвардии, причём он находился в полутора километрах от нашего земельного участка. Какая тут зона в 200 метров! Тем более, обелиск без могилы — не памятник вовсе, а памятный знак, так сказать, символ. Самим памятником считается только братская могила, однако имелся рукописный документ, изложенный главным комиссаром уезда в том же 1919 году, где русским по белому написано: убитых торжественно перезахоронили: одних — в селе Мухановке, волостном центре, других — в уездном городе. Всё! И почему в Курёнках упрямо записывали «братская могила» на пустом месте — непонятно. Может быть, для большей торжественности: в советское время здесь, у обелиска павшим, проходили митинги, ребят принимали в пионеры... Я не раз просил службу по охране объектов культурно-исторического наследия исключить памятник красноармейцам из регионального реестра, тем более что само место их гибели уже полвека находится под водохранилищем.

Но годы шли, а реестр не менялся, и вот почему: братская могила числилась уже в федеральных списках и убрать её оттуда оказалось делом длительным, затратным, да и, чего греха таить, неблагодарным. Выходит, многие годы плакали и клялись над пустой могилой. «А что? Пусть значится. Что от этого изменится? Лишний раз

вспомнить погибших — не грех», — думали руководители местной власти, подписывая в очередной раз реестр с несуществующим памятником.

И вдруг — отказ на участок для медпункта. Деньги, какие-никакие, но всё же тысячи, а не рубли, на оформление земли ушли. Коту под хвост. Грозили «нецелёвка» и ответ прокурору. К тому же сроки поджимали. Если в этом году ФАП в Куренках не построят, неизвестно, когда это случится.

Глава района поручил мне разобраться в ситуации. Я нашёл письмо прежних лет, в котором просил исключить несуществующую братскую могилу из объектов культурного наследия, приложил другие документы: газетные статьи, фотографию памятника 1919 года — они доказывали, что никакой защитной зоны на территории участка быть не может.

Бесполезно! В беседе со мной сотрудница службы по охране памятников выдвинула удивительную версию: мол, останки красногвардейцев перезахоронили именно рядом с участком под ФАП на заре перестройки, в 1990 году, а на их месте поставили памятный знак односельчанам, погибшим в годы Великой Отечественной войны — фигуру советского солдата. Каково?! Убедить милую женщину в абсурдности этого утверждения мне не удалось. «Значит, это не та могила, значит, есть другое захоронение красногвардейцев, о котором вы не знаете», — сказала мне сотрудница. Ей было всё равно: красноармейцы или красногвардейцы. Выходит, никто в районе ничего не знал о «другой» могиле, а в реестре её записывали так, для количества? «Делайте экспертизу, доказывайте вашу правоту», — посоветовали в службе.

Стали мы с главой района искать экспертов с лицензиями. Таких в области немного. «Да, конечно! — отозвались специалисты. — Проведём, как положено. Нас трое. Всё зависит от суммы, которую вы предложите. Если 50 тысяч рублей, — три месяца, 75 тысяч — месяц, а за 100 тысяч рублей и в неделю уложимся». Что ж, правильно составлены эти «охотники», знают свои номера! Спросили мы о методах работы. Опрос старожилов, имеющиеся бумаги, фотографии — то, что мы можем собрать и сами. Но зато у них лицензии! А значит, надо хорошо заплатить, чтобы они доказали: невозможно в тёмной комнате найти чёрную кошку, если её там нет! Дороговато, однако!

Кто-то предложил нам обратиться к самому опытному в России эксперту в этих делах. Мудрая женщина посоветовала по-доброму:

— Не связывайтесь с вашими специалистами. Они деньги, конечно, возьмут, но экспертиза не поставит точку. Несуществующий памятник вместе с защитной зоной так и останется в реестре. Чтобы вычеркнуть его из списка, нужно постановление за подписью первых лиц государства. Даже если вместо памятника есть только разбитый горшок.

— И что нам делать?! — взмолились мы с главой.

— Проще пересмотреть защитную зону, её границы, — сказала эксперт. — У меня есть знакомая, она этим занимается. Запишите её телефон.

Что делать? Стали мы звонить по новому направлению.

— Да, мы имеем вес, у нас много заказов. И только мы сможем вам помочь.

— Назовите сроки и сумму, — попросил глава.

— Охотно. Триста пятьдесят тысяч рублей — и через два года границы будут изменены.

Да что же это такое делается! Ещё один номер в охоте за дураками!.. Поняли мы: что-то доказать можно, но изменить — лишь за большие деньги через много лет. А жителям Курёнок ФАП (по-советски — медпункт) нужен сегодня. Махнули мы рукой на правду и кривду и, чтобы не тратить время, стали искать новый участок — подальше от памятников.

ПРАЗДНИК ЛИВЕРА

Трудно русскому человеку привыкнуть к тому, что вызывает у него душевную неприязнь. Заменяли мягкое слово «милиция» на более жёсткое «полиция», и в памяти у всех всплыл ненавистный полицей, холуй, фашистский прихвостень с повязкой на рукаве. Вот уже который год пошёл, как надо по-новому звать участковых и патрульных, но у многих россиян язык не поворачивается.

Главе района как раз в эпоху «грустных перемен» предстояло публично поздравить работников МВД с их профессиональным праздником. Он, вообще-то, по профессии инженер сельского хозяйства, технарь, к ораторству привык не сразу, в те поры только начинал произносить речуги без шпаргалки.

И вот 10 ноября, Дворец культуры, полный зал людей в погонах. Вышел глава на сцену и... растерялся: как называть собравшихся — милицией или полицией? Рискнул сказать нейтрально:

— Дорогие друзья! Разрешите поздравить вас с праздником внутренних органов!

Сидящие в зале замешкались с аплодисментами, и было слышно, как кто-то проорчал: «Чтоб нам всем и в кишки, и в печёнки...»

ОРАТОР

А вот председатель районного Совета ветеранов Иван Иванович, человек заслуженный и уважаемый, всегда считал себя достойным оратором. Такая уверенность в своих талантах часто встречается среди безголосых певцов и бездарных поэтов. Раньше, будучи директором крупного предприятия и депутатом различных уровней, он по долгу службы должен был выходить на трибуну. Красноречием не отличался — ну что — не все Цицероны. Но если, по воспоминаниям современников, это обстоятельство раньше Ивана Ивановича как-то смущало, то с годами он эти комплексы растерял. Стоит за трибуной с докладом, громко плюёт на пальцы, переворачивая листы, кхыкает между словами, так что до конца сказанной им фразы можно выпить и закусить. С каждым годом тяга к выступлениям у него усиливалась, но красноречия не прибавлялось.

Районный Совет ветеранов Иван Иванович возглавил в 73 года. Талантливый организатор производства советской эпохи, он хорошо наладил работу: укрепил первички в сельсоветах, добился бесплатного лечения ветеранов в госпитале, возил стариков на экскурсии по историческим местам... Его активисты агитировали во время выборов и приносили немало пользы действующей власти. Молодец Иван Иванович, что и говорить! Но как получит слово на мероприятии, все с ужасом ждёт, что будет.

Мне по должности не раз пришлось вместе с ним поздравлять юбиляров, выступать на митингах. Когда председатель райсовета ветеранов говорил по бумажке — куда ни шло: пусть кхыкает, зато с текста не сойдёт. Но стоило дать ему слово экспромтом, того и жди «перлов».

Однажды мы приехали поздравить в деревню с юбилеем 95-летнюю женщину, бывшую знаменитую доярку, относительно бодрую старушку. Иван Иванович во время тоста сказал:

— Вам...э-э-э... не дашь на вид 95 лет. Кх, кх... Вы выглядите... гм-м... на все сто!

Он так и не понял, почему все вокруг засмеялись.

Выступали мы с ним зимой на митинге в годовщину освобождения от гитлеровских оккупантов одного из сёл. А перед этим, пока собирався народ, старожилы вспоминали это страшное время и между прочим сказали, что в селе не так боялись немцев,

как полицаев. Мол, немцы иногда даже жалели ребятишек, помогали лекарствами больным, а «свои» отбирали последнее. Видимо, держа в мыслях эти слова, Иван Иванович на митинге заявил:

— Наши фашисты здесь вели себя даже лучше, чем наши полицаи!

Хорошо, что среди участников митинга были такие же, как он, старики — ничего странного не заметили в его фразе.

Зная о том, что Иван Иванович может что-либо ляпнуть, ему по возможности не давали слова в музеях и на форумах, и это председателя Совета ветеранов злило. Он каждый год получал награды за активную работу, так почему же не сказать об этом?

И всё-таки главный районный ветеран находил свою аудиторию. Как-то прибыли мы с ним в Мухановский детский сад накануне очередных выборов. В общем зале собрались воспитатели и нянечки, в основном молодёжь; отдельно сидели на лавочках детки — после нашего выступления намечался их концерт. Я в нескольких словах рассказал о ремонте групп, о закупке мебели и игрушек — то, что надо сказать перед выборами. И вот слово дали Ивану Ивановичу. Надо было видеть, как, раскрыв рты, распахнув глазёнки, слушали его детки! А он поведал малышам и молодым работникам о том, сколько ветеранов района отдохнуло в госпитале; сколько картофеля и овощей собрано для больницы; куда они ездили с экскурсиями и куда ещё поедут... В финале, глядя на малышей, попросил всех прийти на выборы. Воспитательницы и нянечки не выдержали, засмеялись. Вслед за ними развеселились и дети. Так что встреча закончилась «в тёплой, дружественной обстановке». И выборы прошли хорошо! А что ещё надо?

КАК СЛОВО СВЕРХУ ОТЗОВЁТСЯ...

Некоторые штатские генералы из администрации области в порыве начальственного гнева выдавали такие «перлы», что их подчинённые входили от неожиданности в ступор.

Один из заместителей губернатора, которых мы, чиновники районного масштаба, называли сокращённо «замгубы», имел привычку в конце выступлений перед аудиторией из районных чиновников предложить: «А теперь вопросы». И делал паузу, обводя зал светло-голубыми насмешливыми глазами. Опытные районные чиновники эту паузу выдерживали, а молодые, показывая свою прыть, что-либо спрашивали. И тут «замгуб» театрально вскидывал руки: «Вот умник нашёлся! Посмотрите на него!» Конечно, все глазели на «умника». И тот сожалел, что поддался на провокацию. Тем более, что ответ на его вопрос или повисал в воздухе, или был типа «сам дурак».

Этот «замгуб» был чиновником старой закваски. Он не очень вникал в суть вещей и событий, но заставлял подчинённых выполнять «циркуляры» любой ценой, какими бы «странными» они ни были. Вот пришла в область бумага из Москвы: из-за возможного обнищания Пенсионного Фонда РФ настойчиво предлагать работающим людям перечислять средства в негосударственные фонды: мол, потом, выйдя на отдых, наш «Буратино» получит десятки тысяч рублей к пенсии из «зарытого» в банке вклада.

Большинство людей понимали, что эта афера опасная: деньги отдашь, а там неизвестно, дождёшься ли пенсии, дотянет ли фонд. Но наш «замгуб», пихая циркуляр заместителям глав городов и районов, рубил фразами, рассекая воздух: «Через месяц доложить! Начните с себя, со своей социальной сферы, ведите работу среди учителей, врачей!» Когда один из моих коллег возмутился: «Опять нас в колхоз загоняете!», — «замгуб» побледнел от гнева и гаркнул: «Мы государевы слуги! Мы должны!»...

В течение нескольких месяцев в администрации районов и городов, в коллективы учреждений приходили представители этих самых фондов. Люди возмущались очередным «колхозом», но кто-то, путая понятия «вклад» и «клад», всё же думал о будущем с оптимизмом. Однако тема эта потихоньку сошла на нет, и в памяти сохранилось только много шума из ничего.

А чего стоят выступления этого «замгуба» на совещаниях по демографии! На одном из них какая-то комитетчица констатировала факт: в отдельных районах за прошедшие полгода количество семейных браков оказалось ниже количества разводов. «Замгуб» поднял вверх руку, тормозя её речь, грозным взглядом обвёл аудиторию и заявил: «Надо потребовать объяснений от заведующих ЗАГСами: почему у них разводов больше, чем браков. Немедленно исправлять ситуацию!» Конечно, у многих чесался язык спросить, что же писать в объяснительных, но, зная реакцию «замгуба», никто не рискнул раскрыть рот.

Однажды и мне досталось от этого заместителя губернатора — и тоже из-за демографии. У нас в районе смертность намного превысила рождаемость. Рядом перспективный город, молодёжь устремилась туда, рожать в деревнях некому, а старики вымирают. Печальный, но объяснимый процесс. Об этом, а также о причинах смертей я собирался сказать как бы в оправдание ситуации. Нормальные люди это поймут, однако начальство должно было «для порядку» сделать мне втык. Наш «замгуб» такого случая не упускал. Во-первых, он умел унижить человека, показав, что тот никто и зовут его никак. Прекрасно зная ФИО докладчика, он вызвал меня за трибуну, назвав Александром Геннадьевичем Николаевым. Потом по ходу окрестил Геннадием Александровичем, Николаем Геннадьевичем — в общем, специально изгалялся: старый трюк советских партработников, следователей НКВД и прочих «государевых людей». «Не надо ничего читать, Александр Николаевич, — сказал „замгуб“. — Я знаю, ты писать умеешь, книжки издаёшь. Ответь мне на простой вопрос: почему у вас в районе люди мрут».

— Средний возраст жителей нашего района — 66 лет, — начал я.

«Замгуб» гомерически захохотал, ткнул в мою сторону пальцем и воскликнул:

— Вы поняли, о чём он говорит? Мне тоже 66 лет, так что теперь — собираться в Могилёв? В Землянк? Это не ответ. Ты начни ещё и про болезни говорить! Ответь: а что вы лично с главой района сделали для повышения рождаемости?

Честно говоря, этот вопрос застал меня врасплох, я не знал, что сказать под испытующим взглядом «замгуба». В зале мои коллеги прыскали в кулаки.

— У вас столько предприятий под боком! Добейтесь, чтобы они выделяли деньги на рождение детей! Вам ли, с вашими возможностями, говорить о плохой демографии! Вам надо рожать и рожать! Садись, Геннадий Николаевич, плохо, «двойка» тебе по демографии. И главе своему передай: ему тоже «двойка».

Спасибо, хоть в конце назвал меня правильно.

А другой «замгуб», заместитель Губернатора по вопросам ЖКХ, низкорослый, плотный, как Вий, вкручивал колючий взгляд в каждого из собравшихся в зале районных начальников в этой ненасытной сфере, которую сами коммунальщики расшифровывают «Живи Как Хочешь», несколько минут молчал, потом произносил загробным голосом: «Как мне надоели ваши рожи!» И начинал совещание.

ПЕРЕСОЛИЛ

Как-то так получилось, что на рубеже двух столетий главами нашего района становились три Юрия Ивановича. Шли они друг за другом, но правили недолго: на всех трёх пришлось пять лет. Ничем выдающимся Юрии не блеснули. Один пытался развести в деревнях казаков, чтобы те стали фермерами; другой старался для себя; третий в поселения не выезжал, людей не знал, но помечтать любил. Всех Юриев Ивановичей назначала губерния и делала это внезапно: только один пришёл в кабинет на работу — глядь, уже везут из центра другого. Но в мой 49-й год рождения пришёл конец «Юрскому периоду». Я, в то время редактор районной газеты, с утра дождался прихода с поздравлением Юрия Третьего и его помощника и даже приготовил угощение: коньячок, лимончик, бутерброды — так, чисто символически. Ещё вчера помощник главы укорял меня за то, что не всегда на первых полосах нашей газеты красуется портрет шефа. Я протестовал: «Это культ личности! Глава не Ким Ир Сен!»

Юрия Третьего всё не было. И вдруг вбежал нахохленный, как филин, его помощник.

— Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! — крикнул он. — Сняли главу. Забудь о нём. У тебя когда газета выйдет?

— Завтра.

— Убери из текстов Юрку, фото замени. К нам привезли Василь Васильича. Встреча через час в актовом зале. Иди, фотографируй. Сам фотографируй! Сам! Понял?

И дальше побежал с оповещением о встрече.

Василь Васильич — человек местный, уважаемый строитель-производственник, имел большую перспективную фирму. Зачем ему понадобилась власть, он, видимо, и сам до конца не понимал. Зато престижно! Во время представления новый глава так рьяно говорил, как выведет район из тупика и кризиса, что люди верили и дружно аплодировали. А что им ещё оставалось?

Я интуитивно не воспринял Василь Васильича как сильного главу. Всё же было в нём что-то настораживающее. О представлении написал коротко, как о факте, и фото поставил небольшое, типа паспортного. С этого начался мой исход из редакторства...

На другой день помощник главы ворвался ко мне с газетой в сжатом кулаке.

— Ты что наделал? — возмущался он. — В других СМИ целые полосы посвятили нашему шефу! А какие фотографии! Ты подведёшь себя под монастырь.

— Тебя, — поправил я.

— И меня заодно, — согласился помощник теперь уже Василь Васильича. Я не ошибся: его убрал первым.

Через несколько дней глава пригласил меня на собеседование. Он разложил перед собой несколько номеров нашей газеты и стал рассказывать о стратегии прессы. Затем потребовал давать ему на вычитку все материалы ближайшего номера. Такого не позволял себе даже Юрий Третий, учитель по диплому. А здесь — строитель.

— Вы в журналистике разбираетесь? — поинтересовался я.

— Зачем? Я газеты читаю, — сказал Василь Васильич и посмотрел на меня с сожалением.

Перемены в районной власти шли быстро, и мало кто был уверен в неприкасаемости. В одну из майских пятниц, перед обеденным перерывом, ко мне в редакцию заглянул начальник управления сельского хозяйства, по-нашему «сельхозник», любитель женщин и выпивоха, мастер жарить шашлыки и готовить шурпу. Внешне он выглядел интеллигентно: худой, в очках, с шевелюрой чёрных волос, всегда в костюме с галстуком.

— Я уезжаю в лес, — сказал «сельхозник». — Мне Василь Васильич поручил подготовиться к встрече высоких гостей. Будут директора предприятий, начальник милиции, прокурор и кто-то ещё, всех не помню. Глава сказал: это важно для развития района.

— Ну, что ж, поздравляю тебя с благородной миссией спасителя общества, — сказал я с усмешкой. — Пикник — это твоя стихия. Я чем-нибудь могу помочь?

— Да, можешь, — кивнул начальник управления. — Мне дали два ящика водки, зелень, помидоры, колбасу — всего навалом. Пойдём в подсобку, причастимся по чуть-чуть, а то я чего-то волнуясь. Такая ответственность!

Я не отказался «помочь»: пятница, обед, глава скоро уедет — почему бы нет?

Продуктов в подсобке было, и правда, много: кроме ящика водки несколько сумок с закуской, пакеты с шампурами, контейнеры с мясом, банки с соленьями... Ух!

«Сельхозник» открыл бутылку дорожной водки «Чайковский» с портретом композитора и берёзкой на «обложке». Сам я с моей зарплатой не рискнул бы купить такую. Мы приняли по стаканчику на грудь, заели краковской колбасой. Так мягко! Как будто боженька голыми ноженьками по душе прошёл.

— А теперь, дружище, — сказал начальник управления сельского хозяйства, помоги мне всё это перенести в машину.

Вот он, ларчик-то! С четвёртого этажа две ходки в гараж с тяжёлыми сумками — это цена за сто граммов «Чайковского». «Сельхозник» приободрился, даже стал напевать «Во поле берёза стояла».

В субботу утром я заглянул по делам в редакцию. В тёмном коридоре мне встретился начальник сельхозуправления. Казалось, он ещё больше похудел, глаза из-за очков смотрели тускло, руки тряслись.

— Выгонит меня сегодня шеф, — сказал он. — Опозорились на всю округу.

— Как так, дружище? Что случилось?

— Самое страшное, — вздохнул «сельхозник». — Я сжёг шашлык, пересолил шурпу и рыба выпала из барбекю на землю. А начиналось всё так классно! Поставил мангал у берёзки, разжёг огонь, насадил мясо на шампуры, на костерок воздвиг ведро с бариной... «Дай, — думаю, — ещё „Чайковского“ приму». Пил, что водицу. А потом не заметил, как вздремнул. Гости подъехали, а от шашлыка только угли остались. Ладно, думаю, пускай шурпу пока хлебают, новый нанижу, покуда тосты, то да сё... Только подзабыл: солил я шурпу или нет. На всякий случай ещё раз бросил соли. Гости эту пищу есть отказались, закусили колбасой. И вскоре разъехались. Первым смылся прокурор. Какой позор!

Согнувшись чёрным вопросительным знаком, начальник сельхозуправления побрёл с повинной к Василь Васильичу.

Напрасно он надеялся на помилование. Если бы от засухи в районе погибли посевы, если бы яшур поразил стадо коров, то ему простилось бы. Но опозорить весь район на пикнике — нет оправданий этому. Через час он уже не работал в администрации. А вскоре пришёл и мой черёд — за статью, не отвечающую взглядам нового главы. Однако и сам Василь Васильич, как и три Юрия Ивановича, правил немного: был осуждён «за превышение служебных полномочий». Интересно: если бы тогда наш «сельхозник» изготовил замечательный ужин с шашлыком и шурпой, как бы повёл себя прокурор?

СПАСИБО ЗА РЕБЁНКА!

Комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав, работает так: из школы и милиции ей сообщают о нарушителях дисциплины, секретарь собирает эти заявления, и в назначенное время члены КДН садятся за длинный стол, вызывают нерадивых деток и их родителей, читают им мораль и наказывают рублём. Но только есть ещё рейды по проблемным семьям. Этих семей в районе примерно полсотни. Какие в них проблемы? Пьянство, мордобой, брошенные дети... Получив несколько тревожных сигналов о запоях мамашек и дебошах папашек, мы с секретарём КДН, начальником отдела опеки и инспектором ПДН определяли маршрут, садились в машину и отъезжали.

Первый для меня как председателя районной комиссии рейд состоялся ненастной осенью в глухую деревню, состоящую из десятка дворов. Самой опытной в комиссии являлась начальник отдела опеки Лидия Ивановна. До этого она около тридцати лет работала в школах, была директором и заведующей РОНО. Строгая, категоричная, с тонкими губами, как у Чингачгука, в кожаном плаще, она напоминала комиссаршу времён Гражданской войны. Кроме неё были секретарь КДН сердобольная Леночка и капитан полиции Женечка — обе крупнотелые, громкоголосые, не лезущие за словом в карман.

По узкой дороге с глубокими колеями, заполненными водой, мы подъехали к уродливому домику, где проживала многодетная семья К-ых. Пространство возле жилища заросло бурьяном и хмызником, в окнах вместо стёкол торчали тряпки. Через полуразбитые ворота мы проникли во двор. Подняться на крыльцо оказалось невозможно: не было ступенек. Там, среди кучек с тряпками, бездонными вёдрами и прочим мусором, смиренно мёрзли трое деток, мал мала меньше. Они с любопытством взирали на незнакомых дядьку и трёх тёток.

- Вы почему так легко одеты? — спросила Леночка.
- А нам тепло, — сказала девочка постарше.
- Где ваши папка с мамкой?
- Дома. Они сказали, чтобы мы погуляли здесь. Скоро позовут.

Двое других деток — не понять, мальчики или девочки — что-то лопотали и улыбались.

— Пьют, наверно, падлы, — сказала капитан Женечка. А «чекистка» из опеки шагнула на порог, решительная, как возмездие — только длинная пола кожанки хлопнула по ноге.

Она вышла через минуту: спокойная, как памятник.

- Родители занимаются сексом, — сказала. — Попросили пять минут подождать.
- Тьфу ты, — плюнула Леночка. — Ночи не хватает? Приспичило...

Мы по часам зашли в дом, пустив впереди замёрзших детишек. На столе стояли пустые бутылки, в холодильнике звучало эхо. Из всей еды — картошка в сковородке. Везде бардак. Леночка с Женечкой набросились на родителей. Лидия Ивановна писала акт.

— Одних детей гробите, а других делаете? Зачем стране дебилы? Лишать вас будем родительских прав!

Как часто мы повторяли эту фразу о лишении! Но изымали деток редко: давали родителям шанс исправиться. Не всегда это получалось. Мы кодировали нерадивых мамок, заставляли трудиться папок, помещали детей в приют, и успех был половинный. Сегодня в семье тех же К-ых пятеро детей, все при деле, учатся, работают, родители не пьют и с нами, как с хорошими знакомыми: спасибо, мол, за то, что воспитывали!

О, сколько было таких рейдов! Мы вытаскивали у одной мамашки пьяного любовника из-под кровати; у другой «отрады» рыжий хахаль по прозвищу Скорпион прятался в шифоньере, но был мною изгнан оттуда; в Курёнках собрался притон, и пьяные мужики набросились на комиссию, так что мне пришлось вспомнить приёмы борцовских захватов, чтобы защитить своих дам... Да, КДН — это не КВН. Всяко было!

Однажды начальник управления соцзащиты Ольга Михайловна, неуываемая красавица казачьего типа, предложила нам с главой провести районный праздник День матери, пригласив на него... бывших нерадивых, а теперь исправившихся матерей. Идея понравилась. Мы отобрали пятнадцать таких женщин, теперь уже не мамашек, а мам, и предложили им показать свои таланты. Почти все они были многодетными — надо же на что-то жить! — и привели с собой своих чад. То-то весело было! Пели, танцевали, рисовали, вышивали... Жили эти семьи в разных деревнях и сёлах, но прекрасно знали друг друга.

— Они в приютах знакомятся, когда навещают детей, — пояснила Ольга Михайловна.

В конце праздника все получили подарки. А что, разве не заслужили? Это успех: покончить с нерадивой жизнью ради детей.

Корреспондент местной телекомпании, производивший съёмку мероприятия, отозвал для интервью дородную рыжую Раечку из Мухановки, любвеобильную женщину лет сорока, у которой трое детей были от разных мужчин, и она не знала, кто от кого. Она даже имела переписку с эками в разных зонах России, отдала любовникам свой материнский капитал, сама оставшись в драной хате. Ещё год назад мы навещали Раечку еженедельно, выгоняли из её хибары мухановскую шантрапу и заставляли эту «рыжую бестию» наводить порядок в доме. Она не пила и не курила, но без любви жить не могла и к чистоте имела равнодушие. И вдруг после очередного нашего визита Раечка взялась за оставшийся ум, разогнала шантрапу, прибралась, привела дочку в школу искусств, устроилась на работу... На праздник Матери она пришла в придававшем её телу ещё большую пышность шёлковом платье с глубоким декольте, рыжие волосы кокетливо завивались... Истинным удовольствием было взирать на один из положительных результатов работы нашей КДН!

Вечером я включил местный телеканал, чтобы посмотреть сюжет о празднике. Всё было схвачено корреспондентом точно и добротнo. В конце сюжета он на камеру спросил у Раечки, как изменилась её жизнь и кому она благодарна. И эта «рыжая бестия» выдала такую фразу. «У меня сейчас всё хорошо. Спасибо КДН и особенно Геннадия Николаевичу Александрову, благодаря которому я скоро в четвёртый раз стану счастливой мамой!»

Что было потом со мной в семье и на работе — лучше не говорить.

ИСПЫТАНИЕ ПО РУССКОМУ

При моей должности хоть каждый день пиши чиновничьи быльки — было бы время. Чисто весёлых ситуаций не бывает — сплошь трагикомедии.

Легкомысленный симпатяга Серёга привёз с Украины в родную русскую деревню красавицу Роксану. Серёге было 18 лет, а ей — 17. Роксана — иностранка с цыганкой в одном флаконе. Не получив российского гражданства, с радяньским паспортом, она собралась рожать. Для многих внуки — отрада, да только Серёгина мать в тесном домишке не очень желала встречать глубокую старость с «цыганским отродьем»: с годами хочется покоя. Предложила сыну жить порознь, проще говоря — турнула из хаты.

У Серёги своих апартаментов не имелось — сам не заработал, и наследства нет никакого. Перешли они с Роксаной жить в другую деревню, в халупу с обвисшим, как пивное пузо, потолком, с полуразрушенной печуркой. Бывший хозяин подался в город и разрешил молодым обитать в углу домишке: продать его невозможно, а так, глядишь, квартиранты печь будут топить, и хата плесенью не зарастёт. А если потолок заменят и полы покроют — тогда и цену можно предлагать.

Стали молодые жить-поживать да детей наживать. За восемь лет пятерых наклепали: красивых, выразительных — на загляденье. Правда, жила семья неважно. Серёга месячишко поработает и бросит, потом слонов слоняет из одной деревни в другую. Старикам на огородах поможет, дров порубит, а расчёт берёт поллитрой самогона — это в деревне самая конвертируемая валюта, хоть и не вмещается в конверт. Чуть было не спился Серёга, еле-еле КДН заставила его лечиться.

Спасибо, люди добрые в деревне есть: продуктами, вещами помогают. И мать чего-нибудь да принесёт, и районные опека с собесом, глядишь, мешок с одеждой или с хлебом доставят. Я с девочками из комиссии по делам несовершеннолетних тоже частенько бывал в этой семье. И социальные пособия платили на детей. В общем, с голоду не давали погибнуть. Но потолок в хате опускался всё ниже, печь дымила всё гуще, и неотложно встал вопрос о новом доме. Только где его взять? Никакого жилищного резерва в районе нет. Стоят заброшенные хаты, в зарослях американского клёна и борщевика не видны, но попробуй поселись — сразу хозяева найдутся, заломят цену: недвижимость, а как же! Была бы Роксана российской подданной, она могла бы использовать материнский капитал: на пятерых детей почти два миллиона рублей. Можно крепкий дом купить, большой, с удобствами, или даже новый построить! Но ей, матери пятерых граждан России, за восемь лет не выдали даже вида на жительство — каких-то документов с Украины «ждали, ждали, не дождались». Соответственно, без этого «вида» не имела она ни нашего гражданства, ни паспорта. Куда я только не писал с просьбой ускорить процесс — бесполезно. Старший ребёнок пошёл в первый класс, а Роксана всё ещё оставалась иностранкой. Пособия на детей Серёга получал, но «отцовский капитал» — понятие купеческое, в законе его нет.

В начале октября 2020 года дом, где обитала семья, загорелся: выпустил искру из печи боровок на чердаке, и разбросанная возле него сухая солома мгновенно вспыхнула. Документы, деньги, часть вещей Серёга с Роксаной успели вынести, но не все — в первую очередь выводили детей. Благо, осень была тёплой, не надо укутывать. Всё остальное сгорело дотла. Хоть и немного скопилось, а жалко.

Пришлось погорельцам переходить к Серёгиной матери. Как они думали — временно. Все важные люди, вплоть до депутатов Госдумы, обещали им другое жильё: тёплое, светлое, крепкое... Но в России нет ничего более постоянного, чем временное.

У Серёгиной матери тесно — не повернуться. Она с цыганкой ругается, дети кричат — в общем, если это не ад, то его кочегарка. На квартиру погорельцев взять никто не отважился — цыганята новый пожар сотворят. «Помощь» депутатов Госдумы, разных там комитетов по правам семьи, ребёнка заключалась в написании ими грозных писем главе района. Тот отписывал эти требования мне, своему заму по соцвопросам, и я, прихватив начальниц собеса, КДН и опеки, рыскал по окрестным деревням в поисках хотя бы временного, на какой-то один год, жилья. Дальше план был прост: убедить депутатов Госдумы и областных товарищей из миграционной службы, чтобы они ускорили процедуру получения Роксаной российского гражданства.

Через некоторое время депутаты стали сами названивать нам в район: «Скажите, как там у Роксаны с гражданством? Что-то делается?» Вот такая оказалась их «скорая» помощь: мы интересуемся, не забыли, а делайте — вы. Уполномоченная по правам

ребёнка в области прислала к погорельцам свою помощницу. Та поохала, поахала, всучила детям по игрушке, подсказала, кому и как писать слёзные жалобы. И от Роксаны пошёл поток писем: президенту, губернатору и прочей верховной власти. Все эти письма поступали главе района, от него — мне. Круговорот бумаг в природе. Написаны жалобы кое-как, в каждом слове ошибки, почерк — как пьяный плетень. Одно письмо, второе, третье... Не знаешь, то ли поиски хаты вести, то ли на жалобы отвечать. А что обещать, если свободного жилья нигде нет? Позвонил я Роксане, попросил: «Не пиши ты, ради Бога, всё попусту, только мы здесь, на месте, сможем решить. До Бога высоко, до царя далеко. Понимаешь?» Молодец, цыганка, поняла. Стала терпеливо ждать.

На первое время мы нашли погорельцам 20 тысяч рублей, помогла им и школа, и пособия ещё имелись. Сердобольные люди привозили ненужные им вещи, которых в тесной хатке некуда складировать. Серёга устроился на работу. Но главное — жильё. Его нельзя купить из районного бюджета — нет такой статьи расходов. Надо минимум 700 тысяч рублей. Тут даже спонсоры не помогут. Ах, где ж ты, материнский капитал! Но для его получения Роксане нужны гражданство и российский паспорт. Процедура не быстрая, ждать придётся более полугода. Украинская цыганка — это вам не Жерар Депардьё.

Как-то Роксана звонит мне поздно вечером и плачет: «Что мне делать? Завтра надо писать диктант, доказывать, что я знаю русский язык. А я школу не закончила. Помогите, я сама не сдам». Судя по её письмам президенту, цыганка не врала.

Начал я обзванивать знакомых, кто мог бы помочь Роксане, что-то подсказать ей, дать списать... Оказалось, всё не просто. Сдавали экзамен при камере видеонаблюдения, как ЕГЭ. Была ещё и устная часть. Проходной балл — сорок один. Я начал снова обрабатывать депутатов: должны они хоть здесь как-то помочь! Ну, потолковать с экзаменатором, что ли, который приедет от Федеральной миграционной службы. Или многодетной матери век ютиться в одной хате со свекровью? Депутаты посочувствовали.

Роксана позвонила мне перед диктантом. Я хотел сам потолковать с экзаменатором, но та не взяла трубку. Я волновался, будто сам сдавал зачёт.

После выполнения работ Роксана успокоила: всё будет хорошо. И экзаменаторша ответила. Наивная цыганка рассказала ей перед испытанием, что я должен позвонить, и она всё поняла... Удивительное дело! Тысячи «иностранцев» работают на просторах нашей необъятной родины, пользуются благами, которые она им даёт, и никаких им экзаменов и зачётов! А тут — мать пятерых граждан Российской Федерации должна доказывать право быть россиянкой, чтобы жить нормально и воспитывать своих детей!

Слава Богу, Роксана сдала. Ей поставили ровно сорок один балл — столько было необходимо набрать. Может, мой звонок потянул на сорок первый? А скорее всего, попалась мудрая экзаменаторша, которая думала так же, как и я — об улучшении демографической ситуации в стране.

Роксана наконец-то оформила материнский капитал. Думаю, всё у них с Серёгой получится. У нас в стране в обиду не дадут.

44-Й ФЗ

Самым каверзным Законом для районной власти является сегодня пресловутый ФЗ № 44, вступивший в действие в 2013 году. Полное его название: «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных

и муниципальных нужд». Призванный бороться с коррупцией, этот Закон породил сотни жуликов и загубил судьбы тысяч ни в чём не повинных людей.

Простой люд ничуть не ведаёт о 44-м. А надо бы ему знать, чтобы указательный перст возмущённого гражданина ткнулся в грудь не районного и даже не областного чиновника, а в депутатов Госдумы, принявших этот Закон.

В чём же «прелести» 44-го? Если раньше заказчик ремонтов, строительства, товаров, услуг за государственный счёт мог сам выбрать надёжного подрядчика или поставщика, то сегодня он в этом не волен. Именно здесь, считает Государство, корень зла: директор клуба закажет поставить входные двери своим знакомым — и даст им заработать. А это коррупция! И купить в магазине у тёщи пачку бумаги для службы на бюджетные деньги зять-чиновник не может, если в других канцелярских лавках эта бумага дешевле! Значит, зять нанёс районному бюджету ущерб на три копейки в пользу тёщи! Это непорядок! По Закону надо брать три коммерческих предложения и выбирать из них самое дешёвое. И так на каждый чох: чтобы что-то купить на сто рублей, потратишь уйму времени и нервов.

Прокуратура, найдя таких «копеечных» нарушителей среди чиновников, директоров школ, глав сельсоветов, штрафует их по полной программе. Досконально проверяется каждая размещённая на компьютерном сайте закупка. Малейшая ошибка — штраф. А люди-то живые, многие из них новички и досконально 44-го не знают и не могут по своей бедности или из-за кадрового дефицита взять себе контрактного управляющего. Сидят бедолаги-директора часами сами за контрактами — а их за год до сотни набирается! — и всё равно без штрафов не обходятся. Поэтому сегодня нет очереди желающих работать главами поселений, директорами учреждений. Из 13 директоров школ в нашем районе в 2020 году ушли 6, из пришедших на их места пятеро через полгода подали заявления об уходе. Ищи, кого хочешь!

Большие, в сотни тысяч рублей, заказы по ФЗ№ 44 выполняются через аукционы: ремонты зданий, грандиозные закупки сантехники, мебели и прочее. Иные руководители строительных и торговых компаний рады 44-му! Они создали под Закон несколько фирм и фирмочек. Решающий момент в аукционе — при одинаковых для всех требованиях заказчика предложить минимальную цену. Допустим, стоит крыша миллион рублей, и за неё борются пять подрядчиков. Победитель предложил полмиллиона. Но за них эту работу не сделать! И пошла комедия: отказываются выигравшая фирма, за ней вторая, третья... Соглашается лишь та, которая почти ничего с миллиона не сбросила. А почему? Да потому что или все остальные фирмочки — её «дочерние», или она дала другим откаты в десятки тысяч, чтобы взять заказ на миллион. Мафия бессмертна! Вот и везут в деревню Козюлькино пластиковые окна из Пензы, унитазаы из Тулы и кровельщики из Тамбова, хотя рядом свои мастера и товары, пусть на копейку дороже.

Услуги по 44-му — процедура длительная. Чтобы купить, например, 20 компьютеров, вы размещаете заказ в план-график; его с десяток дней изучают возможные поставщики, потом объявляется аукцион; он длится месяц, затем идут переговоры заказчика с исполнителем — так что вы получите оргтехнику не раньше чем через 3–4 месяца. Если получите...

Бывает, что в первый раз аукцион не состоится — он невыгоден по смете, с ним больше проблем, чем навару. Тогда торги проводят вдругорядь и рады любому «игроку». А что делать? Иначе деньги пропадут — они ведь должны израсходоваться только до конца года. Вот и строят у нас дороги по морозу, а крыши — в дождь и снег. Не знающий 44-го Закона народ возмущён: совсем спятели районные власти, дождались непогоды... И про тех, кто в Госдуме сидят и радуются своему 44-му ФЗ, даже не думают.

Некоторые подрядчики играют в торгах по ремонтам, имея в наличии только печать и лицензию. Крупных заказов они не берут, и работы простые: перекрыть крышу в каком-то учреждении, уложить асфальт... Выиграв заказ, такой подрядчик ищет работяг: своих у него нет. Хорошо, когда поблизости узбеки и киргизы — эти трудятся прилежно и при небольшой зарплате. А если азиатов нет, приходится ходить по городским дворам и убеждать парней за доминошными столами пойти на стройку шабашниками, чтобы зашибить копейку.

В сельских школах всегда есть срочные работы за относительно небольшую плату: залатать часть крыши, починить теплотрассу, благоустроить вход — да мало ли! Сметная цена вопроса — двести-триста тысяч рублей. Крупные строительные фирмы за эти «бабки» не берутся, да и скромных ИП на такой «геморрой» раз-два и обчёлся. Эх, и хлебнули мы с этим проблем!

Особенно глава района опасался своего земляка из Мухановки Славу. Тот каждый год выигрывал какой-то объект, который мы затем называли «бесСлавным».. Отказывать ему мы не имели права — он побеждал в торгах, будучи единственным участником.

Как-то у армянского радио спросили: «Можно ли сделать из говна конфетку?» Армянское радио ответило: «Да, можно. Но это будет конфетка из говна». То, что делали Славины парни, собранные по дворам райцентра, даже этим продуктом назвать нельзя. Уложенный ими асфальт напоминал навозное болото под коровьим стадом. Металлическая черепица на шатровых крышах расползалась вкривь и вкось. Штукатурка на стене казалась пластирем. Короче, всё тяп-ляп. Глава негодовал, орал на Славу и его вечно пьяных шабашников. Но перед Новым годом рассчитывались. А что? В другой раз откажет Слава «играть» в аукционе, и никто не будет делать «мелкие» заказы.

Но однажды всё же лопнуло терпение главы. Прибыл он в одну из школ принимать работу Славиных трудяг. Козырёк над входом протекал ещё сильнее: его просто смазали цементом. Отмостка отошла от стен, так как раствор засох перед укладкой. Асфальтовая тропка уводила мимо школы в лопухи. Но вершиной безобразия явилась дверь от запасного выхода. Её было предписано поставить по нормам «антитеррора». Когда приёмная комиссия проверила её на прочность, дверь оказалась из фольги и сразу же помялась, как конфетная обёртка. Директор школы не принял такую работу. И тогда Слава стал просить Главу и меня о снисхождении. Мол, он нас выручит в любой момент. Но брак был очевиден, а Слава не хотел его исправить. Он подал в суд, но проиграл. Пришлось ему «завязывать» с дешёвыми ремонтами.

О, сколько таких Слав на нашей памяти! Строители из Сыктывкара получили перед Новым годом деньги за невыполненную до конца работу и убыли, оставив гарантийное письмо, где уверяли, что приедут на доделки. Не приехали...

Выигравшая по аукциону проектные работы фирма, получив по договору деньги вперёд, выполняла заказ четыре года!..

Директоров из-за этого штрафовали и выгоняли.

Много невзгод принёс 44-й ФЗ нашему району. И, думаю, не только нашему.

ЗВЕЗДЫ И ТЕРНИИ СОЗИДАНИЯ ЛИЧНОСТИ

Достигшее полувекового юбилея, это уникальное по своей педагогической модели образовательное учреждение носит ныне наименование Набережночелнинского технологического техникума. И годовщина создания учебного заведения стоит в славной череде юбилейных событий, связанных с возведением автогиганта «КАМАЗ» и новой части города Набережные Челны в период Всесоюзной ударной комсомольской стройки 70–80-х годов прошлого столетия. История НТТ в контексте эпохальных перемен на стыке тысячелетий примечательна стремительно развивающимся творческим экспериментом, в ходе которого образовательный феномен, совершенствуясь, обретал последовательно организационно правовые формы торгово-кулинарного училища, среднего профессионально-технического училища, коммерческого лицея, профессионального торгово-технологического колледжа и государственного торгово-технологического института. Кампания оптимизации отечественной системы образования, увы, не миновала этого удивительного создания коллективного педагогического таланта и вдохновения. Обогнавшее своё время инновационное высшее учебное заведение XXI века было «упрощено» до статуса техникума с изъятием высшей образовательной ступени. Однако добрые дела не растворяются бесследно. Вот и Набережночелнинский технологический техникум, хотя и в стеснённых рамках, сохраняет и продолжает развивать славные традиции, высокий педагогический потенциал и опыт подготовки настоящих профессионалов. Об этом рассказал в беседе с нашим корреспондентом человек, имя которого должно быть причислено к замечательной когорте российских педагогов-новаторов, **директор техникума, профессор, доктор педагогических наук Виктор Семёнович СУВОРОВ.**

ПОРЯДОК ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЕ

— Виктор Семёнович, на долгом веку журналиста мне довелось повидать множество учебных заведений разного уровня, разных профилей, в разные времена, в разных регионах страны и зарубежья, старинных и инновационных, — но не в обиду замечательным работникам этих учреждений будет сказано, нигде не встречалось мне такой комфортной, такой организованной, продуманной до мельчайших деталей, такой оснащённой всем необходимым образовательной среды, где всё сверкает чистотой и отмечено безупречным порядком и вкусом. Как Вам удаётся поддерживать этот мир наибольшего благоприятствования для обучения, развития и социализации Ваших питомцев?

— Большое начинается вроде бы с мелочей. Кому-то может показаться, что внешние условия образовательного процесса не так важны, как его содержание. Или наоборот. Моя же позиция состоит в том, что всё должно быть в системе. Когда я бываю в других учебных заведениях, то нередко меня посещает неприятное ощущение от каких-то моментов обшарпанности, неопрятного содержания. И мне жалко становится тех, кто здесь учится, и тех, кто здесь работает. Разве такой должна быть среда, где проходят лучшие годы юности подрастающего поколения! Разве в такой обстановке должны происходить, если хотите, таинство и священнодействие передачи знаний, мастерства, профессионального опыта, миропонимания, да и житейской мудрости! Вот почему все 32 года, что я тружусь в качестве руководителя образовательного учреждения, мы в нашем коллективе, невзирая на экономические трудности переходного исторического периода, неукоснительное внимание уделяли традициям, культуре, микроклимату, профессиональной и психолого-педагогической квалификации сотрудников и, конечно же, развитию материально-технической базы и её поддержанию в идеальном порядке. Нам было важно, чтобы и прилегающая территория, и внутреннее пространства учебного корпуса, общежития радовали глаз, сверкали чистотой, свежестью, внушали самоуважение каждому входящему. Мы готовим кадры для сфер торговли и общественного питания, значит, для нас чистота, опрятность должны быть на первом месте. И это вопрос уважения, которое мы оказываем своим студентам. Не просто сухая, официальная, чопорная вежливость, а искреннее радушие, приветливость, забота и внимание к тем, кого принимаем в свою дружную семью.

Большую работу по совершенствованию материальной базы мы также провели уже будучи в статусе техникума. К примеру, многое сделано в рамках открытия у нас Ресурсного центра. Это удовольствие, конечно, дорогостоящее. Мы запросили у вышестоящих органов на реализацию проекта 170 миллионов рублей. Но получили только 45 миллионов. Нам сказали: «У Суворова и так всё хорошо, лучше другим дадим побольше». Подозреваю, что у других это «побольше» может уйти в песок, но это уже их проблемы. А нам и на урезанном пайке удавалось осуществить свою мечту. Мне с первых дней работы здесь хотелось превратить весь первый этаж учебного корпуса в кластер лабораторий и цехов, где царил бы мир практического усвоения теоретических знаний, приобретения нашими питомцами профессиональных умений и навыков. Практике должно отводиться чрезвычайно важное место в образовательном процессе. Это главное, что необходимо для подготовки кадров, востребованных в реальной экономике региона. И вот мы это сделали и сегодня располагаем хорошей базой для практики, лабораториями и цехами, оснащёнными новейшим оборудованием.

И ещё один повод для радости — это капитальный ремонт, который мы осуществили не только в учебном корпусе, но и в корпусе общежития. Здесь жилые комнаты, кухни, санузлы, душевые — всё охвачено переменами к лучшему и дышит атмосферой обновления и позитивного настроения. Такое же преобразование пережили и учебные аудитории, расположенные в корпусах. Конечно, здесь и прежде никогда не было запущенного состояния — это для нас исключено в принципе! — но сегодня стало ещё комфортней для проживания и учёбы.

На территории же, примыкающей к зданиям, мы заменили асфальтовое покрытие брусчаткой. Такое усовершенствование внешней и внутренней среды учебного заведения для нас предмет постоянных усилий и повседневной заботы. Раньше других образовательных учреждений мы выполнили программу «Доступная среда» для людей с ограниченными возможностями здоровья, для маломобильных студентов. Реализация этой программы потребовала восьми миллионов рублей. Зато с тех пор у нас имеются для передвигающихся на колясках заездные дорожки, стоянка, подъёмник,

Демонстрация 1 мая, возглавляют колонну директор училища Биктимиров М. З.

*Встреча ветеранов-директоров системы профессионального образования
с бывшим заместителем министра образования РТ Каримовым Файзрахманом Галимхановичем*

СТУПЕНИ РОСТА

Знаменитые учёные России, которые в стенах НТТ занимались с коллективом образовательной и научной деятельностью

Гатауллин Георгий Шамуонович – заместитель начальника управления высшего, среднего профессионального образования и науки Аппарата Кабинета Министров РТ

Ибрагимов Гусейн Ибрагимович – член-корреспондент РАО, доктор педагогических наук, профессор

Кирсанов Анатолий Александрович – действительный член РАО, академик, доктор педагогических наук, профессор

Махмутов Мирза Исмаилович – действительный член РАО, академик, доктор педагогических наук, профессор

Морозова Галина Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент

Новиков Александр Михайлович – действительный член РАО, академик, доктор педагогических наук, профессор

Осипов Пётр Николаевич – доктор педагогических наук, профессор

Рожков Михаил Иосифович – доктор педагогических наук, профессор

Шакуров Рафаэль Хайруллович – действительный член РАО, академик, доктор психологических наук, профессор

Международная научно-практическая конференция

Участники мастер-класса проводимого Ефимовым Анатолием Дмитриевичем – вице-президентом ассоциации кулинаров России, доктором экономических наук, профессором

СТУПЕНИ РОСТА

Встреча с депутатом Государственной Думы РФ Когогиной Альфиёй Гумаровной

Мастер-класс бренд-шефа ООО «Содексо ЕвроАзия» Эвезар Реми (Франция)

*Победитель конкурса «Лучший молодой преподаватель РТ» Ягудина Линара Ильдаровна
с министром образования и науки РТ Хадиуллиным Ильсуром Гараевичем*

Мастер-класс для первоклассников в рамках проекта «Малая Академия»

СТУПЕНИ РОСТА

Награждение победителей Регионального чемпионата «Молодые профессионалы» (WorldSkills Russia – 2017)

«Сюрприз» – вокальный ансамбль техникума

*Хореографический ансамбль «Арабески» на встрече
с президентом Республики Татарстан Шаймиевым Минтимером Шариповичем*

Участники новогоднего спектакля для студентов и сотрудников

СТУПЕНИ РОСТА

Студентки техникума – участницы городского парада Победы

Посвящение в студенты

специальный туалет, поручни, выровненные уровни в коридорах; использована плитка, исключая скольжение, даже подготовлена специальная аудитория.

ПЛОДЫ ПРОСВЕЩЕНИЯ... КАК УСЛУГИ

— *О том, что дети с каждым годом становятся все проблемнее, педагоги между собой опасливо перешёптываются уже давно. Однако до последнего времени, с точки зрения динамики ситуации, всё оставалось более или менее «безобидно» и дело ограничивалось разве что матерщиной. Детские шалости, сущее баловство! И вот, наконец, выросла (выращена?) целая генерация «вольных стрелков». Керчь, Казань, Пермь... Здоровенный лось, не беспризорник, не голодающий, одетый по последней моде, оснащённый новейшими электронными цацками, имеющий «карманные деньги» на профессиональное оружие, — идёт в родное учебное заведение и отстреливает всех подряд — сколько успеет. Не нужно быть футурологом, чтобы задуматься: неужели это будет повторяться повсеместно и регулярно — как узор на обоях. Отсюда вопрос: куда идём? Вернее, так: куда ведут?*

— В какой-то мере история нашего учебного заведения может послужить красноречивым материалом для попыток понять, в каком направлении движется вся система образования и какие тут были бы возможны альтернативы. Но наперёд замечу, что воспитательная работа у нас традиционно всегда шла впереди общеобразовательной и профессиональной подготовки. Мы развиваем в каждом студенте гармоничную личность. И пик развития учебного заведения в этом направлении пришёлся на период, когда оно именовалось Набережночелнинским торгово-технологическим институтом. К этому моменту был уже пройден серьёзный путь развития. Прежде всего, наше учебное заведение, первоначально в статусе торгово-кулинарного училища, возникло в 1972 году — как ответ на потребности Всесоюзной ударной комсомольской стройки. Нужно было кормить многотысячную армию молодых энтузиастов, приехавших со всех уголков великой страны возводить КАМАЗ и город автомобилестроителей. И у нас готовились кадры для возникающих на глазах важнейших отраслей жизнеобеспечения — торговли и общественного питания. Отсюда в наших работниках неистребимый энтузиазм первопроходцев, устремлённость к инновациям, желание первыми — в своём деле! — шагнуть в завтрашний день.

Вот и наступление новейших времён на стыке тысячелетий, связанных с политическим и экономическим кризисом, крушением прежнего государства, рыночной трансформацией экономической жизни, наш коллектив не обескуражило, не погрузило в уныние и тоску. Напротив, работники сферы профессионального образования, как, впрочем, и вся педагогическая общественность, увидели в переменах, пусть даже сопровождавшихся непростыми социальными эффектами, всё-таки возможность осуществления интересных идей, использования отечественного и зарубежного передового опыта, реализации смелых проектов. Этим во многом и объясняется быстрая смена образовательным учреждением своих статусов: 1990 год — коммерческий лицей; 1997 — профессиональный торгово-технологический колледж. Возглавить учебное заведение мне довелось в 1989 году. 19 октября я был на конкурсной основе избран директором. Существовала в то время такая распространённая практика — избрания директоров трудовым коллективом. У меня уже был за спиной внушительный опыт руководящей работы в системе профессионального образования. В своей программе я совместил мечты и прагматический подход. Коллеги поняли и поддержали меня.

С 2004 по 2019 год мы существовали в статусе Набережночелнинского государственного торгово-технологического института. В этой модели была воплощена идея

инновационного образовательного учреждения будущего. Концепция базировалась на нескольких краеугольных камнях. Прежде всего, это многоуровневость образовательного процесса, при котором на ступени начального профессионального образования использовалось практикоориентированное обучение, на ступени среднего профессионального — лабораторно-практическое, на ступени высшего профессионального образования — теоретическое обучение. Это было увязано с личностно-ориентированной технологией обучения, ликвидацией дефицита аудиторного времени путём формирования развивающей функции. И ещё стала законом разнообразная и эмоциональная внеурочная студенческая жизнь. Мировая практика показывает, что именно коммуникативный опыт человека приоритетен для формирования его личности и профессиональной самореализации...

Когда-то, увы, наступает и пора утраченных иллюзий. У вышестоящих органов были, видимо, свои резоны, в результате чего мы, как и многие другие, оказались лишены ступеней начального и высшего образования. Сокращены штаты, финансирование, урезан объём практических занятий. А главная утрата — образование стало услугой, то есть наша некогда разнообразнейшая воспитательная работа сведена к минимуму. Жаловаться и унывать не в наших традициях. Лучшие достижения полувековой практики мы сохраняем и приумножаем. Но отвечая на Ваш вопрос: «Куда идём?» — должен заметить, что следствия сворачивания воспитательной функции мы уже почувствовали в изменении умонастроений молодёжи. Пусть речь идёт пока лишь о тревожных психологических симптомах, но уже очевидно, что, уничтожая воспитательную работу, мы оставляем юные души на откуп деструктивным ресурсам интернета. Оставляем с непредсказуемыми, а вернее сказать, с заведомо пагубными последствиями.

НОЖНИЦЫ ПРОГРЕССА

— Экспертное сообщество отмечает, что в современном мире, чем выше взвигается кривая научно-технического прогресса, тем круче обрушивается кривая духовно-нравственного, морального и культурного состояния общества. Своеобразные «ножницы»! Мировые центры влияния, перехватывая повестку цифровизации, воздействуют на массы методом варёной лягушки, когда та, разомлевшая в тёплой водичке, не замечает плавного нагревания и момента, когда сварится. Иное название метода — мягкая сила. Среди «достижений» метода серия бархатных революций, продавливание в правовое поле постгендеризма, однополых браков, ювенальной юстиции, легализации наркотиков и других «прелестей». Отмежевание российского руководства от этих трендов носит разве что предвыборно-популистский характер и не потрясает воображение энергичностью. Отсюда все, на первый взгляд, ничем не мотивированные «оптимизации» важнейших социальных институтов — здравоохранения, образования, культуры — в пользу новейших электронных СМИ, нацеленных на искусственное оглушение и шизофренизацию (клиповое сознание) подрастающего поколения. А как это проявляется в жизни конкретного учебного заведения?

— В период после выборов в Государственную Думу Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин высказал требование убрать из нашей законодательной базы определение образования как «услуги». Конечно, слово «услуги» унижает достоинство подвижнически работающих педагогов, оно низводит этот переловый корпус российской интеллигенции до сословия холопов, живущих по принципу: «Чего изволите, господа хорошие? Любой каприз за ваши деньги!» Как нужно было докатиться до такого опошления высокой миссии педагога, до такого надругательства над памятью великих учителей!

Что касается слова «услуги», то его можно, конечно, и убрать. А вот компенсировать урон, нанесённый концепцией «образование как услуга» стало гораздо трудней — в том случае, если бы гипотетически возникло такое намерение. Традиционно наше учебное заведение было и в известной степени остаётся храмом культуры и разносторонней общественной жизни студентов. Это не самоцель, не показуха и не «бесплатное приложение» к учебному процессу. Педагогическая наука знает, что формирование физиологии мозга, когнитивных способностей у подростков и молодёжи в возрастном периоде от 15-и до 19-и лет сопряжено с ухудшением восприятия знаний как сухой теории. Вот почему наша образовательная модель включает широкое использование факторов, воздействующих на эмоциональную сферу и подсознание студента. Через практические занятия, доброжелательный микроклимат, творческую насыщенность студенческой жизни, через наши концерты, КВН-ы, творческие встречи, через душу и сердце воспринимает каждый питомец техникума основы мировоззрения и профессиональной компетентности, а также, что особенно важно, обретает способность эффективной самореализации на рынке труда.

Мы поддерживаем свою культурную работу, главным образом, за счёт внутренних возможностей, поскольку вектор воспитания в последнее десятилетие существенно изменён. Тем не менее, функциональную грамотность наших студентов мы не упускаем. Кому-то могут показаться излишне строгими наши требования к учащейся молодёжи. А это, к примеру, неукоснительное соблюдение учебной дисциплины, когда опоздания на занятия, даже на одну минуту не допускаются. Большое внимание уделяем внешнему виду — и преподавателей, и студентов. Строгий стандарт в соблюдении дресс-кода — это обязательное правило для всех, и тут мы не делаем никаких уступок. Честно говоря, был один эпизод, когда мы по случаю праздника разрешили студентам явиться в техникум одетыми по своему усмотрению. Эксперимент нас разочаровал: целый месяц пришлось восстанавливать корректный стиль в одежде. И наконец, мы воспитываем юношей и девушек правильно себя вести. Они привыкают вежливо здороваться, проявлять уважение к собеседнику. К тому же происходит и освоение разных социальных ролей, студентам приходится выполнять определённые работы, например, мыть полы, накрывать на столы. Конечно, мы ни в коей мере не стремимся насадить дух казарменной муштры или монастырской аскезы. Но мы понимаем, что в современном мире нашим воспитанникам придётся для достижения успеха проявить и самодисциплину, и искусство деловой коммуникации, и лидерские качества. Всё это требует некоего самообуздания и целеустремлённости. А годы учёбы — лучшее время для приобретения таких важных качеств.

Перевод нашего образовательного учреждения из статуса института в статус техникума был связан с процессом массового сокращения в стране высших учебных заведений. Их было сокращено порядка полутора тысяч. Официальным мотивом стала вдруг проснувшаяся обострённая забота властей о качестве образования. При этом, минуя фазу объективного мониторинга, вузам просто предъявили такие критерии, которые могут выдержать только столичные и областные университеты. Не тронули и их филиалы и представительства, разместившиеся в подвально-подъездных помещениях, под патронажем своих метрополий. О качестве образования в этих «академиях» и, тем более, о предъявлении им каких бы то ни было критериев говорить-то не приходится.

Нам нелегко было сокращать около ста человек нашего замечательного коллектива, с каждым я расставался с болью. Но, к моему удивлению, не было при этом ни одной жалобы — только сожаления. Серьёзной потерей стала для нас утрата ступени начального профессионального образования, поскольку здесь благодаря акценту на практику более 70–80% учебного времени посвящалось именно практическому

овладению профессией. Это не наша выдумка, а передовой опыт развитых стран в подготовке кадров данной ступени. Побывав в Сингапуре, я лишний раз с огорчением для себя убедился, что там это именно так. У нас же сегодня лишь 19–25% времени уходит на практику, а этого крайне недостаточно. Практика в учебном процессе мне представляется настолько ценной, что я даже рекомендую преподавателям не слишком строго подходить к ребятам, которые, порой мешая проведению занятия, переговариваются между собой. Это же интерпретация знаний, коммуникация, подготовка к самостоятельной жизни. Опыт показывает, что именно такие ребята и добиваются заметных успехов в жизни, успешно самореализуются как профессионалы.

К прискорбию, разрушена система подготовки мастеров производственного обучения и преподавателей специальных дисциплин. К тому же крайне непросто привлечь на эти позиции квалифицированных практиков с производства. Такой переход означает кратное снижение зарплаты. В этом плане приходится только завидовать тому, как решается этот вопрос в Китае. Если высококвалифицированный производственник приглашается в учебное заведение, его зарплата относительно прежней увеличивается в 10 раз!

Не способствует повышению качества профессионального образования и предписывающая педагогика, при которой преподаватель кипами формуляров отгорожен от живой работы со студентами. Как я уже отметил, образование сегодня — это услуга, кружки могут быть только платными, пропаганда здорового образа жизни — отсутствует. И это не жалобы от лица ущемлённого педагогического сообщества, а констатация тревожного для всего общества факта: возможности образовательного учреждения как достижения нашей цивилизации из года в год радикально снижаются в деле формирования внутреннего мира и социальной адаптации представителей подрастающего поколения. Хотелось бы ошибиться, но похоже всё идёт к тому, что новая генерация людей перешагнёт через нас, отринет наш исторический опыт, наши понятия, категории, фундаментальные ценности. Увы и ах, но «инженерами человеческих душ» давно уже стали не писатели и философы, не педагоги и учёные, не государственные мужи и национальные герои, а финансовые мегахолдинги, оседлавшие цифровые технологии Силиконовой долины и ведущие мир в пропасть расчеловечивания. Последние семь-восемь лет мы видим, что молодёжь не представляет жизни без носимых электронных устройств и всё глубже погружается в глубины интернета, тем самым всё больше отрываясь от реальной действительности. Инструмент поработает хозяина. Пользуясь отставанием, а то и отсутствием законодательной базы в своей сфере, цифровизаторы форсируют выбрасывание на рынок и в социальную жизнь всё новых — «инновационных» — малоизученных, потрясающих своей ненадёжностью, а то и заведомой вредностью гаджетов, сервисов и бизнес-моделей. Всякое научно-техническое новшество, претендующее на революционный переворот в истории, в конце концов, перестаёт быть сенсацией и начинает тихо-мирно и скромно служить людям в тех жёстких границах, которые поставит ему здравомыслящее общество.

Мы не ретрограды и не лютые враги прогресса, закосневшие в архаике. Но нам как носителям традиционных ценностей необходимо, стиснув зубы, выстоять в нынешней разнузданной вакханалии цифровизаторства, поддержанного агрессивным маркетингом, беспринципным пиаром и корыстолюбивым политиканством. Если студенты прежних поколений до освоения компьютера и мобильного ещё как-то успевали социализироваться в реальности, то нынешние ребята и девушки словно бы уже родились со своими смартфонами и планшетами в руках. Их настоящая жизнь — в виртуальном пространстве, а действительность — раздражает как докучливая и постылая повинность. Этому есть научное объяснение — дофаминовая зависимость. В виртуальном пространстве подросток имеет возможность гораздо чаще и без усилий получать эмоциональное вознаграждение,

связанное с выбросами «гормонов радости» в мозг. Отсюда и быстрое привыкание к этим «инъекциям», пониженный самоконтроль, импульсивность, вспышки немотивированной агрессии, причудливо искривлённая картина мира и разрыв социальных связей. Именно этой разнузданной цифровизацией — в сочетании с изгнанием воспитательной работы из образовательного процесса — и объясняется появление целой серии когнитивных мутантов, расстреливающих всех подряд в родных учебных заведениях. Эти скорбные разумом жертвы цифровизации и образования как услуги совершают и другие, менее резонансные, но не менее дикие выходы, которые немедленно находят поддержку (вплоть до сбора средств «героям») у целых сообществ жителей социальных сетей.

Мы жалеем и стараемся уберечь новое поколение наших студентов от зомбирующего деструктивного влияния современных массмедиа. Но не можем не замечать их отчуждённости, экранной фрагментарности их сознания, не гармонизированного целостной картиной мира, их привычки судить обо всём с позиции «здесь и сейчас». Интернет убивает в них радость культурного усилия. Они не умеют и не хотят конспектировать, корректно формулировать вопросы, читать книги, быть на сцене, выступать перед аудиторией, рефлексировать, планировать свои дела. Тем не менее нам удаётся воспитывать в наших питомцах и культурные привычки, и умение жить в реальном мире. Пускай даже на первых порах приходится прививать нужные поведенческие стандарты путём настойчивой строгости, но со временем позитивные изменения закрепляются и входят в привычку. Мы живём в убеждении, что, может быть, и не сразу, а с течением времени или даже уже в зрелом возрасте наши студенты поймут своих педагогов и даже проникнутся чувством благодарности. Так происходит со всеми поколениями наших выпускников. Сегодня нам трудно воспитывать в молодёжи мировоззрение. Интернет — сильный противник. Достоверно установлено, что взаимодействие с гаджетами ухудшает умственные способности — память, комбинаторную гибкость мышления. Хуже того: интернет-зависимость, включающая игрозависимость (лудоманию), ставшая бичом современного мира, уже признана психиатрической проблемой и квалифицируется как нехимическое пристрастие. Общеизвестно: в западном мире коммерческое продвижение всевозможных зависимостей и коммерческое же их лечение — две стороны одного и того же бизнеса.

Стоит ли опускать руки, плыть по течению и сдаваться на волю обстоятельств? Наш коллектив техникума уверен, что нет. Педагогика никогда не была лёгким делом, и мы, укрепляя связь поколений, стоим на правильном пути. Наш профессорско-преподавательский состав отличается высокой подготовленностью и педагогическим мастерством. В коллективе высок процент обладателей учёных степеней. И в принципе мы поощряем научно-исследовательскую деятельность сотрудников и студентов. Научные статьи, проблемные выступления, диссертации наших специалистов находят применение в образовательном процессе и служат его совершенствованию. И разумеется, мы понимаем, что будущее, которое начинается сегодня, принадлежит интерактивным образовательным технологиям, только современное электронно-информационное пространство должно быть методически грамотно интегрировано в образовательный процесс, где важнейшие места будут принадлежать всё-таки личности педагога и хорошей книге.

И у нас есть все основания гордиться также своими выпускниками и студентами. В Набережных Челнах все знают, что в различных общегородских мероприятиях самое активное, дисциплинированное и добросовестное участие принимают именно наши студенты. Кадры, которые мы готовим, очень востребованы на рынке труда. Именно наши выпускники в наибольшем количестве находят себе применение и остаются работать в родном городе. В этой связи следует отметить, что демографическая ситуация привела сегодня к резкому увеличению численности выпускников школ, намеренных

получить профессиональное образование на базе девяти классов. И в экономике есть соответствующий запрос. Но не хватает образовательных учреждений. Городское руководство с пониманием воспринимает эту проблему и настроено на строительство необходимых объектов. Думается, что в таком контексте высказанные в этой беседе озабоченности о проблемах современной учащейся молодёжи и о судьбе профессионального образования в нашей стране будут бесполезны для культурной общественности.

Беседа вёл Евгений КОБЛЕВ

* * *

Общеизвестен факт, что поэт Евгений Евтушенко преподавал в каком-то университете США русскую поэзию. Да и нобелевскому лауреату Иосифу Бродскому, говорят, было предложено нечто подобное. Немудрено, ибо тот и другой какое-то время проживали в Америке. Не знаю, как там обстоят дела с русской поэзией сейчас. Небось её отменили после того, как наша страна стала для нынешней заокеанской власти врагом номер один. И уж тут ничего не попишешь...

Мне жаль другое — почему в российских вузах и университетах никто не додумался ввести факультативы отечественной словесности? Ведь не помешало бы для гармоничного развития молодёжи, воспитания в каждом студенте подлинного гражданина и патриота. Да и укреплению отечественной словесности это весьма бы содействовало, так как она после развала Советского Союза переживает не лучшие времена.

Слава Богу, что случаются исключения из правил. Сошлюсь на личный опыт. Более десяти лет назад мне было предложено сотрудничество с Набережночелнинским государственным торгово-технологическим институтом. Я редактировал студенческую газету «Ступени», читал студентам лекции о современной литературе, приглашал на творческие встречи с ними поэтов и прозаиков не только из Набережных Челнов, но и из других городов, а для всего коллектива НГТТИ устраивал авторские и творческие литературно-музыкальные вечера, в том числе, и Рождественские — на Татьянин день. Зарплата моя не превышала десяти тысяч, а отдача для собственного творчества и творчества приглашаемых гостей была огромной. Смею надеяться, что коллективу студентов, педагогов и сотрудников это тоже пришлось по душе — отклики всегда были самыми добрыми.

Ныне после всех мыслимых и немыслимых оптимизаций институт превратился в техникум. Возможности уменьшились, но учение и образование, вопреки повсеместно внедрённой Болонской системе, здесь не стало услугой. Главным приоритетом остаётся воспитание цельной гармонической личности. Такую цель ставит перед собой директор, доктор педагогических наук, профессор с очень русской фамилией — Суворов. И дело далеко не в его званиях, а в том, что Виктор Семёнович — учитель по призванию. И Набережночелнинский технологический техникум (так он теперь называется) уже более тридцати лет — это его научный авторский проект.

А ещё он мой друг и надёжный помощник журнала «Аргамак. Татарстан» — защищает наши интересы, как член общественного издательского совета. Я горжусь этой дружбой и поздравляю Виктора Суворова и его команду — самую демократическую из всех мне известных — со славным юбилеем — пятидесятилетием их замечательного учебного заведения.

**Николай АЛЕШКОВ, главный редактор
литературного журнала «Аргамак. Татарстан»,
заслуженный деятель искусств РТ.**

ЛИНИЯ ФРОНТА. СЕМЬДЕСЯТ СЕМЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Союз российских писателей к 75-летию Великой Победы проводил международный литературный конкурс «Линия фронта», в котором приняли участие поэты и прозаики, драматурги и публицисты, профессиональные литераторы и начинающие авторы не только из всех регионов России — от Калининграда до Владивостока, но и со всего света — от Англии до Австралии. В 2020 году жюри назвало имена 35 лауреатов и дипломантов конкурса, а победители (первые места в номинациях «поэзия» и «проза») получили денежные призы — это поэт Ян Бруштейн (из города Иваново) и прозаик Анастасия Астафьева (село Починок Костромской области). Но история конкурса на том не кончилась, в прошлом году Союз российских писателей выпустил по его итогам литературно-художественный альманах, который так и называется — «Линия фронта». Солидный том четвёртого формата, на 480 страниц, помимо лауреатов и дипломантов в нём представлены произведения и других участников конкурса, равно как и членов высокого жюри — сопредседателей СРП Михаила Кураева (Санкт-Петербург), Людмилы Умывакиной (Воронеж), Николая Шамсутдинова (Тюмень) и других.

Не только географии поражаешься, не меньше пространственного размаха впечатляет и временной разброс. Так, читая стихи поэтессы, родившейся в 2003 году, невольно сравниваешь её изящные строки со стихами поэтов, не вернувшихся с Великой Отечественной войны. А таким авторам в альманахе отведено, конечно, особое место, отдельная рубрика «Родина смотрела на меня». У нынешних молодых, наверное, поэтический инструментарий куда круче... однако ничуть не уступают в «авангардизме» и написанные верлибром «Последние стихи» Елены Ширман, расстрелянной фашистами в 1942-м. Но мы не в укор нынешним молодым сравниваем, сравнения напрашиваются сами, невольно, и в результате возникает цельный поэтический образ — единой страны, общей трагедии, исторической правды.

Когда читаешь подобные антологии, каюсь, сначала пробегаешь по оглавлению в поисках своих. Находишь казанских авторов, челнинских — и начинаешь, само собою, с них... Перечитываешь уже знакомые стихи Николая Алешкова, родившегося в 1945 году и узнавшего правду о войне от своего отца, вернувшегося с фронта после двух ранений на два года раньше победы. Приятно, что среди дипломантов конкурса отмечена молодая поэтесса Зарина Бикмуллина. И её конкурсное стихотворение,

пожалуй, одно из лучших в альманахе. Во всяком случае, оно даже внешне сразу привлекает внимание. Но тут же читаешь простое и проникновенное стихотворение «Гармошка» Дмитрия Юртаева — минского поэта и прозаика, актёра и художника, который рассказал историю своего деда, в юности сбежавшего в партизаны. Пареньку не досталось автомата, но досталась гармошка, с которой он исполнял «Землянку» и «Синий платочек». Песня и стихи на войне, согласитесь, тоже воевали! Один Тёркин чего стоил.

*Глядит с пожелтевшего снимка
Победной весенней порой
Мальчишка с гармошкой в обнимку —
Мой дед — настоящий герой!*

Как драматурга, конечно, меня заинтересовала единственная в альманахе пьеса «До войны мы жили в Ленинграде» Елены Радченко, о девушках-радиистках, которых готовили для заброски в тыл, чтобы устанавливать связь с партизанскими отрядами (От автора: «В посёлке Бугры Ленинградской области, где я живу, есть трогательный неофициальный мемориал — „Землянка“. Он посвящён двум девушкам-радиисткам, погибшим на этом месте. Во время войны у нас в посёлке располагался женский радиодивизион... С одной из радиисток мне удалось встретиться. От неё я узнала, что ими двигали не только чувство долга перед Родиной и ненависть к врагу, но и любовь. Об этом — пьеса»). А через двести страниц эта документальная драма удивительно перекликается с коротеньким документальным рассказом «Морзяночка» Якова Смагаринского, где азбука Морзе становится языком любви... и гимном великой русской поэзии!

Спецвыпуск «Линия фронта» (составитель Геннадий Калашников) достойно представил как поэтов, погибших на фронтах Великой Отечественной, так и «детей войны», для которых военная тема остаётся священной, как и их внуков, пытающихся поэтически осмыслить уроки народной трагедии, вместе с тем лично меня натолкнул на такую мысль: насколько точное название у конкурса и альманаха! В самом деле, ведь линия фронта по-прежнему проходит не где-то там, в исторической памяти, в поэтических эмпиреях, но здесь и сейчас — по нашей с вами земле. Украина, Белоруссия, а в этом году и Казахстан, ведь это всё не отголоски той далёкой войны, и не где-то там, в далёком далеке, а в некогда едином Союзе. И понимаешь, что не даром английский премьер Черчилль летом сорок пятого уговаривал американцев сбросить атомную бомбу не на японские города, а на советские!

Вы думаете, наши бывшие союзники и нынешние «партнёры» отказались от своих намерений? Да ни разу! Во всём мире только нарастает информационная волна (война), согласно которой, если перевести с английского на любой другой язык, именно Россия сегодня ведёт себя крайне агрессивно по отношению к странам НАТО и даже позволяет выдвигать по отношению к США ультимативные требования... Европейского обывателя давно пугают «этими страшными русскими», но никому и в голову не придёт ради любопытства сравнить бюджеты 30 стран, входящих в НАТО, с нашим... Мы даже не говорим о 800 военных американских базах в 70 странах мира, довольно того, что военный бюджет США превышает весь бюджет России. Мы не говорим о том, что не было в истории таких войн, когда одна бедная страна напала бы на десяток держав, по всем параметрам более мощным и развитым. Кстати, и в срок первом на СССР вероломно напала не одна гитлеровская Германия. Вермахт, на который тогда работала вся военная промышленность Европы, гнал на наши города

и польские, и болгарские, и румынские, и венгерские, и... много из кого ещё состоявшие воинские части! Да и 1812 году Наполеон собрал в своей армии не одних французов, он тоже всю Европу поставил под ружьё.

Впрочем, наше отступление будет недолгим, вернёмся к рецензируемому альманаху. Чтобы повторить: нет, не о той далёкой войне идёт речь в «Линии фронта» — в этом ещё раз убеждаешься на последних страницах альманаха, где в рубрике «Качели», посвящённой произведениям для детей, меня зацепили строки приморского прозаика и поэта Олега Вороного:

*При виде подлости я вижу Сталинград
глазами деда — и встаю в атаку.
Мне, как и деду, нет пути назад,
я должен выйти к вражескому танку
и обмануть врага, опередить на миг,
гранату бросить твёрдою рукою...
Войны давно ведь нет, но тот фашистский лик
мне, молодому, не даёт покоя.*

В позапрошлом году мы познакомились с Олегом в Пензе, он всех делегатов съезда СРП, помню, в мае поражал своим тропическим загаром — нет, не с тропических туристических курортов, просто Вороной живёт в заповеднике, охраняет амурских тигров! Но что такое фашистские «тигры», как я понимаю, ему хорошо известно — дед рассказывал. Дай Бог, чтобы нам на веку довелось рассказывать внукам только старые добрые сказки.

Александр ВОРОНИН

БЕСКОНЕЧНАЯ ИЛЛЮЗИЯ УМНОЖЕНИЯ НА СЛОВО

О СБОРНИКАХ МОЛОДЫХ КАЗАНСКИХ АВТОРОВ

В октябре 2021 года в издательстве Академии наук Республики Татарстан вышли два симпатичных сборника молодых казанских авторов: «Умножение на слово» (поэзия) и «Бесконечная иллюзия» (проза). Это стало возможным благодаря государственной стипендии Министерства культуры Российской Федерации, полученной при содействии Союза российских писателей и рекомендации Татарстанского отделения СРП.

В сборник стихотворений **«Умножение на слово»** (составители Г. Булатова, Э. Учаров; художественное оформление и макет Игоря Тишина; в оформлении обложки использована работа Лили Епифановой) вошли стихи таких авторов как Андрей Абросимов, Николай Артюшкин, Зарина Бикмуллина, Карина Ермолаева, Алина Иванова, Иван Ротов, Игорь Тишин, Ирина Южная.

В аннотации книги приведены слова поэта Эдуарда Учарова: «Число восемь — это же бесконечность? Если бесконечность умножить на слово, непременно получатся стихи. Восемь казанских поэтов, представленных в сборнике, обладают одним уникальным свойством — говорить не в пустоту, а в себя. В себя мало кто говорит. Всё больше с самим собой, да и то ненадолго. А здесь, на протяжении всей книжки, общий разговор в себя — волшебным образом меняет не только авторов, но и читателя. Я сел за книжку одним человеком, а прочитав её, стал совершенно иным. Неизменным осталось лишь то, что мир по-прежнему жив. Он очень разный, совсем непохожий на мой, но такой безумный и интересный, что теперь будет жить и цвести во мне всегда, от первой строчки Андрея Абросимова:

*молча цветут небеса камни себе поют
до последней строчки Ирины Южной:
и цвести цветами гибискуса на твоём запылённом подоконнике».*

Книга молодых прозаиков **«Бесконечная иллюзия»** (составитель Г. Булатова; в оформлении книги использованы работы Дианы Акпарсовой) представлена следующими именами: Диана Акпарсова, Зарина Бикмуллина, Наталья Вавилова, Альбина Габдуллина, Алсу Газтдинова, Карина Ермолаева, Ольга Левандовская.

Чего только нет в «Бесконечной иллюзии» — читателя ожидает путешествие к лимонной ложбине потустороннего мира, защита дипломной работы по созданию прекрасной

планеты по имени Земля, загадка тринадцатого этажа, балетная история бабочки баттерфляй, недетские сказки, приключения котов, рождение чеховского спектакля, неистовые огонь и ливень, сжигающие и возрождающие город...

Безусловно, у книги есть своя душа, вобравшая смелость, равнодушие и талант семи прекрасных девушек, авторов этого сборника, которые родились, живут, учатся или работают в Казани.

Для нескольких авторов выход сборников стал их первой официальной публикацией. Конечно, это очень важно — увидеть свои произведения на бумаге, в компании себе подобных, посмотреть на них отстранённо, немного другими глазами, получить импульс поддержки и стимул для творчества. Журнал «Аргамак. Татарстан» с удовольствием предоставляет молодым авторам сборников свои страницы.

Галина Булатова

ИЗ СБОРНИКА «УМНОЖЕНИЕ НА СЛОВО»

Андрей АБРОСИМОВ

* * *

молча цветут небеса камни себе поют
мерно вышагивает тридевятый лёд
дремлет корабль снится ему уют

юнга поёт

покладиста горная круча болотная топь легка
слетает зелёный ангел с божьего языка
холодная рыба звёзд набирает в рот

юнга поёт

кто припадал к палубе как к земле
тот в океане бережном не умрёт
облака и радуги в их числе

юнга поёт

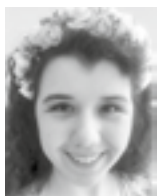
Николай АРТЮШКИН

ГОСПОДНЕ КОЛЁСИКО

ничего не волнует кроме одной волны
по которой всё движет время того весло
у которого стороны все и углы равны
и умножено всё на слово а не число

только мыслится в мутной воде
тростнику тростник
грешным делом и лишним словом
глаза в глаза
и сменяется родом род но грядёт лесник
и садовник и вытрезвитель и дед мазай

всё бренчит укулеле
и паводок рвёт струну
и расходятся волны кругами и тишина
вот и некому да и нечем ловить волну
да и незачем да и нет и одна волна

Зарина БИКМУЛЛИНА

ЗӘҢГӘР ШӘЛ¹

Игла ныряет вперёд и назад,
Стекает в лазоревый шёлк,
Как будто апрель опустил на сад,
По ткани листвою прошёл.

В татарский аул приезжает арба
С товаром и звоном монет.
А век девятнадцатый стар и горбат,
Длинней на четырнадцать лет.

Татарская песня в родном уголке —
В ней трель соловья и посев.
Серебряной нитью на синем платке
Она вышивает напев.

Тяжёлое время, в спину дыша,
Несёт июньский восход.
И дочь надевает прозрачную шаль,
И старую песню поёт.

Она собирает в платок лебеду
И кормит голодных детей.
О том, кто ушёл по тонкому льду,
Давно не слышать вестей.

Мне бабушка тихую песню поёт
В потёртом платке своём.
Потом остаются сундук и комод
И слишком холодный дом.

Теряется шаль в бесконечной реке:
 Года и чужие дома.
 И песню на главном, родном языке
 Я пробую петь сама.

¹ (тат.) Зелёная шаль

Карина ЕРМОЛАЕВА

* * *

И вновь затянута шнуровка:
 не выдохнуть и не согнуться,
Не сгорбиться и не свернуться
 в ногах мурлычащим котом.
Литой блестит металл улыбки
 и, ускоряясь вместе с пульсом,
Без ощущений и без вкуса –
 приютом называю «дом».

Всё чаще вижу отражение себя
в актрисах, педагогах.
Моё лицо, анфас и в профиль,
глядит со сцены на меня.
Я узнаю себя в знакомых,
и даже чаще в незнакомых.

Свой голос слышу отдалённо
и приглушённо сотней «я».

Стянув с трудом себя кроссовки,
футболку сбросив через ворот,
Слизав помаду, смазав тени,
на подоконник, в тишину
Бегу от тысячи объятий, от сотни тем,
от вечной теми

И застываю Галатеей,
Дышу, дышу, дышу, и шум

В ушах, и скомканы страницы,
и стёрты грани правил, лица.
Но я живу, живу, живу.

Алина ИВАНОВА

* * *

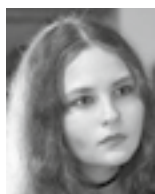
Это закодировано в нас. Не в комплементарных звеньях генов, не в нравоучительных легендах, вещих птичьих песнях, лунных снах, не в народных танцах у костра, не на свитках мёртвого наречья, все осколки выложены в вечность, этого не выжечь, не украсть. Не в священных древних изречениях, льющихся в эфир тире и точках — это скрыто в ямочках на щёчках, в родинке на линии лица. Сила, неподвластная словам, мощь и ярость бесконтрольной бури, череп пробивающие пули, рвущийся в груди девятый вал — это закодировано здесь, под ключицей, в левом подреберье, помни: *si vis pacem, para bellum*, время побеждать за новый день. Побеждать — второго не дано, каждый выстрел ценен, промах — дорог... Мы с тобою скоро будем дома, с нами будут кофе, плед и ночь. Будет фильм — один на нас двоих, будут звёзды — падать прямо в окна.

Это закодировано, только никому о том не говори.

Иван РОТОВ

* * *

космонавт потерявший контакт
упутивший трос
испытал Настоящий Страх
пока делал вдох
а на выдохе стал
Спокойным
как монах на склоне холма
как кот у него в ногах
как птица в зубах кота
Счастливым
как монах на склоне холма
как кот у него в ногах
как птица в зубах кота

Ирина ЮЖНАЯ

* * *

кроткое рукопожатие,
пионерское расстояние,
полароиды ивовых рук,
касания, как субтитры.

привкус железных качелей на ветру,
как последнее ощущение твоих губ.
у меня к тебе всё болит.
катастрофы случаются,
значит, и тебе
быть.

а у меня стихи идут носом
и руки больны стихами.

*Игорь ТИШИН***ДЕНЬ КОГДА Я УМРУ**

день когда я умру
станет днём когда
высоковольтные провода
всё ещё будут гудеть на ветру

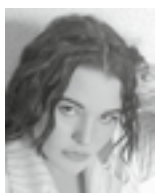
в северном ледовитом океане
все ещё много останется льда
у кого-то наконец запустится винда
путин скажет дорогие россияне

осталось совсем немного
времени до магической даты

кто-то вылечит рак простаты
кто-то приготовит осьминога

кто-то скажет комару
с точки зрения комара
человек не умира
день когда я умру
станет днём когда
в мире останется много добра

зло я с собой заберу

ИЗ СБОРНИКА ПРОЗЫ «БЕСКОНЕЧНАЯ ИЛЛЮЗИЯ»:*Диана АКПАРСОВА***ПОСЛЕ СМЕРТИ**

После смерти мы попадём под стол или в шкаф — на выбор.

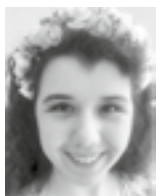
Турмалиновыми осколками переливается дорога к лимонной ложбине. Мы идём медленно, как первооткрыватели нового континента, трава склоняется под нашими ботинками, а через просветы в елях полная луна старательно тянет пожелтевшие старые руки, пытаюсь дотронуться до тебя — самой зеркальной поверхности, которую ей удавалось видеть. Ночь укрывает тёмным ситцевым покрывалом, скарабеи бесшумно катят в траве шарики, как маленькие планеты; где-то неподалёку уже слышны песня фавнов и колокольчики смеха фей, водящих хороводы. Но мы обходим их стороной.

У тебя на шее янтарный камень, береги его от липкой влаги и игольчатых взглядов. Со временем он станет оберегом не хуже, чем скорлупа яиц, из которых появляются василиски, но не лучше крапивного свитера из молчания и ракушек времён аллозавров. Будь осторожен. Перебирай в голове, как камушки, правила для выживания, упражнения для внимания и быстроту спешащего зайца. Лимонная ложбина заставит ходить годами по травяным лабиринтам того, кто хоть на секунду засомневается.

Птицы, как глянцевые, сверкают крыльями в небе, снежный гриф уже чувствует застывшую плоть за деревом, белки собираются в стаю, а сова выкручивает глаза наизнанку, чтобы увидеть берег ртутного моря, откуда выходит Зверь.

На его огромных когтях остатки вечернего зарева, мобидиковская пасть создана для пожирания; нет предела его волчьему голоду, когда на город опустится тень.

Ты настолько чист, что полностью его отражаешь. Если хищник бежит от зеркала, это старый трюк, если хищник боязливый агнец, значит, и Первого Страха не было. Мы слепили его в мастерской у бабушки из подручных материалов и скрепили змеиным ядом, не замечая, как быстро он разрастается в тёмном углу. А смерть — это когда настоящим нам снится, что мы тоже заснули в эльфовом круге.

Зарина БИКМУЛЛИНА

«Б» ЗНАЧИТ БАЛЕТ

Эстетическое чувство во мне если не бессовестно храпело, то по крайней мере дремало. Но родители всё равно старательно занимались моим художественным воспитанием, будучи уверены в том, что театр приводит меня в трепет. Наивные.

Опера была ещё ничего. Во время оперы можно было петь вместе с примой, правда, недолго.

С балетом всё обстояло печальнее, поэтому оставалось только одно: есть. На спектакль приходилось брать целый мешок разнообразной снеди. Я ела не переставая, отвлекаясь лишь на то, чтобы царственным жестом отодвинуть протянутый мне сок и скомандовать: «Семечки». Далее цикл повторялся.

Как сейчас помню: была это «Спящая красавица». К этому моменту у меня как раз закончилась еда, и началось самое страшное.

Я стала думать.

Нет-нет, это не выразит масштаб трагедии. Я начала ДУМАТЬ, а как известно, если такая напасть случается с женщиной, то это-таки вселенская катастрофа.

Тем временем балет идёт, и вот — принц наклоняется к Авроре, чтобы поцеловать её. В воздухе повисает напряжённая тишина, которую не прерывает даже оркестр. На лбу дирижёра выступает пот, тишина настолько ощутима, что у неё самой словно есть звук — самой тонкой натянутой скрипичной струны.

Было бы мне лет семь, я бы затаила дыхание и с нетерпением стала ждать поцелуя. Ещё бы глаза закрыла и сама губы в трубочку вытянула.

Было бы мне двенадцать, я бы скривилась и подумала про ваниль.

Но мне было два. Не знаю, что было у меня в голове. Хотя нет, знаю: азбука, которую я уже тогда старательно изучала.

К этому моменту я уже пять минут как думала и дошла до «Б».

Образовавшуюся паузу я восприняла как сигнал к началу моего собственного бенефиса. И на весь зал выдала: «Б. Бе-ге-мот». Подчёркиваю, нараспев.

Судя по тому, что испуганная балерина начала озиаться по сторонам и вскочила проворнее, чем следует, мой призыв был услышан. Судя по реакции, она — тоненькая, как тростинка — приняла эту реплику на свой счёт.

Наверное, можно было бы эффектно завершить историю тем, что я в итоге стала балериной. Что потом сама танцевала партию Авроры и... Но я же девочка честная. Балериной я не стала. Нечего было столько есть во время спектакля.

Наталья БАВИЛОВА

БЕСКОНЕЧНАЯ ИЛЛЮЗИЯ

Тёмные низкие тучи, не дающие пробиться яркому солнцу, готовому обогреть и очистить землю от обосновавшегося вконец сумрака, плыли по унылому небу, захватывая всё новые и новые территории. Старик Ветер, разозлившись на нескончаемые людской шум и суету, набирал в мощные лёгкие воздух и что есть силы выдыхал его, заставляя содрогаться от страха не только тоненькие кустики, но и многовековые деревья. Самые чуткие обитатели — неутомимые воробьи, гордые голуби и гиперактивные трясогузки — разлетелись кто куда, дабы переждать начинающийся ливень.

Небеса озарились резкой вспышкой тонкой красавицы-молнии, а за ней объявился и гром с его басистым голосом. Чуткая природа разрыдалась, поливая землю кристально чистыми слезами.

Вдалеке показался одинокий силуэт скрюченного человека. Измученный временем старик в искусно сделанной фарфоровой маске, прятанной его эмоции, преследовал последнюю цель в жизни: вновь повстречаться с мягкими льняными глазами, вселяющими надежду.

Завыла собака, потакая новым разрядам молнии. Казалось, идущий не замечал хаоса вокруг себя. Крупные капли воды, беспрестанно падающие с небес, словно понимали его и мягко опадали на плечи, скатываясь по рваной одежде.

Мужчина остановился напротив воющего колеса обозрения и поднял голову на одну из заржавевших кабинок. Послышался лёгкий девичий смех, а затем показалась и сама обладательница пронзительных васильковых глаз. Рыдающая природа замерла...

— Бабочка... — прошептал он, упрямо глядя на неё. — А ведь ты... всего лишь иллюзия, — наконец прозрев, заключил мужчина.

Властительница всего живого, ахнув, забилась в истерику с новой силой, со всей силы ударяя по произведению искусства. Хрупкая маска, не выдержав боли Природы, разлетелась на маленькие кусочки, обнажая искалеченное лицо старика, плачущего вместе с миром.

Альбина ГАБДУЛЛИНА**БАТТЕРФЛЯЙ**

*Но лишь только черёд наступает,
Обожжённые крылья влача,
Мотылёк у свечи умирает,
Чтобы вечно пылала свеча!*

Николай Заболоцкий

Туман в городе сгущался, пар смешивался с влажным воздухом и исчезал. Она бросила сигарету на мокрый асфальт, зашагала в сторону входа, зачем-то обернулась, пару секунд постояла, задумавшись, и, растянув губы в подобие улыбки, открыла запасную дверь театра.

Яркий свет прожектора, хлопок, музыка, прямая спина, самый яркий макияж, грация и тонкость, облачённые в шёлк. Её прозвали баттерфляй. Она предпочитала называть себя мотыльком, вечно бьющимся у света. Но это лишь половина всей истории. Она стремилась к свету, но никогда не могла его познать, а момент, когда она бы достигла его, стал бы последним действием в её жизни. Восхищение, аплодисменты, букеты цветов — вот она жизнь, вечная погоня за светлым.

На скамейке сидит маленькая девочка, в руках у неё лента, намотанная на палочку (сделал папа). Она кружится, рисует ею узоры, смеётся. Когда шёлковая лента обматывается вокруг палочки, путается, она бежит домой, и папа вновь всё исправляет. Так до следующего раза.

С тех пор прошло немногим более двадцати лет.

В четырнадцать она увидела её, изящную, самую прекрасную из всех девушек на сцене, балерину. Всё действие разворачивалось вокруг неё, а она не прикасалась к сцене, а летала. Летала!

Первый вывих случился неделю спустя, она рыдала на полу в комнате, била себя по бёдрам, не ела. «Слишком жирная, жирная, неуклюжая... старая?...» Не пускала никого, похудела. Спустя неделю написала в дневнике: «похудела в бровях».

Это не помешало ей, вопреки боли, танцевать. Она падала, но, стиснув зубы, повторяла плие. Крупные слёзы со звуком падали на пол и распадалась на тысячи мелких капель.

Безжалостная по отношению к себе и амбициозная — такой она вышла на сцену театра. Более того, некогда неприметная героиня второго плана стала самой способной ученицей в балетной школе.

Дым следует за ней шлейфом, слишком контрастным для её утончённой красоты. Она с гордой осанкой доходит до гримёрки, закрывает дверь на ключ и заходится кашлем. Эти приступы порой длятся по несколько минут, последний год до крови. Изо дня в день она выходит на сцену, скрывая боль, которая, подобно чёрной змее, опутала её хрупкое фарфоровое тело. Ночью она не спит, кашель нарастает в это время суток. Холодный пот выступает на коже, и тело бросает в дрожь.

Она — бабочка баттерфляй, за стеклом от всех и каждого. За ним она прячет душу. Люди довольствуются её оболочкой, точными движениями и обманчиво яркими глазами.

Всё это — лишь образ, заключённый в хрупкое тело. А истина — в моментах одиночества, в затуманенных глазах на фоне темноты, в которые просачивается мрак, в застилающей их пелене печали или высшего блаженства... Её зовут бабочкой, и она бьётся у лампы.

О кровоточащих и до уродства стёртых пальцах ног здесь принято молчать, это привычно для тех, кто посвятил себя искусству. Её именуют бабочкой...

Если бабочку поддержать в руках, неизвестно, сможет ли она потом взлететь и вообще выжить после всех манипуляций с крыльями. У неё уже стёрли все яркие цвета, оставив лишь полупрозрачное тело и вечное обязательство. Бабочка.

- Я хочу детей, понимаешь?
- Но я не могу, у меня контракт!
- Тебе тридцать, когда ты собираешься родить? В сорок? Когда карьеру завершишь?
- Послушай, тебе важно лишь это?
- А тебе? Только твоё дело? Танцы перед толпой?
- Замолчи.

Утро начиналось с бокала крепкого напитка на голодный желудок и бутерброда. Этот перекус был вредным и даже запрещался, но обеспечивал ей шестичасовые тренировки. Корсет сжимал её ребра, благодаря его поддержке она не падала, ощущала опору. В последние месяцы её обнимали лишь прутья корсета. Она всё чаще задумывалась о семье. О любимом человеке и детях.

Ей — тридцать два. Лицо в зеркале становится всё старше, появляются первые налёты на морщины. Грим съедает кожу, она с ненавистью смывает его вместе с макияжем. Если сейчас возраст не замечен со сцены даже в первых рядах, то, когда подводит тело, видят все.

Актёры никогда не теряют профессию, они могут играть всю жизнь. У балерин на этот счёт всё куда печальнее, годы убивают тело, движения становятся шаткими. Да и организм весом в сорок три килограмма при росте сто шестьдесят восемь не всегда справляется с нагрузками.

Больнее всего видеть, как подрастают юные девочки и становятся конкурентами в борьбе за место солистки.

«У балерин нет вредных привычек». У неё целых три. В довершение к двум известным — ещё и уныние.

Она знает точно: это выступление станет последним. Дело всей жизни идёт к логическому завершению. Страх за будущее гложет душу, но она устала бороться, устала видеть свою выдуманную жизнь, тратить время на поиски себя... В этом театре прошла её жизнь, целая жизнь, как один спектакль. Она сыграла так хорошо, что превратилась в образ, забыла, кто она на самом деле. Всё, что у неё есть сейчас — заключение трёхмесячной давности от врача о том, что динамики нет.

Время ускользает, подобно шёлковой накидке с красивых плеч юниорок, оставляя лишь больную память о том, что было и чего уже не будет.

И вот она откашливается в последний раз в гримёрке от витающей в воздухе пудры. Худое лицо с тонкими чертами и выпирающими скулами, украшенное парой блёсток, с огромными ярко обведёнными глазами и удлиняющими их стрелками, смотрит вглубь зеркала, тревога сменяется уверенностью.

Она встала, оглянулась на своё отражение, нервно погладила исхудавшими руками подол балетного костюма. Одного из самых прекрасных за всю её карьеру, напоминавшего цветок чёрного лотоса на фоне космоса, усеянного звёздами.

Сделала шаг из-за кулис, тотчас спина её выпрямилась, голова гордо поднялась, плечи расправились, и она выпорхнула на сцену.

Пачка отливала тысячами искорок, взгляд ранил острее любого лезвия...

Некоторые люди рождены, чтоб порхать.
Вопреки тьме внутри, она полетит к свету.
Дотронувшись до пола кончиком носка, она вспорхнула в жете. Оно было настолько изящным, что она, взлетев, более не коснулась пола.

Слишком низменным был этот мир.

Она вспорхнула, сделав короткий резкий вдох в грациозном, но не завершённом полёте.

Бабочка упала на сцену. На неё посыпались осколки молчания, затем зал удивлённо охнул. Недоумение накрыло всё пространство, а она с улыбкой и взглядом, обращённым вверх, на купол театра, улетела со сцены. Навечно.

*Мотылёк у свечи умирает,
Чтобы вечно пылала свеча!*

Алсу ГАЗДИНОВА

ГУЛЯКА

«Явился, гуляка!».

От крика Федя сразу проснулся. И недоумённо уставился на ботинок в руке. Один ботинок был уже снят.

«Вот ведь завёл моду — являться за полночь!» — надрывался женский голос.

Федя боязливо покосился на стену.

Стена продолжала громким женским шёпотом: «Я тебе что — швейцар, дверь ему открой, в дом пусти, накорми, напои... Чего моргаешь, пьёёс?!».

Непривыкший к ругани Федя заморгал чаще. Страх вполз в каждую клеточку его организма.

Стена не унималась: «Третий день спать не даёшь! Ходит не знай где и приходит, когда вздумается!».

Федя шёпотом возразил: «Я на работе был, отчёт же». Ну да, сегодня среда. Точнее, уже четверг. Как раз третий день подряд он приходил с работы поздно. А что — живёт один, никому не мешает...

«Ах, ты — бесстыжая морда! В глаза мне смотри!».

Федя боялся даже шевельнуться и просто закрыл глаза: «Мне снится. Я просто переутомился. Стена не может разговаривать».

Стена рыкнула: «Небось, голодный?».

Федя осторожно закивал. В последние дни он перебивался сухомяткой, а ночью сил хватало лишь доползти до кровати и снять обувь. Утро начиналось с будильника и то-скливой мысли об отчёте. «Уволюсь! Уволюсь к чёртовой матери, а то уже психушка светит», — Федя схватился за голову.

Стена продолжила более мягким голосом: «Где поцарапался, рыцарь? Снова за даму бился?».

Федя потрогал щёку и шепнул: «Когда брился».

Стена жалостливо: «Он за дам бьётся, а хозяйка тут с ума сходит — куда потерялся её Васечка? А Васечка — шерстяной ты мешок с усами — всю округу в страхе держит, по свиданиям таскается, скотина!», последнюю часть предложения стена рывкнула.

Федя перестал дышать и поправил очки. На стене красовалась розетка, возле неё была видна трещина. Федя вспомнил: когда он осматривал квартиру, риэлтор предупредил, что шумоизоляция в доме очень плохая, но соседи чудесные.

Стена не унималась: «Что, кушать захотелось, Васенька? А у хозяйки сердце! Вот доведёшь её и кормить тебя некому будет! Чего ластишься?! Вон, ешь холодное! Или пусть тебя подруги кормят, раз у них гостишь! Тут тебе не отель, слуг нет!».

Федя хватал ртом воздух. Он понял, что у соседки слева есть кот-ловелас. Время было почти час ночи.

Федя осторожно лёг и укрылся одеялом. Вспомнил, что не снял один ботинок, так же тихо встал, снял ботинок и улёгся.

Стена тихо прошипела: «Из-за тебя порядочных людей разбудили, Вася! Ешь котлету, плут! И спать! Завтра на улицу не пойдёшь!».

И тут впервые возмущённо мяукнул кот. Женский голос шикнул. Кот недовольно побурчал и всё затихло.

Федя с блаженством растянулся на кровати и, уже засыпая, подумал: «Завтра приду с работы вовремя».

Карина ЕРМОЛАЕВА

СВЕТ

Один за одним люди заходили в зал и, шаркая ногами, садились на свои места, чтобы уставиться на сцену. На сцене лишь тень от кулис. Тень, расплывшаяся в темноту.

А что есть темнота? Всего лишь отсутствие света. Но не стоит переживать, совсем скоро невидимый зрителям паук-осветитель потянет за бегунок, и прожекторы осветят тёмную сцену.

Интереснее не сцена, а актёры, которые выйдут к нам из тьмы кулис — из ниоткуда — и тотчас попадут под немигающий электрический свет. Никто из них не зажмурится. Ни один не моргнёт. Для них стоять под светом так же естественно, как есть и спать.

Если ты думаешь, причина в том, что они профессионально играют, спешу переубедить. Они вовсе не играют, а живут. Они действительно говорят то, что чувствуют, и чувствуют, что говорят.

Играют дети; ни в театре, ни во взрослой жизни игры нет, нет возможности вернуться назад и что-то изменить. Здесь и сейчас вершится судьба, здесь и сейчас кроится жизнь. Из обрывков мыслей, ощущений и еле уловимых запахов закулисья. Ты даже не заметишь момента, когда начнётся действие, разговоры в зале затихнут, словно звукорежиссёр слегка снизит громкость происходящего, а тишина станет звучащей и многозначительной.

Мы берём предметы и подносим к свету, чтобы увидеть, что внутри, а на актёров со всех сторон направлен свет. Ну что, ты видишь что-нибудь на просвет? Что у них внутри? Слова ролей, порядок мизансцен, внутренний монолог героя? Что там? Я что-то ничего не могу увидеть.

А где же Антон Павлович Чехов? Спектакль сегодня о нём, значит, и все действующие лица на сцене должны быть пропитаны им на молекулярном уровне. Нельзя говорить о писателе в его отсутствие. Но в этой освещённой комнате из трёх стен лишь персонажи спектакля в костюмах, с реквизитом, сведённым к нулю. Ничего лишнего. Сегодня зрителей ждёт уютный вечер наедине с писателем. Диалог тет-а-тет.

Он, видно, запаздывает. Ну, посмотри, не прячется ли он в складках задников и кулис? Я чувствую, что он здесь. Я знаю, что его не может не быть.

Здесь решается важная проблема, герой не может вспомнить Овсова. Да, того самого, с лошадиной фамилией. Девушка влюбилась во врача. Кажется, это из рассказа «Цветы запоздалые».

А что же автор? Неужели он не поможет? Не шепнёт на ухо актёру верную фразу? Будет спокойно наблюдать за тем, как его герои не знают, что делать, и глушат мысли в суете? Есть ли у него сердце? Он хладнокровно бросил своих персонажей, беззащитных под взглядом сотни глаз.

Нет, нет, он не бросил, ты забыл? Он уже здесь. Его миссия важнее, она незаметна и необходима сегодня.

Писатель занят. Он режиссирует спектакль. Он пишет рассказ. Именно сейчас его рассказ пишется на сцене, сплетённый из оценок и реплик актёров.

Думаешь, текст уже давно закончен, напечатан сотнями издательств и растиражирован? Всё верно. Но сегодня и сейчас он рождается заново. Иначе произведения и спектакль можно было бы считать мёртвыми, а они нас трогают, бесспорно, тем, что живые.

Так Чехов — режиссёр этого спектакля? Чего ж ты раньше не сказал! Я бы поздравил его с очередной постановкой. Только вот ты улыбаешься и ничего мне не отвечаешь. Снова темнишь? Так где же писатель? Где он?

Хотя молчи, мне следовало понять раньше. Это же было так просто. Зачем я искала его в лицах персонажей и в словах? Зачем я искала его в темноте? Его там нет и быть не может.

Это он позволяет нам рассмотреть жесты и мимику в мельчайших деталях.

Это он умеет скрыть лишнее и акцентировать внимание на важном.

Это он показывает нам, что находится внутри человеческой души.

Потому что он — свет.

Ольга ЛЕВАНДОВСКАЯ

НЕ ТА ЕВА

Он был во всём чёрном. Щегольской чёрный костюм, чёрная рубашка, лакированные чёрные туфли со слегка загнутыми носами и чёрный галстук с узором из маленьких зелёных змей. Волосы его, зализанные вбок, тоже были чёрными, как и странно поблёскивающие глаза. Он позвонил мне в дверь ровно в полдень.

— Чудесный сегодня день, не правда ли?

Он был довольно низкого роста. Первым что бросилось мне в глаза, была его сияющая до ушей улыбка.

Я спросила, какого дьявола ему понадобилось. Он хохотнул и пристально взглянул на меня.

— Ба! Да я же вас знаю! Я, можно сказать, наблюдаю иногда за вашей жизнью.

— Простите? — я постаралась придать лицу говорящее выражение.

— Ах, не подумайте, я не преследую вас, конечно. А в этом вашем, с картинками... ну, вы поняли... не сказать, что пристально и часто, конечно, но иногда бывают интересные... происшествия.

Прежде чем я успела послать его ко всем чертям, он радостно объявил, что он здесь вовсе не за этим, и у него есть для меня подарок. Откуда-то из-за спины он достал сияющий красный пылесос с зелёным шлангом и поставил перед собой. Мне померещилась бегущая по гладкому боку капля росы.

— Что это за чёртова штука?

Похоже, он только этого и ждал. Его улыбка стала ещё шире, и он зашёлся эмоциональным рассказом про «удивительный новый клининговый аппарат». Пока он расхваливал его качества и говорил, как сильно мне повезло, его ладони порхали, будто бледные бабочки, и сбивали меня с толку. К тому же, от него вдруг стало нести приторным одеколоном.

Не выдержав всех раздражителей, я громко и в неласковых выражениях попросила его пойти прочь. Этот болван, похоже, думал, что я куплю всё что угодно, лишь бы избавиться от него.

Но пройдоха будто и не слышал меня.

— Вам не нужно платить, — его руки замерли, — во всяком случае, не деньгами.

Я уставилась на его галстук. Крошечные змейки изогнулись и подмигнули.

— А вот ваша душа, — продолжил он, — пришлось бы весьма кстати. Я, можно сказать, за гроши отдаю.

Я бросила взгляд на пылесос. Сочно-красный, пахнет росой. Я вспомнила про ковёр посреди гостиной, а также про то, что отчищать кровь и вино — настоящая пытка. Продавец что-то говорил и про такую функцию.

Его чернила закончились, а я не знала, где в этой квартире найти ручки, поэтому сделка чуть было не сорвалась. Для вида поломавшись, он, впрочем, позволил подписать контракт купли-продажи кровью, раз больше под рукой ничего не было. После этого странный незнакомец заметно приободрился и быстренько растворился в тени лестничной клетки. Интересно, как скоро он понял, что ушёл с пустыми руками?

МАМА, ПОЧИТАЙ!

ЕЛЕНА СТЕПАНОВА

ЧУДЕСА УВИДЕТЬ НАДО!

Права Елена Анатольевна: не каждому дано увидеть чудеса! Уж она-то об этом знает, иначе не писала бы стихи о том, чего не видела! Это подтверждают и те, для кого стихи написаны, — самые маленькие дети, а также их мамы, читающие своим чадам поэтические колыбельные. И редакция журнала «Аргмак» с ними согласна, от души поздравляя Елену Анатольевну Степанову, члена Союза российских писателей, нашего постоянного автора с удачным издательским дебютом — посмотрите, сколько красивых книжек она уже выпустила, и не где-нибудь, а в самой Москве! И победителем нескольких конкурсов стала, и на собянинский миллион продолжает претендовать! Авось, когда получит его, и к нам заглянет с угощениями...

Главный редактор

БЕЛЫЙ ПОЕЗД

По извилистым холмам
Белый поезд мчится к нам.
Едут в нём, как полнедели,
Настоящие Метели.
Едет Холод. Кстати, он
Занимает весь вагон.
По соседству, с ветерком,
Едет Вьюга с сундуком.
В сундуке снежинок тьма.
Машинист — сама Зима.

ПРО ГОВОРЛИВЫЙ РУЧЕЙ

На опушке летним днём
Повстречался я с ручьём.

Он журчал, журчал, журчал —
Ни секунды не молчал.
Восхищённо говорил
Как он лося напоил.
Как пришлось с тропы свернуть.
И куда он держит путь.
Как он встретился с дождём...
Рассказал мне обо всём,
Ничего не утаив.
Он был очень говорлив!

ПОД ДОЖДЁМ

Я гулял сегодня днём
В нашем парке под дождём.
Без зонта! И вот итог —
Я нисколько не промок.

У дождинок разный цвет.
Я из них собрал букет.
Ну и дождь! Тебе я рад!
Обожаю листопад!

РЕЦЕПТ ВКУСНЕЙШИХ ПИРОГОВ

Ну так и быть, открыть готов
Секрет вкуснейших пирогов.
Рецепт отличный знаю я:
Берётся дружная семья,
И лепят все пирог большой
С любовью, с радостью, с душой
И с кучей шуток заодно.
С какой начинкой — всё равно!

ПРО ЧУДЕСА ВОКРУГ

Кто сказал, что нет чудес?!
Их на свете столько!
Светит солнышко с небес —
Чудо, да и только!

Серый дождь, что в ясный день
Взялся ниоткуда,
Или гриб, что влез на пень —
Это ли не чудо?!

Птичий свист — о лете весть,
Что летит из сада...
Чудеса не свете есть!
Их увидеть надо!

ПРО ВРЕМЯ

Если я в гостях у Васи
И хожу на голове,
То мне кажется, что в часе
Шесть минут (плюс-минус две)!

Если я за партой, в классе,
(Счёт, письмо — тяжёлый труд!),
То мне кажется, что в часе
Триста сорок пять минут!

О ТРУДНОСТЯХ

Каждый день ей повторяю
И на завтрак, и в обед,
Что должно ребёнку к чаю
Выдаваться сто конфет,

Что не борщ, а морс в кастрюле
Вызывает интерес...

Воспитание бабули —
Очень хлопотный процесс!

ПРО СНЕГОВИКА

Я вручил Снеговика
Шляпу с розой на боку.
— Очень модная, поверь!
Ты хоть раз её примерь!
Есть ушанка на меху
С красной вставкой наверху.

Лучше ведёр, — он в ответ, —
Головных уборов нет!

ПОЧЕМУ МЕДВЕДИ ЗИМОЙ СПЯТ?

Замело дороги.
Сколько снежной ваты!
И в своей берлоге
Спит медведь лохматый.

Вот смешной малютка
В розовой пижаме.
Это спит мишутка,
Прижимаясь к маме.

Раздаются храпы
Ото всех лежанок...
Жаль, у косялапых
Нет ни лыж, ни санок.

Если бы им лыжи
И ледянки дали,
То зимой бы миши
Никогда не спали!

ПРО ПОХОД

Огородные Улитки
Раз отправились в поход.
Но пришлось им до калитки
Добираться целый год.

Всё твердили:
— Путь недолог,
И дорога так легка!

И ползли сто дней до ёлок,
Месяц с лишним — до цветка.

Семь недель потом кружили
По дороге не прямой...
Но, устав, они решили:
— Возвращаемся домой!

ПРО РАДОСТЬ

Любому ребёнку
Для радости надо:
Конечно, сестрёнку
И старшего брата.

Плюс море игрушек
Из «Детского мира»,
Вагончик пампушек,
И горы пломбира.

Две крупных макаки
Должны жить в квартире,
Три добрых собаки,
А лучше четыре!

И чтобы сгущёнку
Все ели бы дружно...
Как мало ребёнку
Для радости нужно!

ШКАФ ДЛЯ ЖИРАФА

Продавцу сказал Жираф:
— Покупаю этот шкаф!

А займут все эти полки:
Три пятнистые футболки,
Шляпа серая из фетра,
Шарф длиной четыре метра,
Куртка с розовым помпоном,
С трёхметровым капюшоном.
Также сумка на цепочке
И метровые носочки.

ОБИЖЕННЫЙ КОМАР

Комару обидно очень:
— Для людей я пел полночи:
Восемь опер, девять арий,
Семь кантат в репертуаре!

И за то, что пел я чисто,
Чуть не хлопнули артиста!
Не оставили мне шанса
Им исполнить два романа!

ТАЛАНТЛИВЫЙ ХУДОЖНИК

Лягушонок от души
Кистью красил камыши,
Тину — в яркие цвета...
Мама хвалит:
— Квасота!
На камнях от краски след.
— Ах, квакой прекрасный цвет!
Всё вокруг раскрасить смог!
Квак талантлив мой сынок!
И умён! К чему слова!
Ясно всё, как кважды ква!

ПРО ЛУЖУ

Я в лужу гляжу
Вот уже полчаса
И в ней нахожу
Ну одни чудеса!

Есть облако в луже,
И туча видна.
И солнце к тому же
Вмещает она.

И кто это знает,
Возможно вполне,
Китёнок ныряет
В её глубине.

Наши авторы

стр. 235 АБРОСИМОВ Андрей. Родился 14 июля 1986 года в Казани. Поэт, автор песен, переводчик, специалист по современной детской литературе. Учился на филологическом факультете Казанского государственного университета. Работает школьным библиотекарем. Публиковался в журналах «Октябрь», «Волга», «Урал», «Воздух». Победитель Первого республиканского поэтического СЛЭМа (2008). Шорт-лист премии «ЛитератураРентген-2009».

стр. 88 АВРУТИН Анатолий Юрьевич родился и живёт в Минске. Окончил БГУ. Автор двадцати трёх поэтических сборников, изданных в России, Беларуси, Германии и Канаде, лауреат Национальной литературной премии Беларуси, Большой литературной премии России, и многих международных литературных премий, в т.ч. им. Э.Хемингуэя (Канада), «Литературный европеец» (Германия), им. К.Бальмонта (Австралия), им. А.-С. Экзюпери (Франция-Германия), «Золотое перо Руси» и др. Академик Международной Славянской Академии литературы и искусства (Варна, Болгария), главный редактор журнала «Новая Немига литературная». Указом Президента Беларуси награждён орденом Франциска Скорины (2019), а также одноимённой медалью (2009). Удостоен многих общественных наград, в т.ч. ордена «Трудовая Слава России». Название «Поэт Анатолий Аврутин» в 2011 году присвоено звезде в созвездии Рака.

стр. 238 АКПАРСОВА Диана. Родилась в Казани 27 августа 2000 года. Окончила Московский педагогический колледж по специальности «Учитель английского языка в начальных классах» и Пермский финансовый колледж по специальности «Экономика и бухгалтерский учёт». Неоднократный победитель конкурса чтецов. Из увлечений: пишет прозу, стихи, в т.ч. татарские, картины, играет на гитаре, поёт, занимается вышивкой, фотографией. Любимые авторы: Говард Лавкрафт, Герман Гессе, Мадлен Миллер, Серен Кьеркегор, Эдгар По.

стр. 235 АРТЮШКИН Николай. Родился 7 марта 1985 года в г. Брежнев. Учился на филологическом факультете Казанского государственного университета. Лауреат пермской поэтической премии «Узнай поэта!» (2009). Долгое время работал журналистом. Живёт в Казани.

стр. 236 БИКМУЛЛИНА Зарина. Родилась в Казани 3 мая 1999 года. Студентка Московского государственного университета им. Ломоносова. Автор четырёх поэтических и прозаических сборников: «Детям до... и взрослым после» (2015), «Онтогенез» (2016), «Интертекст» (2017), «Сказки 18-» (2018). Публиковалась в журналах «Дети Ра», «Идель», «Нижний Новгород», «Талант», в коллективных сборниках «Где каждый из нас сияет», «Казанский объектив-2019». Лауреат Горьковской литературной премии, международной литературной премии им. Бианки, премии «Золотое перо Руси», обладатель Гран-При и трёхкратный лауреат Независимой детской литературной премии «Лаголиця», лауреат I степени Международного конкурса «Русский Гофман», победитель V литературного конкурса «Горю поэзии огнём», победитель Республиканского литературного молодёжного конкурса «Душой рождённая строка» (2019).

стр. 98 БОГДАНОВА Елена Юрьевна, журналист, литератор. Стихи и проза публиковались в журналах «Сибирские огни», «После двенадцати», «Москва». Пьеса «Девушка по имени Шамиль» в 2014 году была поставлена в новосибирском «Доме Актёра». Пьеса «Красная полынья» в 2017 году получила поддержку Минкульта РФ, силами Новосибирского отделения СТД был поставлен спектакль. В 2020 году стала одним из победителей литературного конкурса «Тарская крепость» в номинации «Проза». Живёт в Новосибирске.

стр. 240 ВАВИЛОВА Наталья. Родилась 22 мая 2001 года в Казани. В 2019 году с отличием окончила МБОУ «Гимназия № 6». Студентка Казанского федерального университета, специальность «Педагогическое образование (математика, информатика, ИТ)». Публикуется на интернет-площадках с 2015 года. В 2016 году миниатюра «Мёртвый лес» попала в печатный литературный журнал «Чешская звезда». Участница региональных и всероссийских научно-практических конференций, на одной из которых выступила с проектом, посвящённым искажению смысла при переводе иностранной художественной литературы на русский язык. Увлекается программированием на языках C++ и Swift, рисованием и художественным переводом с английского языка.

стр. 241 ГАБДУЛЛИНА Альбина. Родилась 3 апреля 2002 года в селе Именьково Лаишевского района Республики Татарстан. Победитель и призёр многих творческих и научно-исследовательских мероприятий, в том числе олимпиад по литературе. Дипломант IV Международной научно-практической конференции «Айтматовские чтения» (2018). Студентка юридического факультета Казанского федерального университета, специалитет прокурор, судья. Дебютировала в журнале «Идель» в 2019 году.

стр. 243 ГАЗТДИНОВА Алсу. Родилась в Казани в 1987 году, выросла в городе Нурлате. Окончила юридический факультет КГУ им. В. И. Ульянова-Ленина в 2009 году, несколько лет проработала юристом. В 2016 году поступила в магистратуру Института философских наук и массовых коммуникаций Казанского федерального университета по направлению «Татарская общественно-политическая журналистика», которую окончила в 2018 году. В настоящее время работает редактором на телеканале.

стр. 107 ГЛУШКИН Олег Борисович родился в 1937 году в Псковской области. В Калининград приехал после окончания Ленинградского кораблестроительного института в 1960 году. Работал на заводе «Янтарь» докмейстером, инженером в рыбной промышленности. Повести и рассказы публиковались в центральных и местных журналах и альманахах, печатались в переводах на литовском, немецком и польском языках. В 1991 году основал журнал «Запад России» и был его главным редактором. Издал восемнадцать книг прозы. Лауреат Артиады народов России, премий «Признание» и «Вдохновение».

стр. 118 ГОГОЛЕВ Михаил Николаевич. Родился в 1956 году в селе Ижёвка Елабужского района ТАССР. С юности писал стихи. Учился в Казани в КХТИ. После травмы позвоночника решил всерьёз заняться литературным творчеством. Закончил филфак пединститута. Переехал в Челны. Работал в Доме Пионеров — руководил детской литературной студией. Выпускал газету «Росток». Был предпринимателем. Выпустил немало книг в разных жанрах. Руководит Набережночелнинским отделением СП России. Пишет прозу и поэзию для детей и взрослых, философские эссе. Награждён международной премией Николая Островского и другими...

стр. 149 ГУСЕВ Владимир Владимирович родился в 1968 году в городе Балашове Саратовской области. С 1986 по 1988 годы проходил службу в войсках Дальневосточного пограничного округа. В 1991 году окончил Саратовский экономический институт. В 1996 году защитил диссертацию и стал кандидатом экономических наук. Работал старшим преподавателем и доцентом на кафедре экономики и управления на предприятии Саратовского государственного социально-экономического университета. Автор статей и работ в научных журналах. Увлекается историческими изысканиями. Литературным творчеством начал заниматься несколько лет назад. Первые публикации его произведений по

истории Волжской Булгарии и Казанского ханства опубликованы в нашем журнале «Аргамак Татарстан».

стр. 236 ЕРМОЛАЕВА Карина. Родилась в Казани 4 декабря 1999 года. Студентка филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Актриса творческой лаборатории «Театр-Вентилятор». Дважды лауреат детской независимой литературной премии «Лаголица», финалист Всероссийского поэтического конкурса «Дети читают и пишут стихи». Произведения публиковались в журналах «Идель», «Казань», «Путеводная звезда», критическая статья вошла в антологию «Русская поэтическая речь-2016. Аналитика: тестирование вслепую». Участник семинаров переводчиков с национальных языков России, организованных фондом СЭИП 2018–2020 гг.

стр. 237 ИВАНОВА Алина. Родилась 23 декабря 1995 года в г. Чебоксары. Учится в Казанском государственном медицинском университете. Пишет стихи с 2014 года. Публиковалась в журналах «Казань», «Страна Озарение», коллективном сборнике «Казанский объектив-2019».

стр. 184 КИЛЯКОВ Василий Васильевич родился в 1960 году в Кирове. После окончания Московского политехникума работал мастером на заводе, служил в армии. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького в 1996 году (мастерская М. П. Лобанова). Публиковался в журналах МОЛОКО, «Полдень», «День и ночь», «Гостиный двор», «Литературная учёба», «Наш современник», «Новый мир», «Огни Кузбасса», «Октябрь», «Подъём», «Юность», «Нош Современник», «Новый мир», «Молодая гвардия», «Волга-21», «Огни Кузбасса», «Немига литературная» (Беларусь), «Простор» (Казахстан) и др... В газетах: «Литературная», «Литературная Россия», «День литературы», на сайте «Российский писатель» и других изданиях. Лауреат Всероссийских литературных премий «Традиция» (1996), им. Б. Н. Полевого (1996), премии «Умное сердце» (2010), премии «Дойче Велле» (Берлин, 1992), отмечен за книгу «Посылка из Америки» – в номинации «Лучшая проза на русском языке 2019 года в Германии», на Германском Международном конкурсе русскоязычных авторов «Лучшая книга года» и др.

В 2019 году вошел в короткий список «Чистая книга» конкурс Ф. А. Абрамова, короткий список премии им. В. Г. Распутина. Обладатель «Бронзового Витязя» (2019) Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь». Лауреат Открытого конкурса изданий «Просвещение через книгу» Издательского Совета РПЦ (2019), лауреат премии «Лучшая книга на русском языке в Германии» 2019 г. (конкурс О. Окаменюк). Признан одним из лучших авторов журнала «Наш Современник» 2020 за год, Лауреат Международной премии Югра 2020 год, Всесоюзной премии Н. С. Лескова 2021 г., За поэтическую книгу «От истока к устью» награждён Всесоюзной премией В. Т. Станцева 2021 г. Стоит в жюри конкурса премии Ф. М. Достоевского, жюри «Мир Слова», литературного конкурса «Просвещение через книгу», конкурса «Золотой Витязь» литературной части (проза). Член Союза писателей России с 1996 года. Живет в городе Электросталь Московской области.

стр. 174 КУКЛИН Алексей Георгиевич (1960 г.р.) – администратор сайта Елабужского государственного музея-заповедника. В последние годы занимался рядом издательских проектов музея-заповедника. Выступил автором-составителем и руководил подготовкой к изданию книги «Елабуга – край легенд и преданий» (Елабуга, 2014). Был куратором и одним из основных авторов коллективной монографии «Карл Гун и Елабуга» (Елабуга, 2019). Занимался подготовкой и изданием книги воспоминаний инициатора и фактического создателя Елабужского государственного музея-заповедника А.А. Елфимова «Елабуга: связующие нити» (Елабуга, 2021).

стр. 41 ЛЕВАДНАЯ Ольга Геннадьевна заслуженный работник культуры РТ, лауреат Республиканской премии им. Г.Р. Державина, литературной премии РТ им. С. Сулеймановой, член Союза писателей РТ, Союза российских писателей, художественный руководитель Казанского поэтического театра «Диалог». Автор книг: «В ожидании снега живу» (1992), «Пройти заколдованный круг» (1998), «В свободном падении вверх» (2003), «Вблизи от нашего прошлого» (2003), «Поднимаюсь по лестнице раздумий» (2005), «Из крика птиц растут воспоминания» (2005), «Звёздные врата» (2010), «Ветер сердца» (2014). Организатор Всероссийских музыкально-поэтических фестивалей: «Рукопожатие республик» (2017).

стр. 245 ЛЕВАНДОВСКАЯ Ольга. Родилась в Чебоксарах в 2000 году. Студентка Казанского федерального университета, специальность – преподаватель английского и немецкого языков. Победитель республиканской олимпиады по психологии. Призёр (II место) в интернет-конкурсе коротких рассказов. Увлекается английским языком, историей европейской литературы и хоррор фильмов. Любимые писатели Эдгар По, Лемони Сникет, Жан Жене, Дорис Лессинг, Габриэль Маркес и Дзюндзи Ито.

стр. 140 ЛЯБИБ Лерон родился 11 ноября 1961 г. в деревне Старые Карамалы Муслимовского района Республики Татарстан. Окончил Казанский университет (1984). Писатель, автор многочисленных книг стихов, песен, сказок, пьес, в т.ч. для детей. Заслуженный деятель искусств РТ (2002). Главный редактор журнала «Безнен мирас» («Наше наследие»). Лауреат премий Союза писателей РТ им. Шайхи Маннура (1994), им. Абдуллы Алиша (2000), премии им. Мусы Джалиля (2007). Живёт в Казани.

стр. 52 ПАВЛОВ Евгений Александрович, родился в городе Набережные Челны, в 1976 году, родители: отец – родом из Чистополя, работал на Камазе, умер в 2015 году, мать – уроженка Набережных Челнов, всю жизнь работала воспитателем в детском саду. В данный момент Евгений Павлов живёт и работает в городе Киров, Кировской области. Является членом ЛИТО «Молодость», пишет стихи и прозу. Автор поэтического сборника «Утро пятницы», лауреат областной премии А. Грина.

стр. 47 ПАВЛОВА Нина Викторовна, старший научный сотрудник Рязанского государственного областного художественного музея им. И.П. Пожалостина, кандидат искусствоведения.

стр. 33 ПЕРВОВА Наталья Ивановна родилась в 1938 году в Мурманске. Закончила факультет журналистики Ленинградского университета. Работала в Череповце, в городской газете.

В начале 1970-х приехала с семьёй в Набережные Челны. Работала в редакции радиовещания автомобильного комплекса, затем – на литейном заводе редактором объединённой редакции радиовещания и газеты.

В 2007 году издательство «Новости мира» выпустило сборник её стихов «Моя параллель», а в 2009 году в свет вышел второй поэтический сборник «Китежанка», выпущенный Татарстанским отделением Союза российских писателей.

стр. 37 ПИРАЕВ Филипп Константинович. Родился в 1965 году в Тбилиси, с 1993 проживает в Казани. Окончил Грузинский государственный институт физкультуры по специальности «шахматный тренер». Публиковался в татарстанских и российских изданиях. Автор поэтических книг «Угол взлёта» и «Гений момента».

стр. 237 РОТОВ Иван. Родился 4 июня 1998 года в городе Волжский Волгоградской области. Выпускник Казанского федерального университета, по образованию историк. Работает экскурсоводом. Лауреат Республиканского молодёжного литературного конкурса «Душой рождённая строка» (2019). Публиковался в журнале «Идель», коллективных сборниках «Где каждый из нас сияет», «Казанский объектив-2019».

стр. 83 СЕМИЧЕВ Евгений Николаевич – современный русский поэт, внесённый в список классиков XX века Пушкинским Домом Российской Академии Наук. Автор книг «Соколки русской земли», «Великий верх», «Заповедный кордон», «Свете Отчий», «Небесная крепь» и др. А также множества публикаций в российских центральных, зарубежных и региональных литературно-художественных и общественно-политических изданиях. Живёт в Самарской области.

стр. 247 СТЕПАНОВА Елена Анатольевна – детский поэт. Живёт и работает школьным учителем в г. Набережные Челны Республики Татарстан. Является победителем многих литературных конкурсов – призёр Международного конкурса имени Ренаты Мухи, лауреат Международного конкурса-фестиваля «Русский-стиль», победитель Международного поэтического конкурса памяти В. Орлова, лауреат Международного литературного конкурса «Хрустальный родник» (г. Орёл), лауреат Всероссийского конкурса памяти поэта К. Васильева «Чем жива душа...», лауреат Международного литературного конкурса «Златая цепь», лауреат национального конкурса «Золотое перо Руси». Лауреат международного конкурса имени Александра Куприна, дипломант между-

народной литературной премии имени Бианки, лауреат литературного конкурса «Детское время». С 2013 года постоянный автор журнала «Мурзилка». На стихи Елены Степановой написано много замечательных детских песен.

стр. 238 ТИШИН Игорь. Родился в 16 ноября 1990 года в Чистополе. Писать стихи и прозу начал с шести лет. Учился в Казанском федеральном университете на факультете журналистики и социологии. Работал главным редактором новостного сайта Kazanfirst. Публиковался в журналах «Воздух», «Урал», «Идель». Автор книги стихов «Дефекты» (2014). В настоящее время самозанятый, работает графическим дизайнером.

стр. 93 ЧЕРКЕСОВ Валерий Николаевич родился 3 марта 1947 года в городе Благовещенске Амурской области. С 1982 года живёт в Белгороде. Более сорока лет работал в газетах Приамурья и Белгородчины. Собственный корреспондент «Литературной газеты» по Центральному федеральному округу. Стихи впервые были напечатаны весной 1966 года в областной газете «Амурский комсомолец». Автор двадцати четырёх книг поэзии, прозы, публицистики, произведений для детей, изданных в Москве, Белгороде, Благовещенске, Воронеже, Хабаровске. Стихи и проза печатались во многих столичных и региональных антологиях, альманахах, сборниках, журналах. В Союз писателей СССР (России) был принят 30 марта 1991 года. Лауреат Всероссийской литературно-театральной премии «Хрустальная роза Виктора Розова» и Международной литературной премии «Прохоровское поле», дипломант IV Международного славянского литературного форума «Золотой витязь». Награждён медалями «Патриот России», «За вклад в отечественную культуру», «За заслуги перед землёй Белгородской».

стр. 30 УЧАРОВ Эдуард Раимович. Родился в Тольятти в 1978 г. Имеет высшее юридическое образование. Победитель турнира поэтов Литературной универсиады в Казани (2013), лауреат литературных премий им. Салиха Гуртуева (Махачкала, 2019), им. Максима Горького (Казань, 2020). Автор книги «Стихотворения» (2018). Составитель поэтических сборников «Казанский объектив-2015», «Казанский объек-

тив-2019», «Калитка» и др. Организатор и куратор ряда литературных проектов, в т.ч. по увековечиванию в Казани памяти первого русского романтика Гавриила Каменева (1773 – 1803). Стихи переведены на сербский язык. Работает руководителем Литературного кафе «Калитка» Центральной библиотеки г. Казани. Член Союза российских писателей и Союза писателей Республики Татарстан.

стр. 1813 ФЕДУНОВА Любовь Петровна. Родилась в 1944 году в Ставропольском крае. Окончила историко-филологический факультет Краснодарского пединститута. Автор поэтических сборников: «Преображение», «Жизнь-Тропинка», «Автограф», «Невская Муза» и «Стихи и баллады о войне». Её стихи публиковались в альманахах Русский мир, Остров, Рог Борей, Тосненская сторонка, Невский альманах, Звезда полей, а так же на страницах газет: Литературный Петербург, Тосненский вестник, Всеволожский вестник, Кировец, Колпино-Сити. Руководитель Рубцовского г. Санкт-Петербург. Сотрудник литературного общества «Родные просторы», член ЛИТО «Балтийский парус», «Тосненская сторонка».

стр. 132 ФРОЛОВ Константин Юрьевич родился в 1956 году в городе Урджар Семипалатинской области СССР (ныне Казахстан). Окончил Воронежский государственный университет, пять лет работал директором восьмилетней школы. В 1983 году переехал в Крым, занимался артистической деятельностью, как вокалист, драматург и режиссёр. С 1998 года – основатель дуэтного театра «Улыбка Пьеро», где вторым участником является его жена Вера Петровская. Лауреат многих всероссийских конкурсов, автор книг стихотворений, прозы, путевых заметок, а также публикаций в журналах.

стр. 237 ЮЖНАЯ Ирина. Родилась 24 декабря 2001 года в Казани. Студентка Казанского государственного института культуры. Лауреат Республиканского молодёжного литературного конкурса «Душой рождённая строка» (2019). Призёр (2018) и куратор (2019) Всемирного дня поэзии (Казань). Публиковалась в журнале «Идель», коллективных сборниках «Где каждый из нас сияет...», «Казанский объектив-2019».

СОДЕРЖАНИЕ

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН ПИСЬМО К ЖЕНЩИНЕ.....	3
СОБЫТИЯ	
СВЕТЛАНА ВАСИЛЕНКО, ТРИДЦАТЬ ЛЕТ ВМЕСТЕ.....	5
АЛЕКСАНДР ВОРОНИН МИНУВШЕЙ ОСЕНЬЮ С ЗИМНИМИ ПОСЛЕСЛОВИЯМИ	9
ЛЮБОВЬ ФЕДУНОВА «Я РОДИЛСЯ В РОССИИ В СОРОК ПЯТОМ ГОДУ»	18
НИКОЛАЙ АЛЕШКОВ ПОЯС БОГОРОДИЦЫ.....	24
ПОЭТЫ ТАТАРСТАНА	
ЭДУАРД УЧАРОВ ПРИ ПОПЫТКЕ К ДЕТСТВУ	30
НАТАЛЬЯ ПЕРВОВА КОЛОКОЛ	33
ФИЛИПП ПИРАЕВ ЛЮБОВЬ И ЖИЗНЬ ВСЕГДА ПО ВЕРТИКАЛИ	37
ОЛЬГА ЛЕВАДНАЯ СВЕТ ЛУННОГО ОКНА	41
РАДИК АХУНЗЯНОВ ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ ЗВЁЗД.....	45
ЗВАННЫЕ ГОСТИ	
НИНА ПАВЛОВА ДУША ДИКТУЕТ МАСТЕРСТВУ	47
ЗИЛЯ НИГАМАЕВА НА ГРЯНЯХ РАДОСТИ И СВЕТА.....	50
ПОВЕСТЬ О ПЕРВОЙ ЛЮБВИ	
ЕВГЕНИЙ ПАВЛОВ НАТАША.....	52
ПОЭТЫ РУССКИЕ...	
ЕВГЕНИЙ СЕМИЧЕВ С НЕБА НА ЗЕМЛЮ	83
АНАТОЛИЙ АВРУТИН НАД ХРАМОМ ЛУЧИК ЗОЛОТОЙ	88
ВАЛЕРИЙ ЧЕРКЕСОВ КАМНИ ЗАГОВОРИЛИ.....	93
РАССКАЗЫ	
ЕЛЕНА БОГДАНОВА ПРОБУЖДЕНИЕ ЦВЕТОЧНОЙ ФЕИ	98
ОЛЕГ ГЛУШКИН ОСЛЕПЛЕНИЕ.....	107
НОЧНОЙ ЗАМЁТ	113
ВСТРЕЧА В «КАТАРСИСЕ»	114
МИХАИЛ ГОГОЛЕВ ДОБРЫЙ ЛЕШИЙ	118
НЕПРИДУМАННЫЕ ИСТОРИИ	
КОНСТАНТИН ФРОЛОВ ЁЖИК.....	132
МАТРОС С ЛИНКОРА «НОВОРОССИЙСК»	135

С ПОЭТИЧЕСКОГО НА ПОЭТИЧЕСКИЙ**ЛЯБИБ ЛЕРОН**

Я ВЫШЕЛ ИЗ БЕШМЕТА ТУКАЯ.....140

ПОЭТЫ УХОДЯТ, СТИХИ ОСТАЮТСЯ**ГАРАЙ РАХИМ**

КОСТЁР В СТЕПИ146

ЛЕГЕНДЫ ЗЕМЛИ КАЗАНСКОЙ**ВЛАДИМИР ГУСЕВ**

ПРО КАЗАНСКОГО КОТА149

«АРГАМАК» ПАМЯТЬ**АЛЕКСЕЙ КУКЛИН**

КЛАССИК РОДОМ ИЗ ЕЛАБУГИ.....174

ПИСАТЕЛЬ И НАРОД**ВАСИЛИЙ КИЛЯКОВ**

СЛОМАННАЯ РЯБИНА184

УРОКИ ИСТОРИИ**МИХАИЛ ЧВАНОВ**

ВОЙЦЕХОВСКИЙ190

ПУБЛИЦИСТИКА**ГЕННАДИЙ АЛЕКСАНДРОВ**

ЗАПИСКИ РАЙОННОГО ЧИНОВНИКА203

СТУПЕНИ РОСТА**ВИКТОР СУВОРОВ**

ЗВЕЗДЫ И ТЕРНИИ СОЗИДАНИЯ ЛИЧНОСТИ223

КНИГИ НАШИХ ДРУЗЕЙ**АЛЕКСАНДР ВОРОНИН**

ЛИНИЯ ФРОНТА.СЕМЬДЕСЯТ СЕМЬ ЛЕТ СПУСТЯ231

ГАЛИНА БУЛАТОВА

БЕСКОНЕЧНАЯ ИЛЛЮЗИЯ УМНОЖЕНИЯ НА СЛОВО.....234

АНДРЕЙ АБРОСИМОВ235

НИКОЛАЙ АРТЮШКИН235

ЗАРИНА БИКМУЛЛИНА236

КАРИНА ЕРМОЛАЕВА.....236

АЛИНА ИВАНОВА237

ИВАН РОТОВ237

ИРИНА ЮЖНАЯ237

ИГОРЬ ТИШИН.....238

ДИАНА АКПАРСОВА238

ЗАРИНА БИКМУЛЛИНА239

НАТАЛЬЯ ВАВИЛОВА240

АЛЬБИНА ГАБДУЛЛИНА241

АЛСУ ГАЗТДИНОВА.....243

КАРИНА ЕРМОЛАЕВА.....244

ОЛЬГА ЛЕВАНДОВСКАЯ.....245

МАМА, ПОЧИТАЙ!**ЕЛЕНА СТЕПАНОВА**

ЧУДЕСА УВИДЕТЬ НАДО!247

НАШИ АВТОРЫ

.....250

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА ОБЛОЖКИ: Р. А. ЛЫСЕНИНА. СВЯТЫЕ ПЁТР И ФЕВРОНИЯ И ЧУДО**О ПРОЦВЕТШИХ ДЕРЕВЦАХ. 2013. ДЕРЕВО, АНГИДРИТ, ТАЛЬКОХЛОРИТ. 107Х76Х8****ПЕРВАЯ ЦВЕТНАЯ ВКЛЕЙКА: РАИСА ЛЫСЕНИНА. ВЕРНИСАЖ****ВТОРАЯ ЦВЕТНАЯ ВКЛЕЙКА: НАБЕРЕЖНОЧЕЛНИНСКИЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ТЕХНИКУМ**

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

Аргамак

ТАТАРСТАН

Учредитель

АО «Татмедиа»

420016, г. Казань, ул. Декабристов,
д. 2. Тел.: (8-843) 222-09-84

Адрес редакции:

423812, г. Набережные Челны,
Московский проспект, 95, офис 253, 254;
тел. (8-8552) 58-13-71.

Издатель:

**Татарстанское отделение
Союза российских писателей**

423812, г. Набережные Челны,
Московский проспект, 95, офис 253, 254;
тел. (8-8552) 58-13-71.

Представительство в Москве:

8-966-380-04-00

Ларина Ксения Владимировна

Подписано в печать 15.02.2022 г.

Дата выхода в свет 20.03.2022 г.

Формат 70x100^{1/16};

Печать офсетная. Бумага ВХИ.

Усл. печ. л. 18,15. Тираж 1000 экз.

Заказ

Цена свободная

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного
электронного оригинал-макета
в типографии филиала

АО «ТАТМЕДИА»

«ПИК «Идел-Пресс»

420066, Казань, ул. Декабристов, 2

Со всеми номерами литературного журнала «Аргамак. Татарстан» можно познакомиться на сайте Татарстанского отделения Союза российских писателей www.srpkn.ru, в соцсетях, в «Журнальном зале» и в Библиофонде НООБИБЛИОН (Эссе-клуб ОМ).

Рукописи принимаются по адресу: anp45@mail.ru. Желательны фотография и краткая биографическая справка.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Читательские письма и предложения могут быть опубликованы в альманахе. Ответственность за достоверность информации несут авторы материалов. Мнения авторов могут не совпадать с мнением редакции. При перепечатке материалов ссылка на журнал «Аргамак. Татарстан» обязательна.

Для приобретения номера и размещения рекламы социальной направленности обращайтесь: e-mail: anp45@mail.ru, тел.: (8-8552) 58-13-71; 8-927-241-01-19.

Набережночелнинский технологический техникум 50 лет назад и сейчас

АНОНС

Дом памяти Марины Цветаевой в Елабуге.

«...Я абсолютно уверен в том, что моя звезда меня вынесет невредимым из этой войны...» — из письма Георгия Эфрона сестре Але, 1944 г.

К сожалению, надежда Георгия (Мура), сына Сергея Эфрона и Марины Цветаевой, оказалась напрасной. Он погиб в девятнадцатилетнем возрасте на фронте в том же 1944 году. Его письмо сестре Ариадне оказалось последним...

Читайте повесть Натальи Елизаровой «Пепел сгоревшей звезды» в следующем номере нашего журнала (сентябрь 2022).